

ПОРТУГАЛЬСКАЯ
КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

А.М. Хазанов

Рождение и гибель великих империй

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

А.М. Хазанов

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ 1415—1974

Москва
«Всчс»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Пор)
Х15

Хазанов, А.М.

Х15 Португальская колониальная империя. 1415—1974. / А.М. Хазанов. — М. : Вече, 2014. — 384 с. : ил. — (Рождение и гибель великих империй).

ISBN 978-5-4444-1062-2

Знак информационной поддержки 16+

Предпосылкой образования империи послужила ограниченность Португалии со всех сторон испанскими королевствами и невозможность сухопутного территориального расширения в сторону Европы. Великие географические открытия конца XV века, активность португальской знати и торговых элит привели к созданию крупнейшей морской империи нескольких следующих веков. Португалия владела десятками колоний в Северной Атлантике, Латинской Америке, в Западной, Экваториальной, и Восточной Африке, на Аравийском полуострове, Индии, Юго-Восточной Азии. К XVIII веку империя теряет большую часть своих владений, а в 1974—1975 гг., в результате «Апрельской революции» в метрополии, перестает существовать.

Книга доктора исторических наук А.М. Хазанова подробно рассказывает об этапах создания, периоде расцвета и годах распада Португальской колониальной империи.

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Пор)**

ISBN 978-5-4444-1062-2

© Хазанов А.М., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

Часть I

Создание португальской колониальной империи (XV — XVII вв.)

Ранняя заморская экспансия Португалии

История Португалии как самостоятельного государства началась в 1095 г., в эпоху Реконкисты (изгнания завоевателей-арабов с Пиренейского полуострова). Обоженная каменистая земля давала немного, но и за нее нужно было воевать с маврами (арабами). Сменяли друг друга поколения, но изнурительная война с маврами продолжалась. История дает нам немало примеров выживания сильнейших, и один из лучших из них — пятисотлетняя история борьбы маленького пассионарного народа Португалии против арабских завоевателей. В этих войнах сложился характер фидалгу — мелкопоместных дворян, профессиональных воинов, смелых, жестких и фанатичных. В этих войнах окрепла королевская власть, опиравшаяся на купечество приморских городов Лиссабона и Порту и на фидалгу. С помощью этих союзников она сумела сломить сопротивление строптивых и заносчивых крупных феодалов и подчинить себе католическое духовенство. В результате в Португалии значительно раньше, чем в соседней Испании, возникло феодальное монархическое государство и завершилась Реконкиста. Португалия избавилась от арабских завоевателей в 1249 г., а Испания — аж в 1492 г.! Вот поче-

му в испанском языке 4000 арабских слов (четверть всего словаря), а в португальском их почти нет.

После изгнания мавров король Португалии стал неограниченным полновластным правителем страны. Фидалгу нуждались в могущественном покровителе, в сильной руке, беспощадно карающей мечтающих о независимости крупных феодалов. Вот почему они стали надежной опорой сильной королевской власти.

Вытянутая узкой длинной полоской вдоль побережья Атлантического океана, находившаяся в стороне от тогдашних сложных международных конфликтов, Португалия развивалась быстрее других государств и уже в XV в. превратилась в торговую страну с большим морским флотом.

Фундамент морского могущества Португалии заложил человек, не совершивший в своей жизни ни одного дальнего плавания, но вошедший в историю под именем Генриха Мореплавателя. Настоящее его имя — Энрики.

Генрих Мореплатель родился 4 марта 1394 г. Он был третьим сыном Жуана I, а значит, говоря сегодняшним языком, ему ничего не светит. Он бы мог подобно своему брату Педру странствовать от двора ко двору, но он отверг все предложения Англии, Италии и Германии и предпочел жизнь кабинетного ученого и менеджера навигационного бизнеса, все более и более удаляясь от мира известного, чтобы открывать мир неведомый. В молодости он отличился в войне с арабами, проявив недюжинную храбрость на поле брани. Однако принца Энрики не привлекала полководческая слава. Свое будущее он связал с морем. Он гениально предугадал, что именно море принесет Португалии небывалое величие, богатство и славу в веках. Принц Энрики разжег страсть португальцев к морским путешествиям и превратил ее в навигационный и колониционный гений.

Как писал его биограф Ч. Бизли, «Генрих Мореплатель привил соотечественникам дух древних скандинавских странников, неутолимую жажду новых знаний, новых приключений, новых красок и мелодий — всего, что побудило их к путешествиям и исследованиям XV и XVI вв. — исследованиям, охватившим половину земной поверхности и увенчавшимся открытием новых континентов на западе

и на востоке и великих морских путей вокруг земного шара»¹. Ведь именно поэтому на карте мира поразительно много португальских топонимов!

Дон Энрики стал в 1420 г. великим магистром ордена Христа — полувоенной, полумонашеской организации. На средства ордена принц построил резиденцию на мысе Сан-Висенти, подальше от столичной суеты, построил обсерваторию и кораблестроительную верфь и мореходную школу в Сагрише. Затем энергичный и любознательный принц начал посылать экспедицию за экспедицией, чтобы больше узнать о том, «что же скрыто от человеческих глаз в Южном море».

По сообщению хрониста Зуары, Энрики ставил при этом перед моряками пять главных целей: исследовать неизвестные страны, лежащие за мысом Бохадор (на западном побережье Африки); установить торговые связи с христианскими народами, если таковые будут обнаружены; определить степень и масштабы магометанского влияния; найти христианских союзников для борьбы против мавров; обратить туземцев в христианскую веру².

Зуара, разумеется, скромно умалчивает о том, что главная цель Энрики заключалась не столько в том, чтобы завладеть душами новообращенных туземцев, сколько в том, чтобы завладеть золотом, слоновой костью и пряностями, которые были главным предметом вожделений «благочестивого» инфанта.

Дело в том, что в это время Европа была полна слухами о фантастических богатствах Востока, о молочных реках и кисельных берегах, о странах, изобилующих золотом, слоновой костью, пряностями и рабами, о сказочном острове Бразил, где растут драгоценные деревья и где гигантские муравьи перетаскивают золотые слитки, о царстве загадочного христианского правителя — «пресвитера Иоанна» в Африке, который поможет своим братьям по вере в войне с маврами.

Неведомый Европе мир начинался сразу за Гибралтарским проливом. Первым препятствием на пути завоевания этого мира было Марокко.

¹ Бузли Ч.Р. Генрих Мореплаватель. 1394—1460. М., 1979. С.100.

² Azurara g. E. Cronica da conquista da guine. Lisboa, 1842.

Королевский двор в Лиссабоне не без оснований полагал, что если Португалия сумеет создать плацдарм в Марокко раньше, чем это успеет сделать Кастилия, то будущие завоевания превратят обширные мусульманские земли на Востоке в португальские, а не в кастильские владения.

И вот, 25 июня 1415 г., уступая нажиму со стороны сидевших без дела и изнывавших от скуки после завершения Реконкисты воинственных фидалгу и стремившихся к захвату новых рынков купцов, король Жуан I (1357—1433) отправляет большой флот для захвата марокканского порта Сеута. Во главе флота он ставит принца Энрики. Принц, которому тогда было 20 лет, поражал всех своей энергией и выдающимися способностями.

12 августа флот подошел к Сеуте. Среди жителей города возникла ужасная паника. Они стали спешно запирают ворота, укреплять крепостные стены и послали гонцов в соседние города, прося о помощи. Но помощь не пришла.

21 августа португальцы штурмом овладели Сеутой. «Разграбление города было потрясающим зрелищем, — пишет историк О. Мартинш. — Как центр торговли с Индией Сеута превосходила Венецию, а та — Лиссабон. Улицы Сеуты напоминали ярмарку. Солдаты с арбалетами, деревенские парни, вывезенные из гор Траж-уш-Монтиш и Бейры, понятия не имели о ценности тех вещей, которые они уничтожали. В своем варварском практицизме они алчно жаждали лишь золота и серебра. Они рыскали по домам, спускались в колодцы, ломали, преследовали, убивали, и все из-за жадности обладания золотом. Они опорожняли винные погреба и магазины, опустошая все. Улицы были набиты мебелью, тканями и усыпаны корицей и перцем, сыпавшимся из сваленных в кучу мешков, которые солдатня разрубала, чтобы посмотреть, не спрятано ли там золото или серебро, драгоценности, перстни, серьги, браслеты и другие украшения, а если на ком-нибудь их видели, часто вырывали их вместе с ушами и пальцами несчастных... Всю ночь вокруг Сеуты были слышны стоны и скорбные крики матерей и детей»³.

³ *Martins g. E.* Los hijos de Don Juan I. Buenos Aires, 1946. P. 133.

Кровавая трагедия в Сеуте положила начало величайшей трагедии в истории народов Африки, Азии и Америки. Началась страшная эпоха колониальной экспансии европейских держав.

Жуан I до конца своей жизни больше не решался предпринимать новые попытки расширить свои завоевания в Марокко, сосредоточив усилия на том, чтобы укрепиться в Сеуте. Но один из его сыновей, тщеславный и энергичный принц Энрики, получивший от взятых в Сеуте пленных сведения о богатстве тропической Африки и о легендарном царстве «пресвитера Иоанна», становится фанатичным проповедником идеи продолжения экспансии в Марокко. Одержимый этой идеей, отменяя все возражения, принц стремится к единственной цели — новой экспедиции в Марокко. Даже в своих инициалах (i.D.A.) принц увидел божественное предназначение, расшифровывая их словами «idaa Africa» — «отъезд в Африку».

Однако все мольбы сына о новой экспедиции разбивались о непоколебимую скалу отказа его упрямого отца. Смерть Жуана I (1433) и вступление на престол его честолюбивого сына Дуарти I (1433—1438) пробудили надежды Энрики. Но все его аргументы вновь разбиваются о глухую стену скептицизма осторожного брата, которого поддерживает младший брат Педру.

«Предположим, — говорил Дуарти I, — что вы захватите Танжер, Алькасер-Сегир, Арсилу. Хотел бы я знать, что вы с ними будете делать? Заселить их, имея такое бедное людьми королевство, как наше, невозможно. Если вы захотите уподобиться тому, кто меняет хороший плащ на плохой капюшон, то вы наверняка потеряете Португалию и не приобретете Африку». «Можно себе представить, — пишет О. Мартинш, — отчаяние дона Энрики перед этим пассивным сопротивлением. К отцу он питал большое уважение и принимал в расчет его возраст, который давал ему великую надежду на скорые перемены. Но теперь! И это в самом начале нового царствования! Получить отказ от брата, о слабости которого знали все! Такое ослепление и упрямство выводили его из себя. Королевство бедное и маленькое? Так он как раз и хочет превратить его в большое и богатое!»⁴

⁴ *Martins g. E.* Los hijos de Don Juan I. Buenos Aires, 1946. P. 161.

Энрики знал, что инфант Педру имел влияние на короля, но он также учитывал, что еще большее влияние на Дуарти оказывала его властная супруга королева Леонор, недолюбливавшая шурина Педру. Зная, что королева не упустит случая насолить Педру, Энрики посвятил ее в свои планы и приобрел в ее лице могучего союзника. 18 сентября 1436 г. родилась инфанта Катарина, и королева воспользовалась радостью супруга, чтобы вырвать у него согласие на экспедицию в Марокко.

Сказав «да», король заручился, однако, обещанием Энрики, что он будет в точности следовать королевским инструкциям.

Муза истории Клио часто предлагает сценарии, до которых не додумаются писатели с самым богатым воображением. Неслучайно в Средние века музу истории Клио изображали стоящей рядом с музой трагедии Мельпоменой. То, что эти две подружки задумали сделать с Генрихом Мореплавателем и его братьями, обернулось такой трагикомедией, рядом с которой Шекспир отдыхает. 27 августа 1437 г. большой флот двинулся к Сеуте. Главнокомандующим был принц Энрики. От Сеуты Энрики во главе большого войска направился к Танжеру. Попытки его заместителей и брата Фернанду отговорить его от штурма Танжера ни к чему не привели. На возражения, что его войско слишком мало, чтобы взять Танжер, он отвечал: «Ну и что из того, что людей мало. Зато на это есть воля Божья. Даже если бы было еще меньше, я бы все равно двинулся вперед». Судьба была немилосердна к Энрики и, видимо, решила проверить его на прочность. Когда он начал штурм крепости, на помощь осажденным стали прибывать свежие подкрепления. Со всех концов Магриба на подмогу Танжеру спешили вооруженные отряды. В конце концов принц Энрики, окруженный многочисленным войском марокканского правителя Абу Закария Яхья аль-Ваттаси, вынужден был сдаться со всем своим войском на милость победителя.

Португальские историки, как правило, или вовсе умалчивают, или сквозь зубы скороговоркой упоминают об экспедиции в Танжер не только потому, что она закончилась позорным поражением и сдачей в плен всей португальской армии, но главным образом из-за того, что с нею связаны пикантные обстоятельства, не оставляющие кам-

ня на камне от легенды о Генрихе Мореплавателе как об одной из «величайших и благороднейших личностей португальской истории». Досадная для его биографов в этой истории деталь состоит в том, что, сдавшись со всей армией в плен марокканцам, он вступил с ними в переговоры, добиваясь прежде всего собственного освобождения. Марокканцы потребовали возвращения им Сеуты. Энрики принял это условие, отдав в качестве заложника своего брата инфанта Фернанду, и был освобожден. Уезжая, Энрики заверил брата, что убедит короля вернуть Сеуту. Однако по прибытии в Португалию он тут же «забыл» свои обещания и стал рьяно выступать против возвращения Сеуты. По свидетельству современников, «Энрики, освободившись и оставив в плену дону Фернанду, был в числе первых, кто стал говорить, что сохранить Сеуту важнее, чем освободить брата».

Трагическое известие о разгроме армии Энрики и о сопровождающих его печальных обстоятельствах вызвало небывалую панику в королевском дворце в Лиссабоне. Король Дуарти срочно созвал кортесы (парламент) в январе 1438 г. Он спросил у кортесов совета: как ему следует поступить — должен ли он вернуть маврам Сеуту и этим спасти жизнь инфанта и выполнить обещание, данное Энрики? Или же не возвращать Сеуту и тем самым обречь дону Фернанду на мучительную смерть и погубить взятую в плен португальскую армию? Было зачитано письмо инфанта Фернанду, в котором он умолял вызволить его из неволи, вернув маврам Сеуту. На кортесах мнения разделились, поставив короля в трудное положение. Одни члены кортесов считали, что следует выполнить условия договоренности с маврами, вернуть Сеуту и спасти принца. Договоры подписываются, чтобы их выполнять, утверждали они. Кроме того, возвратив Сеуту, мы спасем не только инфанта, но и тысячи наших солдат, также томящихся в неволе. Как можно нарушить договор, под которым стоит подпись инфанта Энрики? Как можно так быстро забыть о трагедии тысяч наших воинов, оказавшихся жертвами чужих ошибок? Однако многие другие члены кортесов придерживались противоположного мнения. Они заявили, что вовсе не обязательно выполнять договор, который был навязан силой, что возвращение Сеуты было бы плохой услугой Богу, королевству и королю. Потеряв Сеуту, Португалия по-

щрит амбиции Кастилии, а в сложившейся обстановке та даже может попытаться прибрать Марокко к своим рукам.

Какой моральной пыткой для короля Дуарти была необходимость выслушивать все эти противоречивые мнения! Перед ним стояла поистине шекспировская по своему трагизму альтернатива: потерять брата из-за любви к Сеуте или потерять Сеуту из-за любви к брату? Две возможности, две судьбы, как два конца мертвой петли, сжимали ему горло. Надо было делать судьбоносный выбор: разум отдавал предпочтение долгу перед страной, а сердце — зову крови и любви к брату.

Выслушав все взаимоисключающие мнения, слабовольный король Дуарти не смог принять никакого решения и написал письма папе и христианским королям, прося у них совета. На это они ответили, по свидетельству хрониста Р. Де Пина, «сладкими и обтекаемыми словами»: «Просим Бога сжалиться над добрым принцем и восхваляем явленный им пример святости и благочестия»⁵.

Между тем израненное сердце дон Дуарти разрывалось между любовью к брату и государственным долгом. Когда он заболел оспой, эпидемия которой свирепствовала тогда в пиренейских королевствах, его подточенное ужасными переживаниями здоровье не смогло пересилить болезнь, и он умер в сентябре 1438 г. Дон Дуарти не нашел в себе мужества выполнить договор и оставил эту головную боль преемнику. После шестилетнего плена, проведенного в чудовищно тяжелых, нечеловеческих условиях, дон Фернанду умер в Фесе в 1443 г.

Вся католическая Европа чтит его как христианского мученика, отдавшего жизнь за «святую веру», а церковь причислила его к лику святых⁶.

Обуреваемый жадой мести, португальский король Афонсу V в ответ на призыв папы, который после взятия турками Константинополя (1453) объявил новый крестовый поход против неверных, собрал могучее войско, насчитывавшее 24 000 солдат. Лично возглавив

⁵ *Pina Rui de. Cronica de Don Joao II. Coimbra, 1950.*

⁶ *Жюльен Ш.А. История Северной Африки. Т. II. С. 234.*

экспедицию и взяв с собой сына принца Жуана, Афонсу V повел к берегам Марокко армаду, в которой, по свидетельству хронистов, насчитывалось 400 судов (Жюльен Ш.А. приводит цифру в 477 судов, на которых было 30 000 солдат).

Этот сверхмощный по тем временам флот внезапно появился в гавани Арсилы 20 августа 1471 г. Войска высадились севернее реки Дульсе и подвергли крепость штурму. С помощью бомбард им удалось пробить бреши в крепостных стенах и ворваться в город. Осажденные, проявлявшие чудеса мужества и стойкости, понимая бесполезность сопротивления, выбросили белый флаг и послали парламентаров, чтобы узнать у португальцев их условия сдачи, но те отклонили предложение о сдаче и начали обычную в таких случаях кровавую резню, не щадя ни детей, ни стариков, ни женщин. Беззащитное население и гарнизон искали убежище в мечетях. Там они дорого продали свои жизни, убив много португальцев. В числе убитых был и принц Жуан. Португальцы в свою очередь уничтожили 2000 и угнали в неволю 5000 арабов. В числе последних были две жены и сын имама Мухаммеда аш-Шейха. Сам имам в это время осаждал Фес и не предвидел эту внезапную атаку португальцев на Арсилу. Что он должен был делать в этой сложной ситуации? Пойти на помощь осажденной Арсиле для него было равнозначно потере престола, поскольку не было шансов победить столь могущественного врага, который владел в Марокко уже тремя крепостями. Был ли смысл отвоевывать Арсилу, если христиане в любом случае остались бы хозяевами Сеуты и Алкасер-Сегира? Конечно, это произвело бы большое психологическое воздействие на народ Марокко и помогло бы ему укрепиться на престоле, но сумеет ли он отобрать Арсилу у португальцев? Это было весьма сомнительно. Все попытки отвоевать у португальцев Сеуту и Алкасер-Сегир неизменно терпели неудачу. Если португальцы захватывали какой-то город, выбить их оттуда было невозможно. А потеря арабами Арсилы и Феса означала бы окончательное и полное поражение.

Поэтому Мухаммед аш-Шейх решил смириться с потерей Арсилы. Однако он упорно продолжал осаду Феса и добился успеха. Через некоторое время город сдался, и Мухаммед аш-Шейх стал правителем Марокко.

После этого Мухаммеду аш-Шейху пришлось согласиться на подписание 20-летнего перемирия с Португалией, которое распространилось только на равнинную часть страны и не касалось городов-крепостей⁷. Афонсу V воспользовался ловко составленными статьями договора и 29 августа 1471 г. без всякого сопротивления занял Танжер.

С этого времени он принял титул «Король Португалии и Алгарви по эту и ту сторону моря в Африке».

Мухаммед аш-Шейх был вынужден признать португальский суверенитет над Сеутой, Алкасер-Сегиром, Танжером и Арсилой, взамен чего португальский монарх обещал ему поддержку в борьбе против сильно досаждавших ему претендентов на трон. Вскоре Португалия добилась нового дипломатического успеха в своих попытках закрепиться в Марокко. В 1479 г. был подписан договор с Кастилией, согласно которому она признала за Португалией исключительные права на побережье Африки против Канарских островов, включая Фесское государство, а также португальскую монополию торговли с этой территорией.

В 1487 году португальский король Жуан II, продолжая продвижение вдоль побережья на запад, организовал экспедицию против Аземмура, которая, однако, не увенчалась успехом. Через два года он вышел к реке Луккос, где планировал построить крепость на острове Грасиоза, которая должна была стать своего рода связующим звеном между португальскими крепостями в Марокко.

Автору этой работы удалось обнаружить в Лиссабоне в Национальном архиве Торре ду Томбу любопытный документ — письмо Жоржи Пириша от 4 сентября 1513 г., в котором содержится подробнейший рассказ о взятии португальцами Аземмура. Когда войско, предводимое герцогом Браганса, подошло к Аземмуру, в городе возникла страшная паника, и жители в ужасе искали спасения в бегстве. В городских воротах образовалась такая пробка, что 80 человек умерли от удушья. 3 сентября 1513 г. город сдался.

В связи со взятием Аземмура в Португалии были устроены великие празднества, по улицам городов двигались пышные процессии. Даже

⁷ *Brignon J., Amine A. etc. Histoire du Maroc. Paris: Casablanca, 1967. P. 174.*

в Риме отмечалась эта победа португальского оружия и прославлялись «великие услуги, оказанные Португалией христианству».

Большой интерес представляет обнаруженное нами в том же архиве письмо короля Мануэла архиепископу Лиссабона от 19 сентября 1513 г., в котором он с гордостью и вне себя от восторга сообщает радостную весть: «Милостью Божьей достигну завоевание этого города (Аземмура), и это совершил герцог Браганса».

После взятия Аземмура возведенный в ранг национального героя герцог Браганса в письме королю утверждал, что это «лучший порт в мире», и предлагал построить там крепость. Кто бы сомневался — его предложение было немедленно принято, и в 1514 г. вокруг Аземмура были возведены могучие крепостные стены.

Командир португальского гарнизона Аземмура докладывал в 1517 г. королю о «победе, которую одержали защитники города над маврами», а также о числе убитых и о захваченной португальцами добыче.

О том же свидетельствует письмо Ихеа Тафу королю дону Мануэлю о победе, которую португальцы одержали над королем Марокко, и об огромной добыче, оставшейся от его войска:

«...Бог дал нам победу над этим народом. Мы взяли столько, сколько смогли унести, захватили палатки короля Марокко — владыки гор и палатки его братьев... Они оставили 200 лошадей, из которых 104 имели мертвых хозяев. 120 лошадей принадлежали королю Марокко и его родственникам. Из пехотинцев, я думаю, было убито 200 человек...»

Война в Марокко приняла чрезвычайно затяжной характер. Она проходила главным образом в форме мелких стычек между португальцами и арабами, набегов португальских гарнизонов на окружающие селения и попыток марокканцев завлечь португальских солдат в засаду. Возбешенная сопротивлением и ослепленная фанатичной ненавистью к «неверным», португальская солдатня учиняла в марокканских поселениях кровавую резню, не щадя стариков, детей, женщин. Приведем в качестве примера леденящий душу документ — письмо капитана крепости Сафи от 8 июля 1541 г., в котором он, докладывая королю о внезапной атаке гарнизона на два мавританских лагеря, сообщал: «Мы застигли

их врасплох и убили 400 человек, большинство из коих были женщины и дети. Большинство солдат не щадили никого, и только после того, как они устали убивать, мы захватили в плен примерно 80 душ».

В 1538 г. был заключен мир между королями Португалии и Феса. Султан Феса пошел на это в связи с тем, что был обеспокоен быстрым передвижением войск шерифов, угрожавших отнять у него страну. Шерифы разгромили португальские войска, занимавшие крепости на юге Марокко, и нанесли поражение войскам султана Феса. Для того чтобы сопротивляться шерифам, султану нужен был мир с Португалией. Этот договор о мире был подписан на берегу реки Досе сроком на 11 лет. Согласно этому договору все поселения на севере Марокко (на юг договор не распространялся) должны были быть под юрисдикцией султана Феса. Арабы, которые в будущем переселятся туда, должны будут платить королю Португалии одну добру (старинная португальская монета) за каждую соху, а султан Феса отдаст королю Португалии по 10 хороших лошадей за каждое поселение, перешедшее под его юрисдикцию. Этот договор о мире должен был действовать до 1549 г., но ни арабы, ни христиане долгое время не выполняли его.

Антихристианский джихад, возглавленный шерифами, находил все больший отклик даже среди подданных султана Феса, открыто выражавших симпатии шерифам, неумоимо сражавшимся против христиан. Ситуация в Фесе стала резко ухудшаться, моральный дух его подданных падал, и, наконец, султан Феса должен был в одностороннем порядке аннулировать (1543) договор о мире 1538 г. После этого начался период непрерывной войны между португальцами и марокканцами.

Открытие морского пути в Индию

Португальские моряки и негоцианты в течение нескольких десятилетий продвигались все дальше на юг вдоль западного побережья Африки. По пути они осваивали, и, попросту говоря, обирали, все вновь открытые земли. Именно они положили начало жестокому, но весьма прибыльному бизнесу — торговле чернокожими рабами.

Позорный приоритет в межконтинентальной торговле людьми, которая непрерывно продолжалась более трех веков, принадлежит Португалии. Бесспорный исторический факт: именно португальцы были первыми европейцами, начавшими практиковать массовый экспорт африканских рабов на другие континенты.

Юридическое обоснование работорговли было простым, как репа. По традиции, унаследованной от римского права, раб рассматривался как вещь, то есть объект купли-продажи, наследования или завещания. «Варварским народам» отказывалось в праве называться людьми, они могли рассматриваться только как вещи, на которые могло быть распространено естественное и священное право собственности. Португальский епископ Азереду Коутинью писал в конце XVIII в.: «Варварские народы не имеют ни искусства, ни науки, ни промышленности, ни какой-либо постоянной торговли. Их труд не выходит за рамки удовлетворения простых жизненных потребностей. Ввиду этого эти народы после выполнения работы, удовлетворяющей их жизненные потребности, предаются лени и безделью, как животные, не зная, как использовать свое время и свои руки».

В своем знаменитом описании королевств Конго, Матамба и Ангола миссионер-капуцин Кавацуи писал (XVII в.): «Эти люди скорее подобны животным, чем разумные. Нет ничего более странного, чем их танцы, которые вызываются отнюдь не целомудренной любовью к телодвижениям или ловкости ног, а имеют лишь одну цель: порочное удовлетворение похоти».

Работорговля приносила такие баснословные прибыли, что вскоре была объявлена королевской монополией.

Снова и снова отправлялись в море Мрака — так в ту пору называли Атлантический океан — португальские корабли. Морьякам покорился прежде недоступный мыс Бохадор, а вскоре каравеллы добрались до легендарной Риу-ду-Оуру (Золотой реки) и устья Сенегала. Отсюда в королевскую казну широким потоком хлынули главные африканские богатства — слоновая кость, рабы и золото⁸.

⁸ Всемирный следопыт. № 3. 2005. С. 38.

Дону Энрики не суждено было дожить до того дня, когда его соотечественники вышли на просторы Индийского океана. Продолжатель его дела король Жуан II (1481—1495) отправил экспедицию под командованием Бартоломеу Диаша в 1487 г. на поиски морского пути в Индию.

Бартоломеу Диаш (1450—1500) первым из европейцев обогнул Африку с юга и в 1488 г. открыл мыс Доброй Надежды. Участники этой экспедиции сообщили Жуану II о невозможности совершить далекие плавания на маленьких каравеллах, о необходимости иметь большие корабли и о том, что «есть определенная надежда, что за мысом Доброй Надежды находятся огромные земли».

Так Бартоломеу Диаш подвел европейский мир к двери, за которой находились неведомый мир и неведомые цивилизации. Но ему не суждено было открыть эту дверь, это сделал Васко да Гама.

По словам хрониста, «король приказал построить огромные и крепкие корабли, на которых можно совершать плавания, не боясь моря и бурь, чтобы достичь края земли, которая вселяет в него добрую надежду»⁹.

Жуан II умер в 1495 г. Новый король Мануэл I Счастливый (1495—1521) снарядил сильную экспедицию, во главе которой поставил опытного навигатора Васко да Гаму. Когда флотилия была полностью подготовлена к плаванию, дон Мануэл пожелал устроить торжественный прием в честь Васко да Гамы. Секретарь внес шелковое знамя с изображением красного креста ордена Христа, магистром которого был король. Васко да Гама поцеловал знамя и торжественно поклялся, что, верно служа Богу и королю Португалии, водрузит его в новых землях и будет охранять и защищать его, не щадя своей жизни и «во всех опасностях воды, огня и железа». Он поклялся также, что будет служить королю со всей верой, верностью и рвением, соблюдая и строго выполняя все приказы и инструкции, которые ему будут даны для этого плавания. После принесения присяги Васко да Гаме было вручено упомянутое знамя как знак его статуса командующего экспедицией.

⁹ *Fonseca L.A. da. Vasco da Gama, o homem, a Viagem, a epoca, Lisboa, 1997. P. 122.*

8 июля 1497 г. флотилия Васко да Гамы вышла из устья реки Тежу и взяла курс на Африку.

Хронист Ж. Барруш так описывал это историческое событие: «Когда флот отплыл, распустив паруса, моряки, по своему обыкновению, ознаменовали это радостное начало пути криками "Счастливого путешествия!", а у всех, видевших их, потекли слезы от благочестивого умиления, и они доверились Богу и стали высказывать мнения соответственно тому, что каждый думал об этом отплытии»¹⁰.

Плавание в открытом океане продолжалось три месяца. В течение этого времени не прекращались бури и туманы. Три месяца мореплаватели не видели земли. Не надо иметь особенно богатого воображения, чтобы представить себе, какие тяжелые физические и психические испытания пришлось пережить за это время отважным мореплавателям. Хронист Каштаньеда свидетельствует, что во время долгого и опасного плавания в совершенно незнакомых морях кораблям пришлось бороться с многочисленными бурями, ливнями и туманами, когда «все рисковали жизнью, много раз заглядывая в глаза смерти»¹¹. Не только ветры и бури внезапно обрушились на флот Васко да Гамы. Командующий столкнулся также с угрозой матросского бунта. Моряки взбунтовались и категорически потребовали возвращения в Португалию. Хотя в составе экспедиции было много моряков, плававших под командованием Б. Диаша, команда отчаялась увидеть землю. Пошли разговоры о том, что единственный путь к спасению — возвращение на родину.

Васко да Гама, располагавший значительной географической информацией и проинструктированный знаменитым астрологом Абрамом Закуту, пытался убедить моряков, что они непременно должны встретить землю. Среди команды царило всеобщее уныние. Все громче звучало требование вернуться в Португалию. Тогда Васко да Гама пригрозил круто расправиться с теми, кто предлагал бросить наполовину выполненное предприятие, когда они были уже близки к знаме-

¹⁰ *Barros J. de. D'Asia. Dos feitos que os portugueses fizeram... Decada I. Liv. IV. Cap. I—II.*

¹¹ *Castanheda F.L. de. Historia dos descobrimento e conquista da India pelos Portugueses. Lisboa, 1924, Liv. 1/ Cap. II.*

нитому мысу Доброй Надежды. Командующий не спал ни одной минуты. А бури становились все страшнее и страшнее, туманы все гуще, а дни почти такими же темными, как ночь.

Наконец, 8 ноября мореплаватели достигли бухты Святой Елены (на юго-западном побережье Африки), а 22 ноября флотилия, обогнув мыс Доброй Надежды, покинула воды Атлантики и вышла в Индийский океан.

Султан Малинди снабдил Васко да Гаму опытным лоцманом Малемо Кана, который взялся провести флот в Индию. Российский исследователь Т.А. Шумовский высказал гипотезу, согласно которой Малемо Кана — это другое имя известного арабского навигатора Ахмада ибн-Маджида, автора лоций (путеводителей) по Индийскому океану, три из которых были обнаружены и опубликованы Т.А. Шумовским¹².

Наконец-то сбылась мечта Васко да Гамы! Он возблагодарил Бога за то, что после стольких страданий и трудностей он наконец нашел лоцмана, которому мог полностью довериться. А Малемо Кана убедил его в своей компетентности, показав гидрографическую карту Индии, на которую были нанесены меридианы и параллели. Кроме того, он показал ему навигационные инструменты. Убедившись в обширных знаниях и опыте лоцмана, Васко да Гама преисполнился надежды, что ему удастся пересечь Индийский океан и достичь Малабарского побережья. Его надежды полностью оправдались.

20 мая 1498 г. Васко да Гама с помощью лоцмана ибн-Маджида благополучно достиг города Каликут на Малабарском побережье Индии.

Весть о прибытии странных чужестранцев вызвала в городе настоящую панику. Индийцы сгорали от нетерпения узнать, кем были и откуда прибыли они. В их поведении все было странным, необычным и подозрительным. Внешний вид кораблей, их паруса, оснастка и судовождение были не похожими на те, к которым там привыкли. К Васко да Гаме привели араба Монсайде — уроженца Туниса, знавшего испанский язык. И первые слова, которые командующий услы-

¹² Шумовский Т.А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн-Маджида. М.—Л., 1957.

шал в Индии, были малообнадеживающими: «Какой дьявол принес вас сюда?» На этот вопрос Монсаиде получил такой ответ: «Мы ищем христиан и специи».

Великий португальский поэт Л. Камознш (XVI в.) так описывал прибытие туда португальцев: «Лоцман из Малинди вне себя от восторга воскликнул: "Если мое искусство не обманывает меня, перед нами государство Каликута! Вот Индия, которую вы ищете, и честолюбие ваше будет удовлетворено, если единственное ваше желание — попасть туда!"»¹³

Лоции ибн-Маджида любопытны не только тем, что содержат живые свидетельства об исторической трагедии, постигшей на рубеже XV и XVI вв. народы Востока, но и тем, что повествуют о душевной трагедии, пережитой самим ибн-Маджидом, которому довелось стать косвенным виновником этих трагических событий. Отправившись с португальцами в Индию «для того, чтобы иметь удовольствие беседовать с ними», ибн-Маджид вскоре испытал разочарование в своих спутниках и вкусил всю горечь вины за содеянное, когда он с удивлением увидел, что привезенные им в Индию «приятные собеседники», словно стая голодных шакалов, стали рвать на куски тело своей беззащитной жертвы. Удивление в нем быстро сменилось возмущением и гневом. Вскипая от негодования, ибн-Маджид написал следующие замечательные слова, которые и теперь, через 500 лет, звучат как дошедшее до нас из глубины веков предупреждение потомкам и суровое осуждение колонизаторов: «Они... прибыли в Каликут. Там они покупали и продавали, властвовали и притесняли, опираясь на подкупленных туземных князьков-самири. Приплыла с ними и ненависть к исламу! Люди предалися страху и озабоченности. Оторвалась земля Самири (Индия) от Мекканской, и закрылся Гвардафуй для проезжающих... Они (португальцы) приплыли в Индию, приобрели жилища, поселились и стали заводить знакомства, опираясь на самири... О, если бы я знал, что от них будет! Люди поражались их поведению»¹⁴.

¹³ Камознш Л. Лузиады. СПб., 1897. С. 108.

¹⁴ Шумовский Т.А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн-Маджида. С. 37—39, 96, 97.

В Индии португальцы с удивлением обнаружили большие богатые и процветающие города. Богатство этих земель составляли не только специи и ценные породы деревьев, но также разнообразная фауна и рубины, которые здесь были в изобилии. Прибыв в Индию, португальцы с удивлением увидели, что грубо сделанные (на индийский взгляд) европейские товары не имеют для сказочно богатой индийской знати никакой ценности, оказалось, что торговать европейцам нечем.

В августе 1499 г. Васко да Гама вернулся на родину с грузом индийских специй, продажа которых многократно окупила расходы на его экспедицию.

Открытие морского пути в Индию произвело в Португалии громоздкое впечатление. Король Мануэл принял по этому случаю титул «Владыка Индий» и получил прозвище Счастливый.

Таким образом, на рубеже XV и XVI вв. Португалия открыла новую историческую эпоху — эпоху тесных контактов и постоянного взаимодействия между европейцами и народами Азии и Африки.

Это открытие сразу же выдвинуло Португалию на авансцену международной политики, сделав ее перворазрядной мировой державой.

Освоение морского пути в Индию, во-первых, давало Португалии огромные экономические, политические и военно-стратегические преимущества по сравнению с другими европейскими державами. В ее руках оказался контроль над важнейшими торговыми путями, связывавшими Европу и Азию. Во-вторых, это существенно изменило баланс сил в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке.

Чтобы извлечь выгоды из своего открытия и стать монопольной владычицей индийской торговли, Португалии было крайне важно блокировать торговую деятельность своих соперников, Египта (а после 1517 г. — Османской империи) и Венеции, на старом пути через Красное море. С этим, в частности, были связаны начавшиеся в 1520 г. контакты Португалии с Эфиопией, принявшие вскоре форму попыток поставить эту африканскую страну под политический и идеологический контроль и не допустить ее завоевания мусульманами.

Понимая, какие выгоды приносит им открытие и монопольное владение путем в Индию, португальцы тщательно заботились о сохранении в тайне изготовленных ими морских карт, «они старались по воз-

возможности утаивать сведения о своих африканских владениях от всей Европы. Мореплавателям велено было молчать об их путешествиях и открытиях, из хроник вычеркивались соответствующие описания и изымались карты. Самое изготовление карт было объявлено привилегией короля». В связи с этим К. Маркс в «Хронологических выписках» отметил: «Португальцы смотрели на морской путь в “страну золота” Индию как на свою исключительную собственность. Они не разрешали иностранцам пользоваться их морскими картами, держали в тайне употребление ими компаса в морских плаваниях».

Эпоха Великих географических открытий составляет страницу славы и позора в истории Португалии. С одной стороны, открытия содействовали расширению знаний европейцев о мире, экономическим контактам между государствами Европы, Африки, Азии и Америки, взаимному обогащению и взаимопониманию культур Запада и Востока. С другой стороны, она отмечена зверствами и жестокостями португальских навигаторов, варварским разрушением материальных и культурных ценностей, созданных цивилизациями на Востоке. Касаясь этого вопроса, генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алтваро Куньял писал: «Португальцы имеют основание гордиться эпопеей географических открытий, совершенных их предками... Но португальский народ не может солидаризироваться с грабежами, насилиями, чудовищными преступлениями, совершенными правящими классами в результате этих открытий».

Великие географические открытия в конце XV в. подготовили и ускорили процесс первоначального накопления капитала. Одним из непосредственных результатов была так называемая революция цен. На европейский рынок хлынула громадная волна драгоценных металлов, цены на которые упали вследствие их изобилия и того, что они добывались в колониях принудительным, бесплатным трудом порабожденного населения. Вследствие этого цены на остальные товары резко возросли.

Великие географические открытия явились прологом к колониальному завоеванию многих стран и к возникновению колониальной системы в целом. Колониальная политика правящих классов европейских держав, в том числе и Португалии, представляла собой не

обычный торговый обмен, как пытаются доказать некоторые историки, а расхищение природных и человеческих ресурсов колоний, захват и разграбление целых стран, установление монополии в торговле между Востоком и Западом, хищническую феодальную и рабовладельческую эксплуатацию, работорговлю и истребление целых народов.

В 1500 г. Кабрал открыл Бразилию, назвав ее «островом Вера-Круш», и объявил владением короля Португалии, в знак чего поставил на холме большой деревянный крест, и двинулся через Атлантический океан в Африку. Во время бури недалеко от мыса Доброй Надежды четыре корабля утонули, а шесть кораблей добрались до Малинди, а оттуда прошли к Каликуту. Завязав торговые связи с индийскими городами Кочин и Каннанор и загрузив свои суда пряностями и тканями, Кабрал двинулся в обратный путь.

В июле 1501 г. эскадра Кабрала вернулась в Лиссабон. Несмотря на потерю нескольких судов, ценность доставленных ею грузов, была так велика, что вдвое превысила расходы на экспедицию. Кабралу за оказанные им услуги была назначена пенсия 30 000 реалов.

В феврале 1502 г. в Индию была отправлена новая большая экспедиция из 15 судов. Командовать ею было поручено Васко да Гаме. Незадолго до отправки этой экспедиции, как сообщают хронисты, король пожаловал ему титул «адмирал Индийского моря» «в награду за те услуги, которые, как король надеялся, он окажет во время этого путешествия».

Когда эскадра «адмирала Индийского моря» подошла к Кильве, к ней присоединились еще 5 кораблей под командованием его двоюродного брата Эстевана да Гамы.

Судя по рассказам хрониста, дальнейшие события развивались следующим образом: «Король Кильвы был в таком ужасе от прибытия этих судов, что добровольно послал записку Васко да Гаме о том, что он хочет его посетить, и в соответствии с этим было условлено о встрече на корабле, во время которой Васко да Гама захватил его и сказал ему, что если он не станет вассалом и данником короля, его сеньора, то он увезет его как пленника в Индию, а оттуда в Португалию».

Такой метод действия был типичен для португальских колонизаторов. Обычно они требовали у местных правителей уплаты дани и при-

знания вассальной зависимости от короля Португалии, в случае же отказа подвергали города разрушению и разграблению, а затем сжигали. Если же местный правитель принимал их условия, они взымали с него дань и оставляли в покое, но только пока он послушно выполнял их приказы, желания и прихоти.

Подойдя в конце октября к Каликуту, Васко да Гама, чтобы запугать жителей города, подверг его артиллерийскому обстрелу и приказал повесить на реях 38 мирных индийских рыбаков, захваченных в гавани. Ночью он приказал снять трупы и отправить их в лодке на берег с запиской, что такова будет судьба всех жителей города, если они не признают власть короля Португалии. Утром, подвергнув Каликут бомбардировке, он отплыл в Португалию.

Эволюция португальской колониальной стратегии

По словам португальского историка Антониу Сержиу, колониальная экспансия Португалии прежде всего решала «проблему восточной торговли»¹⁵.

Цели контактов португальцев с зоной Индийского океана были главным образом торговые, хотя дон Мануэл, видимо, учитывал и огромное стратегическое значение этого региона. Как бы то ни было, в отличие от Марокко и мамлюкского султаната, Индия с самого начала рассматривалась португальцами как торговый партнер, а не как территория, предназначенная для подчинения. Однако мало-помалу цели португальцев стали меняться, и они начали строить крепости то в одном, то в другом пункте побережья и вводить в ряде мест прямое колониальное управление.

Геополитическая и религиозно-этническая ситуация в Индии была чрезвычайно сложной и мозаичной. Ислам доминировал более чем на

¹⁵ *Sergio Antonio. Breve interpretacao da historia de Portugal. Lisboa, 1998. P. 31.*

половине территории, а мусульмане были самыми непримиримыми и упорными врагами португальцев.

Лишь при Жуане III (1521—1557) Марокко и Ближний Восток отходят для португальцев на второй план, и Индия становится центральным объектом португальской политики, в то время как Мануэл видел в ней прежде всего трамплин для прыжка на Ближний Восток, а в торговле перцем — источник богатств, необходимых для завоевательных войн.

Для Мануэла, мечтавшего о завоевании Египта, было ясно, что, даже если мамлюкский султанат, как он надеялся, попадет в христианские руки, торговля перцем вернется на старый короткий, надежный и экономический путь, которым пользовались мусульмане, — через Красное море. Для блокировки этого пути он и отправил в Индию экспедицию Педру Алвариша Кабрала.

В сущности, это была попытка возродить старую идею экономической блокады мусульманского мира, зафиксированную в энцикликах пап в конце XII в., когда они поняли, что одних только военных усилий крестоносцев недостаточно. Эту идею в Средние века отстаивали многочисленные стратеги, но скоро стало ясно, что она представляла собой бумеранг, который, поражая Египет, Венецию и Геную, ударял и по тому, кто его запускал.

Постепенно правящий класс Португалии осознал, что открытие и особенно освоение морского пути в Индию дали ей огромные экономические, политические и военно-стратегические преимущества по сравнению с другими европейскими державами. В ее руках оказался контроль над важнейшими торговыми путями, связавшими Европу и Азию. Отныне португальцы, а не арабы, венецианцы и генуэзцы стали главными поставщиками специй в Европу.

Как пишет М. Пирсон, «если когда-либо арабское господство в Индийском океане существовало, то оно закончилось к XVI веку»¹⁶.

Португальцы завершили создание своей колониальной империи к концу первой четверти XVI в. Менее чем за 20 лет, сломив упорное сопротивление индийцев и арабских купцов, они овладели всеми ключе-

¹⁶ *Pearson M. The Portuguese in India. Cambridge, 1990. P. 46.*

выми позициями в Индийском океане и утвердили свое владычество на всем его побережье. Теперь арабская и венецианская торговля пришли в упадок, и отныне ни один корабль не мог появиться в Индийском океане без «картажа» (португальской лицензии на торговлю).

После того как Португалия проложила морской путь в Индию, она стала прилагать неимоверные усилия для того, чтобы поставить его под свой контроль. Португальская колониальная экспансия, проводившаяся в этих целях, может быть разделена на два этапа. Первый — с 1498 по 1509 г. — связан с именем первого вице-короля Индии Франсиску де Алмейды. Второй — с 1509 по 1515 г. — с именем жестокого и властолюбивого вице-короля Индии Афонсу де Албукерки.

Алмейда понимал, что для установления эффективного контроля над морским путем в Индию португальцами необходимо было прежде всего иметь в своем распоряжении удобные и безопасные гавани и стоянки для кораблей вдоль западного и восточного побережий Африки. В то же время он был противником создания в Индийском океане широкой сети фортов и захвата территорий. Он считал, что с помощью сильного флота можно контролировать бассейн Индийского океана и что главной целью португальцев должно стать налаживание торговых отношений с Египтом.

Учитывая скудость людских ресурсов в Португалии, Алмейда полагал, что наилучшую защиту португальским факториям обеспечит флот, многократно превосходящий по силе противника. «Чем больше крепостей вы держите, тем более слабой будет ваша власть, — писал Алмейда королю Мануэлу, — позвольте всем нашим силам находиться в море, ибо, если мы не будем сильны на море, все немедленно восстанут против нас».

Как и все португальские конкистадоры, Алмейда отличался исключительной жестокостью. Приведу для примера отрывок из письма султана Момбасы, отправленного им султану Малинди сразу же после того, как войско Алмейды взяло штурмом Момбасу в августе 1505 г.: «Да хранит тебя Аллах, Саид Али. Сообщаю тебе, что здесь прошел великий господин, выжигающий огнем. Он ворвался в город с такой яростью и жестокостью, что не пощадил никого: ни женщин, ни молодых, ни старых, ни детей, как бы малы они ни были. Никто не спасся,

кроме тех, кому удалось бежать. Не только людей они убивали и сжигали, но даже птиц в небе они сбивали на землю. Зловоние от трупов такое, что я не решаюсь выйти в город. Невозможно даже подсчитать, какие огромнейшие богатства они вывезли из нашего города. Я счел необходимым сообщить тебе эти печальные новости, чтобы ты позаботился о своей безопасности»¹⁷.

Португальцы стремились укрепиться на восточном побережье Африки, прежде всего чтобы монополизировать торговлю золотом. Для этого им нужно было устранить конкурентов-арабов, выступавших в качестве торговцев-посредников, и самим вступить в прямой контакт с жителями хинтерланда, привозившими золото в прибрежные порты. С этой целью специальная эскадра должна была патрулировать побережье между Килвой и Софалой, задерживая все мусульманские суда, которые намеревались вести торговлю. В Килве и Софале фейторы должны были действовать как королевские агенты, скупая все золото, поступавшее из внутренних районов, и продавая одежду и другие товары местным торговцам.

Однако эти усилия португальцев принесли на первых порах лишь частичный успех. Арабы обосновались в Восточной Африке слишком давно и были слишком многочисленны, чтобы их можно было легко одолеть с теми незначительными военными силами, которыми располагали португальцы. Один из португальских военачальников писал королю в 1521 г., что, «по его мнению, мавров Софалы не следует выгонять, а лучше оставить их в покое и позволить им посещать дома кафров и что требуется много людей, чтобы изгнать мавров. И что, даже если они будут изгнаны, от этого ничего не изменится, ибо он узнал, что в стране Мономотапы находятся более 10 000 мавров, которые там всюду бывают, и изгнать их невозможно».

К этому мнению в конечном счете пришли и советники короля. Их идея состояла в том, что следует не изгонять мусульманских торговцев из Восточной Африки, а заставить их и их африканских помощников работать в качестве посредников на португальцев, стремившихся установить контроль над международной торговлей. Но даже в этой

¹⁷ *Danvers F.C. The Portuguese in India, vol. 1. Delhi, 1894. P. 28.*

сфере они не могли быть монополистами. Они вступили в союз с султаном Малинди, позволив его судам продолжать торговать под португальским покровительством и защитой.

Однако этот план Лиссабона оказался трудновыполнимым на практике. Первая трудность состояла в том, что у португальцев не было товаров, которые бы пользовались спросом на восточноафриканском рынке. Там не было спроса на европейскую одежду, а индийские ткани и одежды продавали там еще до прибытия португальцев арабские купцы. Некоторые индийские ткани, награбленные в Килве или захваченные на мусульманских судах, были доставлены в Софалу, но местная фактория не могла постоянно работать только на ворованных товарах, и были предприняты большие усилия, чтобы наладить бесперебойную торговлю индийскими тканями с помощью султана Малинди.

С еще большими трудностями столкнулись португальцы при попытке контроля над Килвой и Софалой. Португальские власти неизбежно вошли в глубокий конфликт с традиционными правителями этих городов, лишившихся своего прежнего права выдавать торговые лицензии, разрешать продажу ряда товаров, назначать цены, взимать пошлины и в целом контролировать обширную и разветвленную торговую сеть, функционировавшую не только внутри Африки, но и в бассейне Индийского океана. В Килве португальцы надеялись решить эту проблему, посадив марионеточного правителя, но в 1506 г. вспыхнуло восстание, и купеческие семьи, боявшиеся потерять свою торговлю, ушли из города. К 1513 г. торговцы перестали приезжать в Килву, и португальцам пришлось покинуть свою факторию и разрешить вернуться в Килву семье прежнего султана.

После взятия и разграбления Момбасы Алмейда с попутным ветром проследовал в Индию. 13 сентября 1505 г. его флот достиг острова Анджедива. Там богатая добыча, захваченная в Момбасе, была в соответствии с действовавшим «морским кодексом» распределена между капитанами, моряками и солдатами. 22 октября флот Алмейды прибыл в Кананор. Королевский фейтор в этом городе Гонсалу Жил Барбоза настаивал на безотлагательном строительстве крепости, поскольку местный раджа без португальской поддержки был не в со-

стоянии воспрепятствовать активной деятельности многочисленных мусульманских торговцев. К этому времени под властью мусульман находились Гуджарат, Дели, Берар, Биджадапур и великая империя Виджайанагар со столицей в Хампе.

В Кананоре Алмейду посетил посол индийского государства Нарсинга, которое препятствовало мусульманским завоевателям захватить юг Индии. Посол предложил Алмейде заключить союз против мусульман. После своей 150-летней борьбы против ислама Нарсинга видело в прибывших в Индию христианах естественных союзников. Адмирал быстро оценил важность миссии посла Нарсинги и решил принять его по-королевски. С этой целью он даже решил досрочно принять титул вице-короля Индии, хотя согласно королевской инструкции должен был сделать это лишь после завершения строительства трех крепостей (в Кананоре, Кочине и Коулане).

На борту адмиральского корабля в честь посла был устроен роскошный прием. Палуба была устлана дорогими коврами, мачты увешаны бриллиантами и красивыми тканями из Фландрии. Все капитаны сошли на берег для торжественной встречи посла, а Алмейда приветствовал его на палубе корабля. Они подписали договор о дружбе и взаимной защите. По этому договору от имени императора Нарсинги португальцам было дано право строить крепости в его портах.

1 октября 1505 г. от имени короля Мануэла был коронован и получил богатые подарки раджа Кочина.

Таким образом, на первых порах дела в Индии складывались благоприятно для португальцев. Однако в 1506—1507 гг. у них возникли большие трудности. Произвол и насилия, чинимые португальскими колонизаторами в отношении мусульманских купцов и местного населения, не могли не вызвать конфликт. Когда Алмейда прибыл в Индию, Кананор был настроен дружественно к португальцам. Однако действия португальских капитанов и чиновников породили враждебность местного населения. Гонсалу Важ де Гоиш ограбил и потопил мусульманское судно, вышедшее из Кананора, хотя оно получило от португальских властей лицензию на торговлю. В ответ на это разгневанные мусульманские купцы уговорили раджу Кананора атаковать португальскую крепость. Осада продолжалась четыре месяца, и лишь

прибытие флота Триштана да Куньи спасло осажденных от истребления. Защитникам крепости очень помог также артиллерист из Антверпена Р. Гельдерс, которого хорошо знал знаменитый хронист Д. Гоиш, живший с ним по соседству в Антверпене.

Понимая, что не сможет добиться успеха в войне с португальцами, раджа Кананора решил заключить мирный договор с Португалией в присутствии Триштана да Куньи.

Попытка изгнания португальцев из Кананора во второй декаде XVI в. совпала с периодом, когда они достигли апогея могущества, причем кульминацией их успехов стала Индия. На Малабарском побережье португальцы уже владели крепостями в Кочине и Кананоре, а также факторией в Коулане.

Это была эпоха наивысшего подъема Португальской империи. Став владычицей Востока и Бразилии, Португалия в то же время возвысилась и в Европе. До европейцев доходили новости о великих экспедициях и завоеваниях Португалии, которые распространялись в «опускулаш» (газетах того времени).

В это время Алмейда получил информацию о том, что египетский султан Аль-Гури разработал план получения специй окольным путем. Предполагалось везти их с Молуккских островов, обогнуть юг Индии через Мальдивы и оттуда подняться к Красному морю.

Для того чтобы воспрепятствовать реализации этого плана, вице-король отправил флот под командованием своего сына Лоуренсу, который должен был заблокировать для мусульманских купцов морской путь к югу от Индии. В ходе этой военной экспедиции португальцы открыли остров Цейлон (Шри-Ланка). В этой экспедиции участвовал Ф. Магеллан, которому суждено было прославиться благодаря первому кругосветному путешествию.

С этого времени Ф. Алмейда сконцентрировал свои усилия на подготовке к отражению нападения мамлюкско-турецко-гуджаратской коалиции.

В ноябре 1507 г. у Понане (между Каликутом и Кочином) произошло морское сражение. Португальцы загружали свои корабли специями в Кочине, когда Ф. Алмейда получил информацию о том, что мусульманские торговцы из Каира и Каликута делают то же самое в

Понане под руководством своего храброго флотоводца и блестящего лоцмана Кутиали. Ф. Алмейда приказал кораблям Триштана да Куньи соединиться с кораблями Лоуренсу де Алмейды, и, когда они подошли к Понане, объединенный флот был поставлен под общее командование юного адмирала — сына вице-короля. Несмотря на отчаянную храбрость и упорное сопротивление мусульман, техническое превосходство португальского флота принесло ему победу (португальский гуманист XVI в. Озориу восхваляет умелую тактику и стратегию юного адмирала). Объединенные эскадры Египта и Каликута были потоплены в порту Понане. Специи, подготовленные на берегу для погрузки, были уничтожены, но солдатам не было позволено грабить город, так как в нем жили не мусульмане, а индусы.

Эта битва была подробно описана ее участником, странствующим итальянцем Людовико ди Вартема, который за проявленную в ней храбрость был возведен в дворянское звание.

Вартема был уникальным путешественником, странствовавшим по миру только из «любопытства». Когда он прибыл в Аден, арабы обвинили его в том, что он шпион христиан, и хотели убить. Вартему спасло лишь то, что он принял ислам. Это дало ему возможность посетить Мекку и пересечь внутреннюю Аравию.

Между тем мусульманский флот, вышедший из Адена в августе 1507 г., прибыл в Индию и был там усилен гуджаратскими кораблями под командованием Малика Айза.

В феврале 1508 г. в порту Чаул (в 40 км к югу от Бомбея) произошло одно из самых важных морских сражений в истории войн на море, ставшее трагедией для Португалии. В этой битве, подробно описанной несколькими хронистами, португальский флот под командованием Лоуренсу де Алмейды сражался с мамлюкско-гуджаратской эскадрой под командованием эмира Хусейна. Накануне битвы вице-король Ф. Алмейда послал своего сына с 8 судами конвоировать вдоль индийского берега корабли со специями из Кочина. Когда Лоуренсу приблизился к Чаулу, ему сообщили, что около этого порта наблюдается большое скопление вражеских судов. Это предупреждение было подтверждено посланием от его отца, содержащим ту же информацию, которое привез Перу Кан. Однако Лоуренсу де Алмейда не придавал значения

предупреждениям, поскольку недооценил сложность ситуации. Он не знал, что у Чаула сконцентрировалась могучая объединенная эскадра, состоявшая из флотов Египта, Камбея, Каликута и Гуджарата.

Командовавший этой эскадрой эмир Хусейн решил атаковать флот Лоуренсу внезапно своими тремя эскадрами с базы в Диу. Авангард мусульманского флота был уже в зоне видимости, когда Лоуренсу начал маневрировать и перестраивать свои корабли в боевой порядок. Все свои надежды он возлагал на ожидавшееся прибытие из Ормуза эскадры Афонсу де Албукерки.

Первые же артиллерийские залпы мусульман вывели из строя адмиральский корабль и ранили самого Лоуренсу де Алмейду.

Португальцы заметили, что среди артиллеристов на мусульманских судах были греки и итальянцы — вероятно, бывшие христианские солдаты, взятые в плен мамлюками.

Португальцы сражались с удивительным упорством и отчаянной храбростью. Одной из первых жертв их артиллерии стал мусульманский военачальник Маимане Маркар из Каликута (он был послом саморина Каликута к султану аль-Гури, уговаривавшим его создать коалицию из флотов Египта, Камбея и Каликута).

Хотя морское сражение продолжалось два дня, португальцы так и не смогли оправиться от первой внезапной атаки эмира Хусейна. Лоуренсу был ранен четыре раза. Обливаясь кровью, он продолжал руководить битвой. В конце концов адмиральский корабль вместе с юным адмиралом на борту пошел ко дну, а остальные португальские суда отступили и взяли курс на Кананор.

В результате этого сражения португальцы потеряли 140 человек, в том числе 13 фидалгуш, 124 человека были ранены.

Эмир Хусейн отступил на свою базу в Диу.

Горе вице-короля, когда он узнал о смерти сына и о сокрушительном поражении при Чауле, было безутешным. Оставшиеся в живых офицеры рассказали ему, что поведение Лоуренсу было весьма достойным: когда его корабль был оттеснен огнем египетской галеры в маленькую бухту, они умоляли его покинуть, пока не поздно, обреченное на гибель судно, но он сказал, что не сделает этого, пока там будет хоть один человек, способный продолжать сражаться. «Все чувствова-

ли, что старый адмирал не заслужил такого несчастья», — свидетельствует Озориу.

Раджа Кочина прибыл, чтобы выразить соболезнования Франсишку де Алмейде, но тот скрывал свои чувства под личиной стоицизма, порожденного глубокой верой. «Я никогда не просил Бога о долгой жизни для моего сына, а просил наделить его достойными уважения добродетелями», — сказал он.

Единственное, о чем он попросил своих друзей, — помочь ему отомстить за смерть сына. Жажда мести стала его «амоком».

Вице-король не стал терять время на оплакивание сына и на личные переживания. Несколько следующих месяцев он посвятил интенсивной подготовке новой мощной эскадры. Он надеялся на скорое прибытие ежегодного флота из Лиссабона, который усилит его эскадру.

В эти же самые месяцы проходили пышные празднества в Лиссабоне и в Риме по случаю победы Лоуренсу де Алмейды над мусульманским флотом в сражении при Понане (о поражении португальцев при Чауле еще не было известно). Папа Юлий II лично возглавил благодарственную процессию к собору Св. Петра 25 июля 1508 г.

Рим рассматривал эти победы как великий триумф христианства над мусульманами. Христиане на Малабарском побережье с давних пор были объектом особой заботы и покровительства папы. В декабре 1508 г. Рим получил обнадеживающую и вдохновляющую информацию от Л. Вартемы, который прибыл туда 10 декабря, завершив свое кругосветное путешествие. На основе своих богатых впечатлений и размышлений он высказал следующее мнение: «Из всего, что я видел в Индии и в Эфиопии (то есть в Восточной Африке. — А.Х.), у меня сложилось мнение, что король Португалии, если Богу будет угодно и если он и впредь будет столь же удачлив, как был до сих пор, станет богатейшим королем в мире. И действительно, он заслуживает всяческих благ, ибо в Индии, особенно в Кочине, каждый божий день 10—12 язычников или мавров принимают крещение в христианской вере. Их число будет расти изо дня в день благодаря этому королю. За это Бог и дал ему эту победу, и в будущем он всегда будет процветать».

Однако Вартема оказался плохим предсказателем. Уже в феврале 1508 г. флот Лоуренсу де Алмейды потерпел сокрушительное поражение, а он сам трагически погиб.

3 февраля 1509 г. эскадра Алмейды из 19 судов с 2000 солдат на борту атаковала в Диу эскадру эмира Хусейна, состоявшую из сотни больших и маленьких судов. Яростное сражение продолжалось с середины дня и до поздней ночи. От потоков крови море стало коричнево-красным. Когда темнота спустилась на место битвы, все корабли египетского султана были потоплены или взяты в плен. Эмир Хусейн бежал в бригантине и выпросил убежище у правителя Камбея. В этом грандиозном морском сражении мусульмане потеряли убитыми 3000 человек, а португальцы только 32. Возвращаясь после победы при Диу, Алмейда поставил свой флот на якорь перед Кананором и, по словам хрониста, «салютовал из пушек и, чтобы завершить месть за сына, приказал привязать пленных к жерлам пушек и на город, как пушечные ядра, посыпались головы и куски тел этих несчастных»

Алмейда с триумфом вернулся в Кочин 8 марта 1509 г. и был встречен со всеми подобающими почестями раджой и португальцами.

Афонсу де Албукерки — архитектор португальской колониальной империи

Началом нового этапа колониальной политики Португалии стал 1510 г., когда новым вице-королем Индии стал жестокий и фанатично преданный идее возвышения Португалии над всем миром Афонсу де Албукерки.

Сохранилась средневековая гравюра с портретом Албукерки. На суровом лице лежит отпечаток его злобной души.

В злых, тонких губах, в колющих глазах угадывается жестокий и мстительный характер. «На нас смотрит длиннобородый, высокий человек в кольчуге, поверх которой надет черный, расшитый золотом плащ, с крестом ордена Сантьягу, командором которого был Албукерки. Левую руку он положил на эфес меча, а указательный палец пра-

вой повелительно поднял вверх. Глубоко запавшие жестокие глаза, длинный с горбинкой нос, худое, узкое лицо»¹⁸.

Афонсу де Албукерки — одна из крупнейших фигур в португальской истории. Его личность и деяния безмерно идеализируются португальскими историками. Один из них, Луиш Тейшейра, писал: «Васко да Гама, Франсишку де Алмейда, Афонсу де Албукерки. Эти три человека, избранные провидением, появились в том поворотном пункте истории, когда XV век передал свою тяжкую миссию XVI веку. Первый должен был найти морской путь к далекому Востоку, второй заложить основу морского могущества Португалии, третий — создать Португальскую Восточную империю. Эти гиганты и гении должны были превратить XVI век в величайшую эпоху нашей истории». С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Эпоха Албукерки — это эпоха не только славы, но и позора Португалии.

Этому человеку суждено было стать архитектором португальской колониальной империи. В отличие от Франсишку де Алмейды, который писал королю: «Пока Вы будете могущественным на море, Вы будете удерживать Индию», Албукерки, напротив, считал, что одного сильного флота недостаточно для установления эффективного португальского контроля в бассейне Индийского океана. «Чтобы Португалия могла стать "владычицей морей", — говорил Албукерки, — необходимо создать цепь опорных баз и крепостей на берегах Атлантики и Индийского океана». Таким образом, Албукерки отказался от концепции своего предшественника Алмейды («контролировать Индийский океан с помощью сильного флота»). Он выдвинул новую стратегическую концепцию — создание цепи опорных баз и крепостей на побережье Атлантики и Индийского океана. Отнюдь не страдая от излишней скромности, Албукерки писал королю Мануэлу: «Если бы члены Вашего совета знали дела Индии так, как я, то они бы поняли, что Ваше Величество не может управлять такой огромной страной, как Индия, даже используя все свое могущество и силу на море».

Предложенный Албукерки план предусматривал не захват обширных территорий, а, так сказать, «точечную оккупацию» — создание

¹⁸ *Можейко И., Седов Л., Тюрин В.* С крестом и мушкетом. М., 1966. С. 36.

опорных пунктов в наиболее стратегически важных и чувствительных «нервных центрах» бассейна Индийского океана.

Особое внимание в плане Албукерки придавалось установлению португальского контроля над восточным побережьем Африки, над входом и выходом из Красного моря и Персидского залива, в Индии, на далеких Молуккских островах, где выращивались наиболее ценные специи, и в Китае, о богатствах которого в Европе знали из рассказов Марко Поло.

Свой грандиозный и амбициозный план создания на Востоке великой португальской империи он стремился осуществить с помощью строительства цепи неприступных крепостей в Гоа, Диу, Ормузе, Адене, Кочине, Кананоре и т.п. Он имел в виду не просто защитить торговлю, но, с помощью этих фортов господствовать над туземными правителями и силой заставить их признать себя вассалами португальского короля. Резиденцией вице-короля он решил сделать Гоа, и поэтому его первой военной целью стало завоевание Гоа в 1510 г.

Как только к Гоа подошел флот Албукерки из 23 судов, город сдался на милость победителей. Да, поистине Албукерки при рождении был поцелован в макушку Господом Богом. Либо ему помогал сам дьявол! Какая удача — поверженный Гоа у его ног! Вот как описывал это событие хронист: «Когда наступило утро, португальцы вступили в город, не встретив никакого сопротивления, с крестом, который несли впереди. Великий Албукерки встал на колени и, пролив много слез, возблагодарил нашего Господа за ту всемилостивейшую доброту, которую он проявил, отдав в его руки столь большой и могущественный город без кровопролития. Крест нес монах-францисканец, за ним несли королевский флаг, изготовленный из белого сатина и с изображением Христа посередине, и в таком порядке процессия прошла в ворота замка, где стояли, ожидая их прибытия, главные мавры города и командир гарнизона. Эти люди бросились в ноги португальцев и вручили им ключи от города».

Но это были только цветочки, а ягодки были впереди. Взяв Гоа, Албукерки учинил его жителям настоящую кровавую баню. О ней дает исчерпывающее представление письмо королю от 22 декабря 1510 г., в котором он похвально своими подвигами: «В захвате Гоа,

уничтожении его хозяйств и входе в форт нам явно помогал Господь Бог, ибо Ему было угодно, чтобы мы осуществили это великое дело, и лучше, чем мы могли просить, ибо там были убиты более 300 турок и... на всем пути валялось много трупов тех, кто, будучи ранеными, пытались бежать, много лошадей утонуло при переправе через реку. Затем я сжег этот город и предал всех мечу, в течение нескольких дней ваши люди непрерывно выпускали из них кровь, где бы ни находили, ни одному мусульманину не сохранили жизнь, а их мечети были заполнены ими и преданы огню. Я приказал не убивать только земледельцев и брахманов. Мы насчитали 6000 убитых мусульман, мужчин и женщин... Это было, мой сеньор, великое дело, хорошо выполненное и хорошо завершенное. Но хотя Гоа огромный и важный город, мы все же ещё не отомстили мусульманам за предательство и зло, причинённое Вашему Величеству. Однако об этом услышат все вокруг, и страх и изумление заставят большие города подчиниться Вам без завоевания, они не причинят зла, зная, какую огромную цену за это пришлось бы заплатить».

В 1511 г. Албукерки с флотом из 15 судов и с 1600 воинами направляется к Малакке. Португальцы в то время знали, что Малакка — важнейший стратегический пункт на их пути к «островам пряностей» (Молуккским островам). В это время в Малакке было 100 000 вооруженных защитников. Малайцы имели сильные укрепления, а также значительный военный флот, которым командовал капитан из Гуджарата, имевший опыт войны с португальцами.

Подойдя с флотом к Малакке, Албукерки получил сообщение, что султан Малакки держит в плену нескольких португальских торговцев, корабли которых были захвачены и ограблены.

Султан выслал к Албукерки послов, которые сообщили ему о желании султана быть в мире с португальцами. Албукерки отправил письмо султану, потребовав освободить из плена тех португальцев, которые еще были живы, а также оплатить захваченные малайцами португальские товары. В ответном письме султан просил Албукерки сначала заключить с ним мир, после чего обещал вернуть христиан и компенсировать захваченные товары. Албукерки ответил жестким ультиматумом: полная компенсация и освобождение пленных — до за-

ключения мира, иначе он атакует Малакку. Султан пытался продолжить переговоры, чтобы выиграть время, одновременно лихорадочно возводя оборонительные сооружения.

Узнав об этом, Албукерки направил султану, мягко выражаясь, резкое письмо с требованием немедленно освободить пленных португальцев и компенсировать награбленную собственность, угрожая в случае отказа разгромить его и лишить города. Поскольку это требование не было выполнено, Албукерки послал 10 кораблей с вооруженными людьми, которые открыли огонь по нескольким хижинам на берегу. До смерти перепуганный султан понял, что шутки плохи, и тотчас же приказал вернуть Албукерки всех пленных португальцев и повторил просьбу о заключении мира. В то же время султан ускорил свои приготовления к обороне города.

По свидетельству участника экспедиции Албукерки Томе Пиреша, «вице-король пытался, насколько он мог, избежать войны. Однако легкомыслие малайцев, безрассудное тщеславие и высокомерные советы яванцев и самонадеянность короля (султана) — все это, вместе взятое, заставило его отказаться от нашего желания мира. Они лишь попытались оттянуть время, с помощью малайских посланий, укрепляя, как могли, свои позиции, ибо они считали, что в мире не существует народа достаточно сильного, чтобы разгромить их»¹⁹.

За два часа до рассвета 25 июля 1511 г. португальцы начали высадку на берег. Под покровом темноты шлюпки бесшумно подплывали к берегу, и из них выскакивали закованные в броню, вооруженные мечами и щитами португальские воины. Вот как описывают эти события И. Можейко, Л. Седов и В. Тюрин в книге «С крестом и мушкетом»: «Почти одновременно передовые шлюпки правого и левого крыла подошли к мосту. Первым на берег выскочил, размахивая длинным мечом, дон Жуан да Лима. За ним с боевым кличем на мост ринулись португальцы из других шлюпок. Защитники моста, вооруженные луками и стрелами, а также длинными копьями и щитами, храбро встретили закованных в броню, умело орудующих мечами, несокру-

¹⁹ А «Suma Oriental» de Tome Pires e o Livro de Francisco Rodrigues Coimbra, 1978. P. 98.

шимых в бешеном натиске португальцев. Лязг железа, пение стрел, звуки горнов, которыми подбадривали себя малайские воины, боевой клич португальцев — все слилось воедино в шуме кровавой битвы на мосту»²⁰.

Султан подоспел на помощь защитникам моста с подкреплением и несколькими боевыми слонами.

На помощь малайцам шло также подкрепление из 700 яванских солдат, но Албукерки послал против них отряд своих воинов, который напал на яванцев и обратил их в бегство. Многие были сброшены в море и утонули. Видя, что султан пытается отступить и укрыться в горах, португальский отряд под командованием Жуана де Лима бросился его преследовать. Султан и его сын, поднимавшиеся в горы на слонах, увидев погоню, повернули назад с 2000 воинов. Португальцы атаковали слонов со своими пиками, и слоны, будучи ранены, дали стрекача и врезались в середину малайского войска, вызвав страшную панику и хаос. Слон, на котором ехал султан, будучи ранен, схватил погонщика хоботом и разорвал его на куски. Султан, который был тоже ранен, сполз со спины животного и, не будучи узнан в толчее, сумел спастись бегством вместе со своим сыном и зятем — королем Паханга. После преследования малайцев по улицам города и убийства многих из них Албукерки отступил к мосту и, возведя частоколы на обоих берегах реки, подверг артиллерийскому обстрелу город, в результате чего большая его часть, включая султанский дворец, были разрушены. На следующее утро султан послал спросить Албукерки, по какой причине он атаковал город и что он еще хочет. На это вице-король ответил, что, если его величество не станет вассалом короля Португалии, он сожжет весь город. Султан прислал уклончивый ответ, стараясь выиграть время, и тотчас же отдал приказ восстановить укрепления и снабдить их двойным количеством пушек. Мост также был сильно укреплен, и были сделаны всевозможные приготовления, чтобы противостоять второй атаке португальцев.

Албукерки находился в состоянии сомнений и неопределенности, не зная, что делать дальше. Однако он чувствовал, что, если отступит

²⁰ *Можейко И., Седов Л., Тюрин В. С крестом и мушкетом. М., 1966. С. 51.*

и оставит Малакку во власти малайцев, торговля в Индийском океане будет навсегда потеряна для португальцев.

Албукерки был не таким человеком, который психологически ломается при первой неудаче.

В этой ситуации Албукерки решил заручиться поддержкой могущественных союзников. Он попросил капитанов двух китайских джонок, направлявшихся в Сиам, захватить с собой Дуарти Фернандиша, снабдив его письмом к правителю Сиам с предложением мира и дружбы.

В то время, когда Албукерки готовился к новому штурму Малакки, среди капитанов возникло недовольство, они были против строительства крепости в Малакке.

Поэтому Албукерки созвал собрание капитанов и в длинной речи изложил свою точку зрения, которая заключалась в том, что, если португальцы возьмут Малакку, Каир и Мекка придут в полный упадок и Венеция не сможет получать специи, вследствие чего ее купцы вынуждены будут покупать их в Португалии. Большинство капитанов согласилось с точкой зрения Албукерки, и было решено предпринять второй штурм Малакки. Малайцы бежали с моста и отступили к частоколу. Но там Албукерки высадил своих людей, которые обрушились на них и после жестокой битвы выбили их оттуда. После этого Албукерки сам обосновался на мосту и послал две роты с приказами, чтобы одна из них заняла мечеть, а другая позицию у входа в улицу, ведущую к мосту. Эта последняя позиция была занята без особого труда, но защитники мечети, среди которых был султан с большим отрядом воинов и слонов, сражались героически. Однако, в конце концов, их сопротивление было сломлено, и они бежали, преследуемые португальцами, которых самих в свою очередь преследовали большие отряды малайцев. Когда Албукерки узнал, что его люди подверглись нападению с тыла, он поспешил к ним на помощь с ротой солдат, и когда два португальских отряда соединились, они пробили себе путь назад.

Вот как описывал английский историк Дэнверс в книге «Португальцы в Индии» эти события: «Как только мавры были изгнаны из Малакки, Албукерки дал разрешение на разграбление города... Он приказал, чтобы все малайцы и мавры предавались смерти. Огромное чис-

ло мужчин, женщин и детей было убито, и при этом было захвачено 3000 пушек, 2000 из которых были отлиты из бронзы... Среди других взятых вещей были 6 огромных бронзовых львов, которых Албукерки намеревался сохранить для своей будущей могилы, и много других вещей, которые он предполагал послать в Португалию королю Мануэлу, но все это утонуло во время кораблекрушения "Флор де ла мар" на обратном пути в Индию.

Албукерки начал строительство крепости и Малакке. Когда строительство было завершено, португальцы получили в свое распоряжение одну из лучших и хорошо укрепленных крепостей на Востоке с двумя водохранилищами для свежей воды в башнях и с тремя водохранилищами в бастионах. С одной стороны крепость была защищена морем, с другой — рекой. Крепостные стены имели большую толщину. Сооружение было пятиэтажным. Большие и маленькие пушки были направлены во все стороны.

Вскоре мечеть и частокол были захвачены португальскими войсками. Албукерки укрепил мосты и послал четыре больших корабля с бомбардами вверх по реке с заданием выбивать противника с обоих берегов. Когда наступила ночь, португальцы обосновались внутри своих укреплений на мосту, внимательно наблюдая за прилегающей местностью. Албукерки приказал своим кораблям встать напротив города и обстреливать его всю ночь из бомбард»²¹.

Султан бежал и послал гонца на остров Линга просить помощи у местного правителя, но тот, хотя и был вассалом султана, боясь мести Албукерки, отказался прислать помощь. Тогда султан Малакки бежал в государство Паханг, откуда отправил посла к китайскому императору, прося о помощи в войне против португальцев.

Его посол Туан Насень Мудамар сумел добраться до Пекина и был удостоен аудиенции у императора, который, однако, воздержался от согласия на просьбу султана Малакки на том основании, что занят войной с монголами. Но, по слухам, подлинной причиной отказа было плохое отношение малайцев к китайским купцам и доброжелательность, проявленная Албукерки к китайцам в Малакке.

²¹ Хазанов А.М. Восток глазами востоковеда. Ч. I. М., 1995. С. 111.

После смерти султана Малакки многие знатные люди из его окружения вернулись в город. Албукерки послал отряд яванцев обследовать окрестности, и они привели к нему 1500 рабов, принадлежавших султану. Он заставил их работать над сооружением крепости. Большая часть камней, использовавшихся для этой цели, была извлечена из древних могил прежних султанов и из мечетей, которые были разрушены. В результате была построена мощная крепость, которую Албукерки назвал «А Фамоза» («Славная») ²². Прибывший в Сиам в китайских джонках посол Албукерки Дуарти Фернандиш был хорошо принят местным правителем. Он сказал, что уже слышал о доблести Албукерки и поэтому очень рад принять его посла. Во время беседы с королем Сиамом Дуарти Фернандиш вручил ему письмо Албукерки, а также шпагу, которую тот прислал в качестве подарка. Правитель Сиам сказал, что очень рад письму и подарку, и приказал обращаться с Дуарти Фернандишем с наивысшим почтением, а также показать ему весь город. Когда Дуарти Фернандиш отправился из Сиам в обратный путь, король направил с ним посла к Албукерки, везшего письмо к королю Мануэлу, рубиновое кольцо, корону и меч из золота. В письме к Мануэлу король Сиам выражал чувства дружбы и предлагал свое королевство и себя к услугам короля Португалии, а также всевозможные товары и людей для его страны. Отправляя посла короля Сиам в Португалию, Албукерки одарил его подарками и отослал с ним своего посла с инструкциями проинформировать его величество, как он захватил Малакку, и выразить надежду, что суда и купцы Сиам будут торговать с этим городом.

Кроме того, Албукерки принял посла султана Кампара — зятя последнего султана Малакки, выразившего желание стать вассалом короля Португалии. Прибыл также посол и от султана Явы, который прежде был во враждебных отношениях с султаном Малакки. При его возвращении на родину Албукерки послал с ним султану

²² Португальцы были в Малакке 130 лет. В 1641 г. их разгромили голландцы. Во время атаки они разрушили португальскую крепость Фамоза и только в 1670 г. восстановили ее, переименовав в Фок и водрузив над воротами крест, который можно видеть и сегодня (Хазанов А.М. Восток глазами востоковеда. Ч. I. М., 1995. С. 111.).

Явы, помимо других подарков, слона, который был им захвачен в Малакке.

По случаю взятия португальцами Малакки в сентябре 1513 г. в Риме были устроены пышные торжества. В Ватикан прибыло португальское посольство, возглавляемое Триштаном да Куньей, который сам руководил экспедицией на Восток и приобрел своими подвигами и храбростью великую славу и почет. Процессию сопровождали также три сына Триштана да Куньи, его многочисленные родственники и друзья.

К папе, окруженному кардиналами и прелатами церкви, в присутствии послов иностранных государств и всех высших должностных лиц папского двора обратился на латыни член португальского посольства профессор права Жаку Пашеку. Папа Лев X ответил ему также на латыни, всячески расхваливая короля Португалии за его преданность Святой Вере.

В 1511 г., воспользовавшись отсутствием Албукерки, который был занят завоеванием Малакки, 60 000 войско индийцев во главе с Адилханом осадило Гоа и захватило Бенастарин.

Собрав флот у Панджина, Албукерки переждал там муссон и 15 августа подошел к Анджедива. Получив подкрепление из Португалии, он направился с флотом к Кананору и стал готовиться к решающей битве.

В национальном архиве Торре ду Томбу хранится обширный доклад Албукерки королю, в котором он сообщает, что, выйдя из Кананора, он направился к Гоа, «решив выгнать мавров из Бенастарина». Это очень ценный документ, содержащий множество подробностей кампании. Как видно из доклада, прибыв в гавань Гоа с 14 кораблями, Албукерки приказал им атаковать Бенастарин. «Битва продолжалась 8 дней и 8 ночей, и все это время турки (индийцы. — А.Х.) не переставали стрелять из своей артиллерии, от которой наши суда были хорошо защищены... За эти 8 суток турки произвели по нашим более 4000 выстрелов из больших пушек, не считая мелких, а со стен по ним стреляли из луков и ружей, которыми ранили многих наших. Мачты, реи и снасти были так повреждены стрелами, что на них было страшно смотреть».

Чтобы продемонстрировать свою силу, 3000 индийцев вышли из Бенастарина. Тогда Албукерки приказал 4000 своим солдатам и 25 кавалеристам сойти на берег и ворваться в крепость. Вскоре она была взята. Албукерки торжественно въехал в Гоа.

Доклад о взятии Бенастарина и Гоа помечен 23 ноября 1512 г. и заканчивается такими словами: «Индия утихомирена, напугана и подчинена Вашему Величеству».

Получив приказ от короля Мануэла попытаться захватить Аден и проникнуть в Красное море, Албукерки отплыл из Гоа в феврале 1513 г. с флотом из 20 кораблей.

Аден был в то время хорошо укрепленным и процветающим центром мусульманской торговли. Он служил убежищем для мусульманских купцов, опасавшихся португальских военных судов и своего рода складом транзитных товаров из Индии. Португальцы теперь уже пришли к пониманию того, что именно Аден, а не Сокотра (как они думали раньше) был воротами к Красному морю и что, владея Аденом, они легко могли заблокировать арабскую торговлю в Красном море и пресечь всякие попытки мусульман подорвать португальскую монополию на торговлю с Индией. Албукерки планировал захватить Аден и другие стратегические пункты на побережье, помешать приготовлениям Египта к вторжению в Индию, наладить связи со страной «пресвитера Иоанна».

Наконец-то этот процветающий город должен был перейти в руки португальцев, а с ним и все его богатства, о которых мечтали солдаты и офицеры.

Из Кочина были привезены специальные лестницы, достаточно широкие для того, чтобы позволить шести человекам взбираться рядом, но они сослужили плохую службу португальцам. Энтузиазм и решительность, с которой они бросились на штурм крепости 26 марта 1513 г., стали, как это ни парадоксально, главной причиной неудачи этого штурма. По свидетельству хронистов, все лестницы, поставленные, чтобы взобраться на стены крепости, развалились на части, так как все хотели подняться по ним первыми, и после починки лестницы снова развалились все по той же причине.

Лишь немногим португальцам удалось проникнуть в город. Это были те, кто поднялся на стены до того, как лестницы развалились,

и те, кто пролезли через две низкие амбразуры для пушек. Все проникшие в город были убиты. Общее число погибших в источниках отсутствует.

Вот как описывал эти события арабский хронист Тарик аль-Шихри: «25 марта в пятницу 891 года Хиджры франки (то есть португальцы. — А.Х.) прибыли к порту Аден. В субботу они двинулись на город, пытаясь с помощью лестниц взобраться на стены. Тех, кто принимал в этом участие, насчитывалось около 2000, и они имели много оружия. Люди бежали от франков, и все сердца были переполнены страхом. Но потом Аллах дал мусульманам победу, и они обратили франков в бегство, подвергнув их страшной резне. Много мусульман приняло мученическую смерть за веру, среди них был и Умар бин Муса аль-Маджиди, Аллах да упокоит его душу, ибо он был одним из тех, к кому Аллах проявил свою милость, он получил несколько ран, но умер лишь после того, как битва была закончена. Из франков были убиты около 200».

Так неудачей окончилась португальская атака на Аден, к великому разочарованию Албукерки, который часто говорил, что для владения Индией и всем Востоком королям Португалии необходимы четыре вещи: захват и удержание Адена, чтобы контролировать вход в Красное море; удержание Ормуза, чтобы контролировать вход в Залив; удержание Диу и удержание Гоа, чтобы господствовать над всей Индией.

Албукерки отступил в Красное море, но до этого приказал сжечь все корабли, стоявшие в Аденском порту. Уже будучи в Красном море, он захватил корабли из Берберы и Зейлы, приказав «отрубить руки и отрезать носы и уши» маврам экипажей этих кораблей и бросить их на землю шейха Адена.

Португальский флот был задержан у Камарана встречными ветрами до середины июля 1513 г. Прежде чем покинуть Красное море, Албукерки отправил письмо королю с крещеным мавром через Африку, и, чтобы не вызывать подозрений у туземцев, ему надели на ноги кандалы, так что его можно было принять за беглого раба. Этот посланец добрался до Португалии. Король был обрадован добрыми вестями и поручил ему доставить ответ Албукерки.

Отступив, Албукерки двинулся к Оманскому заливу, где легко подчинил себе порты Калайате, Куриате, Маскат, Сохар и Орфасан. Вскоре после этого он захватил Ормуз, где начал строить крепость, что вызвало протесты его капитанов, которые предпочитали захватывать в море мусульманские суда из Мекки.

В письме королю Мануэлу 4 декабря 1513 г. Албукерки так сообщал об ужасе и панике, которые он вызвал в этом районе: «Еще несколько дней назад во всем проливе узнали о нашем прибытии, и все места были оповещены об этом таким образом, что я могу сообщить Вашему Величеству, что ни один корабль и ни одно каноэ никогда не выходят в море и даже птицы не осмеливаются летать, настолько Красное море напугано нашим прибытием и настолько оно стало пустынным».

В этом письме Албукерки сообщал подробные сведения о всем Красном море, о портах Эфиопии и Аравии, об их торговом и стратегическом значении и о тех правилах, которые соблюдались при навигации в Красном море. Он изложил также королю свой план: взять Аден, построить крепость в Массауа, чтобы получить доступ к «золоту страны пресвитера Иоанна», а затем направить военную экспедицию против Мекки. В основе этого плана Албукерки лежала идея конкисты и дух крестового похода.

Но в 1515 г. Албукерки умер, не осуществив своих планов.

Перед кончиной он продиктовал секретарю следующее письмо: «Это письмо Вашему Величеству написано не моей рукой, ибо меня мучает икота — верный признак близкой смерти. То малое, чем я владею, завещаю сыну. Наши успехи в Индии говорят сами за себя, а также и за меня. Главный город Индии я оставляю во власти Вашего Величества. Единственное мое пожелание — запереть ворота проливов. Я прошу Ваше Величество не забывать, что я сделал для Индии, и помочь прославиться моему сыну. 6 декабря 1515 года».

Еще первый вице-король Индии Франсишку де Алмейда применил на Востоке уже опробованный ранее португальцами на восточноафриканском побережье стратегический принцип оккупации «невралгических торговых центров» вдоль морского торгового пути Лиссабон — мыс Доброй Надежды — Кочин. Но вскоре обнаружилась фундаментальная разница между атлантическим и восточным

отрезками этого пути. В то время как в Атлантике мусульманские торговые пути не пересекались с португальским, в Индийском океане они не только перекрещивались с ним, но и накладывались на него. Сознавая эту реальность, Албукерки с самого начала понимал, что было бы нереально ставить перед собой целью уничтожить мусульманскую торговлю. Поэтому он, по совету короля, стал избавляться от тех людей в своем окружении, которые выступали за войну против «неверных».

Стратегическая концепция, предложенная Албукерки для португальской политики в отношении Востока, была основана на тех же самых принципах, что и их атлантическая стратегия, но имела более воинственный, экспансионистский характер. Стратегический план Албукерки был проектом завоевания многих восточноафриканских и азиатских государств и создания огромной португальской колониальной империи. Она должна была включать в себя восточное побережье Африки, Красное море и Персидский залив, Индостанский полуостров, далекие Молуккские острова, где выращивались самые ценные специи, и Китай, о богатствах которого знали из рассказов Марко Поло. Когда Албукерки вступил в должность вице-короля, португальцы владели в Индийском океане только 7 крепостями: Софала, Мозамбик, Килва на африканском побережье, крепость на острове Сокотра, а также Кочином и Кананором на малабарском берегу и, наконец, маленьким фортом на островах Анджедиве около Гоа. К концу губернаторства Албукерки смог осуществить почти полностью ту часть своей программы, которая касалась Индийского океана.

К середине XVI в. португальцы создали огромную колониальную империю, представлявшую собой систему военно-морских баз, опоясывавших дугой Индийский океан и разбросанных на большом расстоянии друг от друга: Софала, Мозамбик, Момбаса — в Восточной Африке; Ормуз и Маскат — в Персидском заливе; Диу, Даман, Бассейн, Гоа, Кочин — в Индии; Коломбо — на Цейлоне; Малакка — в Малайе; Амбоина, Тернате, Тидоре, Соло — в Индонезии (позже Макао — в Южно-Китайском море).

Военное присутствие португальцев в бассейне Индийского океана положило конец торговой деятельности арабов, которые выступали в

качестве главных посредников, обеспечивавших интенсивность, прочность и бесперебойность этих связей.

Четыре века спустя английский адмирал Баллард писал в книге «Правители Индийского океана»: «После смерти Албукерки белый человек... стоял подобно колоссу, расставившему ноги над Индийским океаном, одной ногой на Малайском архипелаге и другой — у ворот Персии; между этими пунктами ни одно судно не осмеливалось показывать свои паруса без согласия португальцев».

Один из самых трагических результатов португальской экспансии в Индийском океане в XVI в. состоял в том, что на много веков были разорваны исторически давно существовавшие традиционные торговые и культурные связи между Африкой и странами Красноморского бассейна, с одной стороны, и Индией и странами Восточной и Юго-Восточной Азии — с другой.

После захвата Малакки Албукерки не добавил никаких завоеваний к востоку от нее. Для этого не хватило времени. Но он подготовил дальнейшую португальскую экспансию на Восток, послав экспедиции на Молуккские острова и в Китай и завязав отношения с правителями Бенгалии, Пегу (Бирма), Сиам, Суматры и берега Короманделя.

В то же время Албукерки потерпел полную неудачу в своих попытках уничтожить мусульманские государства в Красном море. Аден, являющийся ключом к этому морю, отразил его атаку, и эта неудача помешала Албукерки выполнить приказ короля Мануэла разрушить Мекку и Суэц и подчинить Берберу или Зейлу в Сомали.

Каковы же были причины неудачи великого завоевателя?

Начать следует с того, что Албукерки не располагал достаточными силами, чтобы взять штурмом такую хорошо укрепленную крепость, как Аден. Его упорное стремление атаковать Аден объясняется настоятельными требованиями Мануэла, который страстно желал разрушить религиозные центры мусульман, а также важностью, которую он сам придавал захвату Адена.

Недостаточность сил была, прежде всего, результатом чрезмерного распыления военной мощи на огромном географическом пространстве, которое предпринял Мануэл и которое Албукерки поощрял. За-

воевания были только начаты, а завоеватели уже явно обнаруживали признаки усталости.

Албукерки постоянно требовал присылки новых людей и материалов. Но король отвечал лишь жалобами на непомерные расходы, которые он несет из-за Индии. Однако проекты Албукерки соблазнили и увлекли его. Он страстно желал распространения португальского господства на «Индию», но без больших расходов. Он поощрял Албукерки в его широкой колонизаторской активности, но находил расходы на нее слишком высокими и хотел их уменьшить, однако таким образом, чтобы это не повредило предприятию в целом. Отсюда — непоследовательность и противоречивость в королевских приказах, направлявшихся Албукерки: король приказывает покинуть Гоа после того, как оно завоевано; он требует подчинить «короля» Каликута, но находит обременительным строительство крепости там; он рекомендует Албукерки проявлять бережливость и экономность, но в то же время предписывает разрушить мусульманское могущество в Красном море.

Несоответствие между проектами Албукерки и теми средствами, которыми располагала Португалия для их реализации, не беспокоило ни Мануэла, ни его преемника Жуана III. Ни один из них не хотел ни сокращать программу завоеваний, основные контуры которой наметил Албукерки, ни выделять на ее выполнение больше средств, ни отказываться от Бразилии или каких-либо других португальских владений в Африке. У португальского колониализма по-прежнему был хороший аппетит, но уже были плохие зубы. Жуан III, правда, не продолжал завоеваний Мануэла в Марокко, он даже оставил там несколько крепостей. Он полностью пренебрегал Анголой, которую его отец начал оккупировать в 1520 г. Но силы Жуан III экономил главным образом для того, чтобы расширить завоевания в Бразилии, о которых его предшественник мало думал.

В 30-х гг. XVI в. португальцы продолжили строительство крепостей в стратегически важных пунктах Малабарского побережья (в Чауле — в 1531 г., в Кранганоре — в 1536 г.). Несколько ранее мусульманские купцы посоветовали саморину Каликута отвоевать крепость у португальцев для того, чтобы продемонстрировать свое могущество другим

правителям Малабара. В конце концов в 1525 г. португальцы действительно были выбиты из крепости Каликута. Она была первой крепостью, которую сумели отвоевать у них индийцы. Угроза гражданской войны, порожденная спором из-за губернаторства между Лопу Важе Сампайо и Перу де Маскареньяшем, несколько отсрочила попытку португальцев отвоевать крепость Каликута. Только после того, как Лопу Важе Сампайо отстоял свое право на губернаторство, он снова овладел крепостью Каликута. Когда в 1529 г. губернатором был назначен Нуну да Кунья, многие индийские монархи восстали и отказались ему подчиняться. Однако после прибытия в Индию значительных португальских подкреплений некоторые из этих правителей поспешили подписать мирные договоры с Нуну да Куньей. Он нанес поражение саморину, который вынужден был просить о мире. Хотя условия мира были тяжелыми, саморину ничего не оставалось делать, как их принять. Договор предусматривал не только значительные торговые выгоды для португальцев, но и строительство стратегически важной крепости в Чауле, раджа которого был вассалом саморина. Мир между португальцами и Каликутом сохранялся 30 лет, мирный договор был нарушен лишь при следующем вице-короле Индии Гарсии де Норонья. Фундаментальное различие между этим договором и теми, которые заключались во времена Албукерки, состояло в том, что теперь с Португалией сближались раджи — вассалы Каликута, а в случае потери судов «Каррейра да Индия» саморин обязался возмещать стоимость специй, погруженных в его порту.

Новые дипломатические отношения с Каликутом не помешали, однако, конфликтам португальцев с мусульманами вдоль всего Малабарского побережья. Мусульмане часто нападали на португальские крепости, возведенные в различных пунктах, например в Кананоре. Как правило, гарнизоны крепостей были недостаточными для отражения таких атак, и крепости удавалось удерживать лишь с помощью военных судов, патрулировавших Малабарское побережье. Капитаны этих судов, как и коменданты крепостей, участвовали во всякого рода сделках с богатыми мусульманскими купцами и извлекали выгоды и из войны, и из торговли. Даже вице-король и выдающийся интеллектуал Жуан де Каштру, славившийся своей честностью, участвовал в таких

сделках, поскольку нуждался в значительных средствах для содержания крепостей.

Многие португальцы, нуждавшиеся в деньгах для закупки специй, просили их у индийских правителей. Так, Антониу Коррейя просил 6000 парданов золота у раджи Кранганора, несмотря на возражения португальского казначея в Индии. Последний подчинялся инспектору финансов (ведор да фазенда), который тоже был против подобных просьб, поскольку считал, что индийские правители враждебно настроены в отношении португальцев. Кроме денег португальцы требовали у индийских раджей военные суда. Так, комендант Кочина Энрике де Соуза просил у местного монарха и монарха Кранганора корабли для военных действий, которые он начал в Камбее.

Любопытно, что раджа Кранганора в письмах Жуану де Каштру выражает согласие удовлетворить эту просьбу, но в то же время высказывает несогласие с политикой «картажей». В этих письмах он требует, чтобы португальцы уладили свои конфликты с другими правителями Малабара. Он ощущал угрозу со стороны Кочина и просил португальского коменданта крепости в Кранганоре принять необходимые меры, чтобы защитить его в случае необходимости.

Во время правления Жуана де Каштру ситуация на Малабарском берегу была очень напряженной. Мелкие вассальные княжества вышли из повиновения своим сюзеренам, португальцы, занятые войнами с Камбеем, не интересовались делами Малабара. Именно это обстоятельство побудило раджей Порка, Репелина и Батименте не признавать португальцев своими сеньорами и нападать на их корабли.

Главными виновниками этих конфликтов португальцы всегда считали мусульман (мавров)» Поэтому, предоставляя индийским раджам оружие, необходимое им для взаимных разборок, португальцы всегда ставили условие, что оно будет использоваться и против мусульман. Так, в 1548 г. на этих условиях оружие было предоставлено Кранганору.

Такие договоры были чрезвычайно выгодны португальцам, так как делали индийских правителей зависимыми от них в военной сфере.

Упорное сопротивление португальской колониальной экспансии оказал султан Камбея Бахадур-шах (1529—1537). В начале 1531 г.

флот во главе с вице-королем Нуну да Куньей вторгся в Камбей, овладел Даманом и подошел к Диу. Вице-король обещал награды трем солдатам, которые первыми взберутся на стены Диу, когда начнется его штурм. 7 февраля 1531 г. Нуну да Кунья направил к берегу лодку с белым флагом для переговоров. В лодке вернулся знатный индеец, которому вице-король сообщил, что намерен взять Диу штурмом, если султан Камбея не подпишет с ним договор о мире. Не получив ответа, португальцы на следующий день высадились на берег и подготовились к штурму. Диу, расположенный на скалистом острове, защищали 10 000 человек и значительное число больших пушек, а вход в пролив между островом и материком был перегорожен массивными цепями, натянутыми между судами, заполненными лучниками и мушкетерами.

16 февраля 1531 г. был дан сигнал к штурму, и весь португальский флот начал атаку на город, бомбардируя его с утра до вечера.

Однако мощным стенам крепости не было причинено сколько-нибудь заметного ущерба. На собранном вице-королем совете офицеров было решено прекратить осаду Диу. Нуну да Кунья вернулся в Гоа 1 марта 1531 г.

Однако через три года Бахадур-шах обратился к Нуну да Кунье с просьбой о помощи в войне против могольского императора Хумаюна, который уже захватил часть его территории. В сентябре 1534 г. был подписан договор, по которому король Португалии и султан Камбея вступили в военный союз, для чего должен был быть построен форт в Диу.

Нуну да Кунья энергично приступил к строительству форта, которое было закончено в 1536 г. Форт был поставлен под командование Мануэла де Соуза с гарнизоном в 900 солдат и 60 больших пушек.

После завершения строительства крепости в Диу португальцы почувствовали себя гораздо увереннее и начали вести себя в Индии нагло и бесцеремонно. Они вмешались в войну между раджами Каликута и Кочина в 1536 г. на стороне Кочина. В Диу была построена церковь Св. Фомы, которая в 1544 г. была превращена в собор Кастелу.

Такие действия португальских колонизаторов вызвали крайнее недовольство и возмущение Бахадур-шаха, который чувствовал, что

его суверенитет ущемляется и попирается захватчиками. Сожалея об уступках, предоставленных португальцам, он решил избавиться от чужеземного ига и призвал правителей Малабара изгнать португальцев из Индии. Одновременно с просьбой о помощи он обратился к турецкому султану Сулейману I Великолепному, и тот немедленно ответил согласием. В марте 1537 г. португальцы заманили Бахадур-шаха в западню в Дели, где он был убит.

В середине XVI в. вокруг португальских крепостей жили группы женатых португальцев, однако они не были достаточно защищены в военном отношении. Поэтому вице-король Константину де Браганса послал из Гоа флот и солдат, чтобы укрепить Малабарское побережье.

Этот вице-король пытался решить проблемы Малабара, назначая требовательных и строгих комендантов крепостей. Это привело к серьезным конфликтам с местными правителями, которые прежде имели хорошие отношения с португальцами. Так, новый комендант крепости Кананора вскоре вступил в конфликт с раджой, в результате чего вспыхнули мусульманские волнения. С этого времени начались так называемые «малабарские войны», продолжавшиеся почти до конца правления Константину. В ходе этих войн был убит инспектор финансов, прибывший в Кочин для погрузки корабля. Восстание охватило огромную территорию от Дели до мыса Коморин. Португальцам удалось подавить это широкомасштабное восстание мусульман только после того, как они подтянули к Малабарскому побережью свои военные суда из Китая, Молукк, Малакки, Бенгелы и других мест.

Малабарские монархи, за исключением саморина Каликута, в ходе восстания сохраняли нейтралитет и ограничились тем, что наблюдали за военными действиями между португальцами и маврами. Ситуация мало изменилась и после того, как в 1561 г. Константину де Браганса уступил пост вице-короля графу Франсиску Коутинью. Самое крупное восстание мусульман имело место в 1571 г., когда они овладели крепостью в Чауле.

В 1567 г. португальские колониальные власти запретили маврам и «неверным» плавать на португальских военных судах. Было запрещено также продавать им корабли и оружие, которое могло быть исполь-

зовано против христиан. Предписывалось также установить строжайший контроль над селитрой, ввозимой в крепости для изготовления пороха, поскольку она могла попасть в руки «неверных».

К середине XVI в. португальцы убедились в том, что их крепости не в состоянии решить существующие проблемы.

В начале 60-х гг. XVI в. появилась идея разделить огромные португальские владения в Индии на три административных района, чтобы легче было ими управлять. Но вскоре пришлось отказаться от этой идеи, так как между администраторами постоянно возникали трения. Мини-войны, ставшие в Индии обычным делом, вынуждали комендантов крепостей заключать договоры с индийскими раджами, поскольку вице-короли уже были не в состоянии осуществлять контроль над всей территорией.

Португалия на Цейлоне

Португальцы впервые появились на Цейлоне в 1505 г., ровно через семь лет после того, как Васко да Гама высадился на западном берегу Индии. По прибытии они установили контакты с королем Котте — самым могущественным государством Цейлона.

Португальцы имели две цели — сооружение опорных военных фортов и вывоз пряностей и других товаров.

В 1518 г. эскадра из 17 кораблей под командованием вице-короля Лопу Соариша де Албергариа прибыла на Цейлон и с разрешения короля Котте, согласившегося стать вассалом и данником короля Португалии, построила там форт Коломбо, вскоре превратившийся в опорную и торговую базу на Цейлоне.

Короля Котте приперли к стенке, и ему пришлось «добровольно-принудительно» платить королю Португалии ежегодную дань (400 мешков корицы и 100 слонов).

В 1521 г. на Цейлоне вспыхнуло восстание, окончившееся убийством короля. На троне оказался его старший сын Бхуванаика. Но два его брата возглавили маленькие государства, причем один из них — Майадуне — обосновался в Ситавака, в 30 милях от Коломбо. Между

тремя братьями, как это часто бывает, разразилась междоусобная война.

Чтобы удержаться у власти, Бхуванайка вынужден был «бить челом» перед португальцами, нижайше прося у них помощи. А Майадуне обратился за помощью к злейшему врагу португальцев — правителю Каликута. В последнее время Майадуне постоянно прибегал к помощи военно-морских сил Каликута, в то время как Бхуванайка знал, что мог рассчитывать на помощь португальских эскадр. В то же время Бхуванайка сохранял определенную степень независимости и не стал португальской марионеткой. Это видно из того, что он отказался принять христианство.

По странной иронии судьбы присутствие в Ситавака Майадуне — союзника саморина помогало ему сохранять свои позиции, так как он действовал в соответствии с заветом Бисмарка: «Угрожать союзом с врагом, чтобы сдерживать португальских друзей».

К 1540 г. португальцам удалось установить политический и военный контроль над Цейлоном. Но этого им было мало. Им был нужен идеологический контроль. Страна наполнилась католическими миссионерами, которые начали бешеную охоту за душами «погрязших в ложных религиях» цейлонцев. И конечно же, в первую очередь их интересовала душа короля Бхуванайки. Перед миссионерами поставлена задача номер один — обратить его в католическую веру. И вот монах Жуан пишет вице-королю 4 октября 1545 г.: «Король Котте, по своему обыкновению, с почтением принял вашего посла. Посол заверил его в дружбе нашего короля и португальцев и сказал ему, что он должен стать христианином. Он ответил, что всегда будет верен нашему королю, но, что касается его религии, он никогда не покинет ее».

В письме Андре де Соуза принцу Энрики от 15 ноября 1545 г. читаем: «Когда я был на Цейлоне, я вместе с двумя монахами-францисканцами долгое время убеждал сына короля Цейлона стать христианином. Я сумел повлиять на него и собирался вместе с ним плыть в Гоа, чтобы сделать его христианином, когда король услышал об этом и вероломно предал сына смерти. Когда тот был мертв, король приказал его кремировать со всеми почестями в соответствии с их обычаями <...> После этого король хотел убить и двух младших сыновей и меня

вместе с ними. Но меня об этом предупредили. Я укрылся в церкви вместе с ними и с 40 или 50 португальцами и многими христианами, которые были в стране. И там я сделал сыновей короля христианами, что очень разгневало отца. Я уехал вместе с ними в Индию».

Причины, по которым Бхуванайка не хотел стать христианином, он изложил в письме к вице-королю от 12 ноября 1545 г. Он пишет: «Причина, по которой я не хочу, чтобы мои люди становились христианами, состоит в том, что они становятся ими, только когда убивают, грабят или совершают другие преступления <...> Они становятся тогда христианами из-за страха, после чего не желают платить мне пошлины и налоги <...> Я направил посла (в Лиссабон), чтобы укреплялась наша дружба, а не для того, чтобы стать христианином».

Ответ, который Бхуванайка прислал на предложение стать христианином, был тверд и категоричен: «Никогда в мою голову не приходила такая мысль, и я не могу быть христианином <...> Никто, будь он великим или маленьким, не зовет "отцом" никого, кроме своего собственного отца, и я не могу верить в другого Бога, кроме моего собственного».

Фактически то же самое он написал в письме к королю Жуану III 7 декабря 1548 г.: «Ваше Величество пишет мне, что Вы недовольны мною, ибо мой посол, будучи в Королевстве, сказал Вам, что я собираюсь стать христианином. Такое заявление я не делал <...> В этом мире существуют и Ваша дружба, и мой Бог».

Видимо, упорный отказ короля Котте принять христианство заставил португальский королевский двор пересмотреть свою прежнюю политику в отношении острова. Он решил ее диверсифицировать, включив в сферу своего влияния, кроме королевства Котте, также королевства Канди и Джафна.

Правителем феодального государства Канди был Викрама Баху. Он был вассалом Бхуванайки, на сестре одной из жен которого был женат. Однако в начале 40-х гг. XVI в. короли Канди и Джафны вышли из-под повиновения и стали проводить самостоятельную политику.

Чтобы вернуть их к прежнему статусу своих вассалов, Бхуванайка пытался опереться на помощь своих покровителей — португальцев. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо брату португальского короля Луишу от 28 ноября 1543 г.: «Я довожу до Вашего сведения,

что королевства Канди и Джафна принадлежали моему королевству и были моими вассалами, и поэтому прошу Ваше Высочество вместе с королем — Вашим братом помочь мне вернуть их в свое владение, так как они принадлежат мне по праву».

Однако за помощью к португальцам обратился не только Бхуванайка, но и король Канди Викрама. В ответ на это обращение в Канди в марте 1543 г. приехали Мигел Феррейра и Амару Мендиш, который должен был стать фейтором, но с ними было так мало людей, что они не смогли учредить факторию и ни с чем вернулись в Индию.

Тогда Викрама делает еще более сильный ход, который должен был, по его расчетам, обеспечить ему поддержку португальцев.

В письме местного чиновника губернатору от 5 октября 1545 г. читаем: «Король Канди написал письма Франсиску Алваришу, овидору и мне <... > В них он уверяет, что он и его сын жаждут стать христианами». В дальнейшем Викрама расширил свое предложение, выразив пожелание обратить в христианство всех своих подданных, платить дань и иметь в своей стране факторию и португальскую охрану. Об этом мы читаем в письме от 13 октября 1545 г., под которым стоят две подписи: Викрама Баху и Нуну Алвариша Перейры. Последний посоветовал губернатору немедленно послать 30 или 40 португальцев на помощь королю Канди.

Викрама надеялся с помощью португальцев сбросить с себя узы вассалитета. Но Бхуванайка попытался силой вернуть его к повиновению и объявил ему войну.

Любопытно, что в союзе с Бхуванайкой против короля Канди выступил Майадуне, который таким путем надеялся вернуть себе дружбу брата и португальцев.

В коллекции документов, опубликованной в 1927 г. в Лейпциге, есть любопытное письмо Жоржи Велью губернатору Индии от 13 ноября 1545 г., в котором говорится: «Король Канди направил меня к Вашему Превосходительству в качестве своего посла просить, чтобы Ваше Превосходительство прибыли крестить его и сделать христианином, ибо он, его сын и весь его народ жаждут стать христианами. Он говорит, что выдаст свою дочь замуж за того, кого пожелает Ваше Превосходительство».

Андре де Соуза сообщил королю Жуану III в письме от 20 декабря 1545 г.: «Сюда прибыли несколько монахов с письмами и приветами от короля Канди губернатору и принцам. В письмах он пишет, что его дети и все его королевство хотят стать христианами и что он хочет отдать свою дочь замуж за принца, который был здесь с нами <...> ибо кроме Цейлона (Котте. — А.Х.) пытаются отнять у него королевство для того, чтобы укрепиться там и вести войну против португальцев, и что он предпочитает отдать его Вашему Величеству, чем им».

25 апреля 1546 г. Андре де Соуза со своим отрядом из 40 португальцев прибыл в столицу Канди. Но вскоре им стало известно, что они опоздали со своей помощью, так как еще в феврале между Викрамой и Майадуне был заключен мир с уплатой последнему большой суммы денег.

Вскоре выяснилось, что все, чего хотели португальцы, — это денег. «Португальцы, которые были с нами, — сообщает аббат Антониу, — полностью проявили перед королем Канди всю свою вожденную страсть к деньгам». В другом письме он рассказал: «Мы пришли навестить его в два часа ночи. Португальцы тотчас же стали требовать деньги и столь напористо, что король понял, что без этого мы не уйдем. Он согласился дать нам 300 парданов».

После этого Андре де Соуза и его люди вернулись в Индию, оставив о себе на Цейлоне недобрую память и нанеся большой ущерб престижу Португалии.

Вскоре губернатор Индии Антониу Мониз Баррету узнал, что дочь Викрамы, чьей судьбой он хотел распорядиться, уже отослана в Котте в качестве невесты юного Дхарма Пала. Еще большее неудовольствие губернатора вызвало требование королем Канди территориальных приращений в качестве цены за принятие христианства.

К этому времени, судя по всему, Викрама полностью разочаровался в португальцах. Их ненасытная алчность, заносчивость и беспардонное поведение на Цейлоне превратили его из друга португальцев в их врага. Об этом мы узнаем, в частности, из письма аббата Антониу епископу Гоа от 25 ноября 1546 г., в котором он пишет, что король Канди, «избавившись от необходимости быть христианином, игнорирует свое христианство, не имеет веры в Бога и не хочет, чтобы кто-либо,

кроме рабов, был обращен, а если кто-либо тайно становится христианином, он его тотчас же продает в рабство. Он не выполняет то, что обещал сеньору губернатору в своих письмах и соглашениях. Он заявил, что ничего не знает об этих письмах, ибо их писал Нуну Алва-риш, а его заставлял их подписывать».

Когда губернатором Индии стал Жоржи Кабрал, король Котте отправил ему большую сумму денег, прося прислать эскадру, чтобы помочь ему в войне против Майадуне. Жоржи Кабрал отправил на Цейлон отряд из 600 португальцев во главе со своим дядей Жоржи де Каштру.

Португальцы нанесли поражение Майадуне, отвоевали у него некоторые территории и передали их королю Котте. После этого Жоржи де Каштру со своим отрядом вторгся в Канди, несмотря на энергичные протесты Викрамы. Как свидетельствовал вице-король Афонсу де Норонья в письме Жуану III от 16 января 1551 г., когда Жоржи де Каштру «вошел туда и был уже в одной лиге от столицы, военачальники Канди с людьми этой страны напали на него и разгромили, убили почти 200 его людей, многих ранили и захватили много оружия и имущества <...> Некоторые и особенно аббат Антониу, находившийся с королем Канди, придерживаются мнения, что наши люди были убиты по наущению короля Котте, который просил короля Канди атаковать их».

Особенно большой интерес представляет та часть цитируемого письма, в которой перечисляются факты произвола, насилий, беспардонных требований и вымогательств, которыми характеризовалось поведение португальцев на Цейлоне. Они вели себя там как завоеватели на оккупированной территории, и это не могло не вызывать возмущения и сопротивления со стороны короля и народа Котте. Афонсу де Норонья пишет королю: «Король Котте не наказывает тех, кто снес церковь и крест, поскольку церковь построена без его разрешения и согласия и на месте, где были их пагоды <...> Мой первейший долг доложить Вашему Величеству, что, как я обнаружил, португальцы так сильно потеряли свой престиж, что люди этой страны при всякой возможности говорят им, чтобы они убирались к Канди <...> Я потребовал от короля Котте сто тысяч парданов в уплату за провизию и жалованье людям, участвовавшим в войне. На это он мне ответил, что у него нет

денег, поскольку он платил большие суммы губернаторам и потратил 50 000 парданов на экспедицию Жоржи».

Это письмо следует считать важным и ценным источником, особенно если принять во внимание личность его автора.

Афонсу де Норонья был назначен Жуаном III в 1550 г. вице-королем Индии и занимал этот пост до 1554 г. Он проявил себя как умный и энергичный администратор. В период его правления был учрежден совет, который должен был помогать вице-королю решать важные вопросы. Афонсу Норонья успешно руководил обороной Ормуза, Тернате, Малакки и Кочина.

Как многоопытный политик, Афонсу де Норонья прекрасно понимал стратегическую и экономическую ценность Цейлона для португальской короны. Он писал Жуану III 16 января 1551 г.: «Сеньор, Цейлон — это остров в 70 лигах отсюда, страна очень здоровая, с прекрасным климатом, очень плодородная, хорошо обеспеченная провизией. Если обрабатывать пригодные для этого земли, здесь можно производить столько, сколько пожелаешь. В стране есть в изобилии лес для строительства любых судов, мачт и рей; железо, смола, кокосовые волокна. Кроме того, Цейлон близок к Мальдивским островам <...> Там много драгоценных камней и золота, а народ здесь имеет такой характер, что легко может быть подчинен и обращен в христианство, если мы не будем обращать внимание на некоторых мавров, которые здесь есть и которых легко отсюда изгнать. Из Португалии до Цейлона можно добраться в любое время года. Он находится очень близко к Индии, откуда всегда можно послать помощь при любых непредвиденных обстоятельствах. Цейлон может быть и местом для отступления для португальцев <...> Поэтому я полагаю, что мы должны построить очень большой и сильный форт, где можно будет в случае необходимости обороняться, в порту Коломбо — ближайшем порту к Индии».

Об особой стратегической и экономической значимости Цейлона для Португалии писал также в своей замечательной книге «Сума Ориентал» («Сущность Востока») Томе Пириш (1-е изд., 1550 г.). Этот выдающийся португальский хронист XVI в. свидетельствует: «Остров Цейлон очень большой: он составляет 300 лиг в окружности, гораздо

больше в длину, чем в ширину. Он густо населен. Там много поселений и больших молитвенных домов». С воцарением Коннапи Канди обрело не только новую династию, но и новую роль в истории Шри-Ланки (Цейлона). Все это отвлекло внимание раджу и спасло Коломбо. Но захватив власть, Коннапи повернул возродившуюся мощь Канди против португальцев, которые теперь имели двух врагов. Смерть раджу в 1593 г. устранила одного из них и привела к медленной деградации его королевства.

Падение Ситавака было столь же стремительным, как и его возвышение. Ссора из-за престолонаследия и бегство командующего сингальскими войсками позволили португальцам в течение одного года захватить все земли, которые короли Ситавака присоединяли к своему королевству на протяжении многих лет.

К 1594 г. португальским владением стало Котте, которое большой Джарма Пала подарил королю Португалии (1580).

Вскоре после того, как Ситавака оказалась в их руках, португальцы добились нового успеха в северной части Цейлона.

За исключением короткого периода (1412—1467) полуостров Джафна в течение двух веков перед прибытием португальцев был политически отделен от королевства Котте. Португальцы время от времени проявляли интерес к Джафне, главным образом в связи с жалобами христиан Маннара на преследования со стороны короля Джафнапатана. Несколько португальских карательных экспедиций были безуспешными, но в 1591 г. вице-король прислал в Джафнапатан войско из 1200 солдат во главе с Андре Фуртаду де Мендонса, лишил трона короля и заставил его 200-тысячную армию отступить.

Посадив на трон своего ставленника, португальцы получили контроль над Джафнапатаном. Имея в своих руках это королевство и Котте, они стали думать о завоевании Канди, что поставило бы под их контроль весь остров Цейлон.

В 1594 г. в Коломбо прибыл из Индии Перу Лопиш де Соуза со свежими подкреплениями. Вскоре португальские войска вторглись в Канди. Король бежал в горы, и Лопиш де Соуза посадил на трон одну из принцесс. Казалось, португальцы завоевали весь остров менее чем за 5 лет. Однако позиции португальцев в Канди были быстро подо-

рваны. Они вскоре потеряли два важнейших элемента, на которых базировалась их власть: народ и армию. Народ был потерян, поскольку португальские офицеры, окружавшие королеву, лишили его доступа к ней. Ходили слухи, что она выйдет замуж за португальского фидалгу, и это еще больше отдалило от нее консервативных сингалов. Сингальские солдаты стали проявлять враждебность, когда их популярный командующий был убит Перу Лопишем по подозрению, что он был в сговоре с бывшим королем Канди. Его казнь имела своим следствием массовое дезертирство сингальских солдат. После этого исчезла надежда удержать Канди, и Перу Лопиш решил отступить. Однако бывший король Канди отрезал ему путь к отступлению, атаковал и в битве при Дантура (около города Канди) наголову разгромил, частично истребил, частично взял в плен всю португальскую армию. Эта битва 6 октября 1594 г. явилась крупнейшим поражением, которое потерпело португальское войско на Цейлоне.

Битва при Дантура явилась критически важным событием в истории Канди. Если бы эта битва была выиграна португальцами, они бы выдали замуж королеву за фидалгу, и королевство оказалось бы в их руках. Аннексия и прямое управление были бы вопросом времени. Дантура спас Канди от этой участи и сохранил его независимость.

Битва при Дантура занимает особое место в истории Цейлона. Португальцам пришлось на время отложить реализацию своих целей, но они никогда не могли смириться с существованием независимого государства Канди. Отсюда — полувековой конфликт между Канди и португальцами. Он истощил материальные и человеческие ресурсы обеих сторон. Португальцы начали вторжение, имея одну из самых многочисленных армий, которую когда-либо удавалось собрать на Цейлоне. Оценки ее численности колеблются от 600 до 1200. Они имели также в своем распоряжении значительные местные войска.

После Дантура позиции короля Канди очень укрепились. Его победа способствовала росту его популярности. Народ Канди видел в нем избавителя от ига португальцев и короля Ситаваки.

После Дантура король Канди стал готовиться к неизбежной войне с португальцами. Он создал многочисленные мастерские для изготовления огнестрельного и другого оружия. В некоторых районах

была начата добыча драгоценных камней. Стали возделывать пустовавшие земли. Опасаясь, что португальцы наложат эмбарго на импорт индийского текстиля в Канди, король поощрял выращивание хлопка.

Король усилил свое влияние и популярность с помощью религиозных буддийских церемоний. Он вдохнул новую жизнь в буддизм в Канди. Важнейшей из его мер было строительство буддийского храма (вихара) в столице рядом с королевским дворцом для так называемого «Зуба Будды».

Народы ряда стран Азии по традиции верят, что Зуб Будды был спасен от пламени во время кремации Гаутамы Будды в Кисинаре в 544 г. до н.э. и сохранялся 800 лет в Дантапуре в Калинге, откуда был перевезен на Цейлон в IV в. Правитель Пегу относился к Зубу Будды с таким почтением, что ежегодно присылал послов с богатыми подарками для этой святыни. Этому правителю астрологи предсказали, что он женится на сингальской принцессе. В 1566 г. он потребовал ее себе в жены и, женившись на ней, согласно легенде, потребовал Зуб Будды, который якобы был отправлен к нему в Арракон.

Однако это только легенда. В действительности же накануне португальского вторжения Зуб Будды находился в храме (вихара) в столице Канди. В течение веков он считался символом безопасности сингальских монархий, а тот, кто им владел, считался законным правителем.

После вторжения португальцев в Канди среди захваченных ими сокровищ оказался и священный Зуб Будды («Далада»), которому поклонялись народы Южной и Юго-Восточной Азии. Португальцы, захватив Зуб Будды, надругались над религиозными чувствами и традициями народов Азии. Они отправили его в Гоа. Правитель Пегу, услышав, что эта святыня попала в руки португальского вице-короля, послал к нему гонцов, чтобы предложить за нее 300 000 дукатов. Он готов был увеличить эту сумму до 1 000 000 дукатов. Однако вице-король созвал знатных людей из духовенства и дворян, чтобы обсудить вопрос, что делать с Зубом Будды. После долгих и бурных дебатов было решено отвергнуть предложение правителя Пегу и уничтожить Зуб. Он был растерт в ступке в порошок и затем сожжен.

В 1594 г. вице-король назначил главнокомандующим (капитан-жералом) войск на Цейлоне Жерониму де Азеведу. Перед Азеведу была поставлена задача — восстановить власть Португалии над королевством Котте. Выполнение этой задачи заняло 7 лет. Сокрушительное поражение португальцев под Дантура явилось детонатором, вызвавшим серию антипортугальских восстаний.

Вскоре все земли Котте были охвачены восстаниями, и «у португальцев не осталось ничего, кроме Коломбо и Галле».

Вождь восстания Едирилле Рама вывел против Азеведу 12—15 000 воинов и несколько боевых слонов. В битве при Падукка португальцы потеряли 134 человека убитыми и 118 ранеными.

Только прибытие лояльных к ним сингальских войск во главе с Самараконе спасло португальцев от нового Дантура. По свидетельству Кейружа, их бегство было больше похоже «на кошмар, чем на военное отступление». В течение 3 дней перед прибытием сингальских войск португальцы «держались лишь на воде и надежде».

Португальские и сингальские войска сумели очистить территорию от повстанцев и захватили казну Едирилле Рама.

Торговля корицей приносила португальцам значительные прибыли. После установления эффективного португальского контроля над большей частью Цейлона в 1620-х гг. ежегодно экспортировалось более 1500 бахаров корицы, а в 1630-х гг. — 2000 бахаров.

Таким образом, главное изменение, осуществленное португальцами за 50 лет их господства над Цейлоном, состояло в том, что они прервали связи Цейлона с арабско-индийско-океанской торговой системой. На практике это означало, что рынки корицы были перемещены в португальские порты западной части Индийского океана. Португальцы стремились централизовать торговлю Цейлона в нескольких портах — Коломбо, Галле, Маннар и Джафна, чтобы облегчить себе взимание таможенных пошлин. Крупнейшим портом, через который шла португальская торговля, стал Коломбо, где возникло много новых рабочих мест, вследствие чего туда хлынул поток мигрантов из соседних районов.

Галле также вырос в крупный порт южного Цейлона и место стоянки португальских судов, шедших из западной Индии в порту-

гальские порты Малакка и Макао. Подобным же образом на севере быстро вырос порт Джафна, а вокруг него возникло городское поселение.

Хотя поначалу португальцы были настроены крайне враждебно по отношению к арабам и другим мусульманским торговцам в Индийском океане и время от времени вводили правила, ограничивавшие их миграцию и расселение в прибрежных районах Цейлона, эта враждебность постепенно убывала на Цейлоне, как и в других частях Индийского океана. В период преследований мусульманские купцы селились в более мелких портах вдалеке от главных центров португальского господства. Так, Путталам и Калпития превратились в центры мусульманской торговли. На восточном побережье ими стали порты Баттикалоа и Коттияр. Многие мусульмане мигрировали во внутренние районы — в королевство Канди. Португальцы не могли обойтись без мусульманских грузоотправителей в своей цейлонской торговле, и к середине XVII в. уже существовали значительные мусульманские поселения в крупных портах — Коломбо, Галле, Джафна и Маннар.

Португальцы были менее враждебны к индусским купцам южной Индии и северного Цейлона. Их торговая деятельность продолжалась и даже возросла под португальским покровительством. Общины купцов из Канди существовали в Коломбо, Негомбо, Чилаве, Маннаре и Джафне. Они имели тесные связи с королевской семьей Канди и были экспортерами товаров этого королевства и импортерами товаров для его правящей элиты.

В течение многих десятилетий вплоть до 1656 г., когда в результате начавшихся в 1638 г. португальско-голландских войн Коломбо был захвачен голландцами, Цейлон был фактически колонией Португалии. Постоянные войны против турок и индийцев не помешали португальцам прочно удерживать крепости на Малабарском побережье Индии — в Гоа, Диу, Дамане, Салсетте, Бассейне, Чауле и Бомбее, а также на Цейлоне, который подчинялся вице-королю в Гоа. Наряду с Гоа и Малаккой Коломбо на Цейлоне в течение длительного времени был одним из ключевых пунктов португальской колониальной империи.

Португальский меч над Африкой и сопротивление африканских народов

Первыми европейцами, появившимися в Тропической Африке в роли завоевателей, были португальцы. Уже в начале XV в. они начали колониальные захваты в Западной Африке, в начале XVI в. построили вдоль западноафриканского побережья целую сеть фортов, которые должны были служить не только надежными военными базами и плацдармами для завоевания глубинных территорий, но и военной защитой от покушений со стороны «цивилизованных» соперников из Европы. Франция, Англия и другие европейские державы никогда полностью не признавали буллу папы Николая V 1454 г., которая щедро подарила всю Африку Португалии.

Устанавливая контакты с африканскими правителями, португальцы старались собрать как можно больше информации об этих странах, прежде всего их интересовали (ему понятно почему) численность и вооружение их армий. Сбору этой информации в Лиссабоне придавали первостепенное значение. Во всех королевских инструкциях содержалось неременное требование выяснять все, что касается населения, размеров и силы африканских государств. Кроме обычной армии португальский король имел в Африке не менее многочисленную армию лазутчиков и шпионов. Степень осведомленности королевского двора о ситуации в африканских странах была поразительно высокой.

Португальская корона требовала от своих подданных держать рот на замке, сохранять информацию об Африке в глубокой тайне, чтобы, не дай бог, она не просочилась к торговым конкурентам.

К середине XVI в. предприимчивые, изобретательные и всюду сующие свой нос португальские лазутчики уже собрали довольно полную и разностороннюю информацию о самых крупных африканских государствах, особенно на западном побережье континента.

Первое, что выясняли португальские лазутчики, — это наличие или отсутствие в стране золота.

«Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке, — писал Энгельс, — золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»²³.

Уже в начале XVI в. в Лиссабон стали поступать сведения о том, что в Восточной Африке есть таинственное государство Мономотапа, владеющее богатейшими запасами золота. Однако абсолютными хозяевами восточноафриканской торговли и прибрежных городов в то время были арабы. Португальцам пришлось вести долгую и упорную борьбу с арабами за монополию на торговлю в Восточной Африке и в Индийском океане

Захват Алмейдой Момбасы в 1505 г. и разгром португальцами огромного мусульманского флота в битве при Диу в 1509 г. окончательно решили вопрос о том, кто будет в XVI в. хозяином Индийского океана. Весь торговый путь от Лиссабона до Малаккского пролива оказался в руках португальцев. Существовавший в течение ряда веков арабский контроль над побережьями и водами Индийского океана был отправлен на свалку истории. Этот контроль надолго перешел в руки португальцев.

Наконец-то для них, говоря современным языком, был зажжен зеленый свет для завоевания «африканского Эльдорадо» — легендарной Мономотапы.

Однако Мономотапа оказалась «крепким орешком» для колонизаторов. Эпопея героической и полной актами самопожертвования борьбы населявшего Мономотапу народа шона за спасение природных богатств своей страны должна быть яркими буквами вписана в историю борьбы народов Африки против колониализма.

Источники рисуют богатую событиями и полную драматизма историю раннего восточноафриканского государства Мономотапа, историю, в которой были (разумеется, с поправкой на эпоху) свои Наполеоны, Фуше, а также Лавали и Петэны.

²³ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 408.

Вступив в 1568 г. на португальский трон, 14-летний король Себастьян назначил командующим экспедицией бывшего генерал-губернатора Индии Франсишку Баррету, которому были обещаны должность губернатора Момотапы и титул «Завоеватель рудников». Ему было положено фантастическое жалованье — 100 000 крузадо в год.

Баррету отплыл из порта Мозамбик со всеми своими солдатами, лошадьми, ослими, верблюдами, оружием и инструментами для работы в рудниках вверх по реке Замбези и достиг Сена. Здесь в ноябре 1569 г. он разбил лагерь. Когда с началом сезона дождей многие его люди заболели малярией, он заподозрил живших неподалеку арабов в том, что они отравили продукты. По свидетельству хрониста, «Баррету приказал тайно окружить мавританскую деревню. Португальцы убивали всех, кто попадался им на пути, а главных людей взяли в плен». Согласно тому же источнику, «португальцы ежедневно привязывали пленных попарно к жерлам больших пушек, которые разрывали их на куски, чтобы вселить ужас в других». Единственное исключение они сделали для одного араба, пожелавшего принять христианство. К нему проявили великую милость и снисхождение — вышеописанная казнь была «великодушно» заменена... повешением!

К великому удивлению Баррету, и после этой зверской экзекуции смертность среди португальцев не только не уменьшилась, но продолжала возрастать.

Направившись в Чикоя, где, по слухам, находились серебряные рудники, Баррету натолкнулся на отчаянное сопротивление монгас — предков шона, живших в бассейне Замбези. По свидетельству жившего там в то время монаха-доминиканца Жуана душ Сантуша, «шона были черными язычниками, очень храбрыми и самыми воинственными из племен, которые жили на этих реках, и поэтому они доставили великие трудности нашим завоевателям, с которыми у них было множество битв»²⁴.

В боях с португальскими завоевателями монгас проявляли исключительное упорство и мужество. Особенно тяжелый характер носила

²⁴ Santos J. dos. *Ethiopia Oriental* // *Theal G.M. Records of South-Eastern Africa*. Cape-Town, 1964. Vol. II. P. 263.

трехдневная битва с монгас в июле 1572 г. к югу от Замбези между Сеной и Тете. Благодаря мушкетам, аркебузам и пушке 600 португальцев, поддержанных 200 африканцами, сумели нанести поражение 10—12 000 монгас, вооруженных луками, копьями и топорами.

Сантуш рассказывает, что перед сражением из рядов африканцев вперед вышла старая женщина, которая, бросив горсть пыли в сторону португальцев, заявила, что ослепит их всех, после чего их легко будет разбить и взять в плен. Благодаря этому обещанию колдуньи африканцы двинулись настолько уверенные в победе, что взяли с собой веревки, чтобы связать португальцев, как овец. Однако выстрелом из фальконета эта женщина была убита. «За это губернатор снял с шеи цепочку с талисманом и надел ее на шею главному канониру. Кафры же были крайне удивлены неожиданным событием и опечалены смертью своей колдуньи, на которую очень надеялись. Однако они были не так напуганы, чтобы оставить битву, но, наоборот, начали ее и сражались очень храбро».

Описание этого инцидента мы находим и у Д. де Коуту, который подтверждает, что гибель колдуньи «не помешала кафрам обрушиться на наших людей... с неистовыми криками и воплями, размахивая своими мечами и дротиками, которые они называют помберас».

Баррету приказал подпустить наступавших плотными рядами монгас поближе, а затем с близкого расстояния открыть по ним огонь из фальконетов и ружей. По словам де Коуту, «этим залпом было убито столько людей, что поле покрылось трупами, а когда дым рассеялся, кавалерия и пехота атаковали приведенную в замешательство толпу кафров. Их рубили до тех пор, пока они не отступили, оставив на поле боя более шести тысяч трупов, не считая многих умерших в пути». Второй бой два дня спустя был еще более яростным. Монгас использовали боевой порядок в виде полумесяца, который позже применяли и сделали знаменитым зулусы в борьбе с англичанами. Это принесло монгас блистательную победу. В третьем бою португальцы, число которых было значительно уменьшено войной и болезнями (главным образом сонной болезнью, вызываемой мухой цеце), были вынуждены защищаться за частоколом, затем отступить в Сену. Огромная армия, с которой Баррету начинал свою экспедицию, теперь уменьшилась до

180 человек. Это были уже не прежние блиставшие выправкой и верящие в легкий успех сытые и самонадеянные солдаты, а истощенные, больные, голодные люди, не думающие ни о чем другом, как только поскорее выбраться из «проклятого африканского ада». Через две недели после возвращения в Сену в мае 1573 г. Баррету заболел и умер от малярии. Его преемник Васку Фернандиш Онем, действуя в соответствии с особыми инструкциями, которые следовало вскрыть только в случае смерти Баррету, и советами иезуита Монкларуша, погрузил остатки разбитого войска на корабли и отплыл в Европу.

Итак, первый этап войны Португалии против Мономотапы (1569—1573) закончился бесславно для португальцев. Колонизаторы на горьком опыте убедились, что захват золотых рудников — задача гораздо более трудная, чем они предполагали. По словам историка Даффи, «старый солдат Онем испытывал жгучую боль от толков по поводу провала знаменитой экспедиции».

Собрав новую армию более чем из 400 солдат, Онем, учитывая печальный опыт своего предшественника, решил достигнуть Маники не речным, а сухопутным путем.

В августе 1574 г. он отплыл в Софалу. Прибыв в этот порт, он направился к золотоносным землям Маники. Ему также предстояло пройти через земли вождя Китеве, который, по словам де Коуту, был «великим господином, самым могущественным из всех кафров в этих местах, за исключением мономотапы».

Чтобы задобрить этого вождя, Онем послал ему богатые подарки, прося разрешить ему пройти к рудникам. Однако правитель Китеве решительно воспротивился этому, поскольку, как сообщает источник, «он очень ценил торговлю португальцев, которая шла через Софалу и давала ему одежду и бусы, которые для этих кафров большее сокровище, чем для нас то, что собирался открыть губернатор, и он опасался, что, как только рудники будут открыты, все эти товары пойдут в королевство Чиканга, а он потеряет прибыли, получаемые от этого».

Будучи не в состоянии воспрепятствовать продвижению конкистадоров силой оружия, Китеве, по свидетельству участника этих событий де Коуту, решил применить уже апробированную тактику и «приказал прятать все съестные припасы и уходить из всех краалей, где

должны были пройти наши люди, а также засыпать все колодцы». Относившийся к африканцам со свойственным колонизаторам презрением, де Коуту в данном случае не может скрыть своего восхищения и изумления их изобретательностью и многозначительно добавляет: «Это показывает, что, хотя они кафры, они уж не такие варвары, чтобы не суметь использовать ту же стратегию, которую применяли короли Персии... когда в их королевство вторглись турки».

После нескольких стычек с местными племенами Одем достиг заветной цели своей экспедиции и разбил лагерь недалеко от места, где находится современный Умтали. Здесь, как это видно из письма Одема королю, он в течение девяти дней исследовал рудники, вырыл 600 ям и взял образцы золота в слитках и в порошке. Осмотрев рудники, португальцы еще раз убедились, что без применения механизированного и квалифицированного труда добыча руды будет малоэффективной. Одем добился от послов мономотапы передачи этих рудников в его собственность. Однако местный вождь Манаша отказался передать ему рудники, за что был схвачен и отправлен в Мозамбик. Сам Одем так описывал эти события в письме королю: «Туда прибыли три посла от мономотапы и отдали мне во владение все эти горы Бокиза и Чикоа. Они сказали сеньору Манаша, чтобы он немедленно отдал мне ямы, из которых добывают серебро, но тот не захотел это сделать, за что я его схватил... и держал в своей палатке закованного в цепи 16 дней». Манаша отказался сообщить врагам интересовавшие их сведения. Тогда португальцы предприняли интенсивные поиски серебряных рудников. Сантуш сообщает по этому поводу следующее: «Ни один кафр не осмеливался указать точное местонахождение рудников, ибо они очень боялись, что португальцы после открытия их отнимут у них земли и выгонят их, и потому они теперь все бежали, оставив страну португальцам, а также и для того, чтобы кто-нибудь из них не мог быть схвачен и принужден силой или пытками раскрыть тайну».

Таким образом, перед нами совершенно определенная картина массового героизма африканцев в борьбе с португальскими колонизаторами; народ Чикоа, поголовно ушедший в леса, продемонстрировал не только большую силу духа, готовность к самопожертвованию, но и высокую степень организованности. Как видно из источников, не нашлось

ни одного предателя, несмотря на «обещания и щедрые подарки, которые губернатор предложил каждому, кто покажет эти рудники».

В связи с этим Сантуш рассказывает весьма любопытный случай: «Однако в стране нашелся один кафр, который, рассчитывая на выгоды, которые он мог получить... решил показать ему камни, содержащие серебро, добытые на этих рудниках, но зарытые в другом месте, уверяя, что это и было место рудников. Это решение он осуществил и однажды ночью тайно прошел к месту, где, как он знал, были рудники, и, вытащив два камня весом около четырех или пяти фунтов каждый, зарыл их на большом расстоянии от рудников». После этого «он пошел к губернатору и сказал ему, что желает тайно раскрыть ему место рудников... при условии, что он даст ему за это определенное количество тканей и бус. Губернатор с великой радостью обещал дать ему все, что он просил, и, чтобы удовлетворить его, приказал дать ему несколько кусков ткани, а также приказал собрать роту солдат и пошел с ними и с кафром к месту, где он зарыл камни... Выкопав большой кусок земли, они обнаружили камни, при виде которых португальцев охватили радость и восторг. Трубы и барабаны в лагере помогли в праздновании этого открытия. Поскольку наступили сумерки, кафр сказал губернатору, что хочет идти домой и что, поскольку рудники уже открыты, он вернется рано утром. Губернатор позволил ему уйти, думая, что на него можно надеяться, так как он должен вернуться за тканью в добавление к той, которую уже получил, но он никогда не вернулся».

Когда обманутый португальский губернатор понял, что его попросту оставили в дураках, он решил отказаться от попытки завладеть рудниками.

«Видя, что нет средств открыть рудники, и что все кафры страны бежали с провизией, и он не может оставаться там много дней из-за нехватки продуктов, он спустился вниз по реке к Сене, оставив в Чикоа 200 солдат». Эти солдаты, укрывшиеся за частоколом в Чикоа, оказались в необычайно трудном положении, будучи со всех сторон окружены враждебным населением, стремившимся во что бы то ни стало избавиться от ненавистных чужеземцев. «Солдаты оставались в этом месте несколько месяцев, но не нашли никого, кто бы показал им то, что они желали знать, никого, кто бы продал за деньги провизию, кото-

рую они просили, и потому они вынуждены были отнимать ее силой у кафров и предприняли несколько походов в окружающую страну, где захватили много провизии и коров».

Понимая, что штурм укрепленного португальского форта — дело рискованное, африканцы решили покончить со своими врагами с помощью хитрости. Они послали своих людей сказать португальцам, что, «так как они их друзья, они раскроют им место серебряных рудников, которые те так страстно желают знать, чему наши люди очень обрадовались, думая, что трудности и голод, от которых они страдали, после открытия рудников будут хорошо вознаграждены». Оставив 40 человек для охраны форта, 150 португальцев двинулись за проводниками к высокой горе, где, как те уверяли, находились рудники. Но как только отряд вступил в густые заросли, на него набросились спрятанные в засаде 3000 вооруженных африканцев, «убивая и раня как можно больше». И поскольку португальцы «были окружены зарослями и атакованы со всех сторон врагом и не могли сражаться в соответствующем порядке, они были почти все убиты». Вскоре после этого были уничтожены и остатки португальского гарнизона, находившиеся в форте.

Таким образом, попытки Баррету и Омема овладеть богатствами междуречья окончились провалом, натолкнувшись на массовое сопротивление африканских племен.

Судьба двух экспедиций убедила португальскую корону в бесполезности попыток захватить хинтерланд Юго-Восточной Африки. Вскоре после этого Восточной Африке был дан статус капитании, подчиненной вице-королю Индии.

Португальцы теперь не рисковали выходить далеко за пределы своих крепостей в Тете, Сене, Мозамбике, Софале и других местах, расположенных недалеко от побережья. Но и там их жизнь не была безмятежной.

В 90-х гг. XVI в. португальцам пришлось вести изнурительную войну с воинственным и свободолюбивым племенем мазимба (зимба), обитавшим вдоль северного берега Замбези, напротив форта Сена, и принадлежавшим к этнической группе марави²⁵.

²⁵ Потомками этого племени являются современные мазимба — одно из племен, говорящих на диалекте языка ньнджа. Некоторые исследователи по-

Историю этой войны незаслуженно обходят молчанием историки, хотя она может служить неотразимым аргументом против распространенной легенды о том, что африканские народы легко подчинились португальской колонизации, ибо якобы были неспособны к сколько-нибудь длительному организованному сопротивлению.

Свидетельства источников дают основание полагать, что мазимба были знакомы с фортификационным искусством и были отличными военными тактиками.

Капитан Сантьягу, видя, что «предприятие будет гораздо серьезнее, чем он предполагал», и что «он привел слишком мало людей, чтобы атаковать столь сильного врага и его крепость», раскинул лагерь и послал письмо капитану Тете Чавесу. Тот поспешил на помощь с отрядом в 100 человек. Однако мазимба узнали о подходе португальских подкреплений и решили любой ценой помешать их соединению. Они послали своих разведчиков, которые должны были вести постоянное наблюдение за колонной Чавеса и сообщать о ее маршруте. Узнав от этих агентов, что португальцы расстроили свой боевой порядок и беззаботно спят в гамаках и паланкинах, которые несут рабы, мазимба ночью под покровом темноты тайно покинули крепость «и внезапно напали на них с такой стремительностью, что в короткое время они все были убиты, ни один не остался живым. Когда они были мертвы, мазимба отрезали им ноги и руки, которые унесли на спине вместе со всем их багажом и оружием».

По свидетельству Сантуша, который сам был очевидцем этих событий, мазимба «отпраздновали победу, играя на множестве дудок и барабанов. На следующий день на рассвете они вышли из крепости. Вождь был одет в ризу... неся в левой руке золотой кубок, а в правой — дротик. Все другие зимба несли на спинах конечности португальцев и голову капитана Тете на острие длинного копья и били в барабан, который они взяли у него. Так, с громкими криками и воплями они прошли на виду у Андре де Сантьягу и всех бывших с ним португальцев и показали им все эти вещи. После этого они отступили в свою крепость,

лагают, что название «зимба» португальцы применяли ко всякому чересчур воинственному и дикому племени.

угрожая, что то, что они сделали с людьми из Тете, которые пришли на помощь их врагам, они сделают и с ними».

Эта демонстрация, проведенная мазимба, имела именно тот психологический эффект, на который они рассчитывали. Приведенные в ужас этим зрелищем, португальцы решили с наступлением ночи незаметно уйти от крепости. Однако улизнуть незамеченными им не удалось. В тот момент, когда они пытались переправиться через реку, «их услышали мазимба, которые сделали вылазку из своей крепости и обрушились на них на берегу реки. Среди убитых был и Андре де Сантьягу». Всего они убили в этих боях 130 португальцев, в том числе капитанов фортов Тете и Сена. При этом их собственные потери были ничтожными. Эти чувствительные поражения мазимба нанесли португальцам в 1592 г. После этого победоносные мазимба практически стали хозяевами обоих берегов Замбези в районе Сены, чиня препятствия португальскому судоходству и торговле. В 1593 г. капитан Мозамбика Педру де Соуза решил наказать и отогнать от Замбези это ставшее опасным для португальцев племя. Он двинулся против них во главе большого войска из 200 португальцев и 1500 африканцев. Переправившись на другой берег Замбези, он прошел сушей к крепости мазимба и разбил лагерь в том же месте, что и его неудачливый предшественник Сантьягу. Там он приказал открыть огонь из пушек по стенам крепости, но это не дало эффекта, так как они были сделаны из дерева и усилены земляным валом.

Педру де Соуза, «видя, что его артиллерия не смогла поколебать вражескую стену, решил войти в крепость и взять ее штурмом и для этой цели приказал наполнить часть рва, что и было сделано,— рассказывает Сантуш,— с великими трудностями и опасностью для наших людей, так как зимба со стены ранили и убили некоторых из них стрелами. Когда часть рва была заполнена, большое число людей с топорами в руках приблизились к частоколу и начали его срубить, но зимба со стены начали лить на них столько кипящего жира и воды, что почти все были ошпарены и тяжело ранены, особенно нагие кафры, так что никто не осмеливался подойти близко к частоколу, потому что они боялись кипящего жира и из-за страха перед железными крюками, похожими на длинные гарпуны, которые зимба просовывали через ам-

бразуры в стене, рая и захватывая всех, кто подходил близко». Поэтому капитан приказал отступить, и остаток дня был посвящен оказанию первой помощи раненым и получившим ожоги. На следующее утро де Souza приказал собрать сучья деревьев, из которых были сделаны огромные плетеные башни, которые он распорядился поставить напротив крепостной стены и наполнить землей, «чтобы солдаты могли на них сражаться с помощью ружей, а зимба не посмели появиться на стене и лить кипящий жир на людей, срубаящих частокол».

Самонадеянный де Souza считал, что его остроумная идея неизбежно приведет мазимба к гибели. Но изобретательному португальскому командующему трудно было конкурировать с еще более изобретательными мазимба. На военную хитрость они ответили военной хитростью. Через своих агентов они распространили в лагере португальцев ложный слух о том, что форт Сена осажден большим войском какого-то могущественного африканского вождя и что жены и дети португальцев подвергаются там смертельной опасности. «Эта ложная информация была распространена по лагерю, и жители Сены пошли к капитану и просили его оставить осаду зимба и обратить внимание на то, что гораздо важнее, так как в противном случае они вынуждены будут вернуться домой и покинуть его».

Рискуя потерять все свое войско, де Souza вынужден был согласиться на возвращение в Сену. Однако, когда он снял осаду и пытался ночью бесшумно перейти на другую сторону реки, мазимба атаковали португальцев, убили многих из них и захватили обоз и артиллерию. После этого поражения де Souza с остатками разбитой армии вернулся в Сену, а оттуда в Мозамбик.

Положение мазимба после этого значительно улучшилось, а их могущество окрепло. Одержав ряд военных побед над португальцами, мазимба почувствовали себя настолько уверенно, что решили совершить поход на северо-восток к богатым городам побережья.

Как свидетельствует Сантуш, «они вышли из своей страны и начали обрушивать свою ярость на соседей, и они пересекли все королевства Кафрии, двигаясь все время на восток».

Достигнув острова Кильва, мазимба подвергли его длительной осаде, разбив лагерь на материке и лишив остров подвоза продоволь-

ствия. После нескольких месяцев блокады один араб — предатель, желавший получить часть добычи, провел мазимба на остров по известному ему броду. Мазимба ворвались в город и начали убивать спавших и не подозревавших об измене жителей.

По данным, приводимым Сантушем, всего были убито более 3000 мужчин и женщин. «Они ограбили весь город Кильва, в котором нашли огромную добычу и богатства». В связи с этим Сантуш рассказывает любопытный эпизод, который показывает, что мазимба были присущи почти рыцарские понятия о чести и римское благородство и ненависть к предателям. Когда город был разграблен, вождь мазимба послал за тем арабом, который показал секретный брод. Когда к нему подвели предателя и всех его родственников, «он повернулся к этому мавру и сказал: "Я не хочу, чтобы продолжало жить такое ничтожное существо, как ты, ибо ты столь жесток, что ради собственной корысти предал свою страну и своих соотечественников в руки врагов". И, повернувшись к кафрам, он сказал: "Возьмите этого ничтожного человека и всю его семью, свяжите им руки и ноги и бросьте в море на съедение рыбам, ибо не годится, чтобы кто-нибудь, принадлежащий к столь жалкой расе, остался живым". Приказ был приведен в исполнение, и этот приговор был, конечно, приговором не варвара, каким был этот человек, а мудрого человека, и он показывает, на каком основании Александр Великий сказал, что, хотя он пользовался предательством тех, кто сдавал ему города, он ненавидел предателей».

Разрушив и разграбив Кильву, мазимба продолжили свой поход на север и, двигаясь вдоль побережья, захватили и подвергли разграблению Момбасу, после чего направились к Малинди. Султан Малинди был крайне встревожен известиями о приближении непобедимой армии мазимба, только что разрушившей Кильву и Момбасу. Он возлагал все свои надежды на португальский гарнизон из 30 солдат во главе с опытным капитаном Мендишем де Васконселушем. Сантуш так описывает последовавшие за этим события: «Зимба подошли к Малинди с великой наглостью и хвастовством, как люди, которые никогда не боятся никакой нации, и атаковали город с огромной стремительностью. Хотя наши солдаты убили многих из них из ружей, некоторые сумели вскарабкаться в разных местах на стену, которая была низкой,

и уже почти овладели валом. Жестокая битва разгоралась со всех сторон. В это время более трех тысяч кафров, называемых моссегуэжо, друзей короля Малинди, пришли к нему на помощь... Они атаковали зимба с тыла с такой храбростью и силой, что в короткое время помогли разбить и обратить их в бегство». Почти все мазимба были убиты. Только вождь и около 100 человек спаслись и, держась одной группой, вернулись в свою страну тем же путем, каким и пришли. Так были разбиты в Малинди с помощью племени моссегуэжо грозные враги португальцев — мазимба, долгое время наводившие трепет на колонизаторов. Так закончился беспримерный в XVI—XVII вв. в Африке поход племени мазимба от Сены до Малинди, во время которого они победоносно прошли 300 лиг (1500 км), разбивая и уничтожая встречавшихся на пути бесчисленных противников.

Наряду с мазимба другим могущественным противником португальцев в Восточной Африке в конце XVI в. было воинственное племя макуа, жившее неподалеку от острова Мозамбик. В 80-х гг. XVI в. это племя совершало частые набеги на принадлежавшие португальцам на побережье материка плантации, сады и пальмовые рощи, опустошало их, убивая при этом многих европейцев. Напуганные набегами макуа, португальцы даже стали покидать свои фазенды на побережье. По словам Сантуша, макуа имели также обыкновение «подходить к домам и требовать ткани, пищу и вино, и, если им в этом отказывали, они забирали силой и часто сжигали дома и срубали пальмовые деревья».

С целью положить конец набегам макуа капитан Мозамбика Нуно Велью Перейра, собрав войско в 400 человек, из которых 40 были португальцами, двинулся в 1585 г. к краалю вождя макуа по имени Мауруза. Тайно под покровом ночи переправившись на материк, португальцы напали на крааль, сожгли его и убили многих африканцев. Оставшиеся в живых макуа бежали в леса, где, собравшись вместе, решили отомстить португальцам за смерть своих соплеменников. С этой целью они устроили засаду на их обратном пути в Мозамбик. Сантуш так рассказывает об этом: «Португальцы, видя, что нечего больше делать в краале, так как он сожжен, а кафры, которые в нем жили, или сбежали, или были убиты, полагая, что нет больше опасно-

сти, отдали рабам свои ружья, а сами залезли в гамаки, которые несли на плечах другие рабы, и так отправились в Мозамбик в отдалении друг от друга и без всякого порядка, как если бы они путешествовали в безопасности. Поджидавшие их кафры... обрушились на них с такой стремительностью и яростью, что убили всех, за исключением двух-трех португальцев и нескольких кафров, которые бежали в леса, где прятались три дня, а затем вернулись в Мозамбик с вестью о несчастье, постигшем их товарищей».

В связи с этим Сантуш отпускает следующее многозначительное замечание, которое, несомненно, было результатом богатого и горького опыта: «Многие другие подобные катастрофы случались в этих землях с португальцами из-за великой самоуверенности и презрения, с которым они относились к кафрам»

Таким образом, даже португальский хронист, сам отнюдь не отличавшийся избытком теплых чувств к африканцам, вынужден признать, что конкистадоры часто терпели военные неудачи в борьбе с африканцами из-за своей невероятной кичливости, аристократической спеси, зараженности расовыми и сословными предрассудками и недооценки интеллектуальных возможностей африканцев. Замечание Сантуша любопытно еще и в другом отношении. Получившие не один горький урок в сражениях с африканцами, португальцы постепенно вынуждены были менять свои оценки и стали считать их серьезными и опасными противниками, отличающимися силой, ловкостью, храбростью, умом, а также необыкновенной сметливостью и находчивостью.

После разгрома войска Перейры Мауруза еще некоторое время продолжал вести ожесточенную войну против португальцев, но потом, понимая бесперспективность борьбы против имевших огнестрельное оружие европейцев, заключил с ними мир.

В начале XVII в. Мономотапа переживала внутренние трудности из-за восстаний вассальнозависимых князей против центральной власти. Правителем государства в это время был Гатси Русере (1596—1627), первый из правителей империи, власть которых зависела от европейской поддержки.

Самым ценным источником для изучения истории взаимоотношений этого правителя с португальцами является написанная Антониу

Бокарро в 1630-х гг. «История Индии». Бокарро был хранителем архивов в Гоа с 1631 г. и имел возможность читать все документы, которые проходили через руки вице-короля. Его «История», которая была послана в Лиссабон в 1636 г., охватывает главным образом период 1612—1617 гг., но события, связанные с мономотапой, излагаются с 1597 г. Как видно из свидетельств этого хрониста, португальцы неоднократно приходили на помощь мономотапе и при этом каждый раз стремились извлечь из этого для себя максимальные выгоды в торговле и в использовании золотых и серебряных рудников. Первый раз они помогли Гатси Русере в 1597—1599 гг., когда против него восстал вождь Чунзо, который с большим войском подошел к столице Мономотапы — Зимбабве. Чунзо послал против мономотапы две большие армии. Одна из них под руководством вождя Капампо подошла к Замбези и продвинулась до Массапа. Гатси Русере обратился за помощью к португальцам, и объединенная армия португальцев и каранга во главе с его дядей нингомоаша выступила навстречу мятежному войску. Услышав об этом, Капампо начал отступать, уничтожая все продовольственные запасы на своем пути. В результате, сообщает Антониу Бокарро, «нашим людям, которые преследовали его, нечего было есть, и голод заставил их вернуться и оставить преследование врага». Вспыльчивый и жестокий мономотапа был столь разгневан неудачей похода нингомоаша, что приговорил его к смерти, хотя «тот был его дядей и вторым лицом в королевстве». Второе войско Чунзо продвинулось до реки Мотамбо и заняло позицию неподалеку от резиденции мономотапы.

Командующий этим войском Чиканда послал подарок мономотапе и сообщил, что он изменит Чунзо и станет вассалом мономотапы при условии, если ему будет дано право владеть районом, который он занял. Мономотапа согласился на это, но через два года, когда Чиканда ограбил нескольких рабов, занимавшихся торговлей по поручению своих хозяев-португальцев, война была возобновлена. Жители Сены и Тете сформировали армию, состоявшую из 75 португальцев и 2000 африканцев. Во главе войска стал капитан Тете Бельчиор де Араужу. К ним присоединились 30 000 воинов мономотапы. Обнаружив лагерь Чиканды, в котором находилось 600 воинов, каранга и

португальцы подвергли его осаде, обстреливая из кремневых ружей. Поняв, что его положение безнадежно, Чиканда предложил сдачу при условии, что будут пощажены его люди. Мономотапа не согласился на это. Тогда ночью группа осажденных предприняла попытку вырваться из окружения, и Чиканде и нескольким его приближенным удалось ускользнуть от врагов. На следующее утро осаждающие ворвались в лагерь, убили оставшихся там воинов и захватили большую добычу.

После этого португальцы вернулись в Тете и Сену, получив благодарность мономотапы, а также разрешение свободно пересекать земли и носить оружие в его стране — привилегия, которую они не имели прежде. Узнав об этом, король Испании и Португалии Филипп потребовал подробной информации об этих событиях от вице-короля Индии.

Между тем империя Мономотапа попала в полосу острого внутреннего кризиса. Ослабление центральной власти, а также привилегии, пожалованные мономотапой европейцам, имели своим следствием целую серию новых восстаний. Многие князья, воспользовавшись как предлогом казнью нингомоаша, отделились от мономотапы и заявили, что они не признают больше верховной власти правителя, который служит белым чужеземцам. Один из вождей поднял крупное восстание и овладел районом Тавара. На помощь мономотапе явился португальский отряд во главе с Франсиску де Куньей. Услышав о приближении объединенных войск португальцев и мономотапы, повстанцы бежали в крааль одного вождя, который, как они полагали, был к ним дружески настроен. Но этот вождь отказался предоставить им убежище и, отрубив голову вождю повстанцев, отослал ее мономотапе. После этого другой повстанческий командующий, человек огромной энергии и незаурядных способностей по имени Матузианье, о котором говорили, что раньше он был пастухом, стал главой инсургентов и повел войну столь искусно, что в течение нескольких лет стал хозяином почти всей страны.

Многочисленные сведения об этом восстании, принявшем в 1607 г. исключительно широкие масштабы и охватившем всю страну, сообщает Бокарро. Эти сведения подтверждаются данными Б. де Резенди (около 1630 г.), который считает возмущение аборигенов следствием португальской политики аннексий, подавления и грубого вмешатель-

ства в дела местных жителей. Сохранилось любопытное письмо мономотапы (1652).

В нем мы читаем: «Мы повелели монаху Джованни крестить нас и нашу супругу-королеву. Монах Сальва-Розари был нашим крестным отцом и нарек нас именем Домингуш... а королеву — именем дона Луиза. Затем мы приказали креститься двум знатнейшим лицам нашего королевства».

Монахи поспешили сообщить о своем успехе в Португалию, и это событие с огромной помпой было отпраздновано в Лиссабоне и в Риме. Однако радость была преждевременной, так как Домингуш вскоре умер. Он оставил двух сыновей: старший симпатизировал португальцам и христианской церкви, но младший собирал своих сторонников, чтобы избавить страну от контроля чужеземцев. Португальцы, разумеется, объявили верховным вождем старшего сына, но он вскоре был убит своими подданными, недовольными его зависимостью от португальцев (1658). Португальцы посадили на престол одного из его родственников, казавшегося им безопасным, но новый правитель обнаружил самостоятельность, которая пришлась им не по душе. Он отказывался выполнять приказы и, хотя формально был христианином, тайно соблюдал языческие культы. Для того чтобы привести к повиновению строптивого мономотапу, португальцы решили прибегнуть к демонстрации военной мощи. В Восточную Африку был послан Казтану де Мелу да КаSTRU, назначенный губернатором Мозамбика и капитан-жералом, с 40 солдатами и 50 новыми поселенцами. По словам Е. Аксельсона, в Португалии все еще рассматривали междуречье «как пещеру Аладдина, способную давать неслыханные сокровища, если только будет найдено магическое слово».

Удерживая под своим контролем побережье протяженностью 2100 миль и ряд фортов и факторий на морском побережье и на реке Замбези, португальцы с помощью политических интриг, подкупов и угроз стремились ослабить власть мономотапы, провоцируя и разжигая междоусобные войны. Иногда они поднимали на войну против мономотапы вождей отдельных племен и кланов, иногда подстрекали верховного правителя выступить против того или иного вождя племени, мешавшего продвижению португальцев в глубь страны.

Хотя португальцам еще удавалось сажать на трон в Зимбабве своих марионеток, в стране нарастало антипортугальское движение, которое, как лесной пожар, охватывало все новые и новые районы.

Вскоре колонизаторам пришлось иметь дело с человеком, которому было суждено положить конец португальскому засилью в Мономотапе. Имя этого человека — Чангамире Домбо — сейчас незаслуженно забыто, хотя оно должно занять свое место в ряду самых выдающихся фигур в истории Африки. Чангамире Домбо происходил из династии вождей племени розви — давнего соперника каранга. Мономотапа пожаловал ему земли, соседние с «королевством» Бутуа. Чангамире начал войну против Бутуа и овладел этим «королевством». Провозгласив себя правителем Бутуа, Чангамире начал вооруженную борьбу против ненавистных ему европейцев. Ему тайно помогал и мономотапа, не решившийся, однако, на открытое выступление против португальцев. В борьбе против чужеземцев Чангамире опирался на поддержку подавляющего большинства коренного населения.

Португальские колонизаторы, уверенные в полной безнаказанности благодаря обладанию огнестрельным оружием, грабили, убивали и обращали в рабство местное население. При этом среди них функции были четко распределены: солдаты убивали, торговцы покупали и перепродавали родственников и имущество убитых, священники отпускали грехи солдатам и купцам, и все вместе они наживали огромные богатства на продаже в рабство десятков тысяч африканцев. На эти деньги солдаты и офицеры покупали себе новых рабов, строили новые форты и укрепления, священники возводили новые церкви и монастыри, торговцы покупали новые корабли и обзаводились собственными войсками. Известно немало случаев, когда торговцы строили даже свои небольшие частные форты, охраняемые отрядами рабов и наемников. Мономотапа признавал, что португальские торговцы «причиняют огромный вред туземцам, убивая одних, раня других, воруя их сыновей и дочерей, а также коров из их стад, так что каждый день я получаю жалобы на это».

Особенно дикий произвол чинили португальские колонизаторы в Манике и других районах добычи золота. Они прибегали к изощренным пыткам, чтобы заставить местных жителей указывать, где нахо-

дятся рудники. Но чаще всего их усилия были тщетными: обычно они не могли получить нужных им сведений. Многие аборигены бежали из этих районов, которые вскоре почти обезлюдели.

Насилие и произвол португальцев повсюду вызывали чувства негодования и ненависти. В конце XVII в. эти чувства нашли выход в вооруженном восстании Чангамире против португальского господства. Накопившееся возмущение вызвало взрыв, против которого оказались беспомощными и более совершенное оружие, и военная организация европейцев. По словам Е. Аксельсона, «волна общего чувства преодолела даже страх туземцев перед превосходством португальцев в оружии, и последние... были вдребезги разбиты».

Первая битва между Чангамире и португальцами произошла в 1684 г. у Маунгве. Она продолжалась целый день. Воины Чангамире многократно атаковали оборонявшихся португальцев. Хотя африканцы несли тяжелые потери, они вновь и вновь бесстрашно бросались на врага. Африканским лучникам нелегко было противостоять европейским мушкетам и аркебузам, но слабость своего оружия они восполняли необыкновенной силой духа и отвагой. Наступила ночь, а битва все продолжалась. Португальцы спешно укрепляли свой лагерь. Тогда Чангамире прибег к военной хитрости, свидетельствовавшей о его незаурядном полководческом даровании. Он приказал разжечь костры в разных местах на значительном расстоянии друг от друга. В португальском лагере решили, что это лагерные огни вновь прибывших подкреплений противника. Среди африканских войск в португальском лагере началась паника, и многие африканские рекруты бежали. За ними вынуждены были последовать и португальцы. Уловка Чангамире принесла ему успех. На сторону африканского вождя переходили все новые и новые племена, и его силы быстро увеличивались. Вскоре под его контролем оказалась вся северная часть современной Родезии.

Португальцы были вынуждены перейти к обороне. Вокруг Сены и Тете спешно возводились крепостные стены. В феврале 1687 г. Совет по делам заморских владений рекомендовал отправить значительное число солдат в форт Мозамбик, «ибо эта крепость — единственный якорь спасения».

В начале 90-х гг. XVII в. умер мономотапа Мукомбе и его место занял его брат Ньякамбино. Он пошел на открытый союз с Чангамире и посоветовал ему атаковать португальские форты. Опираясь на военную и моральную поддержку мономотапы, Чангамире в ноябре 1693 г. внезапно напал на форт Дамбараре. Застигнутые врасплох португальцы не смогли оказать сопротивление и были уничтожены.

Это страшное поражение повергло португальцев в отчаяние. В поисках выхода они направили специальный отряд в Зимбабве с целью убить мятежного мономотапу. Однако отряд встретил у резиденции вождя столь многочисленную охрану, что в панике бежал, преследуемый африканцами. Между тем войска Чангамире заняли почти все земли каранга, блокировав португальские форты Сена и Тете. Не успев возвести крепостные стены вокруг города, жители Сены расставили вооруженные патрули на улицах и поставили пушки у городских ворот.

Войска Чангамире освободили от португальцев Манику. Португальские торговцы и резиденты бежали в Софалу. Лишь внезапная кончина Чангамире Домбо в 1695 г. несколько изменила положение. Повидимому, он был умерщвлен наемниками португальцев. Несмотря на смерть Чангамире, поднятое им восстание нанесло сокрушительный удар по португальским позициям в Восточной Африке. Оно положило конец португальскому политическому влиянию за пределами нынешних границ Мозамбика.

Восстание Чангамире Домбо подорвало также и могущество Мономотапы. Некогда великая «империя» потеряла свое бывшее значение.

В результате португальской колониальной экспансии и междоусобных войн народ каранга оказался раздробленным. С этого времени каждое племя стало рассматривать себя как независимое. Практически португальская экспансия была главной причиной распада государства Мономотапа, завершившегося в начале XVIII в. Мономотапа сохранил лишь маленький район к западу от Тете. Его власть стала пустой фикцией.

Огромная территория между Замбези и Северным Трансваалем оказалась под властью династии Чангамире, которая правила здесь почти до середины XIX в.

История Мономотапы дает убедительное свидетельство того, что там, где существовали развитые и прочные общественные организмы, они оказались для португальцев серьезной преградой на пути проникновения во внутренние районы. В этих случаях португальская колонизация в течение ряда веков ограничивалась исключительно прибрежными районами.

В течение долгого времени португальские колонизаторы не могли установить полный политический и идеологический контроль над государством Мономотапа. Борьба с народом каранга на протяжении почти двух веков стоила им таких огромных материальных и людских потерь, что это сопротивление можно рассматривать как один из факторов, обусловивших последующее крушение португальского колониального могущества в Восточной Африке и потерю португальцами всех владений за пределами современного Мозамбика. За государством Мономотапа должна быть признана, в частности, та историческая заслуга, что оно нанесло португальской колониальной империи серьезный удар в одном из жизненно важных для нее районов. Народ каранга совершил замечательный подвиг, проявив лучшие качества африканцев — несгибаемое мужество, силу духа и неукротимую страсть к свободе. В упорных сражениях с колонизаторами формировались традиции освободительной борьбы, которые, подобно эстафете, передавались затем от одного поколения к другому. Эти славные традиции вдохновляют ныне африканские народы в их борьбе за укрепление суверенитета.

Африканская Жанна д'Арк

В Западной Африке «горячей точкой» для португальцев была Ангола. Там им пришлось иметь дело с раннефеодальным государством Ндонго. Португальцы называли его Анголой, так как там правила династия Нгола. Столицей государства был город Мбанза-Кабаса.

После появления португальцев вся жизнь Анголы оказалась подчиненной работорговле — этому ненасытному Молоху, беспрестанно поглощавшему негров. Основываясь на свидетельствах голландских

путешественников, О. Даппер (XVII в.) писал: «Самая большая торговля португальцев состоит в рабах, которых отправляют в Америку... чтобы заставить работать на сахарных заводах, в рудниках, где труд столь тяжел, что быстро подтачивает здоровье европейцев, и лишь негры Анголы могут его выдерживать в течение некоторого времени. Именно кровью этих несчастных португальцы приобрели великие блага, которыми они владеют в Новом Свете»²⁶.

В середине XVII в. освободительную борьбу ангольцев против португальцев возглавила «африканская Жанна д'Арк» Нзинга Мбанди Нгола (1582—1663) — женщина, прославившаяся своей воинственностью, умом и неукротимым стремлением к свободе. В Анголе она почитается как народная героиня.

Нзинга Мбанди Нгола родилась в 1582 г. По сведениям Дж. Кавацци²⁷, ее родителями были правитель Ндонго и наложница, от которой она и получила имя Нзинга. Отец любил ее больше, чем других своих детей, за «живой и глубокий ум, одним словом, за все то, что предвещало, что она станет когда-нибудь великой принцессой». Миссионер-капуцин Кавацци, живший при ее дворе и стремившийся нарисовать весьма непривлекательный облик Нзинги, ставшей впоследствии грозным врагом португальцев, усматривает причину ее «жестокости» в том, что ее воспитательницей была «злая женщина» — настоящее «черное исчадие ада», которая-де заставила ее всосать с молоком матери сильнейшую преданность ложным божествам. После смерти отца Нзинги (около 1617 г.) правителем Ндонго стал ее брат Нгола Мбанди. Угроза португальского завоевания и расширение масштабов

²⁶ *Dapper O. Description de l'Afrique. Amsterdam, 1686. P. 368.*

²⁷ В нашем распоряжении имеются два издания труда итальянского миссионера Кавацци, на итальянском языке (*Cavazzi G.A. Istoria descrittione de tre regni Congo, Matambae Angola. Milano, 1690*) и на французском языке, переведенного с некоторыми изменениями и дополнениями французским востоковедом Лабатом (*Labat L.B. Relation historique de l'Ethiopie Occidentale contenant descriptions des royaumes de Congo. Congoet Matamba. T. I–V. P. 1732*). Первое — достаточно надежный источник по интересующим нас вопросам. Изданием же Лабата можно пользоваться очень осторожно и при тщательном сопоставлении текста с итальянским изданием.

и сферы португальской работорговли делали неизбежной войну с европейскими колонизаторами. Однако Нгола Мбанди опасался, что, пока он будет занят этой войной, его сестры Нзинга, Камбу и Фунжи лишат его трона. Он решил отделаться от соперников и претендентов на престол и начал с племянника — сына Нзинги, которого, по одной версии, умертвил в чане с кипящей водой, а по другой — приказал приложить к его глазам раскаленный кинжал. «Принцесса Нзинга поклялась, что никогда не простит этого преступления и до последнего вздоха будет искать случая отомстить». Она попыталась поднять восстание против брата, но заговор был раскрыт, а ее сослали в отдаленную область.

Подавив внутреннюю оппозицию, Мбанди двинулся с большим войском на португальских колонизаторов. «Но что могли сделать,— пишет Лабат, — голые, плохо вооруженные и еще хуже дисциплинированные люди против отлично вооруженных... португальцев?» Войско Нгола Мбанди было разбито, Кабаса занята иноземными захватчиками, принцессы Камбу и Фунжи взяты в плен, а королева «опозорена кандалами невольницы». Несмотря на поражение, Нгола Мбанди предпринимал еще несколько походов против португальцев, но безуспешно. Тогда он решил заключить с ними союз и направил в 1621 г. в Луанду — резиденцию губернатора — посольство, которое предложил возглавить Нзинге, ибо дипломатические способности сестры были ему хорошо известны. Вчера еще всеми забытая ссыльная, сегодня она, возбуждая зависть придворных, возлежит на роскошных носилках, которые несут на плечах несколько атлетов-рабов, а за ней торжественно следует пышная процессия. «Король присоединил к обычной свите принцессы большую группу сеньоров и дам, а также добавил многочисленный эскорт к ее обычной охране и дал при этом ей самые широкие полномочия». В Луанде ее встретили с почестями и даже (неслыханная честь!) салютовали из пушек.

На первой же аудиенции у губернатора португальцы были потрясены умом, находчивостью и чувством собственного достоинства черной принцессы. Кавацци так описывает эту встречу: «Когда ей была предоставлена аудиенция у вице-короля, она, войдя в зал, заметила, что там на самом почетном месте стояло одно бархатное кресло, от-

деланное золотом, которое предназначалось для... вице-короля Анголы, а напротив него лежал очень богатый ковер и бархатные подушки, расшитые золотом, предназначенные для эфиопских (то есть африканских.— А.Х.) владык. Не смутившись и не сказав ни слова, она сделала знак глазами одной из своих дам, которая тотчас же встала на колени, подставив спину своей госпоже. Та уселась на нее, как на стул, и продолжала так сидеть до конца аудиенции».

Этот инцидент вызвал всеобщее изумление, но еще больше были поражены присутствовавшие, когда услышали, как рассуждает эта женщина, которую ожидали увидеть неграмотной, жестокой и грубой. Во время переговоров Нзинга обнаружила незаурядный дипломатический талант. «Она требовала мира с достоинством, предложила прочный и постоянный союз и показала, что веские и очевидные причины делают мир столь же необходимым для португальцев, как и для пославшего ее короля. Она удивила, изумила и убедила весь совет». По свидетельству Кавацци, «убежденные и побежденные ее доводами, высшие должностные лица и члены совета почти ничего не могли возразить против ее предложений». Когда же от нее потребовали, чтобы король Ндонго согласился на уплату ежегодной дани, «она с достоинством заявила, что такие претензии могут быть уместны в отношении покоренных народов, но не в отношении тех, кто добровольно предлагает взаимную дружбу».

Нзинга, поразившая португальцев незаурядным умом и гордостью, добилась признания Нгола Мбанди в качестве союзного короля, имевшего равный статус с другими независимыми монархами, а не как подданного португальской короны, а также обещания помочь изгнать из Ндонго воинственное племя жага, обязавшись, в свою очередь, вернуть португальцам их рабов. Однако убедить португальцев эвакуировать форт, который они построили в Мбака, ей не удалось.

Губернатор попытался смирить эту гордую и непокорную женщину иным путем, обратив ее в христианство. Он рассчитывал избавиться таким образом от умного и опасного врага и приобрести в ее лице могущественного союзника. Губернатор «призвал ученых лиц, которые посвятили ее в таинства христианской веры». Итак, в 1622 г. на 40-м году жизни Нзинга была крещена в Луанде. Торжественную це-

ремонии почтили своим присутствием и дали благосклонное согласие быть ее крестными отцом и матерью губернатор и его супруга донна Анна, именем которой и была наречена новообращенная. По словам Дюбуа-Фонтанеля, Нзинга приняла христианство «не столько по убеждению, сколько по политическим расчетам». Для нее это был не более чем маневр, который замаскировал ее непреодолимое отвращение и вражду к Муэна-Путу (так в Анголе называли короля Португалии). Нзинге нужно было только время, а потом она с презрением отшвырнет образ святой Богородицы и крестик, повешенные ей на шею, и, главное, сбросит ненавистных чужеземцев в морскую пучину.

По возвращении в Кабасу Нзинга убедила брата утвердить договор и добилась от него обещания выполнять подписанные условия. Более того, по ее совету он пригласил в Ндонго двух христианских священников. Однако эти шаги, направленные на укрепление союза с португальцами, по-видимому, вызвали в народе недовольство. Даже приближенные короля говорили, что «король не должен так быстро покидать религию предков и подчиняться иностранному закону».

Между тем губернатор Жуан Корейя де Соуза, выполняя условия соглашения, напал на предводительствуемое вождем Касанже племя жага, занимавшееся грабежом в окрестностях Луанды. Губернатор приказал войскам окружить этот район и затем, вырубая джунгли, принудить Касанже к битве в открытом поле. Войско Касанже было разбито, а сам он взят в плен и доставлен к губернатору, который, хотя и выразил восхищение отвагой предводителя племени, тем не менее приказал его казнить. Остальные пленные были закованы в кандалы и отправлены в качестве рабов в Бразилию.

В 1624 г. Нгола Мбанди умер. Незадолго до смерти он доверил своего сына заботам воина по имени Каса из племени жага в надежде, что тот обучит его военному искусству и защитит от покушений. Но Нзинга, пообещав Каса стать его женой, заманила его вместе с воспитанником во дворец в Кабасу. Там, по свидетельству Кавацци, «в центре столицы королевства в присутствии множества вассалов юный принц был убит, а труп его выброшен в реку». Так же поступила Нзинга с некоторыми другими членами королевской фамилии, недовольными ее действиями. Вступив на престол, Нзинга решила отде-

латься и от самых ненавистных своих врагов — португальцев. Прежде всего, она порвала с христианством. Негодуя по поводу этого шага и стремясь представить Нзингу в возможно более непривлекательном свете, Кавацци писал: «Принцесса донна Анна, которая была другом португальцев только из своих особых интересов... вернувшись к своему двору в Кабасу, снова впала в жестокость... Обратившись к своим ложным божествам и выполняя их волю, она публично учинила страшную резню». Лабат добавляет: Нзинга понимала, что принятие ею христианства пришлось не по вкусу народным массам, и, отказываясь от него, она хотела завоевать у своего народа потерянную любовь.

Став правительницей Ндонго, Нзинга повела упорную борьбу за изгнание португальцев. Она направила послание губернатору, потребовав от него в категорической форме эвакуации форта Мбака. При условии принятия этого требования Нзинга обещала возобновить торговлю с португальцами и открыть невольничьи рынки, а в случае отказа угрожала войной. Что же побудило Нзингу к таким действиям? Есть основание предполагать, что ей стало известно о затруднениях, возникших у португальцев в связи с началом голландского проникновения в Анголу. Созданная в 1621 г. голландская Вест-Индская компания начала финансировать военные экспедиции в Африку. В июне 1624 г. голландцы сожгли шесть португальских судов в бухте Луанды, а в августе предприняли новую атаку. Они вошли в контакт с правителем Конго Педру II. Об этом не могла не знать Нзинга, которая имела тесные контакты с королем Конго и многочисленных шпионов в зоне португальского владычества. Вероятно, известия о нависшей над португальцами угрозе голландского вторжения ускорили отправку ею ультиматума в Луанду. Губернатор Ф. де Соуза, понимавший, к каким опасным последствиям может привести война и с голландцами и с африканцами, в письме в Лиссабон рекомендовал принять ультиматум Нзинги. Но в столице Португалии на это предложение реагировали отрицательно.

Губернатор, вынужденный подчиниться, оказался в весьма сложном положении. Лиссабон требовал активизации работоторговли. Между тем главные торговые пути были отрезаны, а невольничьи рынки закрыты. Даже вожди, оставшиеся лояльными к португальцам, отка-

зывались поставлять рабов. Многие районы почти обезлюдели из-за непрерывного изъятия рабов, и их правители были не в состоянии платить пошлину или же посылали мальчиков и стариков вместо здоровых мужчин. Страна переживала всеобщее обнищание и голод. Многие местные вожди, находившиеся под беспрестанным нажимом португальских захватчиков, искали помощи в восточной части Ндонго. Там они объединили свои усилия с Нзингой, которая готовилась к войне с португальскими колонизаторами и давала убежище беглым рабам. По свидетельству О. Даппера, рабы «бежали к ней большими толпами». Кроме того, Нзинга привлекла к себе на службу воинственное племя жага, издавна враждовавшее с португальцами. Это дало ей возможность создать многочисленную армию, а также широкую коалицию племен, объединивших свои силы в борьбе против португальцев.

Бегство рабов к Нзинге вызвало большое беспокойство у португальских поселенцев и работорговцев. Некоторые из них жаловались, что каждый из них в это время потерял по 100—150 рабов. Желая вернуть утраченное, они требовали начать войну против Нзинги. «Жалобы губернатору на бегство рабов, — отмечает автор хорошо документированной работы по истории Анголы А.А. Фелнер, — вызывались не только их потерей, но и опасностью, которую представляло увеличение сил Нзинги» за счет людей, годами живших среди португальцев и умевших обращаться с огнестрельным оружием. Под нажимом португальских поселенцев и торговцев Ф. де Соуза послал к Нзинге двух иезуитов для переговоров о возвращении рабов, бежавших из португальской зоны. Но их миссия оказалась безрезультатной. Позднее в Луанде побывало посольство Нзинги, которое вело переговоры об открытии торговли. Однако оно было обвинено в подстрекательстве местных вождей перейти на сторону Нзинги и поэтому изгнано из города.

В 1625 г. переговоры португальцев с Нзингой зашли в тупик. Стало очевидным, что первые держат курс на войну. Верные тактике «разделяй и властвуй», португальские колонизаторы решили прибегнуть к излюбленному методу — подавлять сопротивление африканцев руками самих африканцев. В качестве марионетки они использовали одного

из вождей мбунду, родственника Нзинги Ари Килуанжи. Он был вызван в форт Мбака, где выдал португальцам военные планы Нзинги, которые, по его словам, включали организацию всеобщего антипортугальского восстания. В благодарность за эту услугу португальцы провозгласили Ари Килуанжи королем Ндонго и подписали с ним соглашение о снабжении его войсками и припасами при условии, что он будет вести активную войну против Нзинги. Узнав об измене Ари, Нзинга тотчас же начала против него военные действия. Ари, обратившись за помощью к португальцам, дал тем самым губернатору формальный повод объявить Нзинге войну в защиту подданного португальской короны. По словам Лабата, «Ари выполнил все, что обещал. Он разбил несколько отрядов из войск Нзинги, разграбил ряд провинций, захватил много рабов, но помощь, которую он получал от португальцев, мало-помалу шла на убыль. Будучи довольно малоопытным политиком, Ари перестал действовать столь активно, как начал. Его пассивность насторожила португальцев, опасавшихся, что это прелюдия какой-то сделки между принцем и королевой Нзингой и что они, объединившись, могут внезапно обрушиться на их владения».

Возможно, в то время Ари Килуанжи действительно пытался наладить контакт с Нзингой. Он мог пойти на это после того, как полоса удачных наступлений сменилась для него рядом поражений. К тому же Ари убедился в безнадежности попыток разбить усиливавшееся с каждым днем войско Нзинги и утвердить свою власть в Ндонго военным путем. Перспектива объединения сил Нзинги и Ари Килуанжи настолько испугала португальцев, что они сами решили начать переговоры с Нзингой, чтобы дипломатическим путем разрешить конфликт. К Нзинге был направлен португальский офицер, облеченный полномочиями говорить от имени губернатора и совета. Он предложил королеве заключить договор о союзе. Ей было обещано передать во владение все отобранные у нее провинции и вернуть к повиновению Ари Килуанжи. Взамен она должна была признать власть португальской короны и платить ей ежегодно небольшую дань. Это условие, по свидетельству Кавацци, «привело ее в ярость». Она сочла подобное предложение оскорблением, нанесенным ей как суверенной и независимой королеве. «Будь она побеждена силой оружия, то могли бы

предъявить такие условия. Однако до этого далеко, ибо у нее есть не только хорошие войска, но и отвага более чем достаточная, чтобы образумить врагов». Таким образом, Нзинга отказалась пойти на сделку с колонизаторами, и они потерпели провал в своих попытках сломить сопротивление отважной амазонки дипломатическими мерами. В начале 1626 г. в Луанде был создан военный совет, на который были приглашены капитаны, муниципальные советники, чиновники судебного департамента и казначейства. На совете обсуждалось «тяжелое положение колонии, непочтительность короля Конго, вызывающее неповиновение королевы Нзинги, помехи, чинимые португальской торговле вождями Дембос, и обусловленная этим боязливость короля Ндонго — нашего верного вассала». По свидетельству хрониста, было решено начать войну и организовать хорошо оснащенную военную экспедицию против Нзинги.

Было приказано бить в барабаны и объявить жителям о начале военных действий, собрать в Луанде людей, а также все необходимые для экспедиции припасы, оружие, амуницию, лошадей и суда для перевозки грузов. Сформировывалась большая армия. В нее, помимо португальских солдат, были включены также войска тех африканских вождей, которые оказались лояльно настроенными к португальцам. 7 февраля 1626 г. эта армия во главе с Бенту Банья Кардозу выступила в поход. Двинувшись к берегам Кванзы, португальцы захватили несколько постов и 17 островов и укрепили два форта, чтобы «иметь в случае нужды место для отступления». 7 июня они достигли острова Дангидж, где разбила лагерь Нзинга со своим войском. Португальцы блокировали остров, но королева атаковала один из португальских постов и обратила в бегство охранявших его негров, при этом было убито 300 человек и ранено намного больше, в том числе несколько португальцев. При повторной атаке, когда португальские солдаты встретили африканцев огнем из мушкетов, повстанцам пришлось отступить. Ночью наступило затишье. Нзинга, по свидетельству Кавацци, использовала это время для того, чтобы посоветоваться с сингиллес (помощниками) и вызвать дух своего брата Нгола Мбанди. Этот дух якобы сказал ей, что «сдаться на милость португальцев — значит потерять свободу, что в трудных обстоятельствах не зазорно бежать,

уступив врагам немного земли, чтобы сохранить возможность сразиться с ними в другой раз и победить. Королева поблагодарила дух своего брата... под охраной части своих людей ночью перешла вброд реку и поспешно отступила в провинцию Оакко, расстроив планы врагов». Португальцы, не видя никого на острове, утром переправились туда и нашли там только несколько трупов. Тогда португальские захватчики пустились преследовать беглецов. На второй день марша они атаковали укрытый в труднодоступных скалах лагерь Нзинги и взяли в плен ее двух сестер и несколько макотас. По словам португальского хрониста, «храбрая Нзинга, сумев вовремя отступить, поспешно бежала с оставшимися в живых и... была на волоске от плена», но ее спасла «энергия, не соответствующая ее слабому полу».

Полководческий талант, находчивость и отвага Нзинги не раз помогали ей брать верх над своими противниками и вызывали удивление даже выдавших виды португальских военачальников. Ее имя наводило ужас на колонизаторов, которые в течение 30 лет не могли сломить сопротивление «черной королевы». После смерти Ари Килуанжи в 1626 г. португальцы посадили на трон Ндонго нового ставленника, который был весной следующего года крещен под именем дон Филипп. Чтобы марионетка была послушной, португальские власти держали его сына в качестве заложника в Луанде. Да и дон Филипп старался выслужиться перед хозяевами: он обещал платить им дань по 100 рабов в год, разрешил иезуитам построить церковь и согласился вновь открыть невольничьи рынки. Но многие вожди отказались признать его королем: он — сын раба. Такой король, считали они, не будет эффективен, как «колдун, вызывающий дождь», и навлечет на Ндонго ужасные засухи. Епископ Луанды рекомендовал заменить дона Филиппа, но иезуиты и работоторговцы поддерживали этого марионеточного монарха, так как он регулярно платил дань. Губернатор Ф. де Соуза предлагал заменить дона Филиппа одной из сестер Нзинги — Камбу или Фунжи, находившихся в плену у португальцев.

Между тем Нзинга, спасаясь от колонизаторов, вынуждена была бежать в отдаленные и пустынные районы страны, где погибли почти все ее воины. Если верить Дюбуа-Фонтанелю, «вынужденная бежать, она отступила в огромную пустыню, которая отделяет ее королевство

от страны жага. Одну среди раскаленных песков, с саблей на шее, с топором за поясом, с колчаном за спиной и луком в руках, застала ее ночь. Встретившаяся ей на пути глубокая пещера показалась ей удобным прибежищем для сна. Сделав шаг, она вдруг услышала глухой, неясный шум, исходивший из пещеры. Она попятилась, бросилась в сторону, натянула лук и мгновенно приготовилась к защите. Это был лев, который отдыхал весь день и вышел подышать свежим воздухом ночью. Она насквозь пронзила его стрелой и отправилась спокойно отдыхать на освобожденное место».

После долгого и опасного путешествия Нзинга достигла области между реками Луи и Кванго, где жили жага. Они не имели постоянных жилищ и разбивали лагерь то в одном, то в другом месте, вели войны с соседями и промышляли грабежом. «Пленные, которых они захватывают, — писал Дюбуа-Фонтанель, часто дававший волю своей фантазии, — предназначаются для еды... Этот народ уже подчинялся одной женщине по имени Тем-Бам-Думба». В храброй Нзинге с ее железной волей и неукротимым темпераментом они увидели новую Тем-Бам-Думбу; ее более высокий ум дал ей вскоре над ними огромную власть. Она стала их жрицей и их вождем».

К тому же Нзинга нашла еще одно средство завоевать доверие жага. После смерти своего брата она собрала его кости в серебряный ларец, который всегда носила при себе. Ей удалось убедить жага, что дух брата постоянно навещает эти кости и сообщает ей обо всем, что делается в стране. Завоевав таким путем авторитет и новую власть, Нзинга сумела создать сильное войско и вторглась в соседнее государство Матамбу, находившееся на востоке от Ндонго. Старый правитель Матамбы Каломбо умер незадолго до этого нападения. Нзинге удалось захватить в плен его дочь Муонго и внучку, которых она вначале приказала заклеить каленым железом как рабынь, но затем, раскаявшись, осыпала Муонго почестями, дала ей титул сестры и послала управлять одной из областей королевства. Завоевание Матамбы произошло между 1630 и 1635 гг. Оно существенно изменило баланс политических и военных сил в борьбе за Анголу между африканцами и незванными пришельцами. Португальские колонизаторы, которые путем установления контроля над Ндонго рассчитывали покончить с аф-

риканской государственностью в этом районе, неожиданно оказались перед лицом еще более могущественного государства Матамба. Цель Нзинги состояла в том, чтобы, укрепившись в Матамбе и создав там сильную армию, попытаться выбить португальцев из Ндонго. В то же время Матамба стала крупным работорговым центром, подрывавшим португальскую торговлю рабами.

Существующие источники дают возможность восстановить лишь некоторые черты социально-политической организации государства Матамба. Оно представляло собой военно-политический союз племен, объединенных общими задачами и единым централизованным руководством. Ломка родоплеменных связей как следствие войны с португальскими колонизаторами и широкого развития работорговли, необходимость объединения перед лицом захватчиков, массовые миграции населения, вызванные угрозой порабощения, — все это создавало условия для возникновения на этой основе примитивной государственности, получившей форму раннефеодальной монархии. Феодалные отношения сочетались здесь с сильными пережитками первобытнообщинных отношений и довольно широко развитым рабовладельческим укладом. Политическая организация королевства базировалась на принципе вассалитета и представляла собой феодальную пирамиду, на вершине которой стояла королева. По свидетельству Кавацци, «все подданные государства, мужчины и женщины, в силу непререкаемого закона были обязаны лично три раза в неделю возделывать земли королевы». По-видимому, королева была крупным земельным собственником и верховным сеньором, а ее подданные рассматривались как вассалы, лично зависимые от нее и обязанные выплачивать ренту в форме отработок. Она была владыкой над жизнью и смертью своих подданных, считавшихся ее рабами, а также верховной собственницей всего, что они имели. «Все были обязаны, — писал Кавацци, — представляться в определенное время как рабы перед королевским портиком, откуда королева давала им благословение, которое негры почитали за самую большую милость в мире».

Господствующий класс составляли феодалы, являвшиеся родственниками и ближайшим окружением Нзинги, а также правители территориальных округов и местные вожди. Королевский двор Нзинги отличал-

ся необычайной пышностью. Кавацци утверждает, что «двор королевы был столь же многолюден, как королевские дворы в Европе. Он состоял из лиц, достоинства и обязанности которых давали им право считаться благородными». Знатность в королевстве Нзинги определялась не происхождением, а богатством, зависевшим от количества рабов.

Рабовладельческие институты тесно переплетались здесь с раннефеодальными. Наряду с рабами на нижних ступенях общественной иерархии находились крестьяне, несшие бремя личной и поземельной зависимости разных градаций. Важной особенностью этого государства было весьма высокое общественное положение женщин, сохранение некоторых пережитков матриархальной родовой организации. Это проявлялось и в том, что во главе государства стояла женщина, и в том, что многие высшие придворные должности также занимали женщины. По свидетельству Кавацци, Нзинга, придерживаясь обычаев жага, назначала на каждую должность мужчину и женщину. Правда, согласно некоторым источникам, обычаи жага не разрешали женщине править в качестве верховного вождя. Нзинга выходила из положения довольно любопытным способом: она облачалась в мужскую одежду, а ее окружение составляли 40 или 50 юношей, одетых как женщины-наложницы. Ей прислуживали 300 женщин, которые, сменяя друг друга, не отходили от нее.

Женщины Матамбы отличались воинственностью, силой и отвагой. Они занимались военными упражнениями и часто устраивали даже нечто вроде женских рыцарских турниров. При этом «дамы во главе с королевой выходили одетые и вооруженные, как амазонки. Они устраивали сражение, в котором королева, хотя и обремененная более чем 60 годами, обнаруживала ту же храбрость, силу, ловкость и проворство, которые она имела в 25 лет».

Особенно торжественной церемонией был обед королевы. Обычно она ела, сидя на циновке и беря мясо из блюда рукой. Но в последние годы жизни она часто ела по-европейски, сидя за столом, сервированным серебряной посудой. Во время трапезы королева бросала придворным дамам и другим приближенным куски мяса, «которые те должны были проворно схватить». Кавацци уверял, что однажды он насчитал 60 блюд, поданных во время обеда. При этом самыми

утонченными деликатесами считались ящерицы, кузнечики, саранча и особенно жареные мыши. Во время обеда Нзинга вела со своими приближенными беседы, «в которых обнаруживала живость ума». По словам Кавацци, поскольку она имела большое число шпионов, уведомлявших ее обо всем, часто случалось так, что «ей было известно то, что держалось в строгом секрете». Поэтому подданные были убеждены, что «она проникает в тайны сердец». При королеве был совет, выполнявший функции правительства и высшего военного и религиозного органа, а также функции суда. Правда, многие важные судебные дела разбирала сама Нзинга. Она подвергала чрезвычайно жестоким наказаниям лиц простого звания: за малейшие проступки им перерезали горло или отдавали на съедение диким зверям. В отношении же знатных лиц такие наказания применялись редко. Как свидетельствует Кавацци, у королевы был свой метод их наказывать. Часто «один ее хмурый или сердитый взгляд доставлял им большее страдание, чем если бы их жгли на костре». «Больше всего на свете, — добавляет Лабат, — они боялись впасть в немилость своей госпожи, которая могла в любой момент превратить самое большое состояние в ничто, а его обладателей низвести до положения рабов».

Государство Матамба отличалось сильной централизацией управления и абсолютной властью монарха над всей территорией страны. Такая редкая для африканских государств того времени централизация достигалась не только военной силой, но и с помощью хорошо налаженной связи между столицей Матамбы и отдельными районами страны. Для этого использовались молодые здоровые рабы, которые размещались по всей трассе. Они передвигались, неся в гамаках знатных особ или письма и проворно передавая один другому свою ношу.

После завоевания Нзингой Матамбы начинается новый этап возглавленной ею борьбы ангольского народа против португальских захватчиков. Собравшись с силами, Нзинга предприняла наступление на Ндонго. Она «провела свою армию к границам португальцев и атаковала их крепость. Губернатор послал к форту Мбака отряд, чтобы отбить натиски африканцев. Но Нзинге пришлось поспешно вернуться в Матамбу из-за того, что вождь племени жага Касанже, воспользовавшись ее отсутствием, подверг опустошению территорию королевства, уничтожая

деревни, урожай, стада и жителей Матамбы». Тогда королева «приказала войскам двигаться быстрым маршем, надеясь встретить Касанже и разбить его, так как видела, в каком отчаянии были ее люди, узнав, что они потеряли жен, детей и имущество. Однако Касанже сумел уйти на свою территорию, угнав из Матамбы множество рабов».

18 октября 1639 г. в Луанду прибыл новый португальский губернатор Педру Сезар де Менезис. Он привез с собой свежие подкрепления. Среди приехавших был и Оливейра Кадорнега, написавший впоследствии хронику ангольских войн. В результате настоятельных требований белых поселенцев и работорговцев губернатор вступил в переговоры с Нзингой, касавшиеся возвращения беглых рабов их прежним хозяевам. Королева прислала в Луанду посольство, привезшее подарки губернатору, главному судье и епископу, а также нескольких беглых рабов, которые были столь стары, что не могли припомнить своих хозяев. Вероятно, целью Нзинги при отправке этого посольства являлась возможность получить дополнительные сведения о силе вновь прибывших войск и пополнить присланную ранее ее сестрой Фунжи информацию.

В это время губернатор направил священника Антониу Коэлью и офицера Гаспара Боржия для переговоров с Касанже и Нзингой. Эта миссия была вызвана опасениями португальских колонизаторов, что разногласия между Нзингой и Касанже будут улажены и, объединив свои силы, они совместно выступят против них. Колонизаторы, по-видимому, рассчитывали заключить с одним из них сепаратный мир и после этого разбить их поодиночке. Кроме того, потерпев неудачу в создании марионеточного работоргового государства в Ндонго, португальцы нуждались в новых торговых партнерах и жадно искали источники снабжения рабами.

Касанже принял португальских посланцев очень радушно и заявил о желании «жить в мире и с португальцами, и с королевой Нзингой, если она сложит оружие и согласится признать его претензии на королевство Матамба, законным наследником которого он себя считал». Нзинга встретила посланцев губернатора менее любезно. На их предложения «она отвечала надменно и в угрожающем тоне и заключила свою речь словами, что ее достоинство требует начать войну и что

она не сложит оружия, пока не будут исчерпаны результаты, которых можно добиться силой оружия». Когда Нзинге предложили стать союзником Португалии и принять милость и дружбу португальского короля, она ответила, что «прекрасно знает силы и доблесть своих врагов и желала бы иметь честь быть союзницей португальской короны... но считает справедливым добиваться или строго по суду, или с оружием в руках удовлетворения своих претензий на провинции, которыми мирно владели ее предки». Таким образом Нзинга дала понять, что никогда не смирится с потерей Ндонго и готова отстаивать права ангольцев с оружием в руках. В течение шести месяцев шли переговоры. Не добившись положительных результатов, Гаспар Боржия вернулся в Луанду, оставив в Матамбе священника Козлью.

В это время над португальскими колонизаторами в Африке нависла серьезная угроза. В 1640 г. окончилось 60-летнее господство Испании над Португалией. Отделившись от Испании, Португалия хотела положить конец враждебным отношениям с голландцами, которые, пользуясь своим превосходством в людских и экономических ресурсах, а также тем, что португальский флот наряду с испанской Непобедимой армадой жестоко пострадал в войне с Англией в 1588 г., пытались вытеснить португальцев из их владений в Азии, Африке и Америке. Голландия оказалась перед дилеммой: с одной стороны, признать независимость Португалии значило создать трудности для своего смертельного врага Испании; с другой — голландская Вест-Индская компания требовала усилить нажим на португальские владения. Как раз в те годы голландцы овладели обширной территорией на северо-востоке Бразилии. Для обеспечения рабочей силой голландских плантаций в Пернамбуку нужны были рабы. Поэтому некоторые круги требовали организации экспедиции в Африку с целью захвата Сан-Томе, Луанды и Бенгелы, чтобы установить голландский контроль над западноафриканским рынком рабов и в то же время лишить Португальскую Бразилию притока рабов.

В один из майских дней 1641 г. из бразильского порта Ресифи голландская эскадра из двух десятков хорошо оснащенных судов с 3000 солдат на борту двинулась в Анголу. После десяти недель перехода через Атлантический океан 23 августа голландская армада появилась у входа в гавань Луанды, а два дня спустя внезапно атаковала

город. Португальцы в панике бежали, а голландцы вступили в Луанду, обнаружив «великий и прекрасный город, насчитывающий около 5000 больших и красивых каменных домов, кроме того, 5 замков и 7 батарей, где было около 130 пушек и 60 винтовок». В гавани были захвачены 20 кораблей. Один из участников голландской экспедиции писал: «Поразительно, что они (португальцы. — А.Х.) столь легко сдали этот прекрасный город с неприступными фортами, имевший огромное значение для их короля, так как отсюда отправлялись все негры и черные мавры, в которых они нуждаются и используют во всех домах. Поскольку теперь это место в наших руках, Испания и Португалия сами будут иметь большую нужду в неграх. Это центр огромной торговли, так много значившей для короля Испании».

В декабре голландская флотилия захватила крепость Сан-Филиппи-де-Бенгела. Португальский гарнизон бежал в джунгли, где многие солдаты погибли от голода. Португальские войска из Луанды во главе с губернатором отступили в Массангано. Нзинга не преминула воспользоваться распрями между португальцами и голландцами в своих интересах. По словам Кавацци, она решила, что «наступил час отмщения и что она может рассчитаться с португальцами». Нзинга направила послов к голландцам, предложив им заключить союз против португальцев. Те предложение приняли. К этому союзу присоединился и король Конго. Таким образом, португальские колонизаторы оказались перед перспективой войны на нескольких фронтах. Чтобы противостоять возникшей против них коалиции, португальцы могли рассчитывать на поддержку только двух, притом довольно слабых союзников: дона Филиппа и вождя Имбангала по имени Кандонга.

Для установления более тесного сотрудничества с голландцами Нзинга перенесла свою резиденцию к реке Данде, ближе к границам Конго. По ее требованию европейский союзник предоставил в ее распоряжение отряд из 300 голландских солдат. Офицер, командовавший этим отрядом, описывал ее как «хитрую, гордую и своенравную женщину, столь пристрастившуюся к оружию, что она едва ли занимается чем-либо другим. Вместе с тем она весьма великодушна и никогда не причиняла вреда португальцу, если он был пощажен, и подобным же образом распоряжалась всеми солдатами и рабами».

Прежде чем начать военные действия против португальцев, Нзинга «посоветовалась... об их исходе с помощью смешной и суеверной дуэли». Взяли двух петухов, белого и черного, которые должны были драться три дня. По исходу битвы судили, кто одержит победу. Черный все время одерживал верх. Наконец, на третий день он убил своего врага. Эта победа решила вопрос о войне и «вызывала великие празднества».

Отряды Нзинги атаковали форт Массангано, но безуспешно. Португальцы захватили много пленных, в том числе двух сестер королевы. В их руки попали также письма короля Конго, свидетельствующие о его враждебности к португальцам и приветствующие успехи Нзинги в борьбе с ними. Поражение отнюдь не обескуражило Нзингу. Она поклялась освободить страну и, будучи искусной и храброй военачальницей, сумела затем нанести ряд чувствительных поражений португальским войскам. С голландцами военные действия протекали для португальцев также неудачно. В 1643 г. губернатор попытался внезапной атакой вернуть Луанду, но португальцы были рассеяны, а 200 человек, включая самого губернатора, захвачены в плен.

Португалия, воевавшая тогда с Испанией, была не в состоянии помочь своим войскам в Анголе. Поэтому в 1644 г. Совет по заморским территориям обратился к Бразилии с просьбой оказать помощь в борьбе с голландцами. В 1645 г. из Баии была отправлена военная экспедиция, высадившаяся в Кикомбу (в 100 милях к югу от Луанды). Однако по дороге в Массангано ее разбили отряды племени жага. Вторая экспедиция отплыла в Анголу в том же году и прибыла в Массангано тогда, когда эта крепость подвергалась атакам Нзинги. Португальцы к тому времени сумели склонить на свою сторону Касанже и заключить с ним соглашение, в основе которого лежали общие интересы в работорговле, а также отразилась враждебность Касанже к Нзинге как главной сопернице в борьбе за власть и за монополию на торговлю рабами в глубинных районах страны. Отношения между португальцами и Касанже стали настолько дружественными, что в официальной португальской переписке его стали величать «наш жага».

Несмотря на временные неудачи, Нзинга не оставляла намерения овладеть главной из оставшихся у португальцев крепостей Массангано.

Она тщательно готовилась к решительному штурму, придавая особое значение сбору разведывательной информации. Ей удавалось завербовать осведомителей в Массангано даже среди португальцев. Важные сведения о численности войск в крепости переслала ей Фунжи, которой «из уважения перед ее происхождением было разрешено свободно ходить по всему городу». Фунжи, по-видимому, была отважной и умной женщиной, достойной своей знаменитой сестры. Будучи в плену у португальцев, она попыталась организовать заговор, разыскать недовольных и «с помощью подарков и обещаний уредила их захватить одни из ворот крепости, чтобы впустить войска Нзинги». Однако заговор был раскрыт, Фунжи обезглавлена, а ее труп брошен в реку.

В 1647—1648 гг. объединенные войска Нзинги и голландцев нанесли ряд чувствительных ударов португальцам. В октябре 1647 г. голландский отряд с помощью воинов Нзинги уничтожил сильную колонну португальских войск под командованием одного из опытейших военачальников Мадуреира. 1 августа 1648 г. голландская колонна из 225 солдат под командованием начальника гарнизона Луанды С. Петерзоона с помощью африканских войск, предоставленных Нзингой и королем Конго, разбила португальский отряд в 120 человек. Почти все португальцы были убиты, а 12 человек попали в плен. В результате этих поражений, казалось, дни португальских захватчиков в Анголе были сочтены. Голландцы и их союзники стали готовиться к решительному штурму Массангано, который должен был стать заключительным аккордом их наступления. Однако им не удалось взять Массангано: из Бразилии прибыл большой флот во главе с новым губернатором Анголы Салвадором де Са, которому, по словам историка XIX в. Кунья Матуша, предстояло иметь дело «с лучшими солдатами Европы — воинами принцев Оранского и Нассау, полчищами негров-жага во главе с героической королевой Анной Зинга и войском короля Конго».

В августе 1648 г. этот флот появился в Кикомбу с целью создать укрепленную базу на побережье и установить связь с защитниками Массангано. Салвадор направил в Массангано небольшой отряд с письмами, предписывающими гарнизону двигаться на соединение с ним для совместной атаки Луанды. Этот отряд был захвачен местными племенами, враждебно настроенными к португальцам. Они пере-

дали пленников и письма голландцам, узнавшим таким образом не только о прибытии Салвадора, но и о его планах. 12 августа эскадра Салвадора появилась в бухте Луанды. Получив информацию, что 225 голландских солдат во главе с С. Петерзооном совместно с отрядами Нзинги ушли в экспедицию против португальцев и что оставшийся в городе гарнизон насчитывает 250 солдат, Салвадор послал на берег парламентариев, потребовавших сдачи города. В ночь на 15 августа он высадился со своими людьми на берег. При этом он прибег к такому приему: многочисленные манекены солдат были поставлены на судах и перевозились на лодках вдоль берега, чтобы создать впечатление, что португальцев больше, чем было на самом деле. Салвадор не начинал штурма, ожидая подкрепления из Массангано. Он не знал, что войска голландцев, Нзинги и короля Конго только что нанесли сокрушительное поражение его соотечественникам, разбив отряд в 120 человек и атаковав крепость Массангано. Тем не менее в ночь на 18 августа началась атака Луанды. Голландцы зажигали нечто вроде осветительных ракет, чтобы видеть атакующих, и метко поражали их огнем из мушкетов. В результате португальцы потеряли 150 солдат из 400, а осажденные — лишь 3 убитыми и 8 ранеными. Однако, к удивлению португальцев, через несколько часов голландцы вывесили белый флаг и объявили о готовности сдаться, если будут гарантированы благоприятные условия. 21 августа был подписан мирный договор. Голландцы обязывались эвакуировать колонию, захватив с собой свою собственность. Рабы, принадлежавшие Вест-Индской компании, могли быть по желанию либо взяты, либо проданы. Голландцы могли отплыть с военными почестями, барабанным боем и с развевающимися знаменами. Примерно 300 солдатам французского и немецкого происхождения разрешалось перейти на службу к португальцам. Условия были пунктуально выполнены, и 24 августа 1648 г. голландцы покинули Луанду, ровно через 7 лет после своего появления в этом порту. Неописуемым было торжество португальцев, осажденных в Массангано, когда им сообщили о капитуляции голландцев.

С. Петерзоон и его отряд, узнав о сдаче Луанды, всерьез подумывали связать свою судьбу с Нзингой, чтобы продолжать борьбу до победного конца. Когда же они сдались, то оставили Нзинге все оружие,

порох и военное снаряжение. Относительно причин неожиданной капитуляции голландцев выдвигалось много гипотез. Одни объясняют ее тем, что во время штурма разорвалась большая голландская пушка, другие — нехваткой сил гарнизона для защиты укреплений, третьи — численным превосходством португальцев. Наиболее вероятным кажется объяснение, приводимое К. Боксером, который, признавая влияние всех этих факторов, главной причиной считал усталость голландцев от затянувшейся войны.

Одержав победу в борьбе со своими колониальными соперниками на юго-западе Африки, португальские захватчики незамедлительно перешли к репрессиям по отношению к тем африканским правителям, которые помогали голландцам. Основной удар был направлен против королевы Матамбы Нзинги и короля Конго Гарсия Аффонсу II. Военная помощь короля Конго голландцам и его тесные контакты с Нзингой были хорошо известны. Салвадор де Са заставил Гарсия Аффонсу II подписать унижительный договор: король Конго должен был выдать в качестве контрибуции около тысячи рабов, португальская зона распространялась до реки Данде, а в случае обнаружения золотых рудников контроль над ними передавался Португалии. В качестве гарантии промыслы раковин нзимбу временно конфисковывались португальцами. Король Конго должен был отказаться от союзов, не угодных португальской короне, и обязывался «дать полную свободу» миссионерам, деятельностью которых руководил Лиссабон. Гарсия Аффонсу должен был послать в Луанду одного из своих сыновей или близких родственников как заложника. Королю запрещалось «укрывать в своих землях королеву Нзингу или кого-либо из ее подданных». Он клятвенно обещал, что будет выполнять условия договора; в противном случае его могли лишить трона. Этот договор усилил враждебность жителей Конго к португальским захватчикам, стремившимся навязать им еще большую зависимость.

Объектом репрессий со стороны португальцев стала также Нзинга. Она попыталась убедить голландцев продолжать совместную борьбу, отступив в глубинные районы страны. Не получив их согласия, с немногими оставшимися верными ей людьми Нзинга ушла затем еще дальше на восток, и ее местонахождение оставалось неизвестным

португальцам в течение нескольких лет. Для наказания мелких племен, сотрудничавших с голландцами, Салвадор де Са направил специальную экспедицию. Племена пытались объединиться, но были разбиты в битве у реки Бенго. Остатки их бежали на север, к реке Данде.

После ухода Нзинги в глубинные районы она фактически не участвовала в работоторговле. Португальцы хотели навязать ей столь же унижительный договор, что и королю Конго, а также заставить ее выполнять функции партнера в торговле рабами. С этой целью к ней был послан Руи Пегадо с письмами от короля Португалии и от Салвадора де Са. Содержание этих писем сводилось к тому, чтобы Нзинга отказалась от старых обычаев, снова приняла христианство, запретив язычество в Матамбе, возобновила поставку рабов для продажи португальцам и разрешила въезд в страну католическим миссионерам.

Нзинга понимала, что при создавшейся ситуации она должна пойти на уступки, но отнюдь не желала согласиться на безоговорочную капитуляцию. Она заявила, что назначит высокую цену за свое «возвращение в лоно христианской религии». Пусть губернатор пришлет ее сестру Камбу, которую держит 14 лет в плену. Губернатор согласился сделать это «при условии, что Нзинга даст ему 200 рабов, из коих 130 будут для короля, а 70 — для него и его офицеров». Наконец сделка состоялась. Для дальнейших переговоров к Нзинге были направлены опытные миссионеры. После 20 дней утомительного пути Антуан де Гаете и сопровождавшие его лица прибыли ко двору Нзинги. Они с удивлением рассматривали высокий трон, состоявший из нескольких циновок, покрытых роскошным бархатным ковром. Королева села первой и усадила рядом с собой отца Антуана. На некотором расстоянии от нее в почтительном молчании замерли ее придворные. Так начались переговоры. Затем в течение пяти лет миссионеры побуждали Нзингу стать христианкой. Это удалось сделать им лишь в 1655 году. Среди жага возникло недовольство в связи с отходом Нзинги от старых традиций. Тогда она приказала собрать народ, поднялась на возвышение и, невзирая на свои 73 года, взяв лук, с необычайной ловкостью и силой пустила стрелу так высоко, что та скрылась из вида изумленных подданных. «Я все еще остаюсь Нзингой, — вскричала она, — возраст не ослабил ни моего глаза, ни моей руки. Кто смеет считать, что может противостоять мне?»

Народ захопал в ладоши. Раздались крики: «Никто не сможет победить отважную Нзингу!» Тогда она торжественно объявила новые законы, отменявшие традиционные культы и многобрачие; женщинам запрещалось под страхом смерти рожать вне поселений и оставлять детей в лесу диким зверям на съедение. Желая убедить португальцев, что она снова стала правоверной христианкой, Нзинга даже сочеталась в церкви христианским браком с одним из своих придворных, дав ему в качестве приданого 500 рабов. Ее супруг был намного моложе Нзинги, «и в этом заключалась его привлекательность для королевы». Прежний обычай многоженства уступил место моногамии.

В 1656 г. губернатор созвал в Луанде совет, на котором было решено подписать с Нзингой договор. Согласно намеченным условиям этого договора, она должна была платить португальской короне ежегодную дань, возобновить продажу рабов португальцам, не притеснять никого из вождей — вассалов короля Португалии, «даже если в прошлых войнах они нанесли ущерб королевству Матамба», вернуть беглых рабов, передать в руки губернатора вождя жага Каланда и, наконец, дать клятву, что «будет другом друзей и врагом врагов португальцев». Эти предложения были направлены Нзинге, которая сознавала печальную необходимость заключения мирного договора с португальцами и относилась к нему как к «неизбежному злу». Но она не хотела заключать его на тех унижительных условиях, которые предлагали португальцы, и категорически отказалась признать себя вассалом лиссабонского монарха. Согласно версии Дюбуа-Фонтанеля, в ответ на требование принести клятву верности королю Португалии Нзинга гордо заявила: «Я не делала этого, когда была жага. Я не сделаю этого и теперь, когда я христианка. Рожденная свободной, я буду жить и умру свободной, не признавая над собой никакой власти».

В это время, как сообщают современники, Нзинга «заболела сильной лихорадкой с воспалением в горле», и два миссионера не покидали ее. Есть основания предполагать, что эти миссионеры были шпионами португальского губернатора. Возможно, они внушали больной Нзинге, что ее болезнь — «божья кара» за отказ принять условия договора. Наше предположение, что монах Антуан де Гае и его помощник были шпионами губернатора, подтверждается имеющимися в ис-

точниках упоминаниями о том, что «вице-король (губернатор. — А.Х.) был близким другом отца Антуана и состоял с ним в тесной переписке, и именно он советовал глубоко выяснять настроения королевы и ее народа». Ясно, что отец Антуан выполнял прямые инструкции губернатора. Вследствие этой психологической обработки Нзинга, будучи в тяжелом физическом и моральном состоянии, дала согласие на заключение мира. Однако она наотрез отказалась принять самое унижительное условие — об уплате ежегодной дани. Это означало бы признание ею вассальной зависимости от Лиссабона. Здесь португальцам пришлось пойти на определенные уступки.

В апреле 1657 г. был подписан мирный договор, состоявший из трех пунктов:

1. Река Лукала должна служить постоянной границей между Матамбой и Анголой;

2. Оба государства больше не будут давать убежище беглым рабам и обязуются тотчас возвращать их владельцам. Так же надо поступить и в отношении рабов и пленных, захваченных во время последней войны;

3. Королева полностью освобождается от какой-либо дани.

Таким образом, несмотря на усилия португальцев, Нзинга добилась более почетного мира, чем конголезский король, и фактически сумела сохранить Матамбу как почти независимое государство. Этот момент особенно целесообразно подчеркнуть, так как он нарочито упускается из виду португальскими историками, писавшими о Нзинге.

В конце 1657 г. Нзинга начала войну против вождя жага Каланда, который постоянно нарушал обещание не опустошать страну. Она двинулась с большим войском к Лукале, где Каланда разбил свой лагерь. Командиры, покрытые шкурами диких зверей, были вооружены луками и стрелами и держали в руках боевые топоры. Королева появилась, окруженная толпой офицеров, украшенных перьями и несших большие щиты. Она не допускала, чтобы другие несли за нее копья и стрелы, что служило прекраснейшим доказательством ее воинственности. Отец Антуан Гаете похвалил её за это, на что она скромно ответила: «Я теперь стара, мой отец, и заслуживаю снисхождения. Когда я была молодой, я не уступала ни одному жага в быстроте ходьбы и в

ловкости руки. Было время, когда я не боялась сразиться с 25 вооруженными белыми солдатами. Правда, я не умела пользоваться мушкетерами, но для ударов мечом тоже нужны храбрость, отвага и рассудительность». В последовавшей битве Каланда был разбит. На поле боя осталось много трупов, а 1500 человек были взяты в плен.

Последние семь лет своей жизни Нзинга сохраняла торговые отношения с португальцами и разрешала деятельность миссионеров, которые, согнав в ее столицу около 20 000 рабов, построили там огромную церковь. Умерла Нзинга 17 декабря 1663 г. в возрасте 81 года. Она правила 40 лет, из которых 31 год провела в войнах с португальскими колонизаторами и их союзниками.

Нзинга Мбанди Нгола представляет собой, несомненно, выдающуюся фигуру в истории Анголы. Оставаясь дочерью своей эпохи и своего общества, она была вместе с тем мудрой государственной деятельницей, талантливым полководцем, искусным дипломатом и неустрашимым борцом против иноземных угнетателей. «Среди всех негров, с которыми мне приходилось беседовать, — писал Кавацци, — не встречал ни одного, который благородством души или мудростью правления превосходил бы эту королеву... В политических делах она проявляла большой ум, а в домашних — пронизательность и осторожность».

Вскоре португальцы начали наступление на внутренние районы Анголы, которое им не удавалось осуществить много лет из-за сопротивления бесстрашной амазонки, поддержанной народными массами. В 1671 г. колонизаторы нанесли поражение государству Ндонго, ликвидировав даже его формальную независимость. Воспользовавшись междоусобной борьбой за власть между преемниками Нзинги, они вторглись в Матамбу и после убийства в 1673 г. короля Амона поставили часть страны под свой полный политический и военный контроль. Но длительная борьба народов юго-западной части Африки за свободу надолго приостановила продвижение португальских колонизаторов и задержала окончательный захват ими Анголы. Лишь к концу XVII в. португальцы возобновили инфильтрацию в глубь континента, но вплоть до XIX в. сопротивление африканцев не давало им возможности эффективно контролировать эти глубинные районы страны. Память о вошедшей в местные легенды отважной Нзинге свято хранится ангольцами и поныне.

Часть II

Португальская колониальная империя в эпоху ее расцвета (XVII — XIX вв.)

Система управления колониями

Методы управления и организации колоний разрабатывались португальцами на протяжении веков. Португалии принадлежит сомнительная честь создания первой колониальной системы Нового времени.

Португальская административная система управления колониями, продержавшаяся почти без изменений вплоть до начала XIX в., окончательно сложилась к середине XVII в. Была найдена та искомая форма колониального управления, которая обеспечивала Португалии получение максимальных выгод от своих заморских колоний.

В основу системы колониального управления был положен принцип бюрократического централизма. Вплоть до начала XVII в. управление колониями от имени короля осуществляли канцлер, казначей и королевские секретари. В 1604 г. был учрежден Совет по делам Индий, в котором были две секции: одна занималась делами Бразилии и Африки, а другая — португальскими владениями в Индии и других странах Азии. В 1642 г. король Жуан IV реорганизовал Совет по делам Индий в Совет по делам заморских владений. Этот совет был своего рода министерством колоний, в обязанности которого входили подготовка законов для колоний, назначение высших должностных лиц

(включая губернаторов, епископов и архиепископов), введение новых налогов и контроль за их сбором.

Во главе каждой колонии стоял генерал-губернатор, представляющий высшую военную и гражданскую власть. Ему подчинялось большое число чиновников разного уровня. Колонии более крупных размеров объявлялись капитаниями, и во главе их стояли капитаны, назначаемые королем.

Весьма распространена была практика покупки и даже перекупки должности капитана.

В 1505 г. португальское правительство создало особую административную единицу для своих владений на Востоке, получившую название «государство Индии». Это была огромная Восточная империя Португалии, растянувшаяся от мыса Доброй Надежды до Индонезии.

Высшей административной властью «государства Индии» был вице-король, назначавшийся на три года. Его резиденция находилась в Гоа (Индия).

Все высшие должностные лица колониальной администрации назначались на срок не более трех лет и должны были возвращаться в метрополию тотчас же по прибытии их преемников. Такой порядок был продиктован стремлением королевской власти превратить колониальных чиновников в послушных исполнителей своей воли и гарантировать себя от каких-либо попыток колониальных функционеров выйти из-под повиновения метрополии.

Эта постоянная смена высших функционеров колониального аппарата имела самые тяжелые последствия для колоний, которые были объектами административного произвола и хищнической эксплуатации со стороны чиновной бюрократии, стремившейся, в сущности, лишь к одному — максимальному обогащению в возможно короткий срок.

Все высшие административные и судебные должности в колониях занимали португальцы — уроженцы метрополии. Как правило, это были разорившиеся дворяне, которым, так сказать, ничего не светило в метрополии. Они приезжали в колонии на временное жительство с целью поправить свои дела и разбогатеть в возможно короткий срок. Главные доходы колониальным чиновникам давало не официальное

жалованье (впрочем, весьма высокое), а злоупотребления и неограниченный произвол, открывавшие широкие возможности для быстрого обогащения.

Широкие полномочия чиновников, бюрократический централизм, продажа должностей, казнокрадство составляли отличительные черты португальского колониального аппарата.

Лиссабонское правительство смотрело сквозь пальцы на злоупотребления колониальной администрации и даже тайно поощряло их. Колониальные чиновники занимаются вымогательством и взяточничеством? Ну и пусть занимаются этим сколько угодно, ведь нажитые ими богатства широким потоком текут в метрополию.

Во всех звеньях колониального аппарата царили неслыханная коррупция и взяточничество. Высшие функционеры обнаруживали удивительную изобретательность по части всякого рода злоупотреблений служебным положением. Силва Корреа свидетельствует, что португальские купцы обращались к капитан-мору (коменданту) с просьбой предоставить им носильщиков, за что он получал с них крупные взятки. Кроме того, он отправлял с этими носильщиками для продажи свои собственные товары «в самые отдаленные и выгодные места». «Вообще, — сообщает этот весьма осведомленный информатор, — капитан-мору грозил невероятный позор, если он не мог сделать свою торговлю исключительной и получить большие барыши. Все старались избежать этого позора любыми средствами, поскольку короткий срок в три года недостаточен, чтобы нажить значительное состояние».

Попустительская политика королевского двора, не пугавшая слабых и не стеснявшая сильных, создавала возможности для неслыханного обогащения баловней судьбы, вознесенных на высшие ступени бюрократической иерархии. Губернатор Анголы Луиш Сезар де Менезиш (1697—1701) обвинялся в том, что вернулся из колонии с состоянием 1,5 млн крузадо. Королевский указ от 5 октября 1742 г. констатировал: «Среди моих вассалов в королевстве Ангола существует чрезмерная и ненужная роскошь в одежде, в трапезах и при похоронах».

Поскольку чиновная братия постоянно стремилась запустить хищную лапу в королевскую казну и поживиться за счет золота, серебра и

слоновой кости в богатых монарших закромах, то на этом фоне часто возникали острые коллизии и конфликты, сопровождавшиеся посылкой всякого рода комиссий и ревизоров.

Королевская казна — вот то единственное, что королевский двор старался оградить от хищной своры своих колониальных чиновников, которым их верноподданнические чувства к своему высокочтимому монарху ничуть не мешали при удобном случае запускать лапу в казну его величества.

Изучение источников приводит к выводу, что казна была «святая святых» феодально-монархического режима, покушения на которую рассматривались как посягательство на власть верховного феодального владыки. Поскольку королевский двор протестовал только против тех злоупотреблений, которые мешали бесперебойному поступлению богатств в королевскую казну, коррупция не только не прекращалась, но и принимала все более грандиозные и всеохватывающие масштабы. Один автор XVII в., говоря о причинах упадка Анголы, сообщает: «Почти всеобщее невежество низших чиновников и их преступное попустительство торговцам, которые не терпели ни малейшего уменьшения своих легких барышей, ради которых они жертвовали всем, было причиной упадка королевства Ангола».

Королевский двор надеялся оживить хилую экономику Португалии, впрыснув в ее вены свежую кровь богатых заморских колоний. Эта задача и была возложена на колониальный административный аппарат, главной практической функцией которого было обеспечение оптимальных условий для обогащения правящих кругов метрополии за счет коренного населения колониальной империи.

Армия и флот

Предметом особой заботы королевского двора была армия. Чтобы удерживать под своим господством огромную колониальную империю, протянувшуюся от Индонезии до Бразилии, нужны были большие контингенты сухопутных войск и сильный флот. В условиях непрекращающегося соперничества других европейских держав и

роста сопротивления португальской экспансии со стороны народов Азии, Африки и Южной Америки Лиссабон справедливо рассматривал армию как главную опору своего владычества в колониях и постоянно заботился об увеличении колониальных войск. Португальское господство над огромной колониальной империей удерживалось исключительно силой оружия. Войска набирались частично в колониях среди белых поселенцев и коренных жителей, частично в метрополии главным образом из числа осужденных, которых амнистировали при условии вступления в колониальную армию. Кроме того, в армию поступали выходцы из беднейших слоев португальского крестьянства и городских низов. Офицерами были, как правило, мелкопоместные дворяне (фидалгу). Дисциплина в армии поддерживалась с помощью жесточайших мер наказания (так, например, дезертирство каралось смертной казнью).

Поскольку жалование было недостаточным и выплачивалось нерегулярно, в армии процветали мародерство и открытый разбой, которые официально поощрялись и считались лучшим средством заинтересовать солдат в участии в колониальных экспедициях.

Вооруженные арбалетами, мечами и копьями и закованные в латы, которые они носили даже в самых жарких странах, португальские фидалгу и их слуги были грозными и неукротимыми воинами. Но все же их число было слишком мало, чтобы установить господство почти над всем тогдашним миром, если бы они воевали только на суше. Тем, что при Мануэле I Счастливым (1495—1521) и Жуане III (1521—1557) Португалия стала «владычицей морей» и крупнейшей колониальной державой, она была в немалой степени обязана могуществу своего флота. В XVI в. португальский флот был самой внушительной в военном отношении силой в Средиземноморье, Атлантике и Индийском океане.

Сила португальцев была в том, что они в ходе пиратских экспедиций в XV в. ввели технологические инновации в военно-морское искусство, что явилось одной из самых значительных «технических революций» Нового времени.

В конце XV в. значительное развитие в Португалии получили такие науки, как астрономия, география и картография.

Португальские мореходы имели некоторые астрономические познания и научились применять их для ориентации по звездам²⁸. Португальцы уделяли большое внимание изучению силы, направления и скорости ветров, морских течений, обследовали моря и приобрели значительные по тому времени познания в области метеорологии и океанографии.

Особенно большую роль в успехе ранней португальской заморской экспансии сыграло изучение картографии, в котором португальцы к концу XV — началу XVI в. преуспели больше других европейцев. В Португалии работал крупный немецкий картограф Мартин Бехайм, изготовивший в 1492 г. самый старый из сохранившихся глобусов («земное яблоко»). В XVI в. в Португалии существовала целая школа картографии, выдвинувшая ряд выдающихся ученых (Педру Рейналь, Жорж Рейналь, Лопу Омень, Диогу Рибейру, Ф. Доураду и др.). Успехи картографии давали португальцам ряд преимуществ, которые они использовали в борьбе со своими соперниками. В то время как португальские капитаны, плававшие в Индийском океане и других морях, располагали сравнительно точными картами, их английские, французские и голландские конкуренты часто вынуждены были платить высокую цену за неточные (а иногда и ложные) карты и информацию, которую продавали им арабские купцы и моряки.

Успехи португальцев были обусловлены также высоким уровнем их военного искусства, выдвинувшего в то время Португалию в число сильнейших мировых держав, и наличием у них могучего военноморского флота. Ф. Энгельс, характеризуя развитие кораблестроения и навигации в XV — XVI вв., писал: «Все усовершенствования, какие были введены, принадлежали итальянцам и португальцам, которые теперь стали самыми смелыми моряками... Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась для всех морских наций, также явилась эпохой образования крупных военных флотов для защиты только что основанных колоний и торговли с ними»²⁹.

²⁸ *Pereira Duarte Pacheco. Esmeraldo desitu Orbis. Lisboa, 1892.*

²⁹ *Энгельс Ф. Военно-морской флот // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. 2-е. Т. 14.*

Основу морского могущества португальцев составляло их высокое мореходное искусство и сравнительно высокий уровень развития судостроения.

В конце 30—40-х гг. XV в. главную роль в португальском флоте стала играть каравелла: двух- или трехмачтовый корабль с треугольными парусами, которые облегчали плавание при неблагоприятных ветрах. Это так называемое косое парусное сооружение, а также заостренные формы корпуса делали каравеллу очень маневренным, легким и быстроходным судном (при попутном ветре ее скорость достигала 22 км/ч)³⁰.

Были построены корабли, способные выдерживать многомесячные плавания, не заходя в порт, а также штормы Атлантики. Географические карты португальцев и их знания в области картографии и навигации не имели себе равных вплоть до XVII в. Однако важнейшее нововведение португальцев в военно-морском деле состояло в том, что они оснастили свой флот артиллерией. Пушки, будучи поставленными на корабли, оказывались весьма эффективными, поскольку любой город на побережье Индийского океана не был отныне гарантирован от бомбардировки и разрушения со стороны моря.

Мусульмане — главные морские противники португальцев — продолжали сражаться с помощью галер в надежде на абордаж, но в открытом море оказывались беспомощными перед маневренными парусными судами противника, вооруженными артиллерией, которая была совершенно неизвестна жителям стран Индийского океана³¹.

При первых двух вице-королях на Востоке Франсишку де Алмейде (1505—1509) и Афонсу Албукерки (1509—1515) португальцы успешно подавляли вооруженное сопротивление мусульман и построили базы у входа в Персидский залив и в Малаккском проливе, а их военные флоты регулярно патрулировали западное побережье Индии и подступы к Красному морю. Эти португальские военно-морские силы обеспечивали торговую монополию королевских факторий, уничто-

³⁰ *Martins A.* Historia da civilizacao portuguesa. Porto, 1952. P. 163.

³¹ *Cipolla C.M.* Guns, Sails and Empires. Technological Innovation and the Early Phases of European Expansions (1400—1700). N.-Y., 1965. P. 102—103.

жая соперничающие центры международной торговли в Восточной Африке.

В XVI в. португальский флот занимал первое место в мире по количеству кораблей. Ни один европейский монарх не имел столько военных судов, сколько было в распоряжении Мануэля Счастливого или Жуана III. По некоторым подсчетам, Жуан III имел флот, насчитывающий более 300 единиц.

Многочисленный и сильный португальский флот служил «железобетонным» гарантом неприкосновенности португальских колониальных владений. Вот почему в XVI в. их не пытались оспаривать у Португалии ни одна европейская страна. Разгром Ф. де Алмейдой египетско-гуджаратского флота в феврале 1509 г. в сражении у Диу не только отправил в нокаут арабскую торговлю, но и почти на целое столетие сделал португальский флот абсолютным хозяином восточных морей.

«Түземная» политика Португалии

Португальские историки изобрели и пустили в широкий оборот миф об отсутствии у португальцев расистского «цветного предрассудка». Их главный аргумент — большое количество смешанных браков в колониях в XVI — XIX вв.

Действительно, в португальских колониях часто имели место браки между португальцами и африканцами (отсюда — большое число мулатов в Бразилии, Анголе, Кабу-Верди и др.). Но причину этого явления надо искать не в отсутствии у португальцев «цветного предрассудка», а в отсутствии белых женщин в африканских колониях.

После того как в 1595 г. в Анголу были доставлены 12 белых женщин, не поощрялось дальнейших попыток поощрять женскую иммиграцию. Из-за тяжелых климатических условий белые женщины в очень малом числе ехали в Анголу и совсем не ехали в Бенгелу, где их не было почти в течение 200 лет. Белых женщин не хватало и в колониальной Бразилии, но там их было все-таки гораздо больше, чем когда-либо в Анголе, Мозамбике или в «португальской» Индии. Большинство отчаянных женщин, не поверивших страшилкам, которые

рассказывали об Африке, умирали через несколько лет после прибытия, чаще всего при родах.

Путешественники, посетившие Мозамбик в XVIII — XIX вв., постоянно отмечали почти полное отсутствие белых женщин. В 1887 г. в Лоренсу-Маркише (ныне Мапуту) были только две женщины-португалки. Хронист О. Кадорнега свидетельствовал, что солдаты гарнизона и другие европейцы часто вступали в связи с черными женщинами из-за нехватки белых женщин, «в результате чего там много мулатов и цветных».

Итак, резюмируя, можно сказать, что смешанные браки в условиях отсутствия возможностей браков в пределах одной расовой группы никак не могут быть аргументами в пользу столь любимой португальскими историками теории «расового равенства и гармонии» в португальских колониях. К тому же, как видно из многочисленных свидетельств современников, эти браки были, как правило, де-факто, а не де-юре, причем с «цветными» женами обычно не церемонились и обращались как со служанками или рабынями.

В силу сложившихся исторических условий классовая дифференциация в португальских колониях совпадала с расовой. Две расы, составляющие население африканских колоний, находились по отношению друг к другу в состоянии не только расового, но и классового антагонизма. Белые были господами и хозяевами жизни, а чернокожие — эксплуатируемыми слугами и рабами. Классовые различия совпадали с различием цвета кожи.

Население колоний представляло собой социальную пирамиду. На ее вершине стояли португальцы — уроженцы метрополии, монополизировавшие всю высшую административную, религиозную и военную власть. Уроженцы метрополии составляли основную массу не только высших чиновников, офицерства и духовенства, но также и торговой буржуазии и работоторговцев. Полные дворянской спеси, а также сословных и расовых предрассудков, кичащиеся древностью своих родов, уроженцы Португалии высокомерно именовали себя «высшей расой».

На ступеньку ниже на колониальной социальной лестнице стояли мулаты — потомки белых и африканцев. Как правило, они составляли промежуточные слои населения — мелких торговцев, посредников в

работоторговле, ремесленников, низшее офицерство и низшее духовенство, но некоторым из них удавалось «выбиться в люди», «попасть из грязи в князи» и нажить крупные состояния или занять высокое положение в армии, церкви и в работоторговле.

Особенно много мулатов проживало на островах Кабу-Верди, Сан-Томе и Принсипи. Эти острова в течение долгого времени служили своего рода складами «живого товара» — здесь рабы ожидали в специальных помещениях отправки в Южную Америку. Ввиду отсутствия белых женщин португальцы и мулаты часто женились на рабынях-африканках, в результате чего мулатов на островах стало больше, чем белых.

Еще ниже, чем мулатов, было положение индийцев и других азиатов. Но самым тяжелым было положение африканцев — рабов, стоявших на самой низшей ступени общественной лестницы.

Экономическая политика Португалии в колониях

Специфический характер экономической жизни португальских владений в Африке определялся двумя факторами:

1. Феодалными методами эксплуатации, которые тесно переплелись с рабовладельческим укладом;
2. Колониальным режимом, который ставил эти территории в политическую и экономическую зависимость от Португалии.

Оба этих фактора надолго затормозили развитие производительных сил и социальный прогресс. Узкие рамки феодальных производственных отношений, сочетавшихся к тому же с отношениями рабства, погоня за драгоценностями, а также принявшая беспрецедентные масштабы «охота на рабов» подрывали жизненные силы Африки, высосали из нее естественные и людские ресурсы и надолго задержали экономическое развитие африканских стран.

С самого начала в португальских колониях была введена система донатариев. Берущая свое происхождение в португальской средневековой феодальной организации, эта система заключалась в предо-

ставлении королем отдельным лицам наследственных феодальных владений с правом административной и судебной юрисдикции в обмен на обязательство защищать и заселять эту землю. При этом вся земля колоний считалась собственностью короны. Как правило, этими феодальными собственниками (донатариями) становились португальские навигаторы и военачальники, отвоевавшие земли у местных племен.

Донатарии имели практически абсолютную власть. Они поступали, сообразуясь только со своими местными интересами, заявляя при этом: «Бог очень высоко, король очень далеко, стало быть, я здесь хозяин».

Несовершенство такой системы, превращающей донатариев в феодальных князей, независимых от королевского двора, вскоре стало для него очевидным. В конце XVI в. эта система была заменена системой празу («определенный срок»).

Празу — своего рода земельные концессии — предоставлялись короной отдельным лицам с правом наследования, но только в течение трех поколений.

Теоретически празу должны были даваться белым женщинам при условии, что они выходили замуж за португальцев, и наследовались по женской линии в течение трех поколений, после чего должны были вернуться к короне. Практически же празейруш (держатели празу) стали собственниками этих земель.

Метрополия смотрела на колонии через призму интересов своей колониальной торговли. Эта торговля — важнейший источник доходов метрополии — ревниво охранялась от посягательств иностранных держав. Португальцы под страхом смерти запрещали африканцам торговать с иностранцами. Если, упаси бог, какое-либо иностранное судно бросало якорь у берегов португальских колоний, его объявляли контрабандистским, а с его экипажем обращались не лучше, чем с пиратами или шпионами.

Вплоть до начала XVII в. колониальная торговля велась силами отдельных купцов и торговых агентов, нанятых королевским двором. Все частные торговцы должны были иметь на торговлю специальное разрешение от королевского правительства.

Король имел исключительную монополию на торговлю рядом товаров (восточные пряности, слоновая кость, золото и др.).

В начале XVII в. королевская монополия на торговлю пряностями и некоторыми другими товарами была отменена. Причина этого — усиление выросшей на дрожжах первоначального накопления португальской торговой буржуазии и необходимость противостоять натиску молодых капиталистических хищников — Голландии и Англии. Голландская и английская торговая буржуазия с завистью смотрела на процветающую португальскую торговлю с Азией. Подобно старухе из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке», она уже не хотела довольствоваться долей в этой торговле. Этого ей было мало, она хотела стать монопольной хозяйкой азиатской торговли!

Результатом этого торгового соперничества, принявшего исключительно острые формы в XVII в., явились голландско-португальская и англо-португальская войны.

Изменение португальской системы колониальной торговли и создание торговых компаний стали, с одной стороны, проявлением выросшей роли португальской торговой буржуазии, которая не могла мириться с прежним характером торговли и знаменовала своего рода победу торгового капитала над старым феодализмом, цеплявшимся за королевскую монополию на торговлю. С другой стороны, создание торговых компаний было своего рода защитной реакцией не только торгового, но и землевладельческого класса Португалии против энергичного наступления, которое вела на его интересы более могущественная буржуазия западноевропейских стран, ступивших на путь капиталистического развития.

Изучение колониальной политики различных европейских стран в эпоху первоначального накопления приводит к выводу о том, что там, где она проводилась феодалами, она вела отнюдь не к прогрессу, а к застою и упадку в этих странах. Колоссальные средства, выкачивавшиеся из колоний феодалами Испании и Португалии, шли в конечном счете не на развитие капиталистического производства, а на воспроизводство окостеневшей феодальной организации общества. В тех же странах, где колониальную политику проводила буржуазия (Англия, Голландия), она ускорила процесс развития капитализма в метрополиях, содействовала подъему их торговли, промышленности, обогащению буржуазии. Европейская торговля, процветавшая

во времена крестовых походов, была подрезана под корень захватом турками стран Ближнего Востока и Балканского полуострова, перерезавшим старые сухопутные пути из Европы к Индии и Китаю. Когда был найден обходной морской путь в Азию, а также открыты залежи золота и серебра в Южной Америке, купеческие дома Генуи, Милана, Аугсбурга, Нюрнберга, Антверпена и Лондона почувствовали, что наконец наступил долгожданный момент, когда они снова смогут заняться привычным делом.

В конце XVII — начале XVIII в. роль главного рынка сбыта португальских колониальных товаров перешла от Голландии к Англии. Получив по Метуэнскому договору ряд привилегий в торговле с Португалией, англичане начали в огромных масштабах осуществлять перекачку драгоценностей, награбленных конкистадорами в колониях.

Поскольку правящий класс феодальных собственников препятствовал развитию промышленности Португалии, приходилось все промышленные изделия покупать у Англии, которая к тому времени уже прочно стала на рельсы капиталистического развития. Португальское золото животворным дождем пролилось на экономическую почву Англии и Голландии, на которой быстро проросли всходы капитализма.

Португалия в XVIII в. превратилась в своего рода перевалочный пункт для золота, идущего из Бразилии и Африки в Англию. Один португальский публицист образно и горько заметил: «В отношении золота Бразилии Португалия играет роль рта, а Англия — желудка». «Все золото из Бразилии идет на Темзу», — констатировал в 1770 г. знаменитый французский просветитель Рейналь³².

Ангола и другие португальские колонии несли на себе таким образом двойное бремя: они были вассалами вассала Англии. Грабительская политика европейских колонизаторов имела для них губительные последствия. Она подрывала развитие производительных сил, привела к истощению природных и людских ресурсов, обрекла их на полный экономический застой и деградацию.

³² Рейналь Г. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. СПб., 1806. Ч. 3, кн. 9. С. 551.

Торговля «живым товаром»

Первые рабы-африканцы были ввезены в Португалию в 1441 г. капитаном Антаном Гонсалвишем. С 1469 г. экспедиции за рабами приняли систематический характер, причем главным рынком сбыта рабов до середины XVI в. была Португалия.

После открытия Америки и создания там плантационного хозяйства резко возрос спрос на «живой товар». Работоторговля из занятия отдельных купцов, авантюристов и пиратов во второй половине XVI в. превращается в сердцевину колониального бизнеса в Африке.

В XVI — XVIII вв. основное хозяйственное значение в огромной португальской колониальной империи имела Бразилия. Открытая П.А. Кабралом в 1500 г. страна была разделена на капитании, предоставлявшиеся королем в наследственное феодальное владение португальским иммигрантам. Это предопределило возникновение в Бразилии крупного плантационного землевладения.

Однако с самого начала колонизации португальцы столкнулись в Бразилии с одной труднопреодолимой проблемой. Местные индейцы были охотниками и ни в какую не хотели работать на плантациях. Эта работа была им не по душе. Она была для них непривычна и внушала отвращение — чувство, которое они испытывали и к тем, кто принуждал их к этому труду.

Хорошо знавшие страну, обладавшие определенной политической и военной организацией, индейцы оказывали отчаянное сопротивление своим поработителям, бежали от них в джунгли, откуда производили опустошительные рейды на поселения колонистов.

Именно сопротивление автохтонных жителей Бразилии, невозможность их «приручения», их высокая смертность на плантациях привели португальцев к мысли о необходимости ввоза в Америку рабочей силы из Африки.

По свидетельству русского путешественника Ф.А. Литке, португальцы объясняли необходимость ввоза африканцев тем, что «большая часть здешних природных жителей не покорились португальцам и не имеют с ними никакого сношения, питая к ним непримиримую вражду».

Рабы ввозились в Америку главным образом с западного побережья Африки.

Со второй половины XVI в., и особенно с 1570 г., с началом выращивания в Бразилии сахарного тростника, португальские поселения на западном побережье Африки функционировали почти исключительно как погрузочные пункты для работорговли.

Бразильская плантационная экономика XVII в. намертво срослась с Анголой. Она зависела от притока ангольской рабочей силы. Поскольку экспорт бразильского сахара стал основой накопления богатств правящим классом Португалии, а производство сахара зависело от ангольской рабочей силы, главной заботой Лиссабона стало осуществление монополии на работорговлю между Анголой и Бразилией. По словам английского историка П. Андерсона, лозунгом XVII в. было: «Без сахара нет Бразилии, а без Анголы нет сахара».

Небывалого размаха достигла работорговля в XVIII в., когда в Бразилии было найдено золото. К 1850 г., по сведениям авторитетных историков, в Бразилию было ввезено 12 млн рабов, а в США — 1 млн, в испанские колонии в Америке — не более 2 млн.

На большинстве месторождений золота работали африканцы, но под присмотром бразильских хозяев. Владельцы рудников делали различия между рабами в зависимости от их географического происхождения. Так, считалось, что невольники из Гвинеи сильнее и лучше приспособлены для изнурительной работы в золотых рудниках, чем их товарищи по несчастью из Анголы. В отношении рабов, импортированных из Невольничьего Берега, существовало мнение, что они обладают магическим даром открывать новые месторождения золота.

Рабы в Бразилии ценились не только в зависимости от их физических и умственных данных, но и по цвету кожи. Чем чернее был цвет их кожи, тем дороже они стоили. Бразильский плантатор Калдейра Брант писал в 1819 г., что рабы из Мозамбика были «сушие дьяволы», но он их покупал за их абсолютно-черный цвет.

По вопросу о мозамбикцах-рабах бразильские рабовладельцы разделились: некоторые предпочитали их другим, поскольку «они были столь же умными и даже более мирными, чем гвинейцы, верными и

надежными, хотя и стоили дорого». Но другие не любили их из-за татуировок, которыми они обезображивали свои лица.

Мучения невольников, попавших в руки португальских работорговцев, начинались еще в Африке. После захвата или покупки их сковывали цепями и гнали в порт десятки и даже сотни километров. В порту рабы содержались в бараках и, пока не было судов, использовались на сельскохозяйственных работах.

О. Даппер сообщает: «Поскольку большинство рабов приходит из Помбу, в 200 или 300 лигах от побережья, они много страдают в пути, и португальцы, прежде чем посылать их в море, дают им отдохнуть в больших домах, предназначенных для них... Пока флот не прибыл, они обрабатывают землю, сажают или рубят маниоку».

Труд был настолько тяжелым и изнурительным, а условия содержания рабов настолько плохими, что многие из них умирали в ожидании погрузки на невольничьи суда, которых всегда не хватало.

Король Конго Диогу писал в 1548 г. королю Португалии Жуану III: «В этом королевстве Конго в порту Пинда постоянно идет погрузка многих штук рабов и рабынь. Но в этом порту нет достаточного числа кораблей, чтобы взять товар, который всегда есть в этом порту, и многие рабы остаются, из-за чего их хозяева несут большие убытки, так как многие из них умирают в этом порту». Эти сведения подтверждает и письмо королевского агента Мануэла Пашеку Жуану III от 28 марта 1536 года, в котором говорится: «Я занят в значительной степени отправкой судов, которые не прибывают в достаточном числе, вследствие чего в порту всегда остаются рабы, погрузка которых не может быть осуществлена. В течение пяти лет, пока я нахожусь здесь, не было года, когда бы число погруженных рабов превышало четыре или пять тысяч... Огромное число рабов умирает из-за отсутствия кораблей».

Монах Гарсия Симоинш сообщал, что только в одном 1576 г. в Луанде в ожидании погрузки умерло 4000 рабов.

В день отправки рабов загоняли в ближайшую церковь и там крестили и нарекали христианскими именами. Обрекая миллионы африканских рабов на страшные страдания и нечеловеческие условия существования, их мучители-колонизаторы со свойственным им цинизмом и ханжеством проявляли в то же время удивительно трогатель-

тельную заботу о «спасении душ» этих несчастных. Монахи-капуцины свидетельствовали в середине XVIII в., что в Бенгеле «рабов перед отправкой крестит викарий или кюре этого места». «Христианнейший» король Жуан III в письме от 27 сентября 1537 г. повелевал «крестить негров, отправляемых из Гвинеи, на каравеллах, на которых они едут, или в лавках и домах, куда их помещают, ибо некоторые заболевают и умирают в пути, не будучи крещенными».

Тотчас же после процедуры крещения, обеспечивавшей душе неофита вечное блаженство, работоторговцы на деле показывали новообращенным «братьям» свое христианское человеколюбие — они клеймили их, как скот, каленым железом, до отказа забивали ими трюмы невольничьих кораблей и отправлялись за океан торговать своей совестью и «живым товаром».

Попавший в плен к португальцам и проживший много лет в Анголе английский моряк Э. Найвет следующим образом описывает процедуру клеймения рабов, очевидцем которой он был: «Португальцы клеймят их, как мы клеймили овец, каленым железом, которое мавры называют кримбо. Несчастные рабы стоят все в один ряд и поют: “Белые люди не покупают, а поспешно идут прочь”... так как португальцы внушают им, что тот, кто не имеет клейма, не считается сколько-нибудь ценным человеком в Бразилии или в Португалии, и таким путем под личиной любви заставляют несчастных мавров быть в самом гнусном рабстве».

Условия перевозки негров на невольничьих судах, метко прозванных в народе «тумбейрос», то есть «могилы», были поистине ужасающими. В королевском приказе от 13 марта 1684 г. говорится: «Меня информировали, что при перевозке пленных негров в государство Бразилию погрузчики и капитаны судов имеют обыкновение держать их столь прижатыми и прикованными один к другому, что у них нет необходимой для жизни свободы движений... и от этой тесноты, а также от дурного обращения многие из них умирают, а те, которые остаются живы, прибывают в самом жалком состоянии».

Переезд невольничьего судна из Гвинеи в Пернамбуко занимал в среднем от 14 до 20 дней, из Анголы в Ресифи — около 35 дней, в Баию — 40 дней и в Рио-де-Жанейро — 2 месяца. По свидетельству

русского путешественника А.П. Лазарева (1819), в течение всего этого времени негров из трюмов не выпускали «ни для каких нужд и надобностей» из страха, что они поднимут мятеж или предпримут общее самоубийство. А.П. Лазарев, лично осматривавший невольничьи суда в Рио-де-Жанейро, оставил одно из самых обстоятельных, ярких и правдивых описаний португальской работорговли. «На судах, приходящих в Рио-де-Жанейро с невольниками, — сообщает он в своих “Записках”, — сделаны были в трюме, к борту клетками нары, из которых в каждую влезал негр через узкое четвероугольное отверстие, и там лежал он, запертый выюшкой с запором. В сем тесном положении страдальцы сии не только не имели возможности быть между собой в сообщении... но и едва ли могли поворачиваться. Таким образом нагружали их иногда до 900 человек. На одном судне я видел 747, на другом 850 и еще на малом бриге 450. Воздух у них был до такой степени сперт, что... при всей моей крепости я не мог сойти в трюм».

В работах ряда авторов встречается утверждение, что негры ввезли в Бразилию болезни, до того не известные в Америке. Однако такие авторы обычно не находят нужным сказать, что сами негры оказывались жертвами болезней, возникавших в трюмах невольничьих судов вследствие чудовищных антисанитарных условий, в которых работорговцы содержали этот «человеческий скот». Оспа, чесотка, злокачественная лихорадка и трахома были обычными спутниками негров в пути.

В результате болезней, голода, самоубийства и гибели от банзо³³ процент смертности негров при переезде через океан был обычно очень высок. Калогерас утверждает, что в пути гибло в среднем 30% «живого груза». По другим сведениям, процент смертности составлял 65.

Как сообщал генерал-губернатор Бразилии в январе 1725 г., только на небольшом участке пути между Рио-де-Жанейро и Баией на одном невольничьем судне умерли 102 раба. Лазарев сообщает, что на первом из виденных им невольничьих кораблей в пути умерло 150 негров, на другом — 217, а на третьем — 45. Сохранились «списки умерших»,

³³ Банзо – болезненная тоска африканских негров по родине, кончавшаяся смертельным исходом.

куда капитаны судов записывали погибших в пути рабов. Г.С. Клейн установил, что с 1795 по 1811 г. на 351 судне, пришедшем в Рио-де-Жанейро, умерли около 20 000 рабов, причем смертность составляла 95 на 1000.

В одном из официальных писем, отправленных из Бразилии в Лиссабон 2 августа 1759 г., читаем: «8 июля в этот порт прибыло судно... с грузом негров из Анголы и выгрузило 500 негров. ...Но из них были живы лишь 368, большинство — мальчики. Все они были с лихорадкой и столь отощавшие, что больше похожи на скелеты, чем на живые существа».

Французский исследователь Г. Каи в своей монографии «Торговля черными» пишет: «Можно сказать, что в целом в XVIII веке 12% рабов умерли при переезде... и еще 25% — в первые месяцы прибытия. Следовательно, спустя год после отправки из Африки из троих выжили менее двух».

Несмотря на высокую смертность рабов при перевозке через океан, торговля неграми приносила работорговцам огромные барыши. Вследствие постоянно растущего спроса черные рабы в Бразилии всегда стоили очень дорого. В XVI в. раб-негр стоил часто 100 милрейсов, в то время как раб-индеец — только 20. В течение всего колониального периода цена одного раба-негра непрерывно возрастала, доходя до 800, 900 милрейсов и даже до конто³⁴. Эта цена в каждом отдельном случае зависела от пола, возраста, физических качеств и племенного происхождения раба.

Один современник свидетельствует: «Некоторые работорговцы посылали корабли за рабами в Мозамбик. Они рассказывали мне, что хотя путешествие вокруг мыса Доброй Надежды было долгим, холодным и изобиловавшим штормами, а рабов умирало гораздо больше, чем во время перехода от Гвинейского побережья до Вест-Индии, все-таки их дешевизна в Мозамбике сполна компенсировала большую смертность».

В Бразилии в течение нескольких веков существования рабства имелись невольничьи рынки, где продавали негров. Особенно круп-

³⁴ Конто — португальская монета, равная 1000 милрейсам (эскудо).

ные рынки рабов существовали в Рио-де-Жанейро, Баие, Пернамбуко и Мараньяне. В начале XIX в. на невольничьем рынке в Рио продавалось ежегодно примерно 5000 рабов, то есть четверть их ежегодного ввоза в Бразилию.

Вот что представлял собой невольничий рынок в Рио-де-Жанейро по описанию русского путешественника В.М. Головнина: «Это одна длинная улица, называемая Волонга, где в каждом доме внизу есть лавка, в которой нет никаких товаров, кроме негров на продажу. Они все сидят кругом на лавочках, и тут приходят покупатели, осматривают их, щупают, узнают, здоровы ли они, торгуют и покупают, как какой-нибудь домашний скот».

По свидетельству русских моряков, на многих неграх были надеты железные маски, ибо отчаяние рабов вследствие жестокостей хозяев «было подчас так велико, что они ели землю, чтобы скорее кончить свои дни. При всем этом бразильцы уверяли, что в Рио-де-Жанейро положение негров несравненно лучше, чем внутри Бразилии и в Вест-Индии».

А.П. Лазарев пишет о невольничьем рынке: «Когда мы входили в сараи смотреть негров, то их заставляли плясать под их песни. Для любопытства достаточно видеть один раз сие зрелище, но повторять оное слишком жестоко. В несчастном своем положении полумертвый от истощения негр должен еще веселиться!»

Ф.П. Литке после осмотра невольничьего рынка записал в своем дневнике: «Здесь есть улица, в коей продают негров, она состоит из домов, или, лучше сказать, сараев, разгороженных на две половины: в одной продаются мужчины, в другой женщины. Желаящий купить является, хозяин показывает ему своих негров, заставляет их делать разные телодвижения в доказательство здоровья их; покупающий смотрит у них язык — как коновал смотрит у лошадей зубы; товар продан — и бедный негр делается собственностью другого».

Система рабства с ее рутинной техникой и зверскими формами эксплуатации оказала пагубное влияние на все стороны политической, экономической и культурной жизни колоний. Возрождение давно изживших себя форм эксплуатации было исторически регрессивным процессом и представляло собой шаг назад даже по сравнению со

средневековым феодализмом. Система рабства наряду с колониальным режимом была серьезным тормозом дальнейшего развития производительных сил в колониальной империи Португалии.

Развившееся на основе рабства плантационное сельское хозяйство в Бразилии производило товары исключительно на экспорт, что не только не укрепляло экономических связей между различными районами страны и не способствовало образованию единого внутреннего рынка, но, наоборот, консервировало феодально-рабовладельческие производственные отношения. Рабство и работорговля подрывали и истощали жизненные силы и африканского общества.

Последствия португальской КОЛОНИЗАЦИИ

В научной литературе неоднократно ставился и подвергался изучению вопрос об ущербе, нанесенном колониализмом народам Африки.

Однако при этом внимание исследователей, как правило, фиксируется лишь на экономическом ущербе, что, по-видимому, связано с тем, что этот вид ущерба наиболее очевиден и поддается более или менее точной оценке.

Однако проблема ущерба не может быть до конца выяснена, если упускать из виду другой важный ее аспект, а именно урон, который понесли народы Африки от колониализма во внеэкономической сфере.

Установление полного совокупного экономического и внеэкономического ущерба, причиненного колониализмом народам Африки, представляет собой важную и актуальную задачу. Ответственность колониальных держав за ущерб, причиненный африканским народам, нагляднее всего может быть выявлена на примере португальских колоний, поскольку португальский колониализм просуществовал 500 лет, значительно дольше, чем английский и французский. Казалось бы, португальские колонизаторы имели больше всего возможностей поднять экономический, социальный и культурный уровень «опе-

кавшихся» ими народов — времени для этого у них было более чем достаточно.

Между тем весь положительный вклад, который внесли португальские колонизаторы в экономическое развитие африканских народов, в основном ограничивался тем, что они ввели некоторые новые, главным образом американские сельскохозяйственные культуры (маниоку, кассаву, маис, ананасы). Однако культивация этих культур не вызвала каких-либо существенных экономических или социальных изменений в африканском обществе, так как маис и маниока лишь заменили в качестве главных продовольственных культур просо, которое аборигены выращивали задолго до европейцев. Даже такая важная техническая идея, как идея колеса, не была принята африканцами от португальцев и в тот период не привилась в Африке. В условиях, когда существовали только пешеходные тропы, носильщики стоили дешевле и их было легче и удобнее использовать, чем запряженные лошадьми повозки, для которых требовались широкие дороги и которые были практически бесполезны в сезон дождей.

Несмотря на 500-летнее господство, португальцы очень мало преуспели в распространении среди африканцев своей религии, языка, культуры и образа жизни. Это было связано, по-видимому, и с тем обстоятельством, что ненависть, которую они всюду вызывали, не только убивала в африканцах всякое желание подражать им, но и вызывала у них отрицательную реакцию на все «португальское».

Не подлежит сомнению тот факт, что те положительные моменты, которые были связаны в истории африканских народов с европейской колонизацией и которые ревностные адепты колониализма пытаются выдать за «цивилизаторскую миссию», представляются ничтожными по сравнению с той непомерно дорогой ценой, которую заплатила за них Африка, принеся в жертву Молоху колониализма жизни десятков миллионов, кровь, слезы и страдания сотен миллионов своих сыновей и дочерей.

Если говорить об ущербе во внеэкономической сфере, то, по нашему мнению, следует констатировать, что колониализм ответствен перед Африкой за нанесение ей социального, морально-психологического и духовного ущерба. К этому выводу приводит, в

частности, изучение последствий португальской колонизации в Западной и Восточной Тропической Африке. До появления европейцев в зоне будущего португальского владычества существовали весьма развитые и вполне жизнеспособные общественные организмы. Здесь уже и в Средние века сложились классовые отношения и возникла государственность. Государство Бенин на Гвинейском побережье, Мономотапа в Юго-Восточной Африке представляют собой яркие примеры средневековой африканской государственности с уже сложившимся классовым и довольно сложным социально и культурно организованным обществом.

Вторгшиеся в Африку португальские колонизаторы были первыми европейцами, вошедшими в контакт с народами Тропической Африки³⁵. Они открыли большую историческую эпоху — эпоху общения европейцев с народами других континентов. С этого времени колониализм и традиционные африканские общества оказались в состоянии постоянного взаимодействия и взаимовлияния.

Хотя португальская колонизация и имела кое-какое положительное влияние на Африку (знакомство с мировыми культурными ценностями), нельзя не учитывать, что приобщение к европейской культуре сопровождалось физическим истреблением и порабощением миллионов людей, хищническим грабежом африканцев и подавлением их самобытной культуры.

Первые контакты в Африке португальцы завязали с племенами, имевшими первобытно-общинную организацию, но, как только колонизаторы попытались создать в Африке разветвленные каналы торговли с целью получения прибылей, они неизбежно вошли в контакт с крупными африканскими государствами. С самого начала португальцы стремились подчинить их своему контролю и включить в свою империю на правах протекторатов или колоний. В конце XV — начале XVI в. португальцы предприняли идеологическую, политическую

³⁵ До сих пор на западном и южном побережьях Африки сохранилось множество португальских географических названий: Кабу-Верди, Сьерра-Леоне, мыс Пальмас, Кабу-Корса, Лагос, Калабар, Камерун, Габон, Кориско, мыс Фрио, Ангара-Пекена и др. Очень многие населенные пункты в Либерии и в устье Нигера также имеют португальские названия.

и экономическую экспансию в королевстве Бенин, в XV в. овладели значительной частью Марокко, в конце XV — начале XVI в. приобрели очень большое влияние в Конго, в начале XVI в. разрушили и захватили города-государства суахили на восточном побережье континента, во второй половине XVII в. овладели государством Ндонго, в XVI—XVII вв. непрерывно вмешивались во внутренние дела Эфиопии и Мономотапы.

Во всех случаях контакты с португальскими колонизаторами имели катастрофические последствия для африканских государств.

Экономика и культурное развитие Бенина были в значительной мере подорваны португальцами, и само это государство уцелело только потому, что португальцы, найдя путь в Индию, потеряли к нему интерес. К тому же на Гвинейском побережье португальцы очень страдали от непривычного и нездорового климата. Их уход из Бенина в значительной мере был обусловлен также жестокой конкуренцией голландских, французских, английских и скандинавских купцов. Все это заставило португальцев ограничить свои интересы Анголой и Восточной Африкой, где их привлекали огромные минеральные богатства, более здоровый климат и относительно большая свобода от европейских конкурентов.

Государство Конго тоже испытывало на себе тяжелые последствия португальской колонизации. Уже к середине XVI в. оно было заметно ослаблено, и от него отпал целый ряд территорий, а после ухода португальцев в конце XVII в. единство Конго было окончательно подорвано и оно распалось на мелкие политические единицы. Когда епископ Луанды посетил покинутую жителями к началу XVIII в. бывшую столицу Конго Сан-Сальвадор, он обнаружил, что она превратилась в место обитания диких животных.

Проникновение португальцев в Мономотапу, начавшееся в конце XVI в. в форме союзнической поддержки и миссионерской деятельности, уже 100 лет спустя — к концу XVII в. привело к распаду этого государства. Огромную роль в уничтожении Мономотапы сыграла политика земельных захватов, проводившаяся Лиссабоном в виде системы празу. Знаменитые каменные дворцы Зимбабве были покинуты и превратились в груду развалин.

Таким образом, португальская колонизация оказала разрушительное воздействие на материальную и духовную культуру африканских народов.

ОХОТНИКИ ЗА ДУШАМИ

Ни в одной европейской стране (включая Испанию) католическая церковь в XV—XIX вв. не имела таких широких прав и не срослась так тесно с государственным аппаратом, как в Португалии. Недаром португальский король с гордостью носил пышный официальный титул «правовернейшее католическое величество». Этот нерасторжимый союз креста и короны, использование церкви в политических целях и то огромное значение, которое португальская корона придавала опутыванию населения колоний тонкой, но прочной паутиной религиозной идеологии, составляли характерную особенность и одну из причин долговременности португальского колониализма.

Одной из наиболее ревностно охраняемых прерогатив португальской короны был королевский патронат («падраду реал»). Он представлял собой комбинацию прав, привилегий и льгот, пожалованных папами португальской короне как патрону католических миссий и учреждений в Африке, Азии и Бразилии. Эти права и привилегии то и дело подтверждались папскими буллами, изданными с 1456 по 1514 г. Вплоть до конца XVI в. в границах действия патронажа от Бразилии до Японии ни один епископ не мог быть назначен и ни одна епархия не могла быть создана без разрешения португальской короны. Португальский королевский двор требовал, чтобы каждый миссионер, посылаемый в эти районы, имел на то его разрешение и прибывал туда не иначе как на португальском судне. Португальские правящие круги склонны были рассматривать своего короля как своего рода папского легата, а его церковному законодательству приписывали силу канонических декретов.

Направив в колонии большое число миссионеров, королевский двор поставил перед ними четкую и конкретную задачу — обратить в католичество как можно больше «туземцев». В отличие от ислама,

который в Африке оказался способным к синкретизму (слиянию) с местными культами, католицизм обнаруживал крайнюю нетерпимость к другим религиям.

Уже в начале своей колониальной экспансии королевский двор использовал в целях колонизации новых земель не только вооруженную силу облаченных в доспехи конкистадоров, но и «духовную силу» облаченных в сутаны и рясы священников. По свидетельству Диогу де Коуту, короли Португалии, прилагая усилия к завоеванию Востока, всегда старались утвердить там две власти: духовную и светскую. Никогда ни одна из них не приводилась в движение без того, чтобы за ней не последовала другая.

Португальские короли Мануэл I Счастливый и Жуан III, будучи великими магистрами ордена Христа, уделяли значительное внимание миссионерской деятельности в колониях. С их легкой руки и при их финансовой поддержке в Африку, Азию и Бразилию устремились толпы иезуитов, францисканцев, августинцев и доминиканцев. Самыми шустрыми и самыми эффективными были иезуиты.

Как пишут И. Можейко, Л. Седов и В. Тюрин, «иезуиты поставили своей целью распространение католической религии во вновь открытых странах, дабы не пробрались туда конкуренты — лютеране, дабы искоренять заразу мусульманства и язычества, иезуит должен без малейших колебаний выполнять любые приказы ордена и папы. Чтобы там ни было, с какими бы опасностями ни столкнулся он в пути, иезуит должен идти вперед. "Цель оправдывает средства!" И иезуиты заработали себе широкую и зловещую славу, ибо в своей деятельности не останавливались ни перед какими средствами»³⁶.

С 1543 по 1552 г. орденом Иисуса (иезуитами) на Востоке руководил знаменитый миссионер Франциск Шавьер.

Амбициозные проекты Ф. Шавьера требовали большого числа миссионеров. Их острая нехватка беспокоила Шавьера, и он постоянно просил Лиссабон прислать новых миссионеров.

Изучив хинди и малайский язык настолько, чтобы его хоть как-то могли понимать, Шавьер удалился из Гоа и отправился проповедовать

³⁶ Можейко И., Седов Л., Тюрин В. Указ. соч. С.159.

Евангелие на «жемчужный берег» в Малабаре. Свою миссионерскую деятельность там Шавьер начал весьма оригинально. Он купил большую дудку, бегал с ней средь бела дня по улицам и трубил до тех пор, пока его не окружала со смехом и криками толпа детей и любопытных. Собрав таким образом слушателей, он вставал на камень и начинал проповедь, составленную из смеси туземных слов с латинскими, испанскими, итальянскими и французскими, причем весьма живо жестикулируя руками и ногами. В заключение он вынимал большой крест, набожно прикладывался к нему и приглашал слушателей последовать его примеру. Тем, кто делал это, он дарил красивые розовые венки, которые он привез с собой из Португалии.

Но это была лишь первая часть его системы обращения. Другая, более действенная, состояла в том, что с помощью португальских войск, которые он потребовал себе, он разрушал индуистские храмы, а на их месте воздвигал христианские часовни с крестами и образами, а возле них — бамбуковые домики для школ. Он знал по опыту, как сильно действуют на воображение восточных народов торжественные ритуалы и богослужение. Ему было известно также, что лучшее средство прочно утвердить христианство в «языческой» стране — склонить к новой мере молодежь. Поэтому он усердно занялся ее обучением и добился того, что многие молодые люди стали посещать его школы либо в надежде на подарки, либо из страха перед португальскими солдатами, разрушившими индуистские храмы. Число новообращенных увеличивалось буквально изо дня в день. В декабре 1543 г. Шавьер вернулся в Гоа, привезя с собой нескольких своих учеников-индийцев в качестве помощников в проповедовании Евангелия. В 1544 г. он добился от правителей Коулана и Траванкура разрешения вести там миссионерскую работу. В результате там в короткий срок тысячи индийцев были обращены в христианство. Прозелитов, видимо, соблазняло и то, что они становились также и португальскими подданными, то есть оказывались под покровительством правовернейшего короля.

В это время по просьбе Шавьера Лойола прислал ему на помощь еще 20 миссионеров, главным образом португальцев. Тогда обращение приняло более широкие масштабы, и в следующие шесть лет

были основаны иезуитские миссии не только в Индии, но и на Цейлоне, Кохине, Негапатаме, Мелиапуре, Малакке и Тернате.

Однако главной школой для подготовки миссионерских кадров оставалась коллегия Св. Павла в Гоа. В нее с помощью солдат Шавьер поместил 120 мальчиков из знатных индийских семейств с целью сделать из них наставников их соотечественников в христианском учении. Вообще, как пишет Т. Гризингер, «сила португальских штыков и страх, внушаемый туземцам португальскими войсками, немало способствовали успехам Шавьера и его помощников, что бросает очень сильную тень на славу великого апостола язычников».

В 40-х гг. XVI в. португальцы ужесточили свою политику религиозной нетерпимости. Большинство индусов и мусульман были лишены права публичного отправления культа. Одновременно проводилось разрушение индуистских храмов по всей «португальской» Индии. По заслуживающим доверия сведениям, к 1567 г. было разрушено 280 индийских храмов.

Только в Диу коренное население пользовалось правом сохранять и реставрировать свои храмы, но не строить новых. Причиной этого исключения послужило то, что торговцы Диу оказали большую помощь иезуиту Афонсу Мендишу, патриарху Эфиопии, когда он был изгнан из Эфиопии и заключен в тюрьму турками. Против этой привилегии неоднократно возражали наиболее фанатичные клирики, но все же она не была отменена.

Охота за душами индийцев, или, иначе говоря, христианизация местного населения, проводилась далеко не мирными способами. В отношении строптивых и упертых, не желавших становиться христианами, благочестивые отцы иезуиты применяли жесткие репрессивные меры, в выдумывании которых они проявляли поразительную изобретательность. Этих непокорных упрямцев лишали всех гражданских и политических прав. Им запрещалось занимать официальные должности, они даже не имели права входить в состав деревенского совета.

Все нехристиане должны были носить особую одежду. Им запрещалось ездить на лошадях и пользоваться зонтиками. Архиепископ мог в любой момент изгнать с территории Гоа любого нехристианина.

В апреле 1545 г. Шавьер отплыл в Кочин, откуда перебрался в Негапатам, затем в Мелиапур и в сентябре того же года в Малакку. Всюду он учреждал иезуитские коллегии на деньги, вырученные от продажи имущества убитых или сожженных еретиков.

В 1549 г. он встретился в Малакке с одним японцем, который сумел возбудить его благочестивые мысли и воспламенить богатое воображение рассказами о Японии. Шавьер принимает решение отправиться туда, чтобы вызволить несчастных японцев из духовного плена ложных языческих религий и сделать их возлюбленными чадами Иисуса Христа. В апреле 1549 г. Шавьер с двумя иезуитами и тремя японцами отплыл из Гоа, взяв курс на Японию. После того как они осчастливили христианством и спасли там множество заблудших душ, 22 ноября 1551 г. Шавьер отплыл в Индию. Прибыв в середине февраля 1552 г. в Гоа, он стал требовать, чтобы вице-король послал в Пекин посольство, в составе которого он надеялся пробраться в Китай. Вице-король долго не соглашался, но в конце концов Шавьер его уломал. Посольство во главе с одним купцом, который был не прочь закупить китайские товары, отплыло из Гоа 14 апреля 1552 г. Пикантность ситуации заключалась в том, что в это время въезд иностранцам в Китай был строго запрещен. Однако для многоопытного и изобретательного Шавьера поистине не было такой крепости, которой бы он не мог взять! Он исхитрился в августе 1552 г. на маленькой джонке тайно пробраться на китайский остров Санчоан. Там он вступил в переговоры с одним китайским купцом, который согласился в обмен на порох помочь ему проникнуть в Поднебесную. Но человек предполагает, а Бог располагает. Шавьеру не суждено было покинуть остров Санчоан. Внезапно он заболел тропической лихорадкой и умер 3 декабря 1552 г. 46 лет от роду. Деятельность преемников Шавьера представляет не меньший интерес. В Азии он проложил путь христианству основанием на всех завоеванных португальцами территориях коллегий, резиденций и миссий. Его преемники значительно приумножили число этих заведений. Они не только строили новые церкви и коллегии. Речь шла о настоящих миссионерских базах, а образцом для них стала коллегия Св. Павла в Гоа. Иезуиты обосновались во всех городах Малабара, где португальцы

построили крепости, причем они почти всегда обосновывались в домах, построенных раньше членами других орденов.

Иезуит Николау Лансилото, основатель колледжа Богоматери в Кочине, построил в начале 1550-х гг. другой колледж в Коулане. Это дало импульс к открытию новых колледжей, которые росли как грибы и заполнили все малабарское побережье.

Колледж в Коулане имел ту особенность, что в него принимали детей, окончивших начальную школу и уже знакомых с основами грамоты.

Переход к более высоким ступеням образования предполагал наличие учебных заведений, имеющих преподавателей, способных обеспечить соответствующее образование. Переезд из Пуникале в Коулан предоставлялся тем, кто обнаружил способности к получению знаний и к карьере священника. Но учеба в колледже в Коулане вовсе не означала, что его учащиеся обязательно станут священниками.

Вследствие скудности сохранившихся источников неизвестно, какие дисциплины преподавались в колледже Сан-Салвадор в Коулане, а также уровень знаний и род деятельности его выпускников.

Кроме колледжа в Коулане была еще школа, в которой учили читать и писать, основанная в 1566 г. иезуитом Луишем де Гоувейей.

Колледжами Малабара руководил ректор, ставивший каждому колледжу определенную задачу.

Только в Кочин с 1541 по 1560 г. прибыли 65 иезуитов. Большинство из них были отправлены в другие районы Индии.

В колледже Богоматери в Кочине в 1557 г. был следующий персонал: ректор, профессор Родригеш, три священника (один из них изучал местные языки) и аббат. Согласно документу 1559 г., профессор Родригеш преподавал литературу, христианскую доктрину и обычаи. Этот колледж имел самый многочисленный персонал в Малабаре. Колледж в Коулане имел в 1562 г. всего лишь двух священников и двух аббатов.

Там, где иезуиты имели колледжи, их деятельность была более разнообразной, чем в глубинке, где она ограничивалась лишь проповедями и обращениями в христианство. В колледжах было больше развлечений: там ставились своего рода театральные шоу, использо-

вались изображения яслей, в которых родился младенец Христос, и т.п. В Рождество и на Пасху устраивались празднества. Организовывались выставки, на которых демонстрировались достижения ордена в обучении детей.

Программа деятельности миссионеров включала в себя также духовное просвещение заключенных и больных в госпиталях.

Иезуиты вмешивались почти во все сферы общественной жизни, участвуя в принятии решений, касающихся не только религиозных, но и политических вопросов. В вопросах правосудия они соблюдали осторожность, в совершенстве знали гражданское и каноническое право, а несколько дел, связанных с ересью, передали на суд Святой инквизиции.

Расписание иезуита было очень строгим и жестким. Он вставал в 4.30, пел в хоре до 5.30. Через 15 минут все иезуиты слушали мессу, после чего шли преподавать. Уроки продолжались до 9.00, потом они шли на исповедь, продолжавшуюся до 13.00. После этого они отдыхали, после чего все вместе молились и читали Библию. В 17.00 они ужинали, затем снова вели уроки.

Описанные модели были характерны для главных иезуитских колледжей в Малабаре. Однако встречались и другие варианты, например в колледже Сан-Салвадор в Колуане и в миссиях вдоль южного побережья до мыса Коморин. На этом побережье иезуиты действовали в 24 поселениях и 16 церквях, проводя миссионерскую работу более интенсивную, чем иезуиты колледжа Богоматери в Кочине. Этот колледж считался главным в провинции Малабар, и приказы его ректора были обязательными для всех колледжей.

Герой африканского сопротивления

Торговля слоновой костью привела португальские корабли в эстуарию Замбези, в результате чего резко возрос спрос на продукты, производимые местным населением. К тому же существовал сухо-

путный торговый путь между островом Мозамбик и Замбези, который действовал еще в 1645 г., когда отец Гомиш написал о прибрежной долине севернее Келимане, что «она полна больших деревень, кафры (хотя и примитивные) гостеприимно принимают португальцев, принося им кур, рис и все то лучшее, что у них есть».

Это относительное процветание, судя по всему, привело к переселению большого числа людей из внутренних в прибрежные районы.

Мирные культурные и торговые контакты между макуаговорящими народами, мусульманами и португальскими приморскими общинами были насильственно прерваны в середине XVI в. сильнейшей засухой, которая вызывала миграции населения, принявшие форму вторжения, опустошения и завоевания территории макуа народом из хинтерланда.

Этим народом были монгас. Сантуш описывает монгас как «черных язычников, очень храбрых и самых воинственных из всех племен, которые жили тогда на этих реках, и поэтому они доставили великие трудности нашим завоевателям, с которыми у них было множество битв». По мнению некоторых исследователей, монгас были предками народности шона.

В боях с португальскими завоевателями монгас проявляли исключительное упорство и мужество. Особенно тяжелой была битва с монгас в июле 1572 г. к югу от Замбези между Сеной и Тете.

Одной из самых ярких страниц в истории борьбы африканских народов против европейских колонизаторов является сопротивление государства Ватуа под руководством Гунгуньяны экспансии португальского колониализма в конце XIX в.

Автору данной работы посчастливилось поработать в Историческом архиве Мозамбика (ИАМ) в Мапуту, где имеется большое количество неопубликованных документов, проливающих свет на многие неизвестные до сих пор вопросы, связанные с личностью и деятельностью Гунгуньяны.

Гунгуньяна (1839—1906) был правителем раннефеодального государства Ватуа, находившегося на территории современного Мозамбика. Он отказался подчиниться требованиям португальцев признать себя вассалом короля Португалии. Отказ Гунгуньяны привел к войне.

Умный, энергичный и храбрый правитель государства Ватуа пытался сформировать антипортугальскую коалицию племен. В то же время он совершает карательные рейды против племен, вожди которых признали себя вассалами Португалии.

По словам современника, «вождь империи Ватуа был проницательным дипломатом, который, видя, что португальцы не располагают достаточной военной силой, чтобы противостоять его власти, подчинил себе их вассалов».

Ряд документов, обнаруженных в архиве, касается контактов Гунгуньяны с British South African Company (BSAC), возглавлявшейся знаменитым английским колониальным боссом Сесилем Родсом. Из этих документов становится ясно, что Гунгуньяна умело использовал англо-португальский конфликт для укрепления своих позиций. Он даже направил в апреле 1890 г. своих эмиссаров в Англию. В связи с этим португальский чиновник Ж. Алмейда сообщил своему начальству: «Я имею информацию, что Гунгуньяна отправил в Англию двух послов с предложением вассалитета».

К концу февраля 1891 г. British South Africa Company сумела доставить Гунгуньяне 1000 ружей, несмотря на попытки перехватить их. Португальские власти знали об этом. Они не могли простить Гунгуньяне тесные связи с British South African Company. Португальский губернатор А. Эниш с возмущением сообщал в Лиссабон, что вождь «не уважает нашу власть и оскорбляет наш суверенитет, а агенты компании, устроившись под сенью португальского флага, подстрекают и оплачивают его измену».

Раздражение португальских властей, вызванное демонстративными действиями Гунгуньяны, было столь велико, что в Лоренсу-Маркише громкие голоса ястребов, требовавших объявления войны Гунгуньяне, заглушили слабый писк голубей. Ястребы в один голос утверждали: «Военная победа над непокорным вождем восстановит подмоченную репутацию и престиж Португалии в Африке!»

Любопытны обнаруженные нами в архиве документы, относящиеся к так называемому делу тесно связанных с Гунгуньяной вождей Махазула и Матибежаны. Суть этого дела состояла в том, что португальские власти в 1894 г. пытались вмешаться в спор о престоло-

наследии вождей в районе Лоренсу-Маркише. Когда португальский комендант в Ангоане вызвал к себе вождя Махазула, тот явился в сопровождении 2000 вооруженных воинов. После этого распространились слухи, что «туземцы» готовятся напасть на Лоренсу-Маркиш. В городе началась дикая паника: португальцы тряслись от страха, возводились баррикады, жителям было роздано оружие. Слухи подтвердились 14 октября 1894 г. 1500 воинов-нгони во главе с Махазулом и Матибежаной, получив на это «добро» от Гунгуньяны, осадили Лоренсу-Маркиш. Город не был взят только потому, что подоспели матросы с португальских судов. Португальское господство в Мозамбике оказалось под угрозой.

Документы позволяют сделать вывод о том, что штурм Лоренсу-Маркиша был предпринят по совету англичан и BSAC. Во всяком случае, в его организации большую роль сыграли их военная помощь и заверения, данные Гунгуньяне, что «могущественный король Англии поддерживает Ватуа в войне против короля Португалии и в решающий момент готов прийти на помощь»³⁷.

Португальские власти в категорической форме потребовали от Гунгуньяны выдачи им двух «мятежных вождей» — Махазула и Матибежаны. Однако, будучи уверен в своей силе и в поддержке англичан, Гунгуньяна с презрением отверг это требование.

Отказ Гунгуньяны выдать португальцам вождей Махазула и Матибежану явился непосредственным поводом для португальской военной интервенции Ватуа, явившейся последним актом поистине шекспировской трагической эпопеи.

В этой связи исключительный интерес представляет скопированный нами в ИАМ 43-страничный документ «Доклад о пленении вождя Гунгуньяны губернатором дистриктата Газы капитаном кавалерии Жоакином Моусинью де Альбукерки». В этом документе, адресованном генерал-губернатору А. Энишу, капитан Моусинью де Албукерки детально описывает события, связанные с разгромом армии Гунгуньяны и его пленением. Он пишет: «Ваше Высочество внушило мне мысль, что я должен в течение нескольких дней или

³⁷ АНМ, Caixa 1. № 2.

в течение более длительного времени либо пленить, либо убить Гунгуньяну. Вся слава, завоеванная нашим оружием в битвах при Маракуэне (2 февраля), Магуле (7 сентября), обстрелом поселений на берегу Лимпопо (19 ноября) и особенно в битве при Кулела (7 ноября) и сожжением Манджакази (11 ноября) могла бы сойти на нет, если бы вождь сумел собрать воинов, восстановить силы и заставить вернуться к повиновению многих из тех, кто из страха покинул его».

Учитывая эту перспективу, Моусинью стал действовать быстро и энергично. Вскоре португальцам сдались три «манги» (батальона) Гунгуньяны, «командиры которых заявили, что припадают к стопам и просят позволения сдавать за нами». От них Моусинью узнал, что Гунгуньяна находится в священной деревне Шаймити, где отправляет различные церемонии у могилы своего деда Маникусси, «чтобы вызвать дух, который помешает открыть его местопребывание».

Совершив этот иудин грех, предатели обрекли Гунгуньяну на верную гибель.

Через два дня марша войско Моусинью вошло в деревню, где укрылся Гунгуньяна. Не встретив сопротивления, португальцы подошли к дому, где находился Гунгуньяна. «Я полагал, что вождь будет защищаться, так как увидел внутри палисадника несколько черных с ружьями, видимо, приготовившихся открыть огонь. Со шпагой в руке я бросился на них...» — читаем мы далее в докладе Моусинью. Понимая бессмысленность сопротивления, охрана вождя предпочла бегство. «Я как раз собирался открыть огонь по хижине, когда увидел вышедшего из нее вождя ватуа, которого лейтенанты Миранда и Коуту опознали, так как видели его раньше в Манжакази. Невозможно передать то высокомерие, с которым он представился, и тот презрительный тон, каким он отвечал на первые заданные вопросы». Двое сподвижников вождя были застрелены. Мать просила пощадить его.

Доклад Моусинью рисует довольно полную картину крушения могущественной империи Ватуа и низвержения ее вождя. В архиве имеется также любопытный документ «Акт о передаче военнопленных», под которым стоят 68 подписей.

«Розовая карта» и борьба за раздел португальских колоний

В 1877 г. в Африку прибыла португальская экспедиция во главе с Серпа Пинту. В результате 17-месячного путешествия, осуществленного в трудных и опасных условиях, Серпа Пинту завоевал лавры первого португальского путешественника, который пересек Африку с запада на восток. По словам французского историка Р. Пелисье, «он дал Португалии то, чего она больше всего жаждала, — героя». Став португальским «Стенли, Серпа Пинту превратился в великого катализатора африканского энтузиазма метрополии, впрочем, равнодушной к судьбе своих чиновников и обитателей сертана, живших в неизвестности в той же Африке. Увенчав себя славой, Серпа Пинту стал первым современным португальским путешественником, приобретшим известность среди широкой международной общественности».

Путешествие Серпа Пинту возродило старую имперскую мечту португальских колонизаторов о соединении Анголы и Мозамбика путем захвата Центральной Африки. В этом случае сбылась бы их голубая мечта — возник бы пояс португальских владений, пересекающий весь континент от Атлантического до Индийского океана. Этот план, который позже получил название «розовая карта» (по цвету карты, приложенной в качестве документа к португало-германской конвенции 1886 г.), впервые возник в головах португальских колонизаторов еще в начале XVI в. Путешествия португальских первопроходцев по Африке разжигали аппетиты португальских колонизаторов, мечтавших о «розовой карте». Однако эти аппетиты явно не соответствовали военным и экономическим возможностям маленькой Португалии.

Путешествие Серпа Пинту сыграло роль спускового крючка. В Лиссабоне решили: пора действовать! Королевский двор принял историческое решение: завершить объединение Анголы и Мозамбика. Декрет от 18 августа 1881 г. наметил радужные перспективы такого объединения. В нем говорилось, что следовало обосноваться «в определенных пунктах заморских владений и прилегающих к ним территорий».

Географическое общество разработало обширный план оккупации территории, лежащей между Анголой и Мозамбиком, посредством учреждения «цивилизаторских станций».

По всей Португалии тогда распространялась брошюра, озаглавленная «К португальскому народу от имени Чести, Права, Интересов и Будущего Родины и Комитета Африканского Фонда, созданного географическим обществом Лиссабона для организации национальной подписки, предназначенной для учреждения цивилизаторских станций на территориях, входящих или прилегающих к португальским владениям в Африке».

К этой брошюре была приложена карта, на которой розовым цветом была окрашена территория, где предполагалось учредить цивилизаторские станции. Это была зона, на которую португальцы были намерены предъявить свои «исторические права».

На Берлинской конференции 1884—1885 гг. Португалия не смогла добиться удовлетворения своих претензий. Ей помешала Германия.

Как пишет немецкий историк Фриц Мюллер, руководитель Германского колониального общества Петерс «стал проповедовать среди своих ура-патриотически настроенных единомышленников... далеко идущую захватническую политику с целью создания в Африке гигантских владений Германии, значительно превосходящих ее территорию. "Африку — немцам: от Занзибарского побережья до озер, от Нила — до Лимпопо!" — таков был лозунг, провозглашенный этим конквистадором»³⁸.

В 1886 г. Португалия подписала пограничные соглашения с Германией и Францией, в которых сделала территориальные уступки в обмен на туманные обещания. Португалия пошла на это в надежде на поддержку Германией и Францией ее претензий на Центральную Африку.

Однако, когда возникла острая конфронтация между Англией и Португалией, эти державы не оказали последней никакой дипломатической поддержки.

³⁸ Мюллер Ф. Германский империализм в Восточной Африке в конце XIX века. М., 1962. С. 206.

После публикации договоров с Францией и Германией Лондон заявил резкий протест португальскому правительству. В нем Англия решительно возражала против претензий Португалии на «огромную территорию» в Центральной Африке.

Это ни в какой мере не охладило экспансионистского пыла Лиссабона. В августе 1887 г. португальское правительство предоставило на утверждение кортесам «розовую карту» — официальную карту португальских владений в Африке, на которой они были объединены.

За год до этого Португалия приступила к строительству Трансафриканской железной дороги, которая должна была тянуться от Луанды до Лоренсу-Маркиш и быть наглядным доказательством реальности ее центральноафриканской империи.

После того как Берлинская конференция 1885 г. выдвинула принцип «эффективного владения» как единственного основания для колониального владения, Лиссабон решил силой утвердить свои права на «розовую карту».

В 1889 г. Португалия направила в Центральную Африку войска под командованием Витора Кордона.

Англия вовлекла Португалию в дипломатическую тяжбу, утверждая, что ее претензии на Центральную Африку не обоснованы, так как она не продемонстрировала в этом регионе «эффективной оккупации» и «достаточной силы». Чтобы обосновать собственные права, Англия предъявила договоры о вассалитете, подписанные местными правителями. Португальский министр иностранных дел Барруш Гомиш ответил на это нотой, отвергавшей британские претензии и содержавшей длинный набор аргументов, которые должны были обосновать права Португалии на спорные территории. Однако Форин офис внезапно прервал переговоры, дав понять, что его терпение лопнуло, и в категорической форме потребовав вывода войск Португалии из Центральной Африки.

В ответ на ноту Б. Гомиша, содержавшую обычные ссылки на «исторические права» Португалии, английский премьер-министр Солсбери писал 26 декабря 1889 г.: «Археологические аргументы не уместны. Существенно значимый факт состоит в том, что эта территория не находится под эффективным управлением и оккупацией Португалии».

В тот же день главнокомандующий английским флотом в Средиземном море получил секретный приказ проследовать через Гибралтар и стать на рейде Лиссабона. Несколько английских военных судов вышли из Портсмута и 29 декабря прибыли в Лас-Пальмас. Английские газеты писали, что планируется захват Мадейры. Португальский консул в Гибралтаре сообщил о прибытии туда английской эскадры, целью которой, по слухам, была атака на Лиссабон. Португальские консулы в Кейптауне и на Занзибаре сообщили об отплытии английских военных судов с целью нанести удар по Лоренсу-Маркишу и, возможно, оккупировать Келимане.

События в Центральной Африке толкнули Лондон на решительные действия. 11 января 1890 г. Солсбери направил португальскому правительству ультиматум, требовавший вывода всех португальских войск из Центральной Африки. Ультиматум содержал предупреждение о том, что, если требование не будет выполнено, английское посольство покинет Лиссабон, для чего туда прибыло британское судно «Эншантресс».

Тотчас после получения британского ультиматума был созван государственный совет под председательством короля Португалии. Под угрозой силы правительство Португалии решило отступить. Государственный совет утвердил следующий ответ лиссабонского правительства: «Столкнувшись с угрозой неизбежного разрыва отношений с Великобританией и всех последствий, которые могут быть им вызваны, правительство Его Величества решило уступить ее требованиям. Правительство Его Величества будет считать спорный вопрос окончательно решенным в случае посредничества или арбитража и направит генерал-губернатору Мозамбика приказы, требуемые Великобританией».

Ультиматум Солсбери и ответ португальского правительства вызвали волну возмущения. Известие об этих документах вызвало в Лиссабоне и других городах настоящий взрыв шовинизма, митинги и демонстрации. По выражению одного португальского историка, «вся нация вибрировала от севера до юга». Полицейская охрана британского посольства в Лиссабоне с трудом защищала его от разбушевавшейся толпы, которая разбила окна здания и сорвала щит с

гербом. Полиция разогнала стихийно вспыхнувший митинг у британского консульства. Обе державы были близки к войне из-за раздела Африки.

В конечном счете Португалии пришлось уступить, и 11 июня 1891 г. был подписан англо-португальский договор, зафиксировавший западную границу Мозамбика как линию в 600 милях к востоку от восточной границы Анголы, которая была определена лишь приблизительно. При этом был оставлен открытым вопрос о Баротсе, который был окончательно решен лишь 30 мая 1905 г. с помощью арбитража короля Италии.

Таким образом была похоронена португальская мечта о «розовой карте». Лиссабон был вынужден отказаться от политики трансафриканской экспансии.

Португальская колониальная империя в первой половине XX в.

4 октября 1910 г. в Лиссабоне вспыхнуло восстание, уже два года подготавливавшееся республиканцами и поддержанное армией и флотом. Король бежал в Англию. 5 октября 1910 г. в Лиссабоне была провозглашена республика и было создано временное правительство во главе с доктором Феофилу Брага (он был крупным ученым-филологом, труды которого были широко известны в кругах интеллигенции). Вскоре было создано Учредительное собрание, подготовившее первую республиканскую конституцию Португалии, которая вошла в силу 20 августа 1911 г. Согласно конституции в стране было введено республиканское государственное устройство. Главой исполнительной власти стал президент, избиравшийся на четыре года, а законодательной властью стал парламент, который мог сменить президента и распустить правительство. Политическое руководство страной осуществлялось партией, имевшей большинство в парламенте.

Когда в 1914 г. разразилась Первая мировая война, Португалия заявила о готовности выступить на стороне Антанты. Однако Англия

отклонила это предложение, не желая делиться с Португалией плодами победы в войне.

В конечном счете в 1916 г. Англия под нажимом Франции согласилась на участие Португалии в войне. Португальская армия (в составе которой было много солдат из африканских колоний) воевала в 1917 г. на стороне союзников Франции.

В этот период в Мозамбике получили распространение капиталистические формы эксплуатации. Португальское правительство предоставило концессии на использование природных и людских ресурсов Мозамбика ряду иностранных компаний, в том числе «Компания де Мосамбики», «Компания ду Ньяса». Они получили неограниченную власть в тех районах, где действовали: собирать налоги, выпускать деньги, осуществлять административные функции.

Португальские колонизаторы не ограничивались ролью эксплуататоров трудящихся внутри колоний. Они выступали также в качестве поставщиков дешевой рабочей силы в Южную Африку и Родезию.

После Первой мировой войны при разделе Германской Восточной Африки к Мозамбику была присоединена территория, расположенная к югу от реки Рувума.

26 мая 1926 г. в Португалии была установлена военная диктатура. К власти пришел Салазар, и был установлен фашистский режим.

Часть III

Гибель португальской колониальной империи

Крупнейшая колониальная держава

Кардинальные изменения, происшедшие в мире в 50—60-х гг. XX в., привели к поразительному историческому парадоксу: страна-карлик Португалия оказалась крупнейшей колониальной державой по населению, территории и протяженности своей империи. Фашистский флаг Салазара развевался на трех континентах, отбрасывая всюду кровавую тень. Португалии принадлежали обширнейшие колониальные владения в Азии и Африке, которые по площади (2 млн кв. км) в 25 раз, по населению (15 млн человек) в полтора раза превосходили метрополию. Огромные португальские колонии находились в Африке. Это Ангола (с населением 6 млн), Мозамбик (8 млн), Гвинея-Бисау (550 000), Острова Зеленого Мыса (200 000), Сан-Томе и Принсипи (общая численность населения — 64 000). В Азии после потери в 1961 г. колоний Гоа, Диу и Дамана (700 000 человек) Португалия сохранила за собой две колонии — Аомынь (Макао) с населением около 350 000 и Тимор с населением 500 000 человек.

После Второй мировой войны, когда начался процесс распада колониальной системы, португальский империализм спешно начал перекрашивать свой фасад, лихорадочно фабрикуя «теории» о якобы «неколониальном» характере своей политики. Для того чтобы замаскировать истинную сущность португальского колониализма, прави-

тельство Салазара прибегло к политической мистификации крупного масштаба.

В 1951 г. португальский парламент утвердил закон, который внес изменения и дополнения в конституцию. Цель этой реформы заключалась в том, чтобы создать видимость самоуправления в колониях Португалии в Африке и Азии.

Внесение изменений в конституцию в 1951 г. и проведение некоторых «реформ», имевших своим назначением ввести в заблуждение мировую общественность, дали официальной пропаганде «основание» утверждать, что Португалия не имеет колоний и что метрополия и заморские территории составляют единое политическое целое.

Используя это конституционное маневрирование, делегаты Португалии в ООН постоянно уверяли, что эта международная организация не имеет права заниматься вопросом о злодеяниях португальских колонизаторов, поскольку Ангола и Мозамбик являются «равноправными частями Португалии».

Конституционный трюк Салазара, который на первый взгляд показался многим ничего не значащей игрой слов, был хорошо продуманным и весьма хитроумным маневром, который должен был помочь фашистскому режиму оградить свою колониальную империю от ветров перемен.

Португальское правительство не могло не понимать, что в условиях изменившегося соотношения сил на международной арене, бурного роста национально-освободительного движения и появления афро-азиатской группы государств в ООН дальнейшее открытое признание существования колониального режима становится немыслимым, а представление отчетов о деятельности колониальной администрации неминуемо выльется в самое резкое осуждение колониализма.

На деле «заморские провинции» являлись колониями в худшем смысле этого слова. Они были лишены справедливого представительства в законодательных и исполнительных органах Португалии. Из 130 депутатских мест в Национальном собрании Португалии Ангола, Мозамбик и другие колонии имели всего лишь 21, да и те были заняты представителями белых поселенцев в колониях, получивших парламентские мандаты лишь благодаря существованию избирательной си-

стемы, лишавшей права голоса абсолютное большинство коренного населения колоний.

Таким образом, 15-миллионное население африканских колоний посылало в Национальное собрание в 10 раз меньше депутатов, чем 9 млн португальцев — жителей метрополии, да к тому же и те, кого посылали эти колонии в высший законодательный орган страны, представляли лишь эксплуататорскую верхушку их населения.

Хотя статья 148 конституции Португалии гарантировала «заморским провинциям» административную децентрализацию и финансовую автономию в соответствии с конституцией и с состоянием их развития и собственных ресурсов³⁹, в действительности все важные вопросы, связанные с колониями, решало правительство в Лиссабоне, реализовывавшее свою власть через министерство по делам заморских территорий и корпоративные органы. По словам португальского социолога-марксиста Арманду Каштру, «эти органы — лучшая гарантия монополии крупных португальских и иностранных компаний. Они играют в колониях роль, подобную той, что они играют и в Португалии. Их структура скопирована с корпоративных органов Муссолини в Италии».

До 1961 г. «заморские провинции» могли посылать своих представителей только в Национальное собрание. В 1961 — 1962 гг. в португальское законодательство были внесены изменения, давшие колониям право представительства в других высших органах управления. Однако эти изменения носили чисто показной характер, ибо представителями «заморских провинций» в органах управления в метрополии неизменно оказывались крупные колониальные чиновники, помещики и промышленники, тесно сросшиеся благодаря своему происхождению, классовым интересам, воспитанию, взглядам и общественному положению с фашистской диктатурой.

Фактическая власть в африканских и азиатских владениях Португалии принадлежала назначаемым Лиссабоном высшим колониальным чиновникам. Высшая административная власть в Гвинее находилась в

³⁹ См.: Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957. Конституция Португалии (ст. 148).

руках губернатора, а в Анголе и Мозамбике — генерал-губернаторов, назначавшихся сроком на четыре года (этот срок мог быть продлен еще на два года) португальским правительством и ответственных только перед министром «заморских провинций», представителями которого они считались. Губернаторы и генерал-губернаторы пользовались в колониях почти неограниченной законодательной и исполнительной властью. Существовали, правда, законодательные советы, но их компетенция была весьма ограничена: они могли обсуждать лишь вопросы, предлагаемые генерал-губернатором. Все решения советов подлежали обязательному санкционированию этого высокопоставленного чиновника. Решения принимались простым большинством голосов, причем право преимущественного голоса имел генерал-губернатор. До 1963 г. в Анголе этот совет состоял из 29 членов, в Мозамбике — из 24, из которых в Анголе 3, а в Мозамбике 8 назначались генерал-губернаторами, а остальные «избирались» от корпоративных организаций и округов⁴⁰. В Гвинее-Бисау до 1963 г. вообще не было законодательного совета.

В июне 1963 г. был принят новый «органический закон заморских территорий Португалии», вступивший в силу с января 1964 г. Число членов законодательных советов Анголы и Мозамбика соответственно было увеличено с 29 до 36 и с 24 до 29 человек, из которых 15 и 9 выбирались прямым, а остальные косвенным голосованием. «Органический закон» 1963 г. увеличил провинциальное представительство в органах метрополии, учредил косвенно избираемые провинциальные экономические и социальные советы. Однако все эти изменения носили частный характер и не затрагивали сути португальской административной системы в колониях.

После прихода к власти нового премьер-министра М. Каэтану Лиссабон активизировал свою политику колониального реформизма.

⁴⁰ Корпорации — профобъединения, в которые входили лица определенной профессии якобы независимо от их общественного или имущественного положения. Корпоративная система должна была, по мысли Салазара, стать практическим воплощением «союза труда и капитала» и в то же время подорвать классовую солидарность пролетариата, разоблив его по профессиональному признаку и затруднив его классовую борьбу.

В октябре 1969 г. были проведены «выборы» в так называемую Национальную ассамблею в Лиссабоне. Менее 1% населения Анголы было допущено к участию в этом фарсе, в результате которого были «избраны» семь заранее подобранных кандидатов.

В начале 1971 г. было объявлено об изменениях в конституции, согласно которым Анголе и Мозамбику предоставлялась автономия, «заморские провинции» были переименованы в «штаты» и могли иметь свое Национальное собрание и свой консультативный совет, но большинство мест в них стали занимать португальские поселенцы. Речь шла о весьма ограниченных административных и финансовых полномочиях местных колониальных властей. Председателем Национального собрания являлся губернатор, что же касается консультативного совета, то его предложения должны были всего-навсего «обязательно выслушиваться» губернатором. Вопросы внешней политики, обороны, экономического развития по-прежнему решались в Лиссабоне. Каэтану откровенно подчеркивал, что «автономию нельзя путать с независимостью» и что «просто-напросто местная администрация сможет быть более гибкой». Реформа Каэтану представляла собой конституционный трюк, имевший целью заручиться поддержкой португальских поселенцев в колониях и ввести в заблуждение мировую общественность мнимым выполнением резолюции ООН о предоставлении народам колоний права на независимость. «Конституционное изменение официальных названий... не может решить проблемы, — подчеркивал президент МПЛА А. Нето. — Все эти реформы будут отвергнуты ангольским народом».

Одним из существенных факторов, заставивших Каэтану пойти на такого рода реформу, был нажим со стороны белых поселенцев. В Анголе и Мозамбике существовал большой слой португальской средней и крупной буржуазии. Недовольство этой группы вызывали утечка прибылей от эксплуатации колоний в метрополию и другие западные страны и протекционистские ограничения, наложенные Лиссабоном на развитие в колониях обрабатывающей (в частности, текстильной) промышленности. Португальские поселенцы хотели, чтобы богатства доставались им, а не вывозились в метрополию, и поэтому выступали за «автономию» Анголы и Мозамбика от Португалии и превращение

их в расистские государства наподобие Родезии и ЮАР. Они считали, что если бы этим территориям была предоставлена экономическая независимость, то «каждый белый мог бы стать здесь миллионером».

Характерен в этом отношении следующий отрывок из воспоминаний португальского офицера К.М. Перейры: «Один из поселенцев, долго проживший в Луанде, высказался за независимость. За независимость, которая, как я понял, не задевала бы интересы белых. Впрочем, это был тот вид независимости, которого желало большинство белых. Это был старый проект, который шел еще от Нортон де Матуша, — независимость от метрополии, но с правительством из белых и с одним-двумя черными “для английского общественного мнения...”. Его позиция была в общем-то позицией 98% белых Анголы».

24 октября 1969 г. крупные предприниматели Анголы направили в Лиссабон петицию, требуя административной децентрализации и экономической автономии, которая обеспечила бы им получение прибылей в твердой валюте, уплывавшей в метрополию. В то же время поселенцы опасались чересчур «большой» автономии и выступали за сохранение тесных связей с Португалией. Это было вызвано тем, что, как указывал А. Нето, «для поселенцев нелегко сделать то же, что Смит сделал в Зимбабве, поскольку, хотя они, вероятно, и могут получать оружие из США или ЮАР, они сталкиваются с проблемой людских ресурсов. В Анголе находится, возможно, около полумиллиона португальцев. Они не смогут выдержать войну более 2—3 лет... Поэтому им придется просить помощи извне, скорее всего из ЮАР... Если же Южная Африка будет посылать войска в Анголу, это, конечно, будет иметь плохие последствия для португальцев, так как южноафриканцы поставят их под свое политическое и экономическое господство». Вот почему они все же не решились пойти по пути Смита.

Португальская колониальная административная система была построена по принципу военно-бюрократического централизма. «Заморские провинции» были разбиты в военно-административных целях на дистрикты во главе с губернаторами. Каждый дистрикт соответственно делился на муниципии, интендантства и округа, управляемые назначаемыми губернатором чиновниками. В основании этой пирамиды находились административные посты. К началу 60-х гг. в Анголе было

13 дистриктов (6 из которых по территории превосходили Португалию), 4 интенданства, 56 муниципий, 20 округов и 325 административных постов. В начале 70-х гг. в Анголе было 16, а в Мозамбике 10 дистриктов. Губернаторам дистриктов, подчиненным губернатору или генерал-губернатору, в свою очередь была подчинена целая иерархия местных чиновников, которая по нисходящей шкале состояла из интендантов, администраторов и начальников постов («шефес ду пошту»). На самой нижней ступеньке этой административной лестницы располагались африканские вожди, имевшие дело непосредственно с коренным населением. По примеру своих британских коллег португальские колонизаторы не устранили традиционных институтов власти для местного населения, а сделали их составным элементом своей военно-бюрократической системы.

Основной административной ячейкой «провинций» являлись посты («поштуш»). «Шефес ду пошту» — чаще всего кадровые офицеры португальской армии — являлись, по существу, ничем не ограниченными местными правителями. Как говорилось в одном из португальских учебников по государственному праву, «функции администратора округа и начальника поста имеют важнейшее значение в нашей заморской администрации, поскольку это власти, находящиеся в прямом и постоянном контакте с местным населением. Администратор округа — это одновременно чиновник, ведающий записью актов гражданского состояния, судья по вопросам обычного права, управляющий сбором налогов, покровитель экономики района и помощник центральной администрации».

Погрязшая в пороках, коррупции и всевозможных злоупотреблениях военно-бюрократическая клика в колониях заботилась лишь о своих материальных интересах; там царили беззаконие и дикий произвол.

Лиссабонское правительство сквозь пальцы смотрело на злоупотребления колониальной администрации и даже открыто поощряло их, поскольку богатства, нажитые путем хищнического разграбления природных и людских ресурсов, широким потоком текли из Африки и Азии в Португалию. Созданная в колониях система административного управления находилась в полном соответствии с интересами

господствующего класса метрополии, в руках которого были сосредоточены все основные рычаги и приводные ремни колониального административного аппарата. Этот аппарат, усиленный военным гарнизоном, представлял собой, таким образом, не что иное, как машину для эксплуатации африканских и азиатских колоний португальским империализмом.

Идейные конкистадоры португальского колониализма (Ж. Фрейре и др.) пытались обосновать «исключительность» заморской политики Португалии, создав теорию лузо-тропикализма. Согласно ей существуют особые социально-психологические свойства португальцев, которые заключаются якобы в отсутствии всяких расовых предрассудков, в умении приспосабливаться к чуждой им социальной среде, особенно в условиях тропиков, и преобразовать эту среду посредством биологической и «культурной ассимиляции». «На протяжении всего существования режимов Салазара — Каэтану, — пишет известный американский ученый А. Айзаакмэн, — Португалия и ее политические и научные союзники неутомимо распространяли миф лузо-тропикализма, чтобы оправдать свое долгое присутствие в Африке... Считалось, что политика расового эгалитаризма породила длительные и гармоничные отношения с африканцами, что имело своим следствием включение «заморских провинций» в более широкую общность — португальскую нацию».

Созданная и романтизированная португальской историографией легенда о лузо-тропикализме является одной из самых хитроумных и вредоносных легенд, которые когда-либо были пущены в оборот и взяты на идеологическое вооружение агентами колониализма за всю его многовековую кровавую историю.

Убедительная критика этой теории, разоблачающая ее порочную сущность, была дана известным ангольским ученым и общественным деятелем Марио де Андради в статье «Что такое “лузо-тропикализм”?». Вскрывая полную научную несостоятельность этой теории, в основе которой лежат мистификация и мифотворчество, М. де Андради писал: «Фрейре упускает существо колониального вопроса. Его понимание лузитанской культуры очень просто: это весь комплекс типично европейских ценностей, перенесенных и переса-

женных колонизатором, — нравы, привычки, вера, а также техника, короче — стиль жизни.

Какое гармоничное и сердечное участие в этом культурном идеализме, в этой мистификации может принимать Африка под португальским господством, где туземные культуры систематически разрушались жестокой политикой ассимиляции? Люди там детрайбализованы, все население подвергается принудительному труду».

Апологеты португальского колониализма обычно аргументировали тезис об отсутствии «цветного предрассудка» у португальцев ссылками на большое количество смешанных браков в колониях в XVI—XIX вв. Однако, смешанные браки, на которые так любят ссылаться теоретики лузо-тропикализма, на деле были не результатом отсутствия у португальцев «цветного предрассудка», а вынужденной необходимостью, продуктом конкретной исторической ситуации, созданной отсутствием белых женщин.

Другой их аргумент состоит в том, что в Бразилии португальцам удалось полностью ассимилировать африканцев, которые восприняли португальскую культуру, язык, а также сами оказали ассимилирующее воздействие на португальцев, в результате чего возникло новое лузо-тропикалистское общество. Точно такой же процесс ассимиляции, по их мнению, происходил и в Анголе. Однако они игнорируют тот факт, что ангольская экономика, экология, расовая демография и продолжительная история резко отличаются от бразильских реалий. Как отмечает американский историк Дж. Бендер, «лишенные своих корней африканцы, ввезенные в Бразилию, были не способны сохранить свои традиционные институты, социальные стандарты или ценности, чтобы спасти свою культурную самобытность, несмотря на требования принять язык, космологию, одежду, пищу и богов господствующей культуры... Черные были почти полностью ассимилированы и поэтому в культурном отношении стали больше бразильцами, чем кимбунду, киконго или йоруба».

Лузо-тропикалисты рассматривали процесс ассимиляции как процесс, состоящий из трех стадий: разрушение традиционных обществ, насаждение португальской культуры и, наконец, «интеграция детрайбализованных и опортугализованных африканцев в португальское

общество». Именно этому курсу португальцы следовали в Бразилии. Что касается Африки, то португальцы оказались неспособными осуществить даже первую стадию ассимиляционного процесса. Им не удалось подорвать основы социальных отношений традиционного африканского общества. Португальцы не могли и не хотели осуществить вторую стадию процесса — приобщить африканцев к своей культуре. Например, в 1940 г. лишь 1012 африканцев в Анголе умели читать и писать по-португальски, что составляло менее 0,03% африканцев в колонии. Хотя число коренных жителей, принятых в школы за последние 25 лет существования колониального режима, выросло более чем в 10 раз, из-за низкого качества и труднодоступности образования только 5% африканцев смогли закончить четырехклассную начальную школу. Насколько малочисленна была часть африканцев, абсорбировавших португальскую культуру, убедительно показал в своих исследованиях Ф.В. Хаймер, использовавший сложную технику подсчетов на основе социологических опросов, охвативших почти 80% коренного населения Анголы.

Он обнаружил, что в начале 70-х гг. лишь ничтожное число африканцев знало португальский язык, историю, географию и политических лидеров Португалии. Например, 6,5% глав сельских семей в 1970—1971 гг. знали, кто такие Салазар, Казтану и Америго Томаш, менее 1% смогли назвать столицу Португалии. 85% опрошенных не знали, что такое Мозамбик, 0,6% идентифицировали его как португальскую территорию. Исследования Хаймера показали, что большинство африканцев-крестьян продолжали ориентироваться в традиционном историческом и географическом контексте и оставались относительно не затронутыми португальской культурой.

Что касается городов, то здесь имел место не процесс абсорбции африканцами португальской культуры, а процесс вытеснения африканцев из всех сфер социальной деятельности. Их вытесняли из жилых районов (они, как правило, жили в пригородных кварталах «муссекиш», но и оттуда их часто изгоняли. В Луанде, например, полностью исчезли четыре «муссекиш»). Им было трудно найти работу. Даже должности, не требующие высокой квалификации (официанты, водители такси, продавцы лотерейных билетов, горничные, швейца-

ры), в период, предшествовавший независимости, занимали белые и мулаты. Черные гетто в Анголе, в отличие от черных гетто в США, существовали изолированно и не давали возможности их обитателям ни для продвижения вверх по социальной лестнице, ни для приобщения к западной культуре. Следует согласиться с выводом, который сделал Дж. Бендер: «Португальская колониальная система господствовала над африканцами и в сельском и в городском секторах, не абсорбируя их. Она истощила африканцев экономически, но так никогда полностью и не интегрировала их в систему. Таким образом, реальность оказалась диаметрально противоположной целям “цивилизаторской миссии” и “лузо-тропикализма”».

Наконец, излюбленный тезис лузо-тропикалистов: процесс ассимиляции — это взаимное обогащение и адаптация культур, находящихся в контакте. Действительно, в Бразилии в силу специфических исторических условий португальцы подверглись влиянию со стороны африканских и индейских культур. Однако в Африке, как правильно подметил Дж. Бендер, португальцы рассматривали ассимиляцию совершенно однозначно. Для них ассимиляция означала европеизацию африканцев, но не наоборот. Африканизация португальцев рассматривалась как некая аномалия и решительно осуждалась. В результате португальская культура в колониальной Африке вообще не претерпела каких-либо модификаций. Даже поверхностные африканские влияния на культуру быта, одежду, музыку и язык, которые легко воспринимали португальцы в Бразилии, в Африке были редким исключением. По ангольскому радио никогда не передавали африканскую музыку до 1968 г. (с этого времени колониальные власти стали использовать ее как средство заставить африканскую аудиторию слушать пропагандистские передачи). Хотя африканцы в Анголе составляли 95% населения, их культурное влияние на португальскую общину было гораздо меньше, чем влияние негров на американскую культуру (хотя в США в течение столетия негры составляли не более 20%).

Один из членов Совета национального спасения Галван де Мело заявил вскоре после революции в Португалии: «Мы мало использовали Африку, а Африка мало использовала нас. Португальский народ и африканский народ не знают друг друга — они иностранцы».

После прихода Салазара к власти и учреждения «нового государства» была введена так называемая система «индижената», составившая важный элемент колониальной политики Португалии. Официально предназначенная для защиты интересов африканцев, система «индижената» учредила режим социального и политического неравенства, разделив население колоний на две самостоятельные юридические категории: 1) «индиженаш» (туземцы), или «нецивилизованные» (сюда включались все африканцы и мулаты, не принадлежавшие к «цивилизованным»), и 2) «цивилизованные» — все белые и «ассимиладуш» (мулаты и африканцы, считавшиеся «цивилизованными»).

Такое разделение населения на несколько категорий с помощью искусственно созданных юридических и социальных перегородок представляло собой особенность португальских колоний, резко отличавшую их от колоний других европейских стран и создававшую ряд дополнительных специфических проблем во многих сферах общественной жизни. Видный деятель МПЛА М. де Карвалью вспоминал: «В португальских колониях были свои особые проблемы. Старый девиз “разделяй и властвуй!” приобрел более хитроумный вид. Белый считался выше мулата, мулат выше черного, и даже черные были разделены на две категории: “ассимиладуш”, которые должны были отречься от своего африканизма, чтобы получить минимум образования и избежать по существу рабского статуса, и туземцы, то есть обычные черные, занимающие более низкое положение. Эта система раскола пополам затрагивала даже семьи. Младший брат угнетался старшим братом — “ассимиладуш”. В некоторых районах “ассимиладуш” должны были жить отдельно, в нескольких сотнях метров от “туземных кварталов”, чтобы доказать, что они приобрели “цивилизованный статус”».

Ассимиляция, то есть перевод африканца из категории «нецивилизованных» в категорию «цивилизованных», требовала, чтобы он удовлетворял следующим условиям: умел читать, писать и говорить по-португальски; исповедовал христианство, получал достаточный доход, чтобы обеспечить себя и свою семью, обладал хорошим характером, вел «португальский образ жизни», не уклонялся от воинской повинности и не являлся дезертиром.

Естественно, что эти условия практически были невыполнимы для коренных жителей, 99% которых составляли неграмотные и заработная плата которых была слишком низка, чтобы позволить им жить «португальски».

Главная причина крайней малочисленности «ассимиладуш» в Анголе в середине XX в. состояла в том, что лишь ничтожное число африканцев имело доступ к институтам, которые могли приобщить их к португальской «цивилизации». Португальский исследователь Д.А. Маскареньяш Ароука писал, что ассимиляция требовала, чтобы африканец имел такие привычки, квалификацию и т.д., которые могли быть приобретены лишь после того, как он уже становился «ассимиладу».

К тому же обычно решение о том, может или нет какое-то лицо быть квалифицировано как «ассимиладу», произвольно принималось местными администраторами, чаще всего «шефес ду пошту». Эти последние были в то же время ответственными за поставку в качестве рабочей силы «законтрактованных» рабочих. Поэтому они часто отрицали статус «ассимиладуш» даже за «квалифицированными» африканцами, чтобы сохранить их в числе потенциальных «контрададуш» (лиц, вербуемых по контракту). Число африканцев, имевших необходимые данные для получения статуса «ассимиладу», возможно, вдвое-втрое превышало официальное число африканцев, юридически рассматриваемых властями как «цивилизованные».

Лидеры «нового государства» единодушно считали, что процесс ассимиляции займет столетия. Первый министр колоний «нового государства» Арминду Монтейро предупреждал первую конференцию колониальных губернаторов в июне 1933 г.: «Мы не считаем, что возможен быстрый переход от их африканских суеверий к нашей цивилизации. Для того чтобы мы достигли ступени, на которой мы сейчас находимся, сотни предшествующих поколений боролись, страдали и непрерывно исследовали сокровенные тайны источника жизни. Невозможно, чтобы они перескочили одним прыжком эту многовековую дистанцию».

«Ассимиладуш» были в основном выходцами из мулатской интеллигенции. Реже это были африканцы, получившие такой статус. «Ассимиладуш» пользовались правами португальского гражданства

и имели ряд связанных с этим привилегий: могли беспрепятственно передвигаться по стране, не платили подушный налог, освобождались от принудительных работ и т.п. Такие люди имели больший доступ к образованию и потому в большей степени впитывали в себя европейскую культуру. Однако и они испытывали на себе расовую дискриминацию: при поступлении на работу, в учебное заведение, при повышении в должности предпочтение всегда отдавалось европейцам.

Какова же могла быть в подобных условиях социальная функция этого социального слоя, созданного колонизаторами, каково могло быть их отношение к колониальному строю? Отвечая на этот вопрос, С. Клинтон пишет: «Их реакция на то, что колониальная власть все обещала и ничего не дала (в смысле удовлетворения их личных и социальных потребностей), проявилась также как “великий отказ”, характеризующий степень антиколониалистского сопротивления: в итоге — восстание против принятия ценностей, навязанных цивилизацией колониальной державы на уровне экономических и культурных структур».

Именно этим объясняется, почему из среды «ассимиладуш» вышли многие видные деятели национально-освободительного движения. Как отмечалось в памфлете, изданном ангольскими патриотами в Алжире в 1969 г., политика ассимиляции в португальских колониях, по существу, провалилась, «так как “ассимиладуш” были первыми, кто заложил теоретические и практические основы борьбы за национальное освобождение».

С «индиженаш» португальские власти обращались как с категорией людей, не имевших прав португальского гражданства. Они подвергались расовой дискриминации, принудительному труду и произвольному налогообложению. Сохранилось много свидетельств существования бесчеловечных форм расовой дискриминации в португальских колониях. Приведем для примера отрывки из уже упомянутых воспоминаний К.М. Перейры, относящихся к 1961 г.: «В кафе было три туалета. На дверях были надписи: “Для дам”, “Для господ”, “Для индиженаш”... После прибытия я услышал первое португальское слово на ангольской земле. Это было ни больше ни меньше как слово “пес”, которое мне потом часто приходилось слышать в течение двух

лет. Разгружали ящики. Один пузатый белый, подгоняя черного докера, крикнул: “Эй ты, пес, неси осторожнее!” Я навсегда запомнил этот первый цветной “слайд” на улицах Луанды».

Если целью португальской колониальной политики официальное законодательство считало ассимиляцию туземцев, то средством достижения этой цели объявлялся «направляемый», то есть принудительный, труд.

«Если мы хотим выполнить свою колонизационную миссию, мы должны внушить чернокожему мысль о необходимости трудиться и освободиться от своей лени и развращенности», — писал министр колоний В. Машадо. Хотя законодательство формально запрещало использование принудительного труда для частных предприятий, фактически оно широко применялось. Хозяев обслуживали «вербовщики», которые поставляли за определенную сумму необходимое им число рабочих.

Принудительное изъятие рабочей силы осуществлялось португальскими колонизаторами в исключительно широких масштабах. Каждый год только на сельскохозяйственные, горные и строительные работы в Анголе колониальные власти вербовали 250 000 рабочих. Общее число лиц, привлекавшихся к принудительному труду в Анголе, в 1957 г. составляло не менее 300 000.

Широкое распространение принудительного труда в португальских колониях было обусловлено рядом факторов экономического характера. Главный из них состоял в том, что на этих территориях никогда не было земельного голода. Ввиду слабой демографической концентрации, изобилия плодородных земель, дающих хорошие урожаи даже при низком уровне агрокультуры, африканец располагал существенным средством производства — землей. Будучи занято в натуральном секторе и лишь самым поверхностным образом вовлечено в сферу товарно-денежных отношений, большинство населения не испытывало экономической потребности продавать свою рабочую силу.

Чтобы заставить африканца работать на плантациях европейцев в обмен на крайне низкую оплату, было только одно средство внеэкономического принуждения — насилие. По словам А. Каштру, «использование силы являлось результатом невозможности отделить туземного производителя от его средств производства». Это своеобразие эко-

номической ситуации внесло свою специфику в функционирование административного аппарата. «Поэтому, — писал российский исследователь В.Л. Шейнис, — внеэкономическое воздействие государства на формирование армии труда в португальских колониях выразилось главным образом не в единовременном акте экспроприации (или серии таких актов), не в косвенной форме денежного налога, а в наиболее прямой и непосредственной роли поставщика рабочей силы. Эта деятельность с начала XX в. стала одной из главных функций колониальной администрации»⁴¹.

Особенно широко применялась система принудительного труда в Мозамбике. В этой колонии каждый здоровый мужчина, если он не был землевладельцем и не мог доказать, что трудится на собственной земле, ежегодно привлекался к шестимесячной трудовой повинности. Заработная плата, которую получали в это время африканцы, была в 10 раз ниже, чем у белых. Во многих секторах хозяйства Анголы использовались «законтрактованные» рабочие. Португальские власти зачастую использовали полную зависимость от них африканского населения для принудительной вербовки рабочей силы, не утруждая себя при этом даже подыскиванием убедительных доводов.

Когда плантатору требовалась рабочая сила, он подавал заявку в департамент по делам туземцев. Заявки распределялись среди местных вождей, которым приказывали набрать в своем районе необходимое число рабочих к определенной дате. Единственной возможностью для африканца избежать принудительной «контрактации» было представление письменного доказательства того, что он работает по найму у европейца. В первую очередь «контрактации» подлежали лица, не уплатившие налога. Даже отбывание «контракта» в предыдущем году не избавляло от новой «контрактации». Как пишет американский историк-миссионер Л.В. Гендерсон, более 20 лет проживший в Анголе, «слово “контракт” было фарсом, когда оно применялось к отношениям между африканским работником и его белым нанимателем».

⁴¹ Шейнис В.Л. Португальский империализм в Африке после Второй мировой войны. Экономические проблемы последней колониальной империи. М., 1969. С. 317.

Принудительная вербовка «законтрактованных» была прибыльным бизнесом для колониальной администрации. Пошлина, которую получали чиновники от плантатора за каждого «законтрактованного», часто была равна или даже превышала заработную плату этого последнего за 18 месяцев работы.

По свидетельству Гендерсона, «ангольцы смотрели на... чиновников как на врагов, которые могли заставить любого “туземца” работать в любом месте, в любых условиях и на любого работодателя».

А. Каштру следующим образом описывает методы заключения «контрактов»: «Эта форма вербовки “контратадуш” осуществляется широкой сетью вербовщиков — профессиональных охотников на африканцев для собственников... Прежде всего, они должны получить согласие “контратаду”. Для этого используют различные методы: обманывают, лгут, спаивают, нанимают африканцев, которые должны ходить из деревни в деревню, расхваливая место работы, и т.п. Если все это не помогает, начинают действовать местные административные власти... Африканцу говорят, что, если он “подпишет контракт, его могут освободить от работы на государство, где не платят никакого жалованья”... В присутствии административного лица, который разыгрывает роль “защитника” интересов африканца, спрашивают “контратадуш”, идут ли они на “контракт” добровольно, те хором отвечают: “Да!” Затем проводится медосмотр, а поскольку врачи получают по 20 эскудо за каждого признанного годным, принимают все, у кого нет явных физических дефектов. Затем их на грузовиках отправляют на работу... Поэтому в Анголе говорят, что вербовщик — это человек, который покупает белых и продает черных».

Каждый шаг «законтрактованного» строго регламентировался законодательством, в котором были предусмотрены буквально все случаи жизни. Это законодательство, по сути дела, являлось юридическим обоснованием фактически крепостнической формы эксплуатации, основанной на внеэкономическом принуждении. Поскольку большинство «законтрактованных» вербовались принудительно и не испытывали экономической необходимости, а тем более заинтересованности в труде, португальское трудовое законодательство было построено таким образом, чтобы обеспечить, по существу, крепостниче-

скую зависимость рабочего от хозяина, «прикрепить» его к хозяину с помощью различных полицейско-административных мер.

Сначала португальское правительство в 1926 г., а затем правительство Салазара разработали трудовое законодательство, вводившее некоторые ограничения необузданной принудительной вербовки рабочей силы для частных предпринимателей. Декрет 1926 г. установил, что принудительный труд может использоваться только в общественных интересах и должен вознаграждаться. Кодекс о труде туземцев 1928 г., остававшийся в силе (с незначительными изменениями) до 1962 г., устранив особенно явные злоупотребления, для того чтобы «законтрактрованные» не убегали в столь большом количестве, в то же время установил всеобщую обязанность африканцев-мужчин работать по найму на европейцев 6 месяцев в году.

Как отмечает английский исследователь Б. Манслов, эта система принудительного труда («шибало») и особенно обязательное привлечение рабочей силы на фиксированный период каждый год блокировали тенденцию к формированию пролетариата колоний. «Это, конечно, повлияло на развитие рабочих организаций и рост классового сознания, в частности в связи с почти военным контролем, существовавшим в компаундах горняков. Однако незначительный рабочий класс вырос вокруг портов и железных дорог».

Обстоятельное эссе по истории системы «шибало» было опубликовано в 1981 г. Джин Пенвенн, которая в ходе полевых исследований в 1978—1979 гг. в Мозамбике взяла интервью у многих жертв этой системы. Происхождение «шибало» следует отнести к 1899 г., когда был издан кодекс португальских законов, выработанный комиссией во главе с королевским комиссаром Антониу Энишем.

Система «шибало» имела в колониальном обществе две главные функции: она использовалась, во-первых, как источник дешевой рабочей силы для строительных работ и мелких предприятий в городах, для погрузочно-разгрузочных работ в портах, для сельских работ и, во-вторых, как санкция для обеспечения покорности и дисциплины трудящихся. Поясняя эту мысль, Дж. Пенвенн отмечала: «“Шибало” использовались и функционировали как основная группа в порту, подрывая таким образом любую попытку организации портовых рабочих. Нако-

нец, система «шибало» продолжала оставаться обычным наказанием, используемым Управлением по делам туземцев. В 1955 г., например, докеры, уличенные в попытке подделать платежные документы, были осуждены на трехмесячное «шибало» в порту. Тех же, кто, как подозревали, были зачинщиками, сослали на Сан-Томе на девять лет. «Шибало» боялись даже больше, чем знаменитой палматории, поскольку связанные с ним унижение и горе были куда более продолжительными». На основе анализа системы «шибало» Дж. Пенвенн пришла к заключению, что эта система, действовавшая до 1962 г., обслуживала интересы государственного и частного капитала в колониях. Она препятствовала формированию квалифицированных африканских рабочих и африканской мелкой буржуазии. Эта система имела своей целью сохранить большинство африканских трудящихся в положении полурабов-полукрестьян. Ее отменили лишь тогда, когда этого потребовали интересы государственного и частного капиталов.

Колонизаторы применяли по отношению к африканцам изощреннейшие пытки и наказания, многие из которых они унаследовали от своих жестоких предков-работорговцев.

Шикоте — бич из кожи; палматория — деревянная палка с отверстиями, которой бьют по ладоням; электроток, пропускаемый в шею, поясницу и ноги, — таковы были атрибуты «цивилизации», насаждавшейся португальцами в Африке. А. Каштру писал в связи с этим: «Молодой анголец, служивший у европейца, украл у него несколько эскудо. Наказание патрона было чудовищным — он лично отрубил руки юноше-ангольцу... Общая система наказаний остается в силе. Африканца посылают на административный пост. Там сипаи производят телесные наказания, предписанные белыми чиновниками, которые сами предпочитают этого не делать. Удары шикоте, палматории сыплются и на мужчин, и на женщин, и на детей...» Был даже случай, когда белая женщина отправила на административный пост своего слугу только за то, что он бросил на нее «ненавидящий взгляд»! Власти, как правило, не пытались установить вину обвиняемого. Достаточно было, чтобы европеец пожаловался колониальным властям на африканца, и те наказывали его, даже не узнав сути преступления. Жестокость чиновников была поистине поразительной. Так, в начале 1959 г. в суде

слушалось дело об одном чиновнике, который наказал африканца за то, что тот не мог продолжать работать, так как в результате травмы потерял четыре пальца.

В этой связи представляет интерес следующее свидетельство Каштру: «Недавно на одной из улиц Луанды имел место такой инцидент: сипай избивал распростертого на земле африканца, который отказывался идти. Прохожий обратился к нему с вопросом, почему он обращается с человеком столь варварским образом, на что тот ответил: “Этот упрямец не хочет идти работать по контракту”». Ежегодно тысячи рабочих, «законтракованных» в Анголе или Мозамбике, вывозились на «острова смерти» — Сан-Томе и Принсипи — в трюмах морских судов (подобно тому, как это было во времена работорговли) для работы на плантациях какао. «Сан-Томе! — писал в своих воспоминаниях баптистский миссионер Л. Эддикот. — Для африканцев Анголы это лишь другое название страха и отчаяния. Сколько из них, будучи сосланы туда, никогда не вернулись». «Законтракованные» были лишены всяких человеческих прав, подвергались варварской эксплуатации, унижениям и различным формам расовой дискриминации. Адвокат Ж. да Палма Карлуш свидетельствовал: «Туземцев связывают как скот, привязывая друг к другу веревками, и ведут так в тюрьму, откуда их выводят на общественные работы, причем нередко они работают в огромных и тяжелых кандалах».

Для наказания тех, кто пытался сопротивляться, на Сан-Томе использовались инквизиторские средства, в том числе электрический стул. 6 февраля 1953 г. в тюрьме были задушены 30 из 45 заключенных. Всего на Сан-Томе казненные и «исчезнувшие» составили около тысячи человек.

Уровень жизни населения португальских колоний непрерывно снижался. Иностранные компании, являвшиеся главными эксплуататорами рабочего класса колоний, а также местные предприниматели стремились свести заработную плату рабочих к необходимому прожиточному минимуму. Система оплаты труда строилась по расовому признаку. Рабочий-африканец в Анголе и Мозамбике получал в 5—10 раз меньше, чем рабочий-европеец, хотя рабочий день африканца, как правило, был намного длиннее.

В Гвинее-Бисау рабочий-европеец всегда получал более 150 эскудо в месяц, в то время как квалифицированный рабочий-африканец лишь от 40 до 50 эскудо. Неквалифицированные рабочие-африканцы могли купить за дневной заработок от 1,5 до 4,6 кг риса или от 0,5 до 1 кг рыбы. Таким образом, чтобы купить 1 кг риса, рабочему нужно было работать от 1,5 до 4 часов.

Страдая от принудительного труда и расовой дискриминации, трудящиеся Анголы и Мозамбика были лишены права создавать свои профсоюзы, они не знали, что такое охрана труда, социальное страхование, пособия по безработице, пенсии по старости и инвалидности.

В особенно тяжелом положении находилось многомиллионное крестьянство португальских колоний. Подлинным бичом для него была проводившаяся колониальными властями до 1961 г. политика принудительного культивирования. Она состояла в том, что в так называемых «концессионных» зонах крестьян с помощью методов административного принуждения заставляли выращивать экспортные культуры (хлопок, маниоку, арахис и др.). Колониальные власти предоставляли «концессию» на эти районы компаниям, скупавшим урожай по чрезвычайно низким закупочным ценам и получавшим огромные прибыли (в 1960 г. экспортная цена тонны хлопка была 560 долл., а закупочная — 250 долл.).

Поскольку компании должны были обеспечивать крестьян только семенами и не вкладывали в дело никаких инвестиций, весь риск в случае неурожая несли крестьяне. Жители «концессионных» зон, оторванные от выращивания традиционных продовольственных культур, были обречены на голод и нищету. Так, в зонах возделывания хлопка африканскому крестьянину выделялся участок земли в 1,2—1,5 га, который он не имел права ни продать, ни покинуть. Власть компаний в таких зонах была неограниченна, их положение напоминало положение средневековых феодалов.

Даже по официальным данным правительства Салазара, в 1951 г. в Мозамбике в районе возделывания хлопка от голода умерло 200 человек, а в 1955—1957 гг. наблюдалась массовая гибель африканцев в районах Монтипуэс и Эрати. Епископ Бейры писал в 1950 г. о крестьянах-хлопкоробах: «Есть ли какое-нибудь различие между тру-

дом этих аборигенов и теми, кто работают на фермах в качестве “контратадуш”? Никакого. Или, лучше сказать, различие состоит лишь в том, что “контратадуш” получают одежду, пищу, ночлег, а здесь ничего не получают. Независимо от того, удался урожай на ферме или нет, “контратаду” имеет свой заработок, а здесь абориген имеет закупочную цену за хлопок, если урожай удался, а если нет... он ничего не получает... Я знаю районы, где аборигены получали за свой урожай от 50 до 90 эскудо. В том же районе, если бы абориген на той же площади и, возможно, с меньшими затратами выращивал фрукты, он заработал бы от 2 до 4 тыс. эскудо».

Мозамбикцы сопротивлялись принудительному культивированию хлопка всеми доступными им средствами. Они выбрасывали семена, вырывали при прополке молодые побеги хлопка или сжигали урожай. Не случайно в Анголе округ Маланже, превращенный в «концессионную» хлопководческую зону, стал в 1960—1961 гг. аренной массовых крестьянских выступлений.

Положение колониального крестьянства еще более ухудшилось в связи с усилившейся в 60-х гг. европейской иммиграцией. Европейское население колоний в социальном отношении было неоднородным. В него входили португальцы — чиновники колониального аппарата, служащие торговых и промышленных учреждений, инженеры, врачи, адвокаты, священники, плантаторы, фермеры, а также мелкие буржуа. В то же время среди португальцев было много представителей неимущих слоев населения, социальное положение которых мало отличалось от положения эксплуатируемых африканцев.

Правительство Португалии все более энергично поощряло эмиграцию жителей метрополии в колонии. В основе проводимой им политики поощрения эмиграции лежало стремление, с одной стороны, дать выход «избыточному» безработному населению Португалии, с тем чтобы ослабить остроту социальных противоречий и облегчить преодоление экономических трудностей внутри страны, и, с другой стороны, увеличить белое население колоний, составлявшее главную социальную опору колониальной диктатуры в борьбе против растущего освободительного движения. Особенно поощрялась эмиграция в Анголу, в которой португальское правительство активно проводило

политику направляемой колонизации и которую оно надеялось превратить во «вторую Бразилию».

Была установлена даже специальная премия для каждого португальца, который женится на африканке.

Ангола и Мозамбик — «сокровищницы Аладдина»

Важнейшая особенность колониальной стратегии Португалии состояла в том, что она интернационализировала свою колониальную империю.

Португальские колонизаторы сознательно шли на привлечение в Анголу и Мозамбик иностранного, в первую очередь англо-американского, капитала, видя в этом лучшую гарантию против растущего национально-освободительного движения. Интересы своего колониального владычества в Африке португальский империализм стремился как можно прочнее связать с интересами англо-американских монополий.

Политика привлечения португальским правительством в свои колонии иностранного капитала и предоставления ему всевозможных льгот и привилегий строилась на простом расчете: инвестируя капиталы, США и Великобритания будут кровно заинтересованы в их безопасности, а следовательно, в сохранении португальского господства в Африке. Поощрение иностранных инвестиций Лиссабон считал лучшим противоядием против роста национально-освободительного движения, поскольку такая политика давала Португалии могущественных опекунов и покровителей в лице крупнейших международных монополий. Кроме того, активизацией инвестиционной политики Португалия пыталась как бы продемонстрировать перед всем миром, что она собирается надолго остаться в колониях, поскольку рассматривает их как «интегральную часть португальской нации».

Особенно усилился прилив иностранных капиталов в португальские колонии после начала освободительной войны в Анголе (1961).

Перед лицом возросшей опасности потерять свои заморские территории португальское правительство искало выход из создавшегося положения в сращивании своих интересов с интересами международных монополий, за спиной которых стоит военная машина НАТО. С этой целью оно направляло свои усилия на создание максимально благоприятного режима для деятельности иностранного монополистического капитала в колониях.

Так, в 1965 г. был принят закон, разрешивший создание компаний, в которых большая часть акций принадлежит иностранным фирмам, «при условии, если их действия соответствуют планам экономического развития страны». По этому закону иностранные инвесторы получили право переводить прибыли и даже весь вложенный капитал за границу без каких-либо ограничений. «Мы обеспечиваем инвестированным в нашей стране капиталам такие гарантии, выгоды и привилегии, которыми редко пользуется местный капитал», — заявил в одной из своих речей Салазар.

Предоставление иностранным компаниям исключительных прав и привилегий, а также возможность использования дешевого труда местного населения, обеспечивавшая низкую себестоимость продукции, гарантировали этим компаниям высокую норму прибыли, которая составляла от 50 до 100%.

Исключительно благоприятные условия для деятельности иностранных компаний в португальских колониях привлекали туда во все растущих масштабах американские, английские, западногерманские, французские, бельгийские и другие капиталы. Хотя португальский капитал составлял более половины всех инвестиций, Ангола, Мозамбик и Гвинея, по существу, стали колониями международного монополистического капитала.

Таким образом, португальские колонии представляли собой «характерный объект деятельности коллективного империализма...»⁴² Иностранный капитал господствовал во всех ключевых отраслях экономики этих колоний. Их национальные богатства оказались объектом дележа для международных монополий. В результате этого добыча

⁴² Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 273.

алмазов контролировалась английскими, бельгийскими, американскими, французскими компаниями, добыча железа и марганца — западногерманским и американским капиталом, а добыча угля — английским и американским; нефть находилась в руках американского и бельгийского капитала.

Важнейшей сферой приложения иностранного капитала в Анголе и Мозамбике являлась горнодобывающая промышленность. Ведущую роль в эксплуатации минеральных ресурсов Анголы играла смешанная американско-англо-бельгийская компания «Ангола даймонд компани» («Диаманг»). Созданная в 1917 г., «Диаманг» вплоть до 1971 г. обладала монопольным правом на разведку алмазов на площади, равной $\frac{5}{6}$ территории Анголы (свыше 1 млн кв. км), и правом на неограниченный срок на разработку всех алмазных залежей, открытых в течение этого периода. Новый контракт, заключенный португальским правительством с компанией в 1955 г. продлил на неопределенный срок исключительные права «Диаманга» на разведку алмазов и предоставил португальскому правительству 11% акционерного капитала. В результате этой сделки в руках португальского правительства оказались 200 000 акций из 1 730 000 акций этой компании.

Заправила «Диаманга», так же как и других иностранных компаний, действовавших в Анголе и Мозамбике, делились своими прибылями с португальским правительством в целях упрочения своих позиций и освобождения компании от налогов.

«Диаманг» была своеобразным государством в государстве, маленькой империалистической метрополией, бесконтрольно распоряжавшейся огромными территориями. Она была освобождена от налогов на импорт и экспорт, от взносов и пошлин и имела монопольное право на рекрутирование африканской рабочей силы в районе Луанды. Она даже учредила на своих территориях собственные судебные органы и тайную полицию СИД (отдел информации и расследования) — своего рода ПИДЕ «Диаманга». По свидетельству очевидца, «СИД шпионил всюду, выдавал и контролировал “паспорта”, арестовывал, избивал, а когда ему было нужно, убивал. Он шпионил даже на плантациях маниоки, хотя они были вне зоны, отведенной “Диамангу”». Компания имела и свои тюрьмы, главная из которых находилась

в Лукапа, а также частную армию, сформированную из наемников и бывших военнослужащих португальцев по образцу «португальского легиона». По словам того же автора, «два органа — СИД и “Легион” действовали как “глаза и уши короля”, обмениваясь результатами своей работы. Они постоянно держали население под неусыпным наблюдением... Все молчало, даже собаки! Когда я хотел узнать, почему эти животные не лают, капеллан, уже проинформированный бельгийским миссионером, объяснил мне, что они не делают этого, так как за долгие годы переняли привычки своих хозяев! Поселки “Диаманга” кажутся фантазмагорическими городами из рассказов Кафки... Между жителями царит недоверие. У каждого могут быть в доме алмазы, которые можно украсть или увидеть... Сосед может оказаться доносчиком...»

Условия жизни африканских полурабов были столь ужасающими, что даже Ж. Фрейре после посещения Анголы вынужден был признать факты неслыханно издевательского обращения с африканцами, работавшими на копях «Диаманга». «В зоне, где хозяйничает “Диаманг”, — писал он, — создается впечатление, что находишься в стране, которая служит подтверждением выдвигаемого против португальцев обвинения в колониализме».

Исключительно бурную активность проявлял в португальских колониях американский монополистический капитал. Вторжение его в португальские колонии возглавила могущественная монополистическая группа Меллонов. Принадлежащая ей нефтяная компания «Галф ойл корпорейшн» подписала контракт с португальским правительством и в 1957 г. открыла в Кабинде свой филиал «Кабинда галф ойл компани». Его штаб-квартира находилась в Уилмингтоне (США, штат Делавэр). Концессия охватывала сухопутную и морскую прибрежную зону общей площадью 7334 кв. км.

В конце 1966 г. «Кабинда галф ойл» обнаружила в Кабинде нефть и начала ее добычу. В декабре 1968 г. она подписала с португальским правительством новый контракт, по которому зона концессии была расширена до 10 116 кв. км, в нее была включена зона шельфа до глубины 200 м. Территория концессии состояла на одну треть из суши и на две трети — из морского шельфа. Подписанный в 1973 г. договор подтвердил прежние соглашения. Теперь «Кабинда галф ойл» получи-

ла право эксплуатации территории концессии в течение 50 лет с возможностью продления срока еще на 20 лет. Она была освобождена от налогов и таможенных сборов, однако должна была делать отчисления ангольскому правительству. В 1972 г. эти отчисления составили 570 млн эскудо. Компания взяла на себя обязательство обеспечить Португалию необходимым количеством нефти в случае кризиса, а в случае выхода из строя нефтеперерабатывающего завода в Луанде она должна была снабжать Анголу из других источников. В 1974 г. «Кабинда галф ойл» добыла более 80% ангольской сырой нефти, используя при этом 120 буровых установок. Запасы нефти в Кабинде оценивались в 300 млн т.

Могущественная «Стандард ойл компани» Рокфеллеров получила в марте 1958 г. исключительное право на разведку нефти и газа на территории Гвинеи-Бисау. Она открыла в этой колонии свой филиал «Эссо эксплорейшн Гинэ» с первоначальным капиталом в 1,5 млн долл. В конце 60-х гг. поиски нефти в Мозамбике вели 10 монополий, из них 7 американских, 2 французские и 1 южноафриканская.

Американские монополии стремились внедриться во все ключевые отрасли экономики Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау. В 60-х гг. в связи с открытием в Анголе крупнейших залежей нефти резко усилилось проникновение туда западных нефтяных монополий. Исключительные права на разведку и добычу нефти имели принадлежащие бельгийскому капиталу компания «Петрангол» — филиал «Петрофина», компания САКОР, связанная с «Ройял датч Шелл груп», и «Кабинда галф ойл» и др. Одна только «Петрангол» добыла в первом полугодии 1969 г. 1 млн т нефти. В 1966—1970 гг. инвестиции в нефтедобывающую промышленность Анголы составили около 50 млн долл.

В 60-х гг. в португальские колонии в Африке началось бурное вторжение западногерманского монополистического капитала. Наступление западногерманских монополий на португальские колонии возглавил «железный король» Крупп. Снискавшие себе мрачную славу в истории «фабриканты смерти» Круппы протянули свои щупальца прежде всего в Анголу — к «хлебу» военной промышленности — железу (эта страна располагает богатейшими залежами железной руды, которые исчисляются в 380 млн т).

В 1960 г. португальское правительство заключило контракт с фирмой Круппа «Эссен» на сумму 130 млрд эскудо (190 млн западногерманских марок). Согласно ему Крупп обязался поставить на эту сумму для «Компания Минейра ду Лобиту» оборудование для технического оснащения рудников по добыче железной руды, погрузочные и разгрузочные средства, транспорт и другие материалы, необходимые для добычи железной руды⁴³. Одновременно фирма Круппа добилась от владельцев железорудных приисков в Анголе согласия на заключение с нею контракта на строительство железной дороги от приисков Кассинга к портам Мосамедиш и Лобиту.

Играя главную роль в международном консорциуме, в котором кроме него был представлен также бельгийский капитал и португальская «Компания Минейра ду Лобиту», Крупп установил через этот консорциум контроль над эксплуатацией железорудных залежей в Анголе.

С увеличением добычи руд, нефти и других полезных ископаемых страна все больше превращалась в сырьевой придаток империалистических государств. Но с другой стороны, рост добычи полезных ископаемых развивал производительные силы страны, создавал предпосылки для развития инфраструктуры и обрабатывающей промышленности. Так, рост добычи железной руды вызвал строительство железной дороги, которая связала шахты Кассинги с портом Мосамедиш. Реконструировались и сами порты, через которые шел вывоз руды. В порту Луанда был построен причал длиной 200 м для погрузки руды, который принимает рудовозы тоннажем 35—40 000 т.

Кроме фирмы Круппа в португальских колониях активно действовали многие другие монополии ФРГ. В Анголе западногерманские компании вели разработку бурого угля в Лусо, добывали марганец, алюминий, построили бумажную фабрику, тепловую электростанцию, получили заказ на реконструкцию порта Луанды, добились земельной концессии сроком на 20 лет. 46% всех инвестиций в ангольскую промышленность в 1963 г. были западногерманскими. В Мозамбике монополистический капитал ФРГ был представлен в первую очередь в плантационном хозяйстве, где особую активность проявляло «Не-

⁴³ *Kramer G. Portugal am Pränger. Berlin, 1964. S. 113.*

мецкое Восточно-Африканское общество», имевшее плантации сахара, кофе и каучука. Концерн «Сименс» имел в Лоренсу-Маркише (ныне Мапуту) дочернее предприятие. Энергичное наступление на португальские колонии начал японский капитал. В 1966 г. «Ниппон майнинг К°» начала подготовку к разработке медных рудников Анголы. Японские фирмы готовились также к добыче железной руды в Мозамбике, овладели $\frac{1}{3}$ автомобильного рынка этой колонии, построили в Луанде радиозавод и т.д.

Английский монополистический капитал издавна стремился наложить руку на коммуникации и транспорт португальских колоний. В последние годы существования португальского фашизма все большую роль в империалистической стратегии в южной части Африканского континента и в экономике португальских колоний играла Бенгельская железная дорога, владение которой обеспечивало контроль над жизненно важными коммуникациями Африканского континента. Именно этим объясняется та ожесточенная борьба, которую вели за обладание Бенгельской железной дорогой английские и американские монополии.

Формально Бенгельская железная дорога принадлежала португальской компании «Компания де Ферро де Бенгела». Но 90% акций и все облигации находились в руках могущественного английского треста «Танганьика консешнс», в то время как португальскому правительству принадлежало только 10% акций.

Вмешательство империалистических держав во внутреннюю экономическую и политическую жизнь Анголы и Мозамбика пагубно сказывалось на экономическом положении этих колоний. Конкуренция американских и западноевропейских товаров наряду с политикой метрополии препятствовала развитию в португальских колониях собственной национальной промышленности и вела к непрекращающейся экспроприации и пролетаризации мелких товаропроизводителей. Стремление умножить колониальные прибыли и увеличить массу выкачиваемого из колоний прибавочного продукта привело к развитию отдельных отраслей колониальной экономики, но это развитие носило крайне уродливый, односторонний характер.

В мировом капиталистическом хозяйстве португальским колониям была отведена роль аграрно-сырьевых придатков империалистиче-

ских государств. Их экономическое развитие всецело определялось интересами иностранных монополий, которые сознательно сохраняли однобокий, полуфеодальный характер экономики этих стран.

Особенности португальского колониализма

Португальский колониализм — это уникальный исторический феномен. Португальские колонизаторы первыми пришли в страны Африки и Азии и последними ушли оттуда. Созданная ими паразитарная общественная структура смогла просуществовать 500 лет — дольше, чем какая-либо другая форма колониализма, созданная европейскими державами в Новое и Новейшее время.

Чем объяснить этот исторический парадокс? Имеет ли он характер фатальной случайности или же, напротив, жестко детерминирован какими-либо объективными закономерностями? С чем связано то малопонятное на первый взгляд обстоятельство, что португальский колониализм оказался более живучим, чем его британские, французские, бельгийские и голландские собратья по колониальному грабежу? Почему широкая антиколониальная борьба в португальских колониях началась относительно поздно и чем объяснить, что они достигли независимости позже, чем другие колонии, не в первой волне освобождения Африки (начало 60-х гг.), а во второй (середина 70-х гг.)?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо изучить комплекс проблем, связанных с историческими, политическими, идеологическими и социально-экономическими особенностями португальской колониальной империи, а также с той ролью, которую играл португальский колониализм в системе мирового империализма.

В основе взаимоотношений Португалии с другими империалистическими державами лежало ее зависимое, подчиненное положение в системе мирового империализма. Хотя она и имела собственную колониальную империю, ее экономика была отмечена характерными чертами недоразвитости: сельское хозяйство, ориентированное лишь

на удовлетворение внутренних потребностей, незначительный промышленный сектор экономики, крайне ограниченный сектор потребления, экспорт, основанный лишь на сырье, и т.п.

Будучи слабой в экономическом и военно-политическом отношении страной, Португалия с давних пор фактически отказалась от самостоятельной политики и оказалась в зависимости от своих крупных империалистических партнеров.

Длительным сохранением колоний она была обязана межимпериалистическим противоречиям между ведущими державами Запада. «Португалия, — писал В.И. Ленин, — самостоятельное, суверенное государство, но фактически в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1701—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала ее и ее колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе со своими противниками, Испанией, Францией»⁴⁴.

В Новейшее время тенденция к усилению зависимости Португалии от более сильных империалистических государств не только не утратила своего значения, но, наоборот, резко возросла. При этом сказалась особая заинтересованность последних в существовании португальской колониальной империи. Эта же заинтересованность в свою очередь объясняет живучесть португальского колониализма, трудности, с которыми столкнулись освободительные движения в колониях Португалии.

Вторая причина также была непосредственно связана с тем же феноменом «отсталости» и «недоразвитости» метрополии. Португальский колониализм отличался от колониализма других европейских держав прежде всего именно тем, что сама Португалия являлась отсталой и зависимой страной с преимущественно сельским и неграмотным населением. На эту особенность португальского колониализма неоднократно указывали А. Кабрал и другие лидеры освободительных движений в Африке. Они отмечали, что роль Португалии как страны «паразита» уходит своими корнями еще к XV в., к тому периоду, когда она впервые стала претендовать на роль носителя «мировой цивили-

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 383.

зации». Поскольку для нее колонии в экономическом и политическом плане играли несравненно большую роль, чем соответствующие колонии для Англии, Франции, Бельгии и Голландии, Португалия не могла себе позволить «роскошь деколонизации». Португальский империализм можно было назвать «колониальным империализмом».

Ведь существовавший до апрельской революции 1974 г. реакционный режим в метрополии в огромной степени базировался как раз на колоссальной эксплуатации природных и человеческих ресурсов «заморских провинций». Если деколонизация английских, французских, бельгийских и голландских колоний не привела к свержению существовавших там буржуазных форм правления, то фашистская диктатура Салазара — Каэтану не могла пережить потерю своих заокеанских владений. Это подтверждается тем, что режим Каэтану рухнул в значительной степени в результате только того, что затрещали и пошатнулись прогнившие стены его колониальной империи. Национально-освободительное движение несомненно сыграло роль детонатора в комплексе факторов, приведших к социальному взрыву и краху фашистского режима.

Отличие португальского колониализма от колониализма других европейских держав заключалось в том, что эти последние имели монопольные командные высоты в экономике своих колоний. Поэтому они смело пошли на деколонизацию, зная, что сохраняют экономические привилегии и прибыли с помощью неоколониалистских методов. Для Португалии такой путь оказался неприемлем. Фашистская диктатура была не способна удерживать контроль над колониями без политической власти, при помощи лишь неоколониалистских методов, поскольку она не имела всеобъемлющего влияния в экономике своих колоний. Кроме того, отказ Португалии от функции политического контроля в колониях означал бы устранение той силы, которая не только осуществляла военно-политические функции, но и являлась своего рода громоотводом для монополий США, Англии и ФРГ, которые стремились к тому, чтобы всю моральную ответственность за условия жизни и труда африканцев несли не они, а португальские колонизаторы.

Таким образом, потеря политического контроля для Португалии несомненно означала бы потерю ею и экономических позиций в ко-

лониях. Если бы фашистский режим принял решение отказаться от политического контроля над колониями, он тем самым подписал бы собственный смертный приговор. Единственно возможной для него формой колониализма оставался классический колониализм. Вот почему этот режим так упорно цеплялся за колонии, стремясь любыми средствами (ставя при этом на карту свое собственное существование) подавить национально-освободительное движение. Все это оказало решающее влияние на определение национально-освободительными движениями стратегии и тактики борьбы за независимость. Поскольку роль Португалии в мировой капиталистической системе имела свои специфические особенности, формы и методы борьбы за независимость португальских колоний существенно отличались от форм и методов такой борьбы, использованных в большинстве африканских стран.

Как уже отмечалось, национально-освободительное движение, руководимое политическими организациями, возникло в португальских колониях значительно позже, чем в английских и французских владениях в Африке. Причины столь позднего развития связаны прежде всего с замедленностью вызревания в условиях отсталого в формационном отношении колониального общества социальных сил, способных возглавить антиколониальную революцию. Фактическое отсутствие доступа африканцев к образованию в огромной степени задерживало формирование слоя африканской интеллигенции.

Кроме того, широко разветвленный репрессивный аппарат фашистского режима, жестокая цензура и беспощадное подавление всякого свободомыслия создавали серьезные препятствия для появления в португальских колониях африканских политических организаций и для распространения информации о том, что происходило за пределами португальской империи. К тому же неучастие Португалии во Второй мировой войне избавило ее от необходимости посылать колониальные войска в другие страны. Служба африканцев из английских и французских владений в составе колониальных войск во время войны несомненно способствовала расширению их кругозора и обогащению их новыми идеями, что явилось могучим стимулом для развития национально-освободительной борьбы в этих колониях. Вряд ли мож-

но считать случайностью, что первая волна борьбы за независимость в Африке поднялась там, где был североафриканский театр военных действий. Этот стимул отсутствовал в португальских колониях.

Все эти факторы в совокупности объясняют позднее развитие организованной освободительной борьбы в колониальной империи Португалии.

Салазар: 40 лет диктатуры

В истории XX в. мало найдется политических фигур, которые вызвали бы столько споров и жизнь которых была бы окружена такой завесой тайны, как португальский диктатор (с 1928 по 1968 г.) Антониу де Оливейра Салазар. Как Сталина в России, так и Салазара в Португалии одни превозносят, другие ненавидят. При недавнем опросе общественного мнения в Португалии он оказался самой популярной исторической фигурой. Объясняется это, по-видимому, нынешними трудностями, с которыми сталкивается большинство португальцев, и вызванной этим ностальгией по «твердой руке» и обеспечиваемому ей «порядку». Кем же он был на самом деле?

Немногие государственные деятели жили так скрытно, как он. Его личная жизнь была, по существу, государственной тайной, абсолютно непроницаемой для прессы. Он появлялся на публике крайне редко, а речи были настолько туманны, что плохо поддавались переводу на другие языки. Его нелюбовь к публичным выступлениям заставляла его ограничиваться одной-двумя речами в год и избегать интервью с иностранными журналистами. Очень мало людей обедали вместе с ним или обращались к нему неофициально, называя его христианским именем. В свою частную жизнь он не допускал никого.

Всякий биограф Салазара сталкивается с массой трудноразрешимых проблем. Главная из них состоит в том, что существуют крайне мало источников для проникновения в ум и сердце этого загадочного человека. Салазар терпеть не мог писать письма, предпочитал общаться со своими министрами по телефону или с помощью маленьких записочек. После того как Салазар отошел от государственных дел в

сентябре 1968 г., его личный архив был доверен группе специалистов, которые должны были разобрать и классифицировать документы. Но эти личные бумаги Салазара до сих пор недоступны для исследователей, так как в Португалии существует 50-летний срок секретности конфиденциальных государственных документов. Работа биографа Салазара затруднена также тем обстоятельством, что в тоталитарном государстве, каким была Португалия до «революции гвоздик» в апреле 1974 г., отсутствовала свободная пресса и почти не публиковались мемуары государственных и общественных деятелей.

Для большинства людей вне Португалии Салазар всегда был скорее символом, чем человеком. Мало найдется людей, которые смогут узнать его по фотографии. Для одних он символ спасения Португалии, человек, восстановивший статус и благосостояние страны, для других он фашистский диктатор, 40 лет железной рукой правивший страной и проводивший жестокую политику террора и репрессий в метрополии и колониях.

Национализм и вера в Бога были двумя главными доминантами личности Салазара, и обе они сослужили ему хорошую службу. Католичество дало ему образование и социальную поддержку. Национализм стал тем козырем, который открыл ему путь к власти. Попробуем всё же ответить на вопрос: кем же был в действительности Антониу де Оливейра Салазар?

* * *

Антониу де Оливейра Салазар родился 28 апреля 1889 г. в маленьком поселке Вимиейру рядом с деревней Санта-Комба в провинции Бейра-Алта, примерно на полпути между городами Коимбра и Визеу. Тот факт, что Салазар родился через восемь дней после рождения Гитлера, рассматривался позже многими как любопытная связь между двумя государственными деятелями, которых объединяло так много общих идеологических концепций и которые так восхищались друг другом.

В то время, когда родился Салазар, в Вимиейру и Санта-Комба проживали всего несколько сотен жителей, там не было ни одного здания выше местной католической церкви. Расположенная в живопис-

ном винодельческом районе, где холмы покрыты лесами, долины плодородны, а на горизонте видны горы Сера де Эстрела, Санта-Комба до сих пор имеет крайне ограниченные контакты с внешним миром. Жизнь местных крестьян — это постоянная тяжелая борьба за выживание. Многие из них доживают до старости, так и не испытав трепетного волнения при виде моря, хотя побережье находится менее чем в 100 милях от Санта-Комба.

Отцом Салазара был Антониу Оливейра, а матерью — Мария ду Резгати Салазар. В соответствии с португальским обычаем их сын должен был быть назван Салазар Оливейра, а не наоборот. Однако родители отошли от традиции, поскольку Салазар — гораздо менее распространенное имя, чем Оливейра, и они решили, что имя Оливейра Салазар будет более благозвучным.

В 1889 г., когда родился Салазар, отцу его было уже 50 (он умер в 1932 г. в 93-летнем возрасте, пережив жену на шесть лет), а матери 43 года. Это значит, что родители появились на свет еще в первой половине XIX в., за десятилетия до открытия местной железнодорожной станции, когда ритм жизни в регионе задавали запряженные быками повозки и лошадиные экипажи. Неудивительно, что родители Салазара придерживались консервативных взглядов и были глубоко религиозными людьми. Антониу Оливейра служил управляющим у постоянно отсутствовавших помещиков. Среди батраков и поденщиков он пользовался репутацией человека сурового с подчиненными и раболепствовавшего перед хозяевами и был известен под кличкой Ловкач.

Родители Салазара, имевшие уже четырех дочерей, были очень обрадованы рождением сына. Они строили большие планы в отношении его будущего, решив дать ему религиозное образование. Мария ду Резгати Салазар — женщина умная и с сильным характером — имела большое влияние на сына. Позже, когда он стал взрослым, он советовался с ней и говорил, что, если бы она жила дольше, он вынужден был бы оставить государственную деятельность и вернуться домой, так как «она не могла жить без меня». Французский биограф Салазара пишет о его матери: «Она была женщиной очень интеллигентной, активной, предусмотрительной, весьма аскетичной и очень набожной». Когда появилась железнодорожная станция, Мария открыла кафе для рабочих.

Отношения в семье Салазара были гармоничными и нежными. Грубый с батраками, Антониу Оливейра был в то же время любящим мужем и отцом. По словам его биографа, «Салазар родился в атмосфере доброго феодализма и такой бедности, когда на столе что-то есть, но не очень много. В его юности семейные ценности явно преобладали, а католическая церковь прививала понятия креста, искренней молитвы и спасения души».

Родители Салазара, видя, что их единственный и горячо любимый сын не получил надлежащих знаний в переполненной до предела начальной школе в Санта-Комба, отдали его в частную школу, в которой сельский учитель Жозе Рибейру обучал за небольшую плату 30 учеников.

Позже Салазар поступил в католическую иезуитскую школу в Визеу. В это время он получал финансовую помощь от богатой помещичьей семьи, у которой служил управляющим его отец. Учась в католической школе, Салазар обнаружил рано развившуюся и отчетливо проявившуюся склонность к церковной карьере и в возрасте 11 лет уже поступил в семинарию в Визеу. По словам его официального биографа, Салазар «вырос в тени и учился в одиночестве». По его собственным воспоминаниям, он «жил, полностью поглощенный своими мыслями и работой, и был, короче говоря, серьезным и думающим мальчиком».

Это не покажется удивительным, если принять во внимание, что Салазар делил всё свое время в Визеу между суровой монастырской атмосферой семинарии, редкими визитами в богатую семью своих благодетелей, частыми каникулами, которые он проводил дома, где его матери было уже за 50, а отцу за 60 лет.

Этот необычный разрыв в возрасте родителей и сына, очевидно, наложил определенный отпечаток на Салазара, который навсегда сохранил подозрительность к молодежи и ко всему новому. Если католические убеждения Салазара имели своим источником влияние родителей, культурную традицию и обучение в католической школе и семинарии, то его националистические взгляды имели свои корни в традиционных ценностях, принятых господствующими классами.

Хотя Салазар и жил в монастырской обстановке семинарии, он живо интересовался происходившими в Португалии бурными собы-

тиями и не был к ним равнодушен. Борьба за учреждение светской республики и отчаянные попытки спасти монархию с помощью реформ были лишь симптомами общенационального политического и экономического кризиса.

Тяжелое экономическое и политическое положение страны содействовало росту республиканского движения в начале XX в. С ростом рабочего движения позиции республиканцев еще более упрочились. На парламентских выборах 1900 г. за республиканцев было подано только около 4000 голосов, а в 1906 г. они получили уже более 13 000 голосов и провели в парламент четырех депутатов⁴⁵. В 1902 г. происходили республиканские волнения в армии и на флоте. В 1906 г. на флоте снова вспыхнуло республиканское восстание. Для борьбы с республиканским движением король Карлуш I (1889—1908) поручил Жуану Франку сформировать кабинет, дав ему диктаторские полномочия. Жуан Франку установил в стране режим террористической диктатуры. В январе 1908 г. были распущены муниципальные советы, закрыты все газеты, кроме субсидируемых правительством. Тюремны были переполнены. Была установлена упрощенная процедура отправки в ссылку без суда и следствия. Реакция республиканцев не заставила себя ждать. Репрессии диктатора вызвали демонстрации протеста на улицах столицы. 1 февраля 1908 г., когда королевская семья возвращалась из Вила-Висоза, на одной из центральных площадей Лиссабона Террейру ду Пасу в их экипаж была брошена бомба, в результате чего Карлуш I и наследник престола Луиш Филипп были убиты, а принц Мануэл (будущий король Мануэл II) ранен.

Убийство короля Португалии вызвало во всей Европе волну возмущения и страха. В.И. Ленин в статье «О происшествии с королем португальским» писал: «Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, то есть бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославилась себя Великая французская революция... Но до сих пор в Португалии удалось только напугать

⁴⁵ Испания и Португалия. М., 1947. С. 405.

монархию убийством двух монархов, а не уничтожить монархию»⁴⁶. В какой степени тогдашние события повлияли на жизнь Салазара, можно судить по принятому им в 1908 г. решению, когда он неожиданно уведомил руководство семинарии, что не намерен рукополагаться в священники. В то время ему было 19 лет, и это его решение было настолько удивительным и противоречившим его прежним намерениям, что многие биографы не могут найти для него сколько-нибудь логичное объяснение. Ближе всего к истине, на наш взгляд, те, кто связывает это решение с драматическими событиями 1 февраля 1908 г., когда двумя революционерами-республиканцами были убиты король Карлуш I и наследник престола. На горизонте Португалии явно маячил призрак секуляристской республики. «Какое будущее ждало священников, оставалось только гадать», — отмечает в этой связи католический писатель и биограф Салазара Хью Кэй. Кроме того, теологические занятия Салазара были завершены, а ему было еще только 19 лет. Он не мог быть рукоположен в священники до канонического возраста в 24 года. Ему перестали выплачивать стипендию, а семья была не в состоянии содержать его неопределенно долгое время.

Во всяком случае, Салазар навсегда сохранил чувство благодарности и к семинарии, и к своим учителям, которые многому его научили. Сам он позже писал об этом в свойственном ему сентиментальном стиле: «Бедный человек и сын бедных людей, я обязан этому дому значительной частью моего образования, которое я в иных обстоятельствах не смог бы получить. И хотя я, возможно, уже потерял ту веру, которую они бескорыстно прививали мне в течение столь многих лет (с 1900 по 1908 г.), именно ей в числе прочего я обязан своим воспитанием и дисциплиной ума».

Качества, которые привила Салазару его набожная семья, — фанатичная религиозность, послушническая дисциплина, воздержанность, целомудрие, неприятие нового — получили дальнейшее развитие в период его семинарской жизни. Более того, он приобрел в семинарии сверхщепетильную заботу о своем целомудрии и воздержанности, а также стремление скрупулезно соблюдать все мелочные и строгие

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. С. 151.

правила семинарской жизни. Товарищ Салазара по семинарии Мариу де Фигейреду — будущий президент Национальной ассамблеи — вспоминал, что получал из дома продуктовые посылки, которыми обычно делился с Салазаром. Правила для семинаристов запрещали им входить в комнаты друг друга. Поэтому, спросив сначала разрешение у священника, Салазар обычно застывал в дверях комнаты друга, но никогда не преступал ее порога.

Однако насаждавшийся в семинарии дух слепого и безропотного повиновения, стремление подавить личность не могли не вызвать в душе одаренного и амбициозного юноши реакции протеста. Трудно не согласиться с мнением Хью Кэя о том, что для решения Салазара отказаться от сана священника, «возможно, имел глубокое значение подсознательный страх, что его реальной проблемой было отвращение к жизни в подчинении».

Один из его старейших друзей утверждал, что, «если бы Салазар не был католиком, он был бы анархистом». Салазара никогда не покидала уверенность в своем высоком предназначении. При этом со свойственным ему умением скрывать свои истинные чувства, он всегда лицемерно уверял, что его интересовала только академическая карьера и что он лишь под давлением вынужденно стал государственным деятелем. Однако из письма, которое было написано Салазаром последнему диктатору периода монархии Жуану Франку и которое было опубликовано после смерти Салазара, вырисовывается иная картина. Предыстория этого письма весьма проста. В 1929 г. вернувшийся из изгнания в Португалию Жуан Франку написал Салазару, поздравив его с успехами на посту министра. В своем ответе Салазар коснулся событий 1906 г., когда еще учился в семинарии и, «как многие думают», полагал, что Португалия — это «дочь Девы Марии, матери Христа». По словам Салазара, в 1907 г. Португалия была разбужена Жуаном Франку, «громко протестовавшим против пагубного управления страной». Его правление было поддержано «наиболее здоровой и наименее ангажированной частью нации, имевшей нечто большее, чем Любовь, — Веру». Это высказывание не оставляет сомнений в том, что Салазар уже в семинаристские годы питал стремление к авторитарным методам правления.

По-настоящему Салазар принял участие в политической жизни в 1910 г., когда приехал в Коимбру и поступил в университет на факультет права. В это время страну сотрясали бурные политические события. Коронованному в спешном порядке наследнику престола Мануэлу II в момент вступления на престол было только 19 лет. Не имея политического опыта и не будучи подготовлен к управлению страной, он оказался неспособным сопротивляться растущему революционному натиску. При Мануэле II (1908—1910) была объявлена амнистия участникам республиканского восстания на флоте в 1906 г., отменен изданный Жуаном Франку декрет, увеличивающий гражданский лист на 1 млн эскудо, и т.д., но никаких сколько-нибудь серьезных шагов к изменению положения в стране не было сделано. За полтора года сменилось семь кабинетов. С октября 1909 г. возобновились республиканские восстания в армии и на флоте. В сентябре 1910 г. открылись заседания парламента, выборы в который раз сопровождались полицейским террором и фальсификациями. Тем не менее в числе депутатов было уже 14 республиканцев. Республиканцы разоблачали преступное обращение двора с государственными финансами, коррупцию и т.п. В тронной речи Мануэл обещал провести радикальные реформы. Вместе с тем заседания палаты депутатов были отложены до 9 декабря. Правительство надеялось выиграть время. Но события нарастали с чрезвычайной быстротой. Через несколько дней, в ночь на 4 октября, вспыхнуло восстание, уже в течение двух лет подготавливавшееся республиканцами и поддержанное войсками и флотом. В Лиссабоне поднялись широкие массы. Король Мануэл бежал через Гибралтар в Англию. 5 октября 1910 г. была провозглашена республика. Она сразу же обнаружила свой антиклерикальный характер. В республиканской прессе писали, что ее цель — «увидеть последнего короля, удушенного кишками последнего священника». Уже 8 октября был издан декрет, ограничивший деятельность иезуитов и других религиозных орденов. 22 октября было запрещено преподавание в школах основ христианства, а 23-го был закрыт факультет теологии в Коимбском университете.

Когда юный Салазар, крестясь и отбивая поклоны, вступил в Коимбский университет, эта цитадель традиционализма была охвачена

революционной лихорадкой. Студенты с восторгом разбили статуи и изрешетили пулями портреты королей Португалии в священном Зале докторов, срывали и рвали в клочья мантии профессоров теологии. Хотя Салазар никогда не был ярым монархистом, он, как бывший семинарист, предпочел остаться «вне игры». Его часто видели с книгой в руке прогуливающимся взад и вперед, в традиционной коимбрской мантии. Эту мантию с обтрепанными обшлагами он тщательно берег, но разорвал ее однажды, протестуя против превращения университетской церкви в помещение для музея.

Салазар неизменно отвечал отказом на все предложения вступить в монархистскую или какую-нибудь другую партию. Он знал, что его время еще не пришло. Салазар был человеком, который умел ждать. В ожидании своего «звездного часа» он терпеливо и упорно изучал экономику и административное право. Чтобы пополнить свои скудные денежные средства, он давал уроки в колледже, открытом К. Баррейрушем — ярким сторонником английских педагогических принципов. Спустя несколько лет Салазар писал, что «превосходство англосакса, столь ярко продемонстрированное во время европейской войны (1914—1918), объясняется определенными фундаментальными компонентами его воспитания. Португалия нуждается в подобном воспитании, чтобы развить общественный дух... Ее трудности уходят своими корнями не в систему управления, а скорее в необходимость изменить людей. Интеллектуальный тренаж недостаточен. Требуется гармоничное развитие личности в целом». Эта тема о «необходимости изменения людей» стала его излюбленной темой. Еще когда ему было 20 лет, он произвёл подлинный фурор речью, в которой осудил пессимистические тенденции в португальской жизни, безрассудство пораженчества, атаковал «отчаявшихся пессимистов» и превозносил благородство патриотизма.

Поступив в Коимбрский университет, Салазар стал секретарем Академического центра христианской демократии (АЦХД). Этот центр был основан в 1901 г. и временно запрещен новым республиканским режимом. В течение нескольких последующих лет АЦХД стал ядром, вокруг которого сплотились португальские интеллектуалы — католики. Любопытно, что из АЦХД впоследствии вышло целое

Португалия и Испания в VIII в.

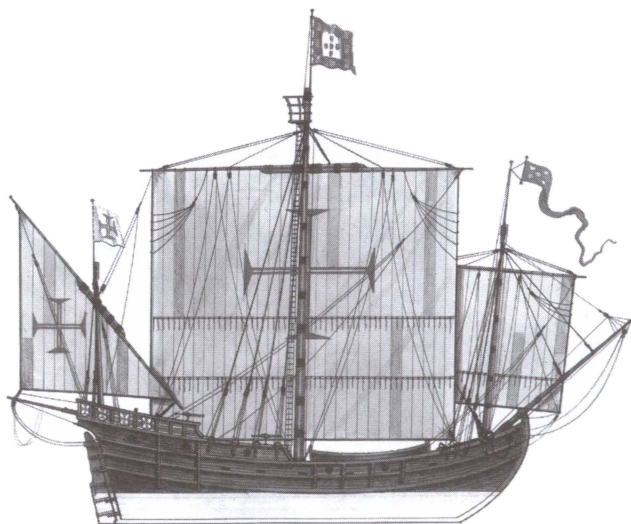
*Энрике (Генрих) Мореплаватель.
Портрет XV в.*

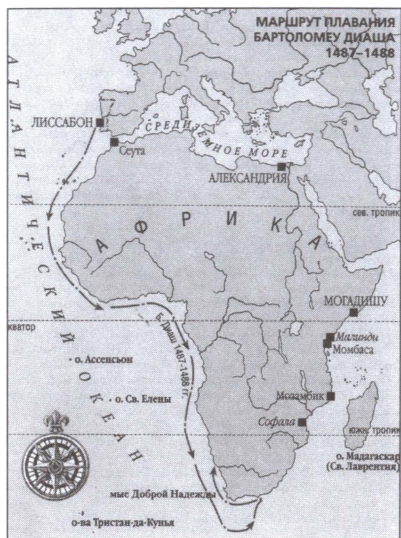
Португальский король Жуан II

Португальский король Мануэл I

Португальская каравелла конца XV в.

*Маршрут плавания
Бартоломеу Диаша 1487—1488 гг.*

*Портрет Бартоломеу Диаша
на фоне мыса Доброй Надежды*

Вероятный маршрут плавания Васко да Гама

Васко да Гама — вице-король Индии

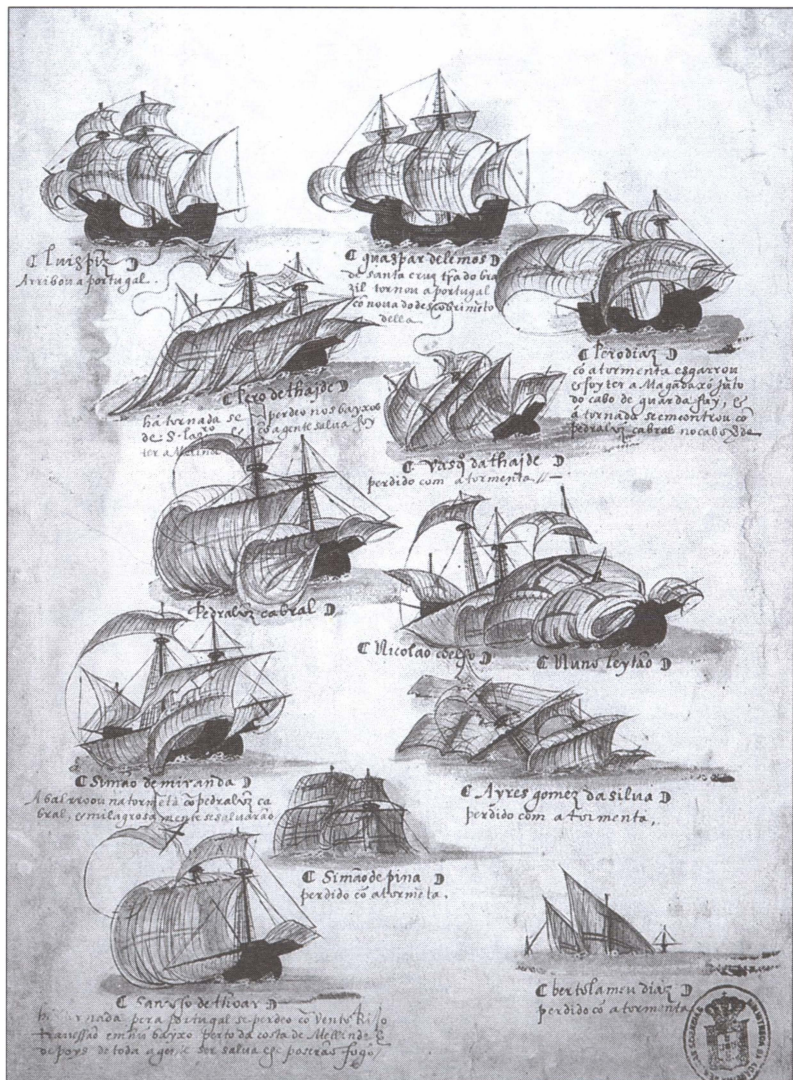
Портрет Васко да Гама

Педру Алвариш Кабрал

*Экспедиция Кабрала высаживается
на бразильский берег*

Армада Педру Кабрала

Портрет Луиша де Камознша.
Художник Ф. Гомеш

Камознш в Макао. Гравюра 1817 г.

Карта Индии 1652 г.

*Первый вице-король
Индии Франсиску
де Алмейда*

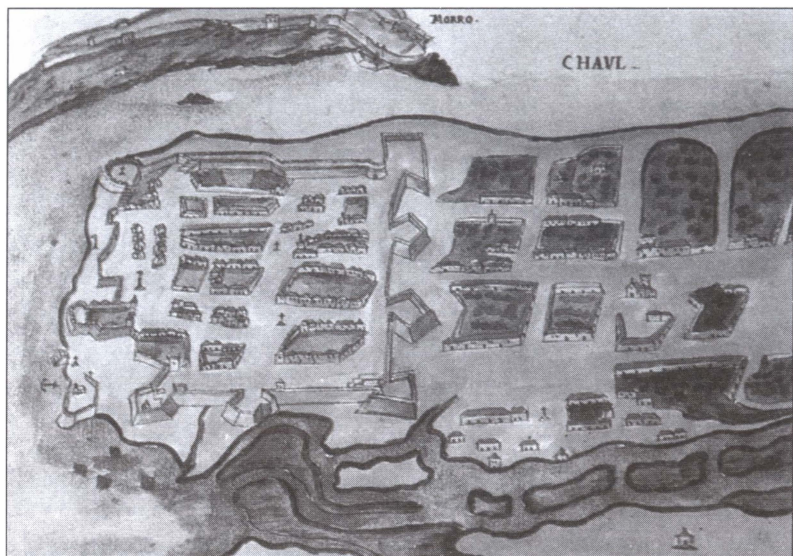
*Вице-король Индии
Алфонсу де Албукерки*

*Вице-король Индии
Жуан де Каштру*

Форт Дуу

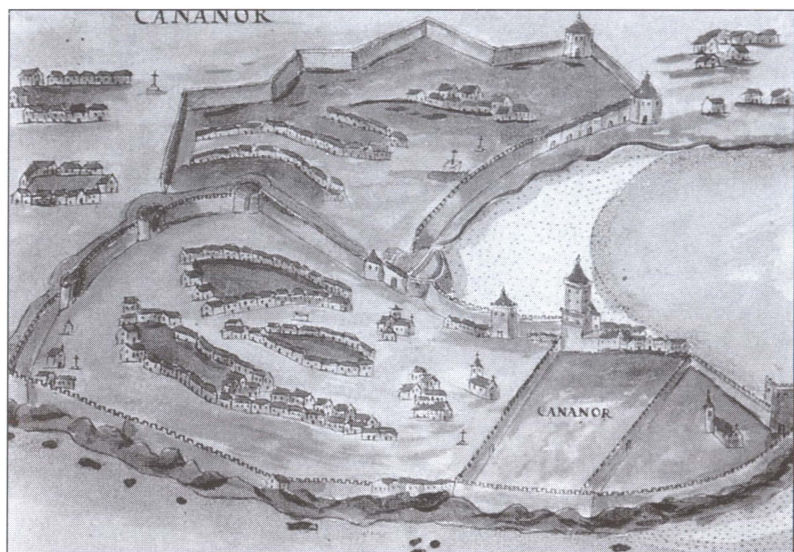
План острова Чаула

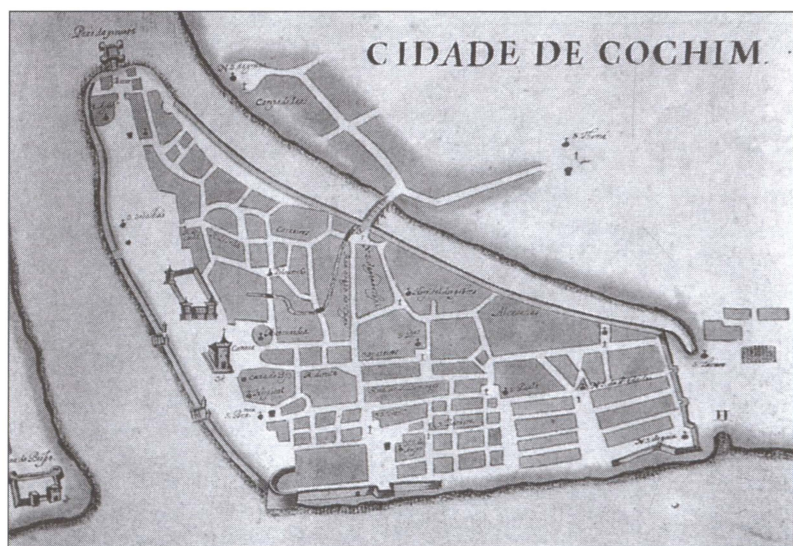
*Губернатор португальской
Индии Нуну да Кунья*

*Руины португальской крепости
в Чауле*

План фактории в Кананоре

План города Кочина

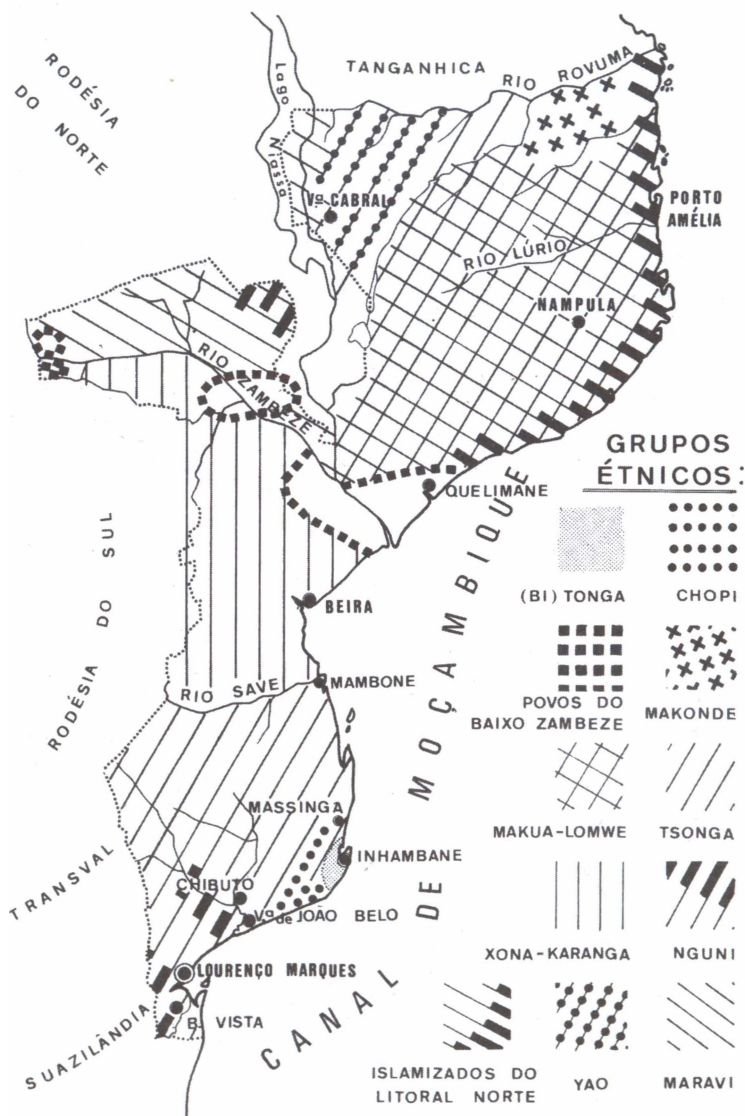
*Король Португалии Себастьян I.
Художник К. де Мораеш. 1571 г.*

*Вице-король Индии
Франсиску де Маскареньяш*

Португальские опорные пункты в Африке и Индийском океане

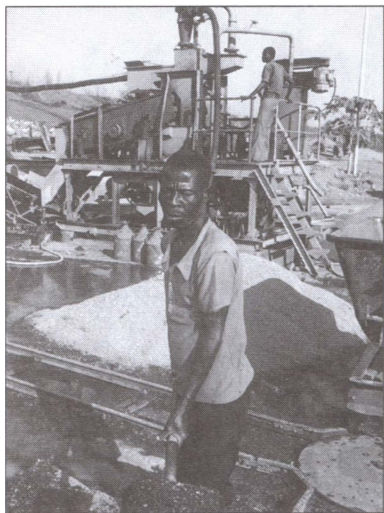
Этнические группы Мозамбика

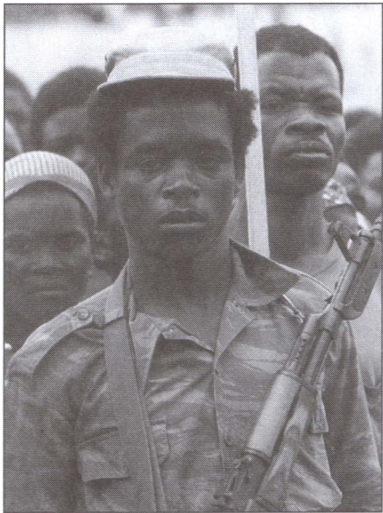
*Королева Мозамбика
Нзинга Мбанди Нгола*

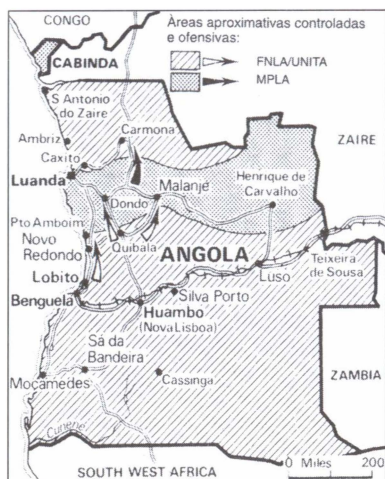
Торговля слоновой костью

Добыча алмазов в Анголе

Бойцы народной армии Анголы

*Военная ситуация в Анголе
к 11 ноября 1975 г.*

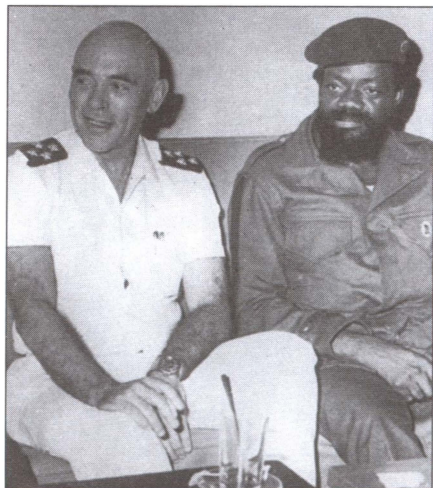
*«Революция гвоздик»
в Португалии. 1974 г.*

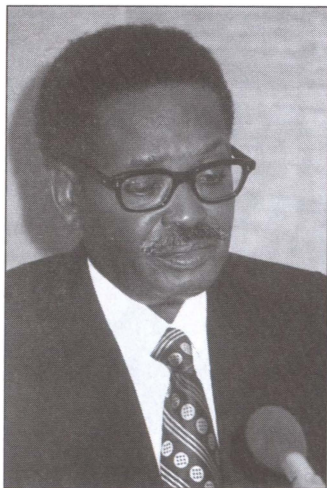
В центре сидят — Кошта Гомиш и Спинола

Кошта Гомиш и Вашку Гонсалвиш

*Адмирал Роза Коутиньо
и Жонас Савимби*

Агостиньо Нето

Вручение Агостиньо Нето Международной Ленинской премии 1 мая 1977 г.

*Президент Народной Республики
Ангола Эдуарду душ Сантуш*

*Первый президент
Народной Республики Мозамбик
Самора Машел*

поколение людей, занимавших высшие посты в правительстве, церкви и университетах.

АЦХД издавал свой еженедельный журнал «Импарсиал» («Справедливый»), главным редактором которого был Мануэл Гонсалвиш Сержейра, который позже на протяжении всего правления Салазара был кардиналом-патриархом Лиссабона. Читая издания АЦХД, можно многое узнать о родоначальниках португальского фашизма, которые тоже сформировали сплоченную группу к 1919 г., когда Гитлер основал национал-социалистическую партию, а Муссолини — «Фашиа ди Комбаттименто».

Еще за несколько лет до того, как Гитлер опубликовал в 1923 г. «Майн кампф», португальские теоретики монархистско-католического направления тщательно изучали восхищавшие их энциклику папы Льва XIII «Рерум Новарум» и произведения консервативных французских писателей Шарля Морра и Леона Блая. Социальное учение папы Льва XIII, или так называемая «рабочая хартия», выступало против насильственной революции, но за право рабочих на забастовки и справедливую зарплату. Французские писатели выдвинули концепцию корпоративного средневекового общества как альтернативу «эгалитаризма и индивидуализма Французской революции, механического восприятия промышленной революции и атеизма и интернационализма марксизма». Эти концепции были еще больше адаптированы к португальским условиям консервативным писателем Антониу Сардиньей, создавшим доктрину «лузитанского интегризма». В отличие от германских, французских и итальянских фашистских теоретиков, делавших вид, что они озабочены индустриальным развитием своих стран и благосостоянием рабочих, португальский «интегризм» был подчеркнута спиритуалистской, сентиментальной абстракцией, целью которой было не столько создание нового будущего, сколько воскрешение романтизированного прошлого.

Идеи португальского «интегризма» оказали большое влияние на формирование взглядов Салазара и на его политику, когда он пришел к власти. Введенная им в 1933 г. конституция объявила Португалию «корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом, на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и

на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и разработке законов»⁴⁷. Красивая политическая риторика была призвана замаскировать фашистскую сущность салазаровского государства. Португальский фашизм был, если так можно выразиться, фашизмом театрализованным. Но это нисколько не мешало ему быть фашизмом: под густым театральным гримом нетрудно было разглядеть его подлинное лицо⁴⁸.

В период Первой мировой войны Салазар часто писал статьи в журналы и газеты. Но его бесстрастный и скучный стиль больше подходил для исследований в области экономики и финансов, и он стал специализироваться на этой тематике. В частности, он опубликовал статьи «Золотая лихорадка, ее природа и причины (1891—1915)», «Проблема производства пшеницы, некоторые аспекты продовольственного кризиса» и даже исследование о трудовых отношениях под любопытным названием «Мир Христа среди рабочего класса».

В мае 1914 г. Салазар произнес речь в Порту, которая наделала много шума. «Демократия, — сказал он, — должна быть гармонизирована католицизмом. Но для этого нация нуждается в обучении и образовании, а правительственный механизм — в адаптации к условиям времени и места. Демократия стала демагогией, ибо она дала привилегию одному классу за счет другого». Местная пресса отметила безупречный стиль и интеллигентность Салазара и характеризовала его как «одного из наиболее могучих умов нового поколения».

Салазар был автором «Обращения к католикам», в котором писал: «Сегодняшней Португалии необходимо создавать для славной завтрашней Португалии сильную, образованную, нравственную, интенсивно работающую и прогрессивную Португалию. Нужно ли нам для этого СИЛЬНО любить страну? Да, любить свою страну нужно всегда. Точно так же, как сильно мы любим свою мать, давайте любить нашу страну, нашу общую великую мать».

⁴⁷ Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957. С. 748.

⁴⁸ Подробнее см.: Хазанов А.М. Политика Португалии в Африке и Азии. М., 1967. С. 13—14.

О том, как Салазар реагировал на преследования католического духовенства республиканским режимом, дают представление мемуары его ближайшего друга на протяжении всей его жизни кардинала Сережейры: «Салазар тогда написал под псевдонимом Алвиш да Силва некоторые из своих лучших статей... А по вечерам мы ходили в церковь Св. Иоанна, чтобы присутствовать на церемониях "Месяца Марии", пряча под плащами дубинки». К этому кардинал Сережейра добавляет, что сам имел обыкновение носить ружье. Впрочем, он всегда был более динамичным и активным, чем Салазар. Он однажды признался, что когда они с Салазаром были проездом в Париже по пути в Льеж, где должны были присутствовать на католическом конгрессе рабочей молодежи, Сережейра воспользовался возможностью, чтобы осмотреть Париж, в то время как Салазар почти не выходил из офисов парижских католических организаций. Любопытно, что это была единственная большая заграничная поездка Салазара за всю его жизнь.

Список студентов — членов АЦХД, опубликованный позже журналом «Ревиста де эштудуш», дает представление о том влиянии, которое эта группа оказала на политическое развитие Португалии. Кроме Салазара и кардинала Сережейры, в нее входили несколько епископов и других высокопоставленных церковных иерархов, Мариу де Фигейреду — позже спикер Национальной ассамблеи, 10 будущих министров и 12 будущих университетских профессоров.

Несмотря на активное участие в деятельности центра и журналистскую работу, Салазар много времени уделял учёбе в университете. Он прекрасно учился и при окончании факультета права в 1914 г. набрал 19 баллов из 20 возможных, в 1917 г. он стал ассистентом профессора по экономике, а в 1918 г., уже будучи известен как один из лучших в стране экспертов по финансам и экономике, получил ученую степень доктора.

О личной жизни Салазара известно крайне мало. Хотя его часто характеризовали как эмоционально холодного человека, известно, что он испытывал сильные сыновние чувства к больной матери и даже был готов отказаться от карьеры, чтобы не разлучаться с ней в последние годы ее жизни.

О любовных увлечениях Салазара почти ничего не известно, что дало повод для обвинений его в женоненавистничестве. Согласно некоторым из его биографов, Салазар был увлечен дочерью богатого помещика, управляющим у которого служил его отец и который оказывал финансовую поддержку Салазару.

По одной версии, мать увидела, как Салазар танцевал с ее дочерью, и решила, что дело зашло слишком далеко. По другой версии, Салазар был репетитором девушки и предложил ей, основываясь на личном опыте, написать очерк о любви. Узнав об этом, мать положила конец этому роману. Она считала, что Салазар принадлежал к низшему классу и не имел будущего. Его друзья вспоминали, что видели отвергнутого Салазара плачущим единственный раз за всю его жизнь.

Бразильский писатель и бывший посол в Лиссабоне Алвару Линс рассказал историю, сообщенную ему ближайшим другом Салазара кардиналом Сережейрой: «Однажды, будучи еще студентом факультета права, Салазар думал о женитьбе. Он подумывал жениться на юной миллионерше из Лиссабона, приехавшей ненадолго в Коимбру. Салазар решил посоветоваться со своим другом Сережейрой. Будущий кардинал сказал ему тогда, что он недостаточно хорошо знает эту девушку, чтобы быть уверенным в ее достоинствах, и добавил, что, поскольку она богата, Салазар не сможет обеспечить ей уровень жизни, к которому она привыкла. Кроме того, он знал, что Салазар слишком горд, чтобы принимать деньги от семьи жены. На это Салазар ответил, что в том, что касается ее достоинств, проблемы нет. “Даже если у нее их нет, я одолжу ей некоторые из моих”. И добавил глубокомысленно: “Главное — принять решение, то или другое, и не думать больше об этом”. После этого он отправился к миллионерше, которая в тот же день возвращалась в Лиссабон, и сказал ей: “Если в течение месяца ты не получишь от меня письма, значит, я решил не жениться”.

С тех пор никто никогда не говорил об этой истории — ни он, ни девушка, ни кто-либо еще».

Хотя Салазар умер неженатым, некоторые факты его биографии свидетельствуют, что он не был одиноким холостяком. Фактически образ жизни, который он для себя избрал, в полной мере соответствовал его эгоистическому характеру и его интеграции в социаль-

ную модель, традиционную для католического духовенства с его мнимой приверженностью celibату. С 1915 по 1928 г. Салазар, как это принято у студентов и преподавателей, возвращающихся к родителям на каникулы, делил кров и харчи со своими двумя близкими друзьями — Мануэлом Гонсалвишем Сережейрой и Мариу де Фигейреду. Услуги, связанные с домашним хозяйством, им оказывала молодая горничная Мария де Жезуз Казтану. Позже она последовала за Салазаром в Лиссабон и была его экономкой до конца его жизни. Известно, что их отношения были очень близкими. Когда однажды Салазар приехал с посетившей его французской журналисткой в один из своих домов, он сказал: «Теперь мы вступаем в королевство Марии... У нее авторитарный характер, и она не любит, чтобы вокруг нас было много людей. С такой охраной, как Мария, сюда никто не может попасть. Она защищает меня лучше, чем полиция».

Мария всегда была неременной участницей домашней жизни Салазара, и подобно тому, как экономку приходского священника обычно знает весь приход, она была известна всей Португалии как «дона Мария». Она всегда обращалась к Салазару «сеньор доктор» или «сеньор президент», и никто никогда не видел, чтобы она ела за его столом. Она воспитала двух принятых Салазаром в свой дом девочек, которые были, видимо, ее племянницами. Эта домашняя ситуация очень напоминала ситуацию многих католических священников, которые живут в конкубinate со своими экономками, старательно делая при этом вид, что соблюдают обет безбрачия. Церковь по практическим причинам закрывает глаза на эту ситуацию, которая получила своего рода негласное признание на протяжении веков. В случае Салазара его двусмысленные отношения с доной Марией, разумеется, породили всевозможные сплетни, и многие полагают, что, поскольку он не был связан обетом celibата, им двигали крестьянский собственнический инстинкт и классовые предрассудки. Парадокс ситуации состоял в том, что отрицание интимной связи в продолжающихся почти 50 лет отношениях между мужчиной и весьма привлекательной женщиной делает эти отношения в глазах общества даже более ненормальными, чем в случае открытого признания такой связи. Нельзя не согласиться с выводом историка Антониу де Фигейреду: «Вся эта ситуация пока-

зывает, что Мария, несмотря на ее преданность и поддержку мифа о "доне Марии", была лишь одной из бесчисленных жертв эгоцентрического патриарха португальского общества. Всё это также подтверждает, что Салазар, который заботился о сохранении своей "культурной чистоты" и даже никогда не путешествовал за границей, был и в этом отношении португальцем традиционного типа».

* * *

Вплоть до того момента, когда Салазар стал членом правительства, материальные условия его жизни были достаточно тяжелыми. В 1914 г. он был зачислен в штат Коимбрского университета. Зарплата была скудной, и он вынужден был подрабатывать, давая частные уроки. Салазару предлагали работать по совместительству адвокатом в какой-то фирме, но он отказался, так как это, по его словам, отобрало бы у него время, необходимое для подготовки лекций, которые он начал читать с 1917 г., когда он стал ассистентом профессора на экономическом факультете. С 1915 по 1928 г. Салазар и его друзья Сережейра и Фигейреду жили «коммуной», имея общие квартиру, еду, расходы и времяпрепровождение. Время от времени к ним присоединялся будущий профессор математики Диогу Пашеку де Аморин, который впоследствии приобрел международную известность. Он вспоминал, что Салазар был «спокойным компаньоном, часто сидел в углу и любил слушать, как другие спорили, вставляя время от времени здравые замечания. В высшей степени холодный, постоянно сдержанный, любивший оставаться наедине, Салазар, однако, всегда имел друзей и испытывал к ним чувство привязанности».

В то же время, по свидетельству Д.П. де Аморина, Салазар отличался чопорностью и снобизмом. Он, например, был до глубины души возмущен «вульгарным» предложением выпустить обращение о сборе денег с читателей в поддержку журнала «Импарсиал». Один приятель, ворвавшийся в его комнату без стука, получил выговор. «Я же мог оказаться раздетым», — сказал ему возмущенный Салазар.

В конце Первой мировой войны Пашеку де Аморин тяжело заболел. Его приходили навестить все его друзья, за исключением Салазара, который боялся проявлений излишних эмоций. Вместо этого он

отправил ему записку: «В ящике моего стола есть немного денег. Они твои. Ты можешь их мне отдать тогда, когда пожелаешь». Последняя фраза, по-видимому, означала: «Ты не умрешь». Это было то редкое проявление теплоты души в этом холодном эгоистическом человеке, которое, видимо, и объясняет многолетнюю привязанность к нему нескольких близких людей. Салазар, замкнутый по характеру, холодный и скрытный по природе, склонный к меланхолическому настроению, нуждался в друзьях, которым он мог бы открыться и с которыми мог бы интеллектуально общаться.

Вот какую характеристику дает Салазару человек, который, пожалуй, знал его лучше, чем кто-либо другой, — друг всей его жизни Сережейра: «Салазар шёл прямой дорогой, игнорируя обходные пути. Он был человеком, созданным для великих, а также и для малых дел. Уже в юности он воспитал в себе сильную волю, высокую интеллигентность и абсолютное хладнокровие. Те из нас, кто хорошо его знали, вспоминают его редкую способность к объективности в споре. Он обладал умением чётко очертить тему с изящной иронией, но презирал красноречие. Теперь, как и тогда, он начинает речь с застенчивого жеста, принимает на себя ответственность, ищет поддержки. Но затем он смело бросается в бой. Я никогда не встречал таких контрастов в одном человеке. Он ценит общество женщин и их красоту, но ведет образ жизни монаха. Скептицизм и щепетильность, гордость и умеренность, недоверие и преданность, обезоруживающая доброта, а иногда неожиданная черствость сердца — всё находится в нем в постоянном конфликте».

Салазар не разделял романтических идей и идеалов республиканцев. Душевной травмой, которую он не смог забыть до конца жизни, явились для него преследования духовенства и простых католиков в ранние дни республики. Реакцией на эти преследования стала возникшая у него навязчивая идея «порядка и законности», беспощадного подавления того, что он называл «властью толпы», «властью улицы» или «разрушительными действиями масс». Салазар ненавидел «романтических либералов». Для него «настоящая свобода может существовать только в душе человека... Может быть лишь абсолютная власть, но не может быть абсолютной свободы. Порядок всегда был

подлинным условием красоты». Именно такой человек с непоколебимыми авторитарными взглядами, не приемлющий либеральных и демократических идей, способный железной рукой навести в стране «порядок», нужен был португальской буржуазии в конце 20-х гг.

Португалия после Первой мировой войны оказалась в полосе острейшего кризиса, отмеченного стачками, восстаниями и частыми сменами правительств, бессильных ликвидировать экономическую разруху в стране и упорядочить её финансы. Анархо-синдикалистская всеобщая конфедерация труда была не способна создать крепкую организацию рабочего класса. Коммунистическая партия возникла только в 1921 г. И её влияние на рабочий класс было невелико. Число её членов не превышало тогда 2000⁴⁹.

В годы республики был завоёван ряд демократических свобод — свобода печати, право на ассоциации, право на забастовки, право на развод, секуляризация образования и т.д., но в то же время страна оказалась втянутой в тяжелый экономический и финансовый кризис. Резко увеличился национальный долг (в особенности Великобритании), рост цен, нехватка товаров, безработица привели к многочисленным протестам и манифестациям⁵⁰. Рабочий класс, который теперь требовал прав, которых столь долго его лишали, оказался первой и главной жертвой экономического кризиса. Хотя с 1914 по 1922 г. средняя зарплата увеличилась в 7 раз, цены на наиболее важные продукты возросли в среднем в 12 раз. Происходила непрерывная девальвация эскудо, и правительство потеряло всякую надежду остановить эту спираль. Многие министры финансов пытались сбалансировать бюджет. В то время это была как бы навязчивая идея, однако ежегодно бюджетный дефицит составлял 5 млн ф. ст. Это означало, что через несколько лет бюджетный дефицит грозил превысить размер бюджета. Сменилось 44 республиканских правительства, и в народе стали говорить, что пытаться сбалансировать национальный бюджет — то же самое, что «пытаться выпрямить тень ветвистого дерева». Даже в правительственных кругах признавали, что

⁴⁹ Куньял А. Страницы борьбы. М., 1977. С. 18.

⁵⁰ Там же. С. 17.

«страна больна» и что необходимо сделать свободу и демократию «жертвенным ягненком». К 1923 г. финансовый кризис достиг пика. Расходы военного времени еще не были оплачены. Дело в том, что расходы экспедиционных войск Португалии во Франции, в Мозамбике и Анголе, действовавших против немцев, были оплачены Англией. Долг Португалии Лондону составил 80 млн ф. ст. Учитывая девальвацию эскудо после войны, долг к 1924 г. составил 8 млрд эскудо. Новый заём был предоставлен на этот раз под 13% годовых. В социальном плане ситуацию в стране можно было охарактеризовать португальской поговоркой: «Когда в доме нет хлеба, все ссорятся, и никто не прав».

В 1925 г. президентом был избран Бернардину Машаду. Но ему было 70 лет, и он был слишком стар и слабovolен, чтобы справиться с ситуацией. В мае 1926 г. власть захватил генерал Гомиш де Кошта, опиравшийся на реакционное офицерство и помещичьи слои и пользовавшийся поддержкой со стороны Испании и Италии (в обеих этих странах к этому времени была военная диктатура). Генерал ликвидировал демократическое правительство, разогнал парламент. Гомиш де Кошта взял себе посты военного министра и министра заморских территорий, премьер-министром сделал Мендиша Кабесадаша, а на пост министра финансов решил пригласить молодого и многообещающего экономиста из Коимбры А. Салазара. Несколько офицеров были отправлены к нему в Санта-Комба, чтобы уговорить принять это предложение. В это время Салазар находился с больной матерью, здоровье которой быстро ухудшалось. Ей оставалось жить только несколько месяцев — в ноябре 1926 г. она умерла. Офицеры тем не менее настаивали, чтобы Салазар немедленно отправился в Лиссабон и принял портфель министра. Сомнения Салазара разрешила его больная мать. «Не беспокойся обо мне, сынок, — сказала она. — Раз они приехали за тобой, значит, ты им нужен. Соглашайся. Интересы страны выше наших интересов. В остальном положишься на Бога».

На следующий день Салазар прибыл в Лиссабон. Корреспонденты на вокзале увидели высокого худощавого человека с большими ушами, густыми волосами, в тёмном костюме и с часами в нагруд-

ном кармане жилета. Он отказался отвечать на их вопросы. Встретившись с членами правительства, он выдвинул несколько условий для занятия поста министра: полный контроль над всеми расходами, жёсткое сокращение государственных расходов, участие во всех решениях, касающихся финансовых проблем. Правительство отказалось принять эти условия. Тогда Салазар спросил, когда отправляется следующий поезд в Коимбру. Через два часа он уже ехал в этом поезде.

7 июля 1926 г. Гомиш де Кошта был свергнут, и власть захватил другой реакционный генерал — Кармона, связанный с национальным банковским капиталом. Он был другом испанского диктатора Примо де Риверы.

Салазар хорошо понимал, что рано или поздно его вновь позовут в правительство. 28 марта 1927 г. Салазар выступил со своей знаменитой речью о «двух экономиках». В ней он, в частности, утверждал, что существуют две экономики: сторонники одной считают успех главной целью человеческой деятельности, а сторонники другой учат презирать богатство и отождествляют нищету с добродетелью. По мнению Салазара, обе эти позиции ошибочны. Не производство портило людей, а ошибки и отсутствие баланса в потреблении. Решение проблемы — это создание богатства путем упорной работы, регулирование потребления нормами человеческой морали, физическое и интеллектуальное развитие и сбережения.

Этими рассуждениями об экономности, бережливости, самоконтроле и упорной работе Салазар заложил основы своей будущей политики мобилизации всех ресурсов страны на достижение поставленных им задач. Он призвал сосредоточить усилия страны на строительстве дорог, открытии новых рабочих мест и на ликвидации бюджетного дефицита.

25 марта 1928 г. новым президентом республики был утвержден Кармона. Правительство вспомнило о Салазаре. Он произвёл сильное впечатление на министров, когда встретился с ними в 1926 г., и хотя в то время его условия показались неприемлемыми, после зрелого размышления они пришли к выводу, что необходимо снова пригласить его в правительство. Этому решению способствовало и то,

что статьи Салазара к этому времени были у всех на устах и широко обсуждались в прессе.

В Коимбру был направлен Дуарти Пашеку, тогдашний министр общественных работ. Салазар попросил одну ночь на раздумья, которую провёл в молитвах и размышлениях. Позже он рассказал французской журналистке: «Я колебался всю ночь. Я не знал, следует ли принять сделанное мне предложение. Меня ужасно удручала мысль о том, что надо будет покинуть университет. Я хорошо знал дистанцию между человеком науки и человеком практики. И потом я боялся... естественно, я боялся. Я учитывал возможность провала. Представляете себе, если бы я потерпел фиаско в наведении порядка в финансах, что подумали бы обо мне мои студенты?»

В конце концов Салазар решил принять предложение. Он прибыл в Лиссабон 27 апреля 1928 г. как раз накануне своего тридцатидевятилетия и начал работать в правительстве. На этот раз он выдвинул следующие условия: 1. Все министерства и ведомства должны ограничивать свои расходы теми ассигнованиями, которые выделяются им министерством финансов; 2. Любая мера правительства, касающаяся государственных доходов и расходов, должна предварительно обсуждаться и согласовываться с министерством финансов.

Фактически это означало, что Салазар получил диктаторские права, в том числе отдавать приказы каждому департаменту, сколько денег и на что он может потратить. Он демонстрировал пример умеренности и бережливости во всём, одеваясь в более чем скромную одежду, работая при свечах и используя перьевую ручку, хотя уже существовали авторучки.

Жесткие меры Салазара, направленные на резкое сокращение государственных расходов, принесли свои плоды. За один год он не только ликвидировал бюджетный дефицит в 3 млн ф. ст., но и добился превышения доходов над расходами в 16 000 ф. ст. За 11 лет, предшествующих его назначению министром финансов, бюджетный дефицит составил 2 574 000 конто. С 1928 по 1939 г. он сумел добиться превышения доходов над расходами на общую сумму в 1 963 000 конто, или 20 млн ф. ст. Эти деньги были израсходованы на перевооружение армии, общественные работы, социальную помощь, коммуникации, пор-

ты, строительство ГЭС и образование. Среди его приоритетов одно из первых мест занимала армия. В 1928/29 финансовом году расходы на оборону составили 23,42% бюджета (а в Англии только 10,63%). Будучи врагом демократических и парламентских институтов, Салазар уже в то время вынашивал планы захвата высшей власти в стране без каких бы то ни было выборов. А для этого ему требовалась поддержка армии и репрессивного аппарата. Его тактика состояла в том, чтобы «сделать счастливой архаическую и обнищавшую военную касту» и, опираясь на взаимопонимание с ней, взять в свои руки и удержать власть. Эти мечты Салазара становились всё более реальными по мере того, как росло общественное доверие к нему. Этому способствовало совершённое им «финансовое и экономическое чудо». В то время как за 17 лет до 1927 г. внешний долг Португалии вырос с 692 000 до 7 449 000 конто, в результате политики Салазара к 1934 г. он практически исчез. Резко увеличились золотые и валютные запасы. Утекшие за границу капиталы начали возвращаться. Уменьшилась нужда в иностранных займах, а следовательно, и нужда в иностранной валюте, чтобы оплачивать долги. Салазар коренным образом реорганизовал налоговую и банковскую системы. Когда в стране были накоплены значительные запасы золота, Португалия вновь вернулась в 1931 г. к золотому стандарту и с 1939 г. курс обмена стабилизировался на отметке 110 эскудо за 1 ф. ст.

В 1929 г. была начата кампания за увеличение производства пшеницы. Импорт пшеницы в одном только 1929 г. обошелся стране в 3,5 млн ф. ст. Через несколько лет Португалия стала сама себя обеспечивать пшеницей. Были учреждены специальные комиссии, которые должны были следить за выращиванием фруктов, риса, за экспортом сардин и т.п. Достижение стабильности в области финансов позволило Салазару объявить в 1936 г. пятнадцатилетний план экономического развития на общую сумму в 60 млн ф. ст. Львиную долю расходов в этом плане составляли ассигнования на оборону. Генерал У. Делгадо, лидер оппозиции в 50-х гг., писал в мемуарах, что финансовые меры Салазара вначале были верными, но, будучи продолжены и применены «к каждому аспекту жизни нации, обнаружившему какую-либо нестабильность, стали просто-напросто тормозом для национальной

экономики. Нужды бедных игнорировались. Конечным продуктом стало богатое и стабильное государство, основанное на нищих, умирающих от голода массах»⁵¹.

Популярность Салазара побудила президента Кармона назначить в 1932 г. его премьер-министром. С этого времени Салазар стал неограниченным диктатором, а Кармона отошел в тень и превратился во второстепенную фигуру, хотя и занимал вплоть до своей смерти в 1951 г. номинальный пост президента. По его собственному признанию, он был лишь «пленником в золотой клетке».

В результате деятельности Салазара в стране, находившейся на грани банкротства, кардинально улучшилась финансовая ситуация. Салазар разработал и стал проводить в жизнь программу общественных работ. Большую роль в ее осуществлении сыграл министр общественных работ инженер Дуарти Пашеку. Обновилась и расширилась сеть шоссежных дорог, строились портовые сооружения и плотины, появились новые школы и больницы, а также промышленные предприятия, реставрировались национальные исторические памятники, возводились новые монументы — в 1960 г. был сооружен на берегу Тежу в Торре де Белен памятник первооткрывателям в виде огромной каменной каравеллы, словно плывущей по волнам.

В 1940 г. правительство подписало с Ватиканом конкордат. Католическая религия была объявлена государственной, на гражданский брак и развод налагался запрет. Католическая церковь получила огромные права, дававшие ей возможность вмешиваться в общественную и личную жизнь граждан. Школа была поставлена под контроль церкви, которая приобрела решающее значение во всех сферах идеологической и культурной жизни метрополии и колоний. Одним из наиболее важных пунктов конкордата было признание католической церкви юридическим лицом. Церковь получила право свободно создавать религиозные ассоциации по нормам католического права, причем государство обязалось признавать их в качестве юридических лиц. По определению испанского историка С. Андреса, Салазар был «человеком глубоко католическим». Получивший воспитание в иезу-

⁵¹ Memoirs of General Delgado. London, 1964. P. 72.

итской школе, Салазар душой и телом был предан «святому престолу» в Риме. Его преданность католической церкви оказывалась столь велика, что даже во внешней политике он действовал в тесном контакте с дипломатами Ватикана, с которыми постоянно консультировался. У соотечественников Салазар заслужил прозвище Иезуит. О нем говорили как о человеке, связанном с церковью тайной клятвой абсолютного повиновения. Недаром в 1942 г. папа Пий XII сказал, что «Господь даровал португальской нации образцового главу правительства».

В 1952 г. Салазар приступил к осуществлению плана народного образования. В результате его реализации были созданы необходимые условия для полной ликвидации безграмотности в Португалии. Еще в сентябре 1936 г. Салазар создал полувоенную молодежную организацию Португальский легион (ПЛ) по образцу Гитлерюгенда. Во главе ее он поставил офицеров, которые подчинялись напрямую правительству.

Что касается международных дел, то Салазар вмешался в гражданскую войну в Испании 1936—1939 гг., поддержав мятежников во главе с Франко. За всё время своего правления он лишь один раз покинул Португалию — чтобы встретиться с Франко, с которым он поддерживал хорошие отношения даже тогда, когда Испанию исключили из ООН.

В отличие от Муссолини или Гитлера, которые имели поддержку организованных партий или возглавленных ими движений, Салазар, ставший диктатором в силу стечения обстоятельств, должен был уже после этого создавать собственное движение и адаптировать германские и итальянские доктрины и методы к условиям Португалии. 30 июля 1930 г. в присутствии всех министров кабинета Салазар зачитал Манифест Национального союза, который стал единственной в стране легальной политической организацией. Кроме того, Салазар учредил скопированные с корпоративных органов Муссолини в Италии «корпорации» — профобъединения, в которые входили лица определённой профессии, независимо от их общественного и имущественного положения. Корпоративная система должна была, по мысли Салазара, стать практическим воплощением «союза труда и капитала». По словам португальского социолога Арманду Каштру, «эти

органы были лучшей гарантией монополии крупных португальских и иностранных компаний».

С приходом к власти Салазара, ставшего неограниченным диктатором в 1932 г., португальская буржуазия полностью покончила с игрой в либерализм. Португалия превратилась в фашистское государство.

Действительность салазаровской Португалии была очень далека от тех иллюзорных представлений, которые конституционный камуфляж и фашистская пропаганда сумели создать за рубежом. «Напомним, — писал генеральный секретарь ЦК Португальской компартии Алваро Куньял, — что еще в 1933 г. фашистское правительство, подавив упорное сопротивление рабочих, распустило профсоюзы. Созданные Салазаром на их месте по модели Муссолини корпоративные национальные профсоюзы рекламировались как пример “классового мира”. Декретом правительства вступление в эти организации стало обязательным... Правительство использовало все средства, чтобы задушить сопротивление, нараставшее в фашистских профсоюзах: оно закрывало помещения, увольняло, арестовывало и предавало суду наиболее видных руководителей»⁵².

На вторую половину 30-х — начало 40-х гг. XX в. приходится апогей репрессий против антифашистов. Для миллионов португальцев символом салазаровского режима стал лагерь смерти Таррафал на островах Кабо-Верди. Широкое распространение получили пытки заключенных.

Непосредственно Салазар нес ответственность за смерть сотен людей, погибших в Таррафале от желтой лихорадки, замученных в тюрьмах, просто убитых без суда и следствия агентами тайной полиции (ПИДЕ)⁵³.

Доход на душу населения в Португалии в начале 60-х гг. был самым низким в Европе. Он составлял 250 долл. в год, то есть был меньше, чем в Испании и Греции. Потребление мяса на душу населения в

⁵² Куньял А. Страницы борьбы. Из истории ПКП и антифашистской борьбы в Португалии. М., 1977. С. 59—60.

⁵³ Капланов Р.М. Португалия после Второй мировой войны. 1945—1974. М., 1992. С. 46.

Португалии составляло 20 кг против 50, 60, 70 кг и более в большинстве стран Европы; молока и молочных продуктов — 2 кг в год против 8—20 кг в других странах⁵⁴. Описывая положение в Португалии, корреспондент одной из американских газет Г. Коломиец сообщал в 1961 г.: «У подданных премьер-министра Салазара самый низкий жизненный уровень по сравнению с населением любой другой союзной страны в Западной Европе». Даже по признанию португальского журнала, ВВП на душу населения в Португалии (10 конто) было в среднем в 5 раз меньше, чем в Бельгии, Дании и Франции (соответственно 47, 55 и 52 конто). Генерал Делгадо приводит в мемуарах любопытный анализ реальной заработной платы португальского рабочего: «Чтобы купить один килограмм мяса, этот рабочий должен трудиться шесть-семь часов, в то время как английский — полтора часа. Англичанин должен работать только четверть часа, чтобы купить литр молока, а португальский рабочий — в четыре раза больше... На заработную плату, которая с 1938 по 1958 г. уменьшилась почти на одну треть, можно купить только голод. Коль скоро нет хлеба, единственными возможными удовольствиями являются салазаровские эквиваленты римского цирка — футбол, фадо и Фатима»⁵⁵. «Пройдите вдоль и поперек всю Португалию, и вы убедитесь, что это страна нищих, молящих о хлебе, работе и защите», — пишет мемуарист. В особенно бедственном положении находилась наиболее многочисленная часть населения страны — крестьянство. «Достаточно взглянуть на сельских жителей, чтобы увидеть, как скоро они делаются похожими на мешки с костями; женщины от 40 до 50 лет стареют с необыкновенной быстротой, а мужчины становятся сгорбленными и кривоногими, причем как мужчины, так и женщины быстро теряют все зубы». В Португалии один врач приходился на 1400 жителей, 58 человек из 1000 умирали от туберкулеза; смертность от коклюша была в 4 раза выше, чем в Англии, а со-

⁵⁴ Коломиец Г.Н. Очерки новейшей истории Португалии. М., 1965. С. 129.

⁵⁵ The Memoirs of General Delgado. London, 1964. P. 72.

Фадо — португальская национальная песня меланхолического характера; Фатима — город, где, как уверяют, в 1917 г. появлялась Пресвятая Дева Мария.

отношение детской смертности от кори в этих странах равнялось 1:9. 50% португальских матерей рожают детей без медицинской помощи. Детская смертность при рождении составляет 88 на 1000. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни составляла 49 лет против 71 в Швеции, 69 — в Голландии, 68 — в Англии. В начале 1960-х гг. только 9% бюджетных расходов тратилось на образование, 4% — на социальное обеспечение, в то время как 32% — на вооруженные силы. В одном только 1963 г. португальское правительство израсходовало на полицию 2 млн долл.

В 1960-х гг. массовый характер приобрела эмиграция португальцев во Францию, Голландию, Англию, Бразилию, Венесуэлу, Канаду. «От чего они бегут? — писал в связи с этим французский журналист К. Межан. — От нищеты, от забот. И еще от казармы... Никогда из португальской армии не дезертировало так много людей, как сейчас, и по вполне понятным причинам. Из-за войн в Анголе, Гвинее и Мозамбике правительство ввело такой распорядок в армии, что ни один юноша, надевший военную форму, не может избежать рано или поздно отправки за море».

В стране нарастало всеобщее недовольство политикой Салдазара, которая поставила Португалию на грань политической и экономической катастрофы. Тяжелое положение народных масс явилось главной причиной подъема антиправительственного движения, которое обрело зрелость и охватило самые различные социальные слои — от рабочих до либеральной буржуазии.

В 1958 г. Салазар столкнулся с неожиданной и неприятной проблемой. Представитель Португалии в НАТО генерал Умберту Делгадо выставил свою кандидатуру на президентских выборах против официального салазаровского кандидата адмирала Томаша. Эта новость произвела впечатление разорвавшейся бомбы. «Нам надоело, что с нами обращаются как со стадом овец» — таков был предвыборный лозунг Делгадо. В Лиссабоне и Порту Делгадо встречали грандиозные демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч людей. В ходе избирательной кампании перед президентскими выборами 1958 г. было достигнуто единство действий антифашистской оппозиции, объединившейся вокруг кандидатуры генерала Делгадо,

который выступил с программой демократизации страны: отставка Салазара, проведение свободных выборов в течение одного года, освобождение политзаключенных. В прошлом один из сподвижников Салазара, позднее Делгадо порвал с диктатором и возглавил антисалазаровскую оппозицию. Несмотря на царившую в стране обстановку террора, он нашел в себе достаточно смелости, чтобы во всеуслышание заявить, что в случае своей победы на выборах он сместит диктатора Салазара с поста премьер-министра. Выборы представляли собой инсценировку, полностью исключавшую победу какого-либо депутата, кроме Томаша — кандидата салазаровского Национального союза. «Мы проиграли выборы задолго до дня голосования, — вспоминал впоследствии Делгадо. — Во-первых, поскольку выборы проводятся в условиях, когда оппозиционная партия запрещена, они представляют собой не что иное, как мошенничество... Невозможно организовать политический фронт за тридцать дней полусвободы, которая великодушно даруется раз в семь лет. Избирательные списки беззастенчиво фальсифицируются. Из них вычеркивается большое число избирателей, подозреваемых в антисалазаровских настроениях». Однако в условиях фашистской диктатуры смелое выступление генерала Делгадо против Салазара (который формально занимал пост премьер-министра) было неизбежно обречено на провал. Было объявлено, что Делгадо собрал 23,5% голосов и что победил на выборах адмирал Томаш. Большинство португальских антифашистов было глубоко убеждено, что опубликованные результаты были сфальсифицированы. Фашистское правительство потерпело самое большое моральное поражение в своей истории. Сам Салазар в разговорах с ближайшим окружением уверял, что «если бы кампания Делгадо продолжалась еще один-два месяца, он бы победил на выборах», и повторял в ответ на возражения: «Победил бы, победил, говорю я вам»⁵⁶.

Разыграв фарс с выборами 8 июня 1958 г., Салазар попытался затем арестовать ставшего для него опасным лидера оппозиции, но Делгадо удалось скрыться в бразильском посольстве, а затем эмигри-

⁵⁶ Капланов Р.М. Указ. соч. С. 108—109.

ровать в Бразилию. В 1968 г., когда он попытался нелегально вернуться в Португалию, его убили агенты ПИДЕ.

Во время Второй мировой войны Португалия сохраняла нейтралитет. Из всех португальских владений Вторая мировая война непосредственно коснулась только Тимора, атакованного и оккупированного сначала австралийцами и голландцами, а потом японцами. В 1949 г. страна вступила в НАТО, а в 1951 г. передала в распоряжение США военные базы на Азорских островах.

Вскоре Салазар провел избирательную реформу, лишившую португальский народ права на непосредственное, хотя и формальное участие в выборах президента, которые теперь осуществлялись специальной коллегией, состоявшей из преданных Салазару лиц.

В 1951 г. Салазар предпринял хитроумную конституционную реформу, заменив в конституции и в других официальных документах вышедшее из моды слово «колонии» более деликатным — «заморские провинции». В одной из речей Салазар заявил: «Наши заморские территории (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау и др. — А.Х.) — заморские провинции унитарного государства. Их управление подлежит исключительной юрисдикции Португалии. Они — творения Португалии и не существуют без Португалии. Португалия принесла им христианский гуманизм и проводила цивилизаторскую миссию».

Салазар не хотел и не мог отказаться от идеи самодостаточного замкнутого национального государства, восполняющего собственную экономическую и культурную отсталость за счет обширных колониальных владений. При этом гарантией единства империи должна была служить жесткая авторитарная структура власти, на практике сводившаяся к единодержавию самого Салазара⁵⁷.

Однако в начале 60-х гг. португальская колониальная империя начала разваливаться. Когда премьер-министр Индии Дж. Неру предложил Салазару начать переговоры о деколонизации Гоа, Диу и Дамана, Салазар ответил категорическим отказом, заявив: «Как мы можем уступить или продать Португальскую Индию, земли Албукерки — плоды наших великих достижений на Востоке, христианские святыни и

⁵⁷ Капланов Р.М. Указ.соч. С. 186.

наших мучеников?» Когда 18 декабря 1961 г. индийская армия вторглась в Гоа, Салазар телеграфировал командующему португальскими войсками в Индии генералу В. Силве: «Я отвергаю перемирие и не желаю, чтобы хоть один португалец попал в плен. Ни один корабль не должен сдаться. Наши солдаты и моряки должны сражаться или погибнуть». Однако сопротивление ввиду его бесполезности оказано не было, и Гоа пал.

Потеря Гоа стала страшным потрясением для Салазара. Он не хотел признавать поражение и считал Гоа «территорией, временно оккупированной Индией». До 1974 г. представитель провинции Гоа заседал в Национальной ассамблее. Салазар был шокирован тем, что ни одна страна, даже Англия, не оказала ему помощи в борьбе против Индии. Салазар отдал Силву под трибунал за поражение в Гоа. Фиаско в Гоа болезненно восприняли в португальской армии. «Помните о Гоа», — с горечью напоминали друг другу португальские офицеры.

Режим Салазара переживал трудные дни. Судьба обрушивала на голову португальского диктатора один удар за другим: потеря Гоа, захват в 1961 г. португальского лайнера «Санта-Мария» оппозиционером Э. Галвао; восстание антифашистов в городе Бежа в 1962 г. — таковы были симптомы начавшейся агонии режима.

Наконец, случилось самое страшное для диктатора: португальская колониальная империя в Африке стала ареной военных действий между африканскими патриотами и войсками колонизаторов. В результате более чем десятилетней вооруженной борьбы народы Гвинеи-Бисау (1973), Кабо-Верди (1973), Сан-Томе и Принсипи, Анголы (1975), Мозамбика (1975) добились независимости, и португальская колониальная империя прекратила свое существование⁵⁸.

Однако Салазар до этого не дожил. В начале сентября 1968 г. он тяжело заболел: кровоизлияние в мозг, вызванное падением со стула, полностью лишило его работоспособности. Хирургические операции на время сохранили ему жизнь, однако о возврате к политической деятельности не могло быть и речи. Преемником боль-

⁵⁸ Подробнее см.: Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. М., 1986.

ного диктатора стал М. Казтану, который, в отличие от закоренелого холостяка и мизантропа Салазара, имел много детей и внуков, был более доступен, охотно путешествовал, посещал африканские колонии (куда Салазар так и не собрался)⁵⁹. Он продолжал политический курс своего предшественника, заявив, что в Африке Португалия не имеет другого выбора, кроме войны против местных националистов. В апреле 1969 г. Казтану совершил вояж по португальским колониям в Африке. Однако ни этот визит, ни так называемая «конституционная реформа Казтану» не могли спасти агонизировавший фашистский режим. 25 апреля 1974 г. в Португалии произошла «революция гвоздик», и к власти пришли революционно настроенные офицеры, возглавившие «Движение Вооруженных Сил».

...Проведя более 40 лет в бурных водах португальской политики, загадочный диктатор Салазар умер в 1970 г.

Биография Салазара является еще одним подтверждением известной истины: преступные режимы создаются не преступниками, а энтузиастами, которые убеждены, что изобрели дорогу в рай. Но на этой дороге в «рай» гибнут миллионы людей.

«Зона молчания» не хочет больше молчать

Португальские колонии были в течение столетий как бы мрачными тюремными камерами, отделенными от мира непроницаемыми стенами. Все, что происходило в этих колониях, было скрыто от него завесой тайны.

Миф о якобы царящих в португальских колониях «социальной гармонии» и «расовом мире» не мог быть вечным, как не могло быть вечным господство колонизаторов над африканскими народами. Уже в 1920—1930-х гг. португальские власти в Анголе, Мозамбике, Гвинее наталкивались в ряде случаев на вооруженное сопро-

⁵⁹ Капланов. Р.М. Указ.соч. С. 143—146.

тивление африканцев. Одновременно возникали первые организации, ставившие своей целью борьбу за улучшение условий жизни коренного населения.

Новый этап освободительного движения в португальских колониях в Африке начался после всемирно-исторических побед Советского Союза над германским фашизмом и японским милитаризмом.

В послевоенные годы в колониях произошли значительные экономические и социальные сдвиги, связанные с ускоренным развитием отдельных отраслей экономики (горнорудная промышленность, экспортные отрасли сельского хозяйства), которое сопровождалось усилением колониальной эксплуатации.

Социальная структура колониального общества была связана с его экономической структурой. Для португальских колоний была характерна многоукладность в экономике. Ей соответствовала и социальная расслоенность общества, представлявшего собой конгломерат различных общественных групп и слоев.

Сложность и неоднородность социальной и этнической структуры населения португальских колоний, различная степень колониальной эксплуатации и политика ассимиляции, которой подвергались разные социальные слои, обусловили такие моменты в национально-освободительном движении, как организационная разобщенность, политические разногласия, регионалистские и сепаратистские тенденции.

Первыми ласточками грядущих революционных бурь в португальских колониях явились выступления африканского пролетариата — забастовка докеров в Лоренсу-Маркише (Мозамбик) в 1947 г., продолжавшаяся два с половиной месяца, забастовки мозамбикских рабочих в 1951 и 1954 гг., стачки железнодорожников Тете (Мозамбик), пекарей Луанды (Ангола), рабочих сахарных плантаций на Островах Зеленого Мыса, матросов речных судов Гвинеи-Бисау в 1956 г. Нередки были случаи неповиновения принудительному труду. Когда в 1957 г. колониальные власти проводили очередную вербовку рабочих, в ряде районов имели место случаи массового отказа африканцев от заключения «контрактов». Когда же в Луанду прибыла группа завербованных, на улицы вышло 2000 человек, протестовавших против действий

властей. Испугавшись возможных осложнений, португальские власти предпочли освободить «контратадуш».

К началу 60-х гг. колониальное общество в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау напоминало гигантский паровой котел, давление в котором неумолимо приближалось к критической точке.

Во всех трех колониях существовали социальные силы, готовые включиться в антиколониальный революционный процесс; возникли и революционные националистические организации, ставившие своей целью руководство антиколониальной борьбой.

В начале 60-х гг. обманчивую тишину, царившую в португальской «зоне молчания», потряс взрыв оглушительной силы — португальские колонии стали ареной военных действий между африканскими патриотами и войсками колонизаторов. Это было началом конца пятивековой истории огромной колониальной империи.

Освободительное движение, которое раньше протекало в относительно мирных формах, в 60-х гг. достигло высшей фазы своего развития и приняло форму вооруженного восстания. Таким образом, основное противоречие, существовавшее на протяжении многих десятилетий на португальских территориях, — противоречие между интересами колониалистских кругов и интересами угнетенного населения колоний — вступило в фазу своего революционного разрешения. Обострение антагонизма между колониальными и национальными силами кульминировало в виде открытого вооруженного конфликта.

Однако в связи с тем, что этот антагонизм шел не только по линии обострения противоречий между африканским населением колоний и португальскими колонизаторами, но и по линии нарастания противоречий между африканцами и различными международными монополистическими группировками, участвовавшими в эксплуатации богатств португальских колоний, в вооруженный конфликт, который разразился в результате столкновения этих интересов, неизбежно должны были быть втянуты не только португальские колонизаторы, но и международные империалистические круги, позиции которых в этом районе оказались под прямой угрозой.

В результате более чем десятилетней вооруженной борьбы народы Гвинее-Бисау, Островов Зеленого Мыса, Анголы, Мозамбика, Сан-

Томе и Принципи добились к середине 70-х гг. национальной независимости, и португальская колониальная империя прекратила свое существование.

Освобождение Индией Гоа

В самом конце 1961 г. по фашистской диктатуре Салазара был нанесен еще один жестокий удар. Португалия лишилась своих колониальных владений в Индии.

Четыре с половиной века томились индийцы Гоа, Дамана и Диу под колониальным игом Португалии.

Все три территории были расположены на западном побережье полуострова Индостан и представляли собой анклав, вклинивавшиеся в индийскую территорию. Общая их площадь составляла 3983 кв. км, причем самой большой из них была Гоа, расположенная примерно в 400 км к югу от Бомбея. Все три территории, располагавшие морскими портами, отрезали Индию от удобных выходов к морю.

Португальская официальная наука и пропаганда всегда подчеркивали особый характер их заморских владений в Индии (официально именовавшихся «Португальским государством в Индии»), заключавшийся в том, что они, в отличие от английских и французских владений в Индии, существовали четыре с половиной века. Однако этот выдвигавшийся и до сих пор выдвигаемый тезис находится в противоречии с исторической действительностью. Фактически 80% территории «португальской» Индии (то есть около 1222 кв. миль из всех 1532 кв. миль) были оккупированы португальцами только в конце XVIII в., то есть примерно в то же время, когда и англичане и французы обосновались в Индии, и лишь 20% «португальских» территорий в Индии были захвачены Португалией четыре с половиной века назад.

Таким образом, даже ссылки адептов португальского колониализма на какие-то «исторические» права Португалии на Гоа, Даман и Диу абсолютно несостоятельны.

Другой довод, выдвигаемый португальской пропагандой и официальной наукой для «обоснования» прав Португалии на часть

индийской территории, сводился к тому, что за время длительного португальского господства жители Гоа, Дамана и Диу подверглись значительной ассимиляции и перестали быть индийцами-индусами, став португальцами-христианами. Однако, согласно переписи 1950 г., общее население португальских владений в Индии составило 637 591 человек, из них лица индийского происхождения — 636 152 человека, или 99,7%. Европейцев и «потомков европейцев» было всего 900 человек. Гоа, Даман и Диу в основном были населены индийцами, говорящими на языках жителей прилегающих районов Индии. Больше всего распространен язык маратхи или его южный диалект — конкани. Несмотря на насильственное «олузитанивание» жителей колоний, португальский язык не привился среди индийского населения Гоа, Дамана и Диу⁶⁰. На нем говорит не более 7% населения этих территорий. Столь же несостоятельны утверждения о том, что население Гоа, Дамана и Диу в подавляющем большинстве составляют христиане, а не индусы. Даже согласно официальной переписи населения, христианское население колоний насчитывало 234 275 человек, в то время как индусы — 388 488 человек. Кроме того, в колониях проживало около 9000 мусульман и представителей других религий. Таким образом, христианская религия имела влияние менее чем на 40% жителей колонии.

Адепты Салазара до сих пор не перестают уверять, что в Гоа не было расовой дискриминации, поскольку его население («индо-португальцы») — это «симбиоз двух культур, продукт полной интеграции привычек и обычаев двух далеких народов, блестящей работы, выполненной Португалией».

На деле в Гоа, Дамане и Диу существовал строгий расовый барьер и практиковались разнообразные формы расовой дискриминации в отношении неевропейского населения. О наличии такого барьера и лживости утверждений об ассимиляции свидетельствует мизерное число браков между представителями разных рас. Согласно официальной статистике, в 1952 г. было зарегистрировано всего два брака между

⁶⁰ См.: Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии // «Последние колонии в Азии»: Сб. М., 1958. С. 76.

европейцами и индийцами. На население более чем 600 000 человек приходилось всего 447 лиц смешанного происхождения.

Расовая дискриминация ярче всего проявлялась в полном отстранении индийцев от участия в управлении. За время португальского господства Гоа не знала губернатора-индийца. Лишь в середине 50-х гг. при губернаторе был учрежден законодательный совет. Он состоял из 23 членов, в том числе 18 выборных и 5 назначаемых. Но из 18 выборных членов лишь 11 избирались на основе избирательного права для взрослых, а 7 «избирались» различными учреждениями, где управляли колонизаторы.

Итак, выборное большинство было фикцией, очевидным трюком салазаровской диктатуры. Индийцы имели в Гоа весьма урезанные права. Им запрещалось служить во флоте, а в армии они не могли продвинуться дальше чина капрала. Расовая сегрегация приняла столь большие масштабы, что специальным декретом от 19 января 1941 г. офицерам португальской армии предписывалось выбирать себе жен только среди дочерей европейцев.

Врачам, получившим квалификацию в Гоа, запрещалось практиковать в Португалии, Анголе и Мозамбике; даже въезд гоанцев в «португальскую» Африку был сильно ограничен.

Португалия довела свои колонии в Индии до состояния крайней нищеты, разрухи и голода. Несмотря на плодородные земли и значительные природные ресурсы, Гоа не могла обеспечить даже половины потребностей населения в продовольствии⁶¹. В колонии, по существу, отсутствовала промышленность. Португалия рассматривала свои индийские колониальные владения только как стратегически выгодные пункты на важнейших морских путях, связывающих Дальний Восток и Индию с Европой.

Единственная отрасль промышленности «португальской» Индии, получившая некоторое развитие, — горнодобывающая промышленность — была отдана, по существу, в полную собственность иностранных монополий. В Азии португальское правительство проводило ту же политику, что и в Африке: идя на значительные экономиче-

⁶¹ См.: Азия и Африка сегодня. 1961. № 8. С. 21.

ские уступки иностранным монополиям, оно надеялось превратить западных союзников в «гарантов» неприкосновенности своих колониальных владений.

В Гоа существовали значительные залежи железных и марганцевых руд. В 1954 г. добыча железной руды составила 1 380 650 т, марганца — 105 919 т. Главную роль в эксплуатации железных и марганцевых рудников играл американский и японский монополистический капитал. Американо-японские тресты «Кокан Когио» и «Ниппон Кокан», связанные с «Файнэншл Экспорт Бэнк оф Джапан», прибрали к рукам все наиболее прибыльные рудники.

В горнорудной промышленности было занято 75 000 человек. Работы на рудниках велись допотопным способом, люди долбили породу мотыгами и переносили ее в корзинах. Не существовало никакой охраны труда, широко использовался дешевый детский труд. Экономика колонии полностью зависела от экспорта железных и марганцевых руд. С 1949 по 1952 г. экспорт железа возрос с 49 188 т до 469 596 т. Экспорт марганца составил в 1947 г. 10 000 т стоимостью 4000 рупий, а в 1953 г. — 207 361 т стоимостью 29 235 453 рупии.

Легкая и пищевая промышленность колонии были представлены мыловаренными и сахарными заводами и в особенности предприятиями по добыче соли из морской воды. Большая часть продукции горнодобывающей промышленности, рыболовства и солеваренного производства экспортировалась в Индию, Западную Германию, Японию и США. Типичным примером колониальной эксплуатации Гоа была деятельность «Банко насионал ултрамарино». Этот банк не только обладал исключительным правом денежной эмиссии, но и господствовал также в коммерческой, промышленной и сельскохозяйственной областях. В одном только 1954 г. этот банк получил в Гоа прибыль в 10 000 conto.

Сельское хозяйство Гоа было обречено на полную деградацию и застой. Население страдало от засух. За весь период португальского колониального господства было построено всего два ирригационных канала, но они не могли обеспечить все население водой. «Для нашего сельского хозяйства характерна крайняя отсталость; оно не производит того, что необходимо для удовлетворения наших потребно-

стей», — заявил в 1949 г. с трибуны Национальной ассамблеи депутат от Гоа Фроилано де Мело.

Торговый баланс колонии постоянно сводился с дефицитом. В 1955 г. ее импорт в 4 раза превышал экспорт. Такое ненормальное превышение импорта над экспортом лишний раз свидетельствовало о том, что как экономический район Гоа не могла быть обособлена⁶². Португалия навязала Гоа участие в так называемом таможенном союзе португальских территорий. Все выгоды от взимания пониженных пошлин в межколониальной торговле получала метрополия. В то же время были прерваны естественные внешнеторговые связи колонии. Например, раньше Гоа импортировала сахар по дешевой цене с соседней Явы, но после того, как она вступила в таможенный союз, была вынуждена ввозить сахар из далекого Мозамбика по более высокой цене.

Слабое развитие экономики и тяжелые условия жизни коренного населения были причинами массовой эмиграции из Гоа в Индию и даже в африканские страны (в Кению, Танганьiku, Мозамбик).

Искусственное обособление трех территорий от Индии оказывало самое пагубное влияние на их экономическую жизнь. Гоа, Даман и Диу на протяжении всей своей истории поддерживали тесные экономические связи с Индией и стали экономически интегральной частью Индии. На Индию, по официальным данным, приходилось в 1955/56 г. около 20% импорта и свыше 40% экспорта «португальской» Индии. В то же время доля Португалии и ее колоний в торговле Гоа составляла лишь 7,6%, а доля собственно Португалии 10% в импорте и 1% в экспорте.

Экономическая жизнь Гоа, Дамана и Диу вплоть до разрыва экономических связей с Индией, вызванного резким ухудшением отношений между Португалией и Индией, в значительной степени зависела от транзитной торговли, большая часть которой приходилась на долю Индии. Через порты Мармагао, Даман и Диу из Индии вывозились хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, зерно, минеральное сырье и ввозились в Индию промышленное оборудование, химикалии, продовольственные товары и т.д.⁶³

⁶² См.: Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии. С. 79.

⁶³ Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии. С. 81.

Единственная существующая в Гоа железная дорога соединяла крупнейший порт Мармагао с внутренними районами Индии и обслуживала главным образом индийские морские перевозки. Более 80% объема грузооборота порта направлялось в Индию.

Экономические связи Гоа с Индией были столь тесными, что вплоть до обострения отношений между Португалией и Индией в колонии находились в обращении индийские деньги. Эти же деньги были единственной валютой, использовавшейся для внешнеторговых операций.

В 1951 г. денежные переводы из Индии в Гоа составили 68 млн рупий, из Гоа в Индию — 46 млн рупий, в то время как из Португалии в Гоа — только 4,1 млн и из Гоа в Португалию — 11,6 млн рупий. Весьма любопытно также, что к концу 50-х гг. более 100 000 гоанцев работали в различных городах Индии, главным образом в Бомбее.

Все сказанное приводит к неизбежному выводу о том, что в историческом, культурном и экономическом отношениях Гоа, Даман и Диу составляли нераздельную часть Индии. «Гоа, — писал индийский журналист Дж. Эвагрио, — может быть португальской только по праву, в силу которого Португалия была мавританской до 1140 г. или испанской в 1640 г. — по праву завоевания и оккупации».

Португальское владычество не только ущемляло национальный суверенитет Индии, оскорбляло национальные чувства индийцев, наносило большой экономический и политический урон Индии, но и представляло для нее прямую военную угрозу. После вступления Португалии в НАТО и подписания в начале 1951 г. американо-португальского соглашения о взаимном обеспечении безопасности американские империалисты начали превращать Гоа в свою военную базу. Они рассчитывали использовать эту территорию как военный плацдарм для оказания давления на Индию и для борьбы против национально-освободительного движения в Азии. В середине декабря 1957 г. стало известно о том, что США заключили с Португалией секретное соглашение, предусматривающее оказание Вашингтоном всемерной помощи португальскому правительству в сооружении новых военных баз в Гоа и Дамане, а также на острове Тимор. Тотчас после заключения этого соглашения США приступили к строительству

на территории Гоа, Дамана и Диу аэродромов, укреплений и других военных объектов. В индийской печати в то время часто публиковались сообщения об участии США в военных приготовлениях Португалии, об использовании территории Гоа как пункта для военных демонстраций в Юго-Восточной Азии. Гоа была наводнена американскими советниками, в гоанские порты то и дело заходили американские, английские и западногерманские суда, доставлявшие не только контрабандные товары, но и оружие⁶⁴. На американские средства и под руководством американских специалистов строились военные аэродромы в районе порта Мармагао и на плато Бамболим, реконструировался и укреплялся главный порт Гоа — Мармагао. В 1960 г. индийская общественность с негодованием узнала о планах Пентагона построить в Гоа американскую ракетную базу.

В Гоа было сконцентрировано более 15 000 солдат, снабжение которых взял на себя ряд португальских и иностранных фирм. По словам выдающегося борца за свободу Гоа Браганса Куньи, эта колония была «превращена в военный лагерь с тысячами европейских и африканских солдат, экипированных современным оружием, поставляемым им НАТО, с военно-воздушной базой».

«Проблема ликвидации иностранного господства в Гоа,— писала индийская газета “Дели Таймс”, — стала еще более неотложной потому, что эти небольшие португальские территории на западном побережье Индии сейчас являются очагом международных интриг и контрабанды и превращаются в военные базы при активном потворстве других империалистических государств — членов НАТО, в которое входит и Португалия... Гоа представляет собой военный лагерь, где сконцентрирован военный персонал, оснащенный новейшим оружием НАТО. Гоанцы превращены в рабов в своих собственных домах... Свобода Индии не будет полной до тех пор, пока империалистические армии будут находиться на индийской территории — в Гоа, Дамане и Диу»⁶⁵.

Португальские колонизаторы превратили Гоа в центр интриг и провокаций против Индии, создавали напряженное положение на границе

⁶⁴ Азия и Африка сегодня. 1961. № 8. С. 25.

⁶⁵ Цит. по: Азия и Африка сегодня. 1961. № 8. С. 25.

и даже подвергали обстрелам ее территорию. Как заявил в Народной палате Индии парламентский секретарь министерства иностранных дел Садатх Алихан, только в течение сентября — октября 1957 г. португальские войска в Гоа 29 раз нарушали индийскую границу⁶⁶.

Подписание американо-португальского соглашения о военных базах осложнило проблему Гоа. Если до этого соглашения правительство Индии выступало за освобождение Гоа мирными средствами, то начиная с 1957 г. оно не исключало и насильственных методов освобождения территории. Еще 1 октября 1957 г. индийская газета «Индиан экспресс» писала, что возможность превращения Гоа в базу НАТО делает всю эту проблему еще более зловещей, поскольку вопрос, который раньше был лишь предметом спора между Индией и Португалией, может перерасти в часть мирового конфликта.

Позицию индийского правительства по вопросу о Гоа сформулировал в 1960 г. тогдашний министр обороны Кришна Менон: «Гоа — наша территория, она должна быть освобождена нами, это часть нашего незавершенного дела. Будет ли Гоа освобождена насильственными средствами или средствами убеждения — это вопрос, который мы должны решить сами».

Через год индийское правительство открыто заявило о своем решении прибегнуть к вооруженной силе для освобождения незаконно удерживаемой Португалией части индийской территории. 16 августа 1961 г. премьер-министр Индии Джавахарлал Неру заявил: «Возможно, придет время, когда мы решим послать туда армию. Когда наступит такое время, мы предпримем открытые, а не тайные или скрытые усилия».

Усилия Индии, стремившейся к освобождению Гоа от иноземного гнета, смыкались с освободительной борьбой, которую на протяжении всего периода португальского господства вело индийское население Гоа, Дамана и Диу.

Еще в 1928 г. возник Национальный конгресс Гоа — партия, возглавившая освободительную борьбу в «португальской» Индии и работавшая в тесном контакте с Индийским национальным конгрессом.

⁶⁶ См.: Международная жизнь. 1958. № 2. С. 128.

В 30-х гг. Национальный конгресс Гоа провел кампанию «ненасильственного сопротивления» (сатьяграхи), используя одну из получивших широкое распространение форм освободительной борьбы индийского народа под руководством Индийского национального конгресса. Крупные выступления гоанцев в форме кампании гражданского неповиновения произошли в 1946 г., вскоре после окончания Второй мировой войны. Португальские власти обрушили на участников освободительного движения град репрессий. Руководящие деятели движения — Браганса Кунья, Какодкар, Хегде и др. — были брошены в тюрьмы.

Завоевание Индией независимости в 1947 г. послужило толчком к новому подъему освободительного движения в Гоа, влив в него свежие силы. В то же время на пути этого движения возникли новые серьезные трудности. Португальские власти стали спешно наращивать вооруженные силы в колонии. Если до независимости Индии войска, расквартированные в Гоа, не превышали тысячи, то уже к 1950 г. их число достигло 10 000. В одном только 1948 г. в Гоа было ввезено оружия и военного снаряжения на 42 000 рупий. В 1951 г. ввоз оружия увеличился в 70 раз и составил в стоимостном выражении 3 млн рупий. Стремясь задушить освободительное движение в Гоа, португальские власти прибегли к массовому террору, вынося суровые приговоры всем, кто подозревался в сочувствии этому движению. Говоря об этом периоде, один из лидеров освободительного движения в Гоа Браганса Кунья отмечал: «Плохое обращение с нашими товарищами сменилось теперь жестокостью, садизмом и произволом. Приговоры от 4 до 8 лет тюремного заключения теперь сменились приговорами от 15 до 28 лет, вместо избиений и бритья головы стали прибегать в отношении наших волонтеров к револьверным и ружейным выстрелам, замучивать их до смерти или проламывать им черепа. Наши протесты, как и ноты протеста индийского правительства, не оказывают никакого влияния на упрямое правительство Португалии».

Несмотря на массовый террор, волны освободительного движения в Гоа вздымались все выше. Вдохновляемые успехами независимой Индии и поддерживаемые индийской и мировой прогрессивной общественностью гоанские патриоты развернули активную борьбу под лозунгом ликвидации португальского колониального господства и вос-

соединения с матерью-родиной Индией. Они устраивали тайные митинги, распространяли листовки, вели большую агитационную работу в массах. 18 июня 1954 г. во многих деревнях Гоа были вывешены индийские национальные флаги, а на стенах домов появились надписи «Вон из Гоа!». 15 августа — в День независимости Индии — 42 гоанца из Индии перешли границу Гоа, неся в руках индийский флаг и не обращая внимания на нацеленные на них ружья и пулеметы⁶⁷.

Ровно через год — 15 августа 1955 г. — гоанские и индийские патриоты предприняли поход на главный город Гоа — Панджиме, применив ненасильственные гандистские методы борьбы. Несмотря на мирный характер демонстрации, португальские войска открыли огонь по толпе. Около 30 человек было убито и сотни ранены.

После варварского расстрела мирной демонстрации в Гоа Индия прервала всякие официальные контакты с Португалией, отозвала своего консула из Гоа и потребовала от Португалии закрыть консульства в Бомбее и Мадрасе. Португальские фашисты обрушили на маленькую колонию новые репрессии. Только в 1955 г. они арестовали более 3000 человек. За период с 1946 по 1957 г. было брошено в тюрьмы несколько тысяч гоанцев, 13 лидеров освободительного движения сосланы на острова Зеленого Мыса, в Анголу и Португалию, около 300 патриотов осуждены на длительные (до 28 лет) сроки тюремного заключения, 87 человек расстреляны или замучены до смерти.

В феврале 1957 г. португальские колонизаторы совершили чудовищное злодеяние: они привязали в Понде нескольких гоанских патриотов к джипу, проволокли их около двух миль, а затем облили керосином и подожгли. Когда этот страшный факт стал известен международной общественности, португальские официальные лица выступили с заявлениями, в которых отрицали подобный инцидент. Однако им не удалось замести следы преступления. В начале 1961 г. английская газета «Гардиан» опубликовала письмо Питера Д'Коста из Бомбея, в котором он сообщал: «Я был в Понде в то время и сам все видел. Я удивлен, что португальское посольство в Лондоне отрицает инцидент, свидетелем которого были сотни людей... Почему португальцы

⁶⁷ См.: Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии. С. 90.

так боялся позволить независимым международным юристам провести расследования в Гоа?»

Начало освободительного восстания в Анголе тотчас же эхом отозвалось в Гоа. «Восстание в Анголе и недавний эпизод с захватом в открытом море лайнера "Санта-Мария" вдохновили гоанских националистических деятелей, находящихся в подполье, на борьбу за независимость», — писала газета «Индиан экспресс» 5 мая 1961 г.

Вскоре после известий о восстании в Анголе гоанские патриоты совершили нападение на два португальских военных поста и захватили большую партию оружия.

Португальское правительство, напуганное ростом освободительного движения в своих колониях, объявило призыв в армию лиц в возрасте от 18 до 36 лет. У португальцев, как писала «Индиан экспресс», вызвало особую тревогу то, что в связи с восстанием в Анголе они перебросили из Гоа в африканские владения около 17 000 солдат, значительно ослабив свою армию в Гоа. По словам той же газеты, гоанская молодежь не желала служить в колониальной армии и всячески уклонялась от воинской повинности.

Освободительная борьба гоанцев за ликвидацию колониального гнета и воссоединение с Индией выдвинула много героев. Одним из первых в этой плеяде должно быть названо имя Тристана Браганса Куньи, которого справедливо называют отцом гоанского национализма. С 1926 г. он активно участвовал в национально-освободительном движении в Гоа. В своих блестящих публицистических статьях он разоблачал сущность и методы португальского колониализма, выступал за организацию такого освободительного движения, которое было бы тесно связано с национально-освободительной борьбой всего индийского народа. Браганса Кунья был основателем Национального конгресса Гоа, одним из организаторов развернутой Национальным конгрессом Гоа кампании гражданского неповиновения. В июле 1946 г. он был арестован и брошен в тюрьму-крепость Агуада, а затем отправлен в Португалию. В 1950 г. его освободили из тюрьмы, но держали в Лиссабоне, отказав в праве выезда. Однако в 1953 г. Кунья сумел ускользнуть от ищеек Салазара. Он бежал в Париж, а оттуда перебрался в Индию, где снова активно включил-

ся в борьбу за освобождение Гоа. Умер Браганса Кунья 26 сентября 1958 г., так и не дожив до дня освобождения своей родины. В 1959 г. Всемирный совет мира в Стокгольме посмертно наградил Б. Кунью Международной премией мира. «История борьбы за свободу Гоа — это история, которую все мы должны помнить...», — писал Дж. Неру. — Следует помнить, что эта маленькая территория дала сравнительно большое число мужчин и женщин, которые пожертвовали в этой борьбе многим. Среди них выделяется имя д-ра Т. Браганса Куньи. Помня о нем, мы всегда будем помнить дело, которому он служил и ради успеха которого он работал».

Освободительная борьба жителей Гоа пользовалась сочувствием и поддержкой всей прогрессивной мировой общественности. Огромную поддержку населению Гоа в его законном стремлении освободиться от колониального рабства и воссоединиться с Индией оказывали демократические круги в самой Португалии. Наиболее решительную и твердую позицию занимала в вопросе о Гоа Португальская коммунистическая партия. Она последовательно и энергично отстаивала лозунг о праве на самоопределение для всех колоний и выступала за проведение немедленных переговоров с Индией о воссоединении с нею Гоа, Дамана и Диу. Компартия Португалии была организатором широкой кампании против отправки войск в Гоа и против военной истерии в Португалии в связи с «гоанским вопросом». В своем заявлении от 1 мая 1954 г. компартия разоблачила агрессивную и преступную политику Салазара в вопросе о Гоа и указала на те трагические последствия для Португалии и ее народа, к которым могла привести эта политика. Большое место занял вопрос о Гоа в работе V съезда Португальской коммунистической партии. Съезд решительно высказался за ликвидацию колониального контроля Португалии над частью территории Индии. В политическом отчете ЦК ПКП съезду указывалось: «Действительные интересы народов Гоа и Португалии требуют, чтобы населению Гоа была предоставлена свобода самому решить вопрос о своей судьбе путем действительно свободного народного волеизъявления. Такова позиция Португальской коммунистической партии, занятая ею с самого начала в защиту интересов народа Португалии и Гоа».

В специальной резолюции по проблеме колоний, принятой съездом, было записано: «V съезд считает правильной линию, защищаемую ЦК в отношении проблемы Гоа, и еще раз заявляет, что коммунистическая партия будет требовать мирного разрешения проблемы Гоа путем переговоров, признавая за народом Гоа право свободно определить свою судьбу».

В поддержку справедливых требований народа Гоа выступили и другие демократические организации Португалии. Так, Национально-демократическое движение, вокруг которого группировались оппозиционно настроенные к Салазару демократические круги, в своих подпольно издаваемых брошюрах и листовках заявляло, что «разногласия с Индийским Союзом должны быть решены путем переговоров и путем удовлетворения законных чаяний народа Гоа, Дамана и Диу»⁶⁸. Поддержка справедливых требований населения Гоа была одной из главных причин репрессивных мер, предпринятых Салазаром в отношении Национально-демократического движения. Все члены его центрального комитета были арестованы. 18 июня 1957 г. в Порту начался суд над председателем Национально-демократического движения, выдающимся ученым-математиком проф. Руи Луисом Гомесом. Вместе с ним на скамью подсудимых сели четыре других видных лидера оппозиции. Четверо подсудимых были приговорены к двум годам, один к десяти месяцам тюрьмы.

С резкой критикой политики Салазара выступала также другая оппозиционная организация — Португальское молодежное движение за демократическое единство. В изданном ею манифесте содержалось требование, «чтобы конфликт в Гоа был решен мирными средствами» и чтобы «португальское правительство провело с индийским правительством такие переговоры, которые после обсуждения точек зрения обеих сторон могли бы разрешить конфликт дружественным путем»⁶⁹.

Борьба за предоставление гоанцам права самим решить свою судьбу охватывала все более широкие слои населения Португалии. Она все

⁶⁸ *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. Bombay, 1961. P. 404.

⁶⁹ *Ibid.* P. 405.

больше связывалась с борьбой против фашистской диктатуры Салазара. Лозунг освобождения Гоа становился одним из главных лозунгов, написанным на знамени антифашистов, под которое становились все новые тысячи противников диктаторского режима Салазара, независимо от их классовой, политической и религиозной принадлежности.

Переброска большого количества войск в Гоа, лихорадочные военные приготовления в стране, непомерные расходы на вооружение не оставляли сомнений в том, что Салазар «бросил жребий» и готов пойти на военный конфликт с Индией. Поэтому требование отказаться от агрессивного курса и решить проблему Гоа путем переговоров с Индией стало всеобщим, охватив самые широкие слои населения Португалии. Рабочие нескольких фабрик в Лиссабоне вместе с банковскими и другими служащими организовали несколько митингов в пользу мирного решения гоанского вопроса. Такие же митинги проходили в городах Сакавем, Повоа, Аландра, Амадора, Келуз и др. В Порту сторонники мирного решения вопроса о Гоа направили правительству обращение, содержавшее требование начать переговоры с Индией. Тысячи таких писем и телеграмм приходили в Лиссабон из Торре де Клеригос, Пиаса, Вале де Верго. В Пиасе тысячи людей вышли на улицу, чтобы помешать отправке в Гоа пяти солдат, завербованных в этом городе. С криками «Долой войну!» толпа остановила автобус и заставила солдат вернуться домой. При отправке в Гоа военного судна «Серпа Пинто» с солдатами на борту толпа их родственников и друзей с криками «Негодяи, они посылают их на войну! Оставьте Гоа индийцам!» прорвала полицейский кордон. Несколько рекрут прыгнули за борт, пытаясь бежать, но были пойманы и принуждены вернуться. Когда к солдатам многих воинских частей обращались с вопросом, кто желает добровольно отправиться в Гоа, ни один человек не выходил вперед. Чтобы создать видимость «народной поддержки» политики Салазара, правительство пыталось инсценировать «патриотические» манифестации, однако эта затея с треском провалилась. Во время выступлений официальных ораторов толпа кричала: «Пошлите в Индию представителей для переговоров!»

Правительство Индии много раз предлагало португальскому правительству начать мирные переговоры. Но правительство Салазара

нагло отвергало даже идею переговоров. Более того, в ответ на мирные предложения Индии оно угрожало применением силы, намекая при этом, что в случае военного конфликта Индии придется иметь дело не с одной Португалией, а со всем блоком НАТО.

Между тем в начале 1961 г. в Гоа, Дамане и Диу началось повстанческое партизанское движение, направленное против португальских колонизаторов. Во главе этого движения встал Военный совет, состоявший из представителей патриотических организаций Гоа, Дамана и Диу. Многие организации и частные лица, выражая настроения прогрессивной общественности всего мира, требовали от правительства Индии оказать активную вооруженную помощь повстанческому движению и помочь ему освободить Гоа от португальского колониального владычества. Комитет африканских освободительных организаций в Лондоне обратился к Дж. Неру со следующей телеграммой: «Мы серьезно встревожены вашими колебаниями в отношении предоставления эффективной помощи Гоа. От имени 39 организаций, входящих в наш комитет, и народов Африки мы призываем вас немедленно двинуться в Гоа, используя всю мощь вашей армии, чтобы спасти жизнь сражающихся гоанцев. Африка с вами».

В начале декабря 1961 г. индийское правительство официально заявило о своем намерении решить проблему Гоа военным путем. Выступая 7 декабря в индийском парламенте, Дж. Неру заявил: «В данный момент я не могу сказать, к чему это приведет, за исключением того, что в конечном счете это должно неизбежно привести к освобождению Гоа».

В ответ Салазар поспешил обратиться за помощью к своим союзникам по НАТО. 11 декабря правительству Англии было послано специальное послание. В нем цитировался Виндзорский договор 1899 г., по которому Англия дала согласие защищать заморские территории Португалии от ее тогдашних и будущих врагов. Португальское правительство просило Англию разрешить использовать ее базы, расположенные между Португалией и Гоа, для заправки горючим судов и для поддержания контактов с Гоа. Английское правительство хотя и было заинтересовано в сохранении Гоа под португальским контролем, в то же время не могло не считаться с тем фактом, что открытая поддержка

Салазара в этом вопросе могла бы осложнить его и без того достаточно сложные отношения с Индией и другими странами Содружества. Исходя из этих соображений, оно отклонило просьбу Салазара о разрешении использовать британские базы и обещало лишь «ограниченную» помощь в вопросе о Гоа. Впоследствии Салазар так оценивал реакцию Лондона на его послание: «Португальское правительство... просило британское правительство указать, какие меры оно могло бы предпринять для кооперации с португальскими силами, чтобы остановить индийскую агрессию. Ответ правительства ее величества, который был вскоре получен, состоял, в сущности, в следующем: в случае нападения на Гоа неизбежно последуют ограничения в той помощи, которую британское правительство сможет оказать португальскому правительству в его борьбе с одним из членов Содружества».

Гораздо более благоприятный отклик получила просьба Салазара в Вашингтоне. США активизировали усилия по оказанию помощи своему младшему партнеру по НАТО. Посольство США в Индии развернуло лихорадочную деятельность, стремясь отговорить Неру от решительных шагов и помешать вступлению индийских войск в Гоа. 13 декабря президент США Дж. Кеннеди направил личное послание премьер-министру Неру, в котором «выражалась надежда», что Индия не прибегнет к применению силы в Гоа. 15 и 17 декабря посол США в Индии Джон К. Гэлбрэйт предложил правительству Индии помощь США в поисках мирного решения проблемы и просил отложить военную акцию хотя бы на шесть месяцев.

Индийское правительство дало достойную отповедь фарисейской «миротворческой» миссии американского правительства, которое рассчитывало выиграть время, чтобы помочь Салазару укрепить обороноспособность Гоа. Посольство Индии в США направило правительству США следующее послание: «Индия удивлена тем, что ее друзья, которые молчали в течение долгих четырнадцати лет, неожиданно проявили интерес к тому, чтобы убедить Индию согласиться на шестимесячный период дальнейших переговоров. Послание правительства США дошло до правительства Индии только за шесть часов до того, как началась акция в Гоа. Когда правительство Индии решило навести справки, благоприятно ли реагировало португальское правительство

на посредничество США и был ли ею проявлен позитивный подход, правительство Индии узнало, что Португалия не обнаружила такого положительного подхода. В этих условиях для Индии не оставалось ничего другого, как начать осуществление своей программы применения минимальной силы для освобождения Гоа от гнета Португалии».

18 декабря 1961 г. индийские войска, поддержанные танками и броневиками, перешли границу и вступили на территорию Гоа, Дамана и Диу. Индийская авиация подвергла бомбардировке аэродром в Панджиме. Индийские самолеты, летавшие над Гоа, сбрасывали листовки, объясняющие гоанцам, что цель индийской военной акции — освобождение Гоа, Диу и Дамана и воссоединение их с Индией. Одновременно военно-морские силы Индии атаковали португальские укрепления на острове Анджидив. Через 36 часов после начала индийской военной акции португальские войска капитулировали.

19 декабря над Гоа, Даманом и Диу был поднят индийский флаг, и Индия формально вступила в управление этими территориями. Окончилась одна из самых мрачных страниц в истории колониализма.

Справедливая акция Индии, явившаяся самым сильным ударом по империи Салазара за весь послевоенный период, вызвала у португальских колонизаторов приступ бессильной ярости. Обуреваемое жадой мести, португальское правительство отдало приказ об интернировании всех индийских резидентов в своих колониях и конфискации их собственности. Около 3000 индийцев, живших главным образом в Мозамбике, были интернированы. Это обстоятельство стало важным фактором, повлиявшим на решение индийского правительства о судьбе и условиях репатриации военнослужащих португальских войск, взятых в плен в Гоа.

Не без оснований рассчитывая получить поддержку от своих западных союзников, Португалия не постеснялась подать «жалобу» в Совет Безопасности ООН. В португальской «жалобе» содержались уверения, что «заморские территории» составляют интегральную часть Португалии и что Индии совершила «агрессию» против самой Португалии. Как и следовало ожидать, союзники Португалии по НАТО — США, Англия, Франция и Турция — энергично поддержали португальскую «жалобу». Все они критиковали Индию за применение

оружия. США и Англия пытались обвинить Индию и другие антиколониальные страны в том, что «они оправдывают применение силы под предлогом ликвидации колониализма».

Позиция Запада была выражена в проекте резолюции, представленном США, Англией, Францией и Турцией. Эта резолюция подвергла критике действия Индии в Гоа на том «основании», что они якобы нарушили Устав ООН и угрожали существованию этой международной организации.

Однако попытки западных держав использовать Совет Безопасности для сохранения португальского колониализма в Индии натолкнулись на решительное сопротивление Советского Союза и афро-азиатских государств. Афро-азиатская группа потребовала от Совета Безопасности отклонить «жалобу» Португалии на том основании, что акция против Гоа имела антиколониальный характер и ставила своей целью освобождение исконных индийских территорий от варварского колониального гнета Португалии. Советский представитель Зорин в своем выступлении квалифицировал индийскую акцию как значительный прогресс в деле ликвидации колониализма и поддержал предложенную афро-азиатскими странами резолюцию. Советский представитель, в частности, заявил: «Наша позиция заключается в том, что мы можем открыто заявить, что мы поддерживаем народ Индии и народ Гоа, которые борются за свое освобождение от колониального господства Португалии». Советский Союз как постоянный член Совета Безопасности использовал право вето для того, чтобы отклонить резолюцию США, Англии, Франции и Турции. Планы империалистов, стремившихся помочь своему партнеру по НАТО, были, таким образом, окончательно сорваны. Выступая после голосования, советский представитель заявил: «Советский Союз гордится тем, что он помешал пройти резолюции, которая фактически была бы равносильна поддержке колониальных держав, и прежде всего такой державы, как Португалия, которая своими действиями дискредитирует ООН. Те, кто защищают Португалию, защищают не ООН, а защищают колониализм — самое позорное явление XX в.».

Провал западной резолюции в ООН вызвал новый приступ ярости в Лиссабоне. Выступая 3 января 1962 г. в Национальной ассамблее,

Салазар угрожающе заявил: «Я не знаю, будем ли мы первой страной, которая покинет ООН, но мы безусловно будем в числе первых»⁷⁰.

Бессильная ярость колонизаторов окончательно лишила их всякого чувства реального. 17 февраля 1962 г. правительство Салазара издало указ, согласно которому Гоа должна по-прежнему считаться территорией Португалии и иметь своих представителей в Национальной ассамблее. В указе говорилось, что «пока португальская территория в провинции Португальская Индия (Гоа, Даман и Диу) лишена португальского суверенитета, ее правительство и административные органы будут функционировать в Лиссабоне», а «общины гоанцев, проживающие на национальной или зарубежной территории, которые могут свободно пользоваться правом голосования, будут избирать депутатов в Национальную ассамблею от Португальской Индии».

Потеря Гоа, Дамана и Диу явилась началом конца португальской колониальной империи. Она вдохновила национальные силы Анголы, Мозамбика, Гвинеи и других португальских колоний на активную борьбу за свое освобождение.

В то же время освобождение Гоа Индией породило ряд противоречий в стане колонизаторов и прежде всего среди членов НАТО. Португалия была не удовлетворена действиями своих союзников, полагая, что они не приняли достаточно эффективных мер для спасения ее колонии в Индии. Салазар критиковал США и Англию за отказ оказать вооруженную поддержку, ибо в правящих кругах Лиссабона отдавали себе отчет в том, что этот отказ нанес сильный удар не только по португальскому колониализму, но и по фашистскому режиму Салазара в целом.

Рождение Республики Гвинея-Бисау

Начало 50-х гг. ознаменовалось в Гвинее-Бисау возникновением тайных политических организаций, объединявших молодых интеллигентов и наиболее сознательных рабочих.

⁷⁰ Цит. по: Goa. Portuguese Colonial Policy. Indian campaign. P. 3.

В 1953 г. в Гвинею-Бисау вернулась после завершения образования в Португалии группа молодых гвинейцев, решивших посвятить себя борьбе против колониализма. Объединив вокруг себя революционно настроенную интеллигенцию и находившихся под ее влиянием рабочих Бисау, они создали в 1954 г. тайную революционную националистическую организацию Движение за национальную независимость Гвинеи (МИНГ). Основателями и руководителями организации были Амилкар Кабрал и Генри Лаберн. Членами МИНГ стали рабочие и мелкие служащие. МИНГ просуществовала всего лишь несколько месяцев, но ее историческое значение состоит в том, что она была непосредственной предшественницей ПАИГК.

Выдающуюся роль в формировании организованного антиколониального движения в Гвинее-Бисау сыграл Амилкар Кабрал.

Не лишен интереса вопрос: почему из всех португальских колоний только в Гвинее-Бисау освободительное движение зародилось как партия⁷¹, в то время как в Анголе и Мозамбике это были фронты или движения, созданные путем слияния нескольких организаций?

Является ли это исторической случайностью, или такой факт отражает объективные условия, существовавшие в этих странах? На вопрос, почему в Гвинее-Бисау была создана партия, в то время как другие создали движения, Кабрал ответил: «Фактически для нас партия — это очень определенная и ясная организация, а движение — очень расплывчатое понятие. Возможно, наша партия даже сегодня является в действительности движением, но наша повседневная работа должна превратить его в партию. Мы с самого начала называли свою организацию партией, ибо знали, что имеем точное представление о том пути, которым мы должны идти, и о том, чего мы хотим для своей страны и своего народа»⁷².

Одним из факторов, обусловивших создание революционной партии в Гвинее-Бисау, явилась специфика социальной структуры населения. В этом случае, как отметил Кабрал, социальные противоречия

⁷¹ Позже (сентябрь 1960 г.) партию стали называть ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса).

⁷² *Cabral A. Larne de la théorie. Paris, 1975. P. 234.*

на уровне классов были не очень значительными. Народ баланте, например, вообще еще не имел классовой стратификации, у фула, манжак, мандинго она была выражена весьма незначительно. Такая социальная структура, относительное отсутствие четко выраженной классовой дифференциации обусловили своего рода «консенсус» всех слоев коренного населения в отношении колониализма. Это и позволило основать в Гвинее-Бисау именно партию, а не фронт, состоящий из классово разнородных элементов.

На первом этапе ПАИГК была организацией, включавшей в себя по преимуществу представителей городских слоев населения — мелкой буржуазии, интеллигенции, рабочих, полупролетариев и т.п. Движение распространилось из Бисау на другие города (Болама, Бафата и др.). Мало-помалу идея независимости становилась все более популярной среди городских масс. Как отмечал А. Кабрал, роль руководителя национально-освободительной борьбы в специфических условиях Гвинеи взяла на себя мелкая буржуазия, ибо она являлась «социальным слоем, который быстрее других слоев осознает необходимость освободиться от иностранного господства. Эту историческую ответственность берет на себя тот слой мелкой буржуазии, который в условиях колониального господства можно назвать *революционным*, в то время как другие слои сохраняют характерные для них колебания или становятся союзниками колониализма, чтобы защитить, хотя это и иллюзорно, свое социальное положение». Возможность создать в 1956 г. партию помогла гвинейским патриотам сразу же подвести под освободительное движение определенную идеологическую платформу.

От глаз внимательного исследователя не может ускользнуть тот факт, что из трех освободительных движений в португальских колониях самым быстрым был прогресс в вооруженной борьбе в стране, где с самого начала это движение имело наиболее четкую организационную структуру и идеологическую базу.

В начале августа 1959 г. в районе Пижигити в Бисау вспыхнула стачка докеров, требовавших повышения заработной платы. Полиция применила против бастующих оружие и расстреляла толпу рабочих. Вот как описывал эти события один из очевидцев: «В начале августа рабочие, нанятые на портовые работы, предъявили требование о

повышении заработной платы. Управляющий трестом председатель гвинейской секции Национального союза — партии Салазара, может быть, для того, чтобы угодить своим политическим “боссам”, объявил выступление трудящихся политическим “мятежом”. Он сообщил об этом губернатору Пейшоту Корейя, требуя отправки вооруженных сил для наказания мятежников. Тотчас же прибыла полиция. Рабочие оказали сопротивление. Последовала резня. Затрещали автоматы, и трупы усеяли набережную и залив. Был убит 51 человек и многие ранены»⁷³. После подавления стачки по приказу губернатора были расстреляны еще 24 участника забастовки. В официальном коммюнике, опубликованном месяц спустя, португальское правительство подтверждало отсутствие права на забастовку в метрополии и «заморских провинциях».

Эти события заставили патриотов пересмотреть вопрос о тактике революционной борьбы. На подпольном совещании в Бисау 19 сентября 1959 г. было принято решение о подготовке к вооруженной борьбе. Выступая на совещании, Кабрал сказал: «Теперь мы решили покончить со всеми манифестациями в городах и готовиться к вооруженной борьбе против португальцев. Ибо мы видим, что, когда имеешь дело с португальскими колонизаторами и империализмом вообще, не может стоять вопрос, вести вооруженную борьбу или нет. Они всегда ведут вооруженную борьбу. Одно из двух: или только враг владеет оружием, а мы — нет, или, если мы не безумцы, мы возьмемся за оружие, чтобы самим атаковать их».

Была поставлена задача расширения фронта борьбы и состава его участников. На совещании было принято решение, сохраняя подпольные организации партии в городе, перенести основное внимание на работу среди крестьянства, сделав деревню базой длительной партизанской борьбы. Оценивая значение сентябрьского совещания 1959 г., Кабрал позднее отмечал: «Забастовки в июле — августе 1959 г., окончившиеся расстрелом в доке Пижигити, показали, что курс, которым до этого следовала партия, был ошибочным. Города оказались оплотом

⁷³ Цит. по: Хазанов А.М. Политика Португалии в Африке и Азии. М., 1967. С. 169.

колониализма, а массовые демонстрации и петиции были признаны не только неэффективными, но даже вредными, так как представляли собой легкую мишень во время репрессий карателей».

Руководство партии выдвинуло задачу начать широкую политическую работу среди населения, обратив особое внимание на преодоление межплеменной розни. Тогда же был сформулирован основной девиз организации — «Единство и борьба»⁷⁴. Уже в конце 1959 г. первые группы подпольщиков отправились на работу в деревню: организации партии были созданы среди гвинейских эмигрантов в Гвинейской Республике, Сенегале и Гамбии.

В 1960 г. А. Кабрал выехал в Тунис, где участвовал в создании Африканского революционного фронта за национальную независимость португальских колоний (ФРАИН), который был в 1961 г. заменен Конференцией националистических организаций португальских колоний (КОНКП).

После этих событий патриоты сделали последнюю попытку добиться своих целей мирным путем. В декабре 1960 г. в петиции и в октябре 1961 г. в послании португальскому народу, подписанных Кабралом, обращалось внимание на «стремление наших народов к национальной независимости, миру, прогрессу и мирному сотрудничеству со всеми народами, включая народ Португалии». В послании содержалось недвусмысленное предупреждение о возможных последствиях политики Салазара: «...если португальское правительство будет настаивать на отказе пересмотреть свою позицию, вопреки интересам нашего народа, ничто не сможет помешать нашей партии выполнить свою историческую миссию: развернуть борьбу за национальное освобождение, ответить насилием на насилие португальских колониалистских сил, и полностью ликвидировать колониальное господство в "португальской" Гвинее и на Островах Зеленого Мыса». Правительство Салазара ответило на это предупреждение кампанией массовых репрессий.

⁷⁴ Капский Э.В. Борьба Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК) за консолидацию патриотических сил // Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961—1973). М., 1975. С. 98—99.

Ход событий окончательно убедил патриотов в невозможности добиться освобождения страны мирными средствами. В связи с тем, что среди активистов ПАИГК появились оппортунистические элементы и даже предатели, в 1961 г. было принято решение о необходимости выезда руководителей партии в целях их безопасности за пределы Гвинеи-Бисау. В том же году Кабрал приехал в Конакри (Гвинейская Республика), где стал проводить большую организационную работу по подготовке кадров для предстоящего вооруженного восстания. Эта работа включала в себя общеобразовательную и политическую подготовку и военное обучение будущих бойцов ПАИГК.

В Конакри была открыта школа для подготовки активистов и политкомиссаров партии. В связи с острой нехваткой преподавательских кадров Кабрал сам вел в этой школе занятия сразу по нескольким предметам: истории, географии страны, политэкономии, философии и др. Организовывались дискуссии о колониальной системе, положении народа Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса, политических событиях в других странах мира, тактике проведения политработы среди населения и т.п. Одновременно в этой школе обучали неграмотных и предоставляли стипендии для получения высшего, среднего и специального образования в социалистических странах⁷⁵.

Через эту школу А. Кабрала прошло большинство тех, кто позже занял руководящее положение в ПАИГК: Освальдо — командующий Северным, а затем Восточным фронтом, Отто Шахт — до 1960 г. телеграфист, а затем один из видных деятелей партии и т.д.

А. Кана, прошедший школу Кабрала в Конакри, вспоминал: «Конечно, были трудности. Некоторые крестьяне говорили, что имеют неприятности по нашей вине, что, если бы мы успокоились, они могли бы жить мирно, платить свои налоги. Кабрал разъяснял, что не следует думать, что, как только мы побеседуем с крестьянами о независимости, они тотчас поднимутся на борьбу. «Крестьяне нам не доверяют. Поэтому для встречи с мандинго вы должны одеться как мандинго, а для встречи с баланте — как баланте. Вы должны замечать агентов португальцев, которые могут вас выдать. После того как вы проведете

⁷⁵ Из бесед автора с членами ПАИГК — бывшими учащимися школы.

беседу в деревне, уходите оттуда и ночуйте в лесу... Со временем сочувствующие партии придут из деревни и лес и принесут вам пищу. Позже вы сможете проводить деревенские митинги в лесу: беседуйте с крестьянами, рассказывайте им о борьбе, просите их о поддержке... Мало-помалу вы должны найти с помощью определенных лиц путь к завоеванию нейтралов и сомневающихся, и вы убедитесь, что они не причинят вам зла". Эта мобилизация была гораздо труднее, чем сама война»⁷⁶. Всего за несколько лет, предшествующих началу вооруженной борьбы, около тысячи активистов ПАИГК прошли в Конакри политическое и военное обучение.

В то же время руководство ПАИГК проводило большую работу, добиваясь международной поддержки национально-освободительного движения. С этой целью оно установило контакты с социалистическими странами и коммунистическими партиями ряда капиталистических стран, африканскими странами, со многими прогрессивными организациями. ПАИГК направляла своих представителей на международные конференции, разоблачая португальский колониализм и добиваясь политической, моральной и материальной поддержки. Она развернула активную работу по созданию ячеек партии по всей стране, по привлечению на свою сторону крестьянства и мобилизации трудящихся масс на вооруженную борьбу за независимость. На первом этапе своей деятельности ПАИГК столкнулась с большими трудностями.

В связи с сохранением общинно-родовых институтов и низким уровнем грамотности широких масс крестьянства агитационная работа ПАИГК не всегда давала быстрый и желаемый эффект. Многие племена, особенно фула и мандинго, элита которых была тесно связана с колониальной администрацией, часто враждебно встречали агитаторов партии и даже выдавали некоторых из них колониальным властям.

3 августа 1961 г. ПАИГК приняла решение перейти к «прямому действию». Решение о переходе к «прямому действию» было обусловлено рядом факторов внутреннего и международного характера.

⁷⁶ Davidson B. The Liberation of Guiné. Aspects of an African Revolution. Harmondsworth, 1969. P. 55.

С одной стороны, ПАИГК считала необходимым реагировать и ответить на усиление и ужесточение полицейских репрессий в стране. С другой стороны, в феврале 1961 г. в Анголе МПЛА начало открытую вооруженную борьбу против португальского колониализма. Переход к «прямому действию» был, таким образом, и эффективным и скоординированным актом солидарности в отношении МПЛА, отвечающим стратегической необходимости рассредоточить вооруженные силы общего врага, с тем чтобы облегчить борьбу за независимость в обеих странах.

Были начаты акции саботажа, которые должны были, по словам А. Перейры, расстроить колониальную структуру, парализовать эксплуатацию огромных зон страны. Саботаж в отношении путей сообщения должен был, по расчетам руководства ПАИГК, изолировать столицу от остальной страны. Неповиновение народных масс колониальным властям (отказ платить налоги) и нападения на вражеских солдат, офицеров и полицию должны были деморализовать колониальную армию и создать условия, благоприятные для начала вооруженной борьбы. Параллельно ПАИГК активно занялась обучением бойцов и подготовкой необходимых материальных средств для борьбы против колониальной армии.

С 15 по 30 августа 1962 г. в Конакри под председательством Кабрала была проведена конференция руководящих кадров ПАИГК, на которой были приняты устав и программа партии. Согласно уставу, ПАИГК стала «Политической организацией народов "португальской" Гвинеи и Островов Зеленого Мыса». Устав определил членство, структуру, руководящие принципы партии. По уставу членами ПАИГК могли быть жители Гвинеи и островов «в возрасте старше 15 лет, которые принимают устав, приносят клятву верности партии и регулярно платят членские взносы». Руководящим принципом партия считала демократический централизм, а главной своей целью — достижение независимости.

Программа-минимум ПАИГК предусматривала завоевание политической независимости. Партия видела путь к достижению этой цели в объединении всего народа в борьбе против колониализма. Она выступала за союз с другими патриотическими силами португальских

колоний, за «сотрудничество с африканскими, азиатскими и латиноамериканскими народами, ведущими борьбу против колониализма и империализма».

Программа-максимум ПАИГК представляла собой намеченный партией план создания независимого государства-«государства единой нации на основе прочного Союза и братского сотрудничества между гвинейцами и населением Островов Зеленого Мыса». Программа предусматривала существование разных видов собственности в будущем государстве. Природные богатства, основные средства производства, связь и социальное обеспечение, радио и другие каналы массовой информации и культуры предполагалось объявить собственностью государства. В конце 1961 г. политические комиссары ПАИГК начали выступать на массовых митингах с призывом к крестьянам взяться за оружие. Многие крестьяне откликнулись на этот призыв. Тщательно подготовленная ПАИГК вооруженная борьба была начата в ночь на 1 июля 1962 г. в районе, населенном народом баланте.

Начало конца португальской колониальной империи

Восстание явилось неожиданностью для португальцев, которые разместили свои войска вдоль границ с Гвинейской Республикой и Сенегалом, считая, что оттуда может произойти вторжение партизан. Незадолго до начала военных действий Кабрал писал: «Мы развертываем вооруженную борьбу в центре нашей страны и принимаем стратегию, которую можно назвать центрифугой, то есть действующей от центра к периферии». Уже через полгода португальские власти вынуждены были признать, что повстанцы освободили 15% территории Гвинеи.

Вооруженная борьба гвинейского народа прошла несколько фаз: первая фаза — с июля 1962 до февраля 1964 г., вторая — с февраля 1964 и до конца 1966 г., третья — 1967—1970 гг., четвертая — 1970—1974 гг.

На первой фазе партизаны ПАИГК вели боевые действия на юге и в центре страны (районы Буба-Кинара, Томбали). Малочисленность дорог, наличие большого количества рек, окаймленных мангровыми лесами, облегчали действия партизан, которые имели возможность питаться благодаря рисовым полям, возделываемым крестьянами-баланте. На этой фазе ПАИГК ставила перед собой следующие задачи: в экономическом плане — заставить предпринимателей снизить производство арахиса, предназначенного для экспорта, увеличить производство риса, предназначенного для потребления населением. В политическом плане — создать военные базы в лесу, а не в деревнях, чтобы не вызывать систематических репрессий против крестьян и в то же время продолжать вести среди них разъяснительную работу. В военном плане — беспрерывно беспокоить противника, чтобы он постоянно ощущал опасность, деморализующую его.

Первая фаза борьбы была исключительно тяжелой и стоила ПАИГК огромных жертв и усилий. Португальские власти ответили на партизанские рейды патриотов жестокими репрессиями.

Только в конце июля 1962 г., накануне третьей годовщины бойни в Пижигити, тайная полиция арестовала в Бисау 2000 человек. В столице было объявлено осадное положение. Однако партия не только устояла, но и окрепла в ходе первых сражений с колонизаторами. В августе — сентябре 1962 г. в Конакри была проведена Конференция кадров ПАИГК, которая приняла решение продолжать и усиливать вооруженную борьбу, чего бы это ни стоило. В январе 1963 г. на юге страны были развернуты широкие военные действия партизан ПАИГК. Этот факт вызвал переполох в португальском генштабе. Министр обороны генерал Гомец ди Араужу заявил: «Многочисленные и хорошо вооруженные группы... проникли на территорию Гвинеи в зоне, составляющей 15% ее территории».

В 1963 г. отряды ПАИГК во главе с Освальдо открыли новый фронт на севере. Вторая фаза началась, когда 13—14 февраля 1964 г. на юге страны в Касака был нелегально проведен I съезд партии.

Съезд констатировал потерю духа инициативы и решительности, характерных для первой фазы, и подверг суровой критике недостатки в деятельности партии. Особенно опасными были признаны тенденция

отдавать предпочтение военным действиям в ущерб политическим и злоупотребление властью. Последнее обстоятельство проявлялось в том, что многие ответственные работники ПАИГК пытались заменить местных вождей, переняв у них атрибуты власти, в том числе гриотизм (то есть требование, чтобы их прославляли), слепое повиновение и раболепство рядовых бойцов и т.п. Он принял решение о реорганизации партии, вооруженных сил и гражданской администрации освобожденных районов.

В целях централизации управления и руководства военными действиями съезд решил разделить всю страну на районы и зоны. Партия приняла новую структуру. Во главе ее стоял ЦК из 25 членов. ЦК состоял из следующих отделов: политических действий; вооруженных сил; иностранных дел; политического контроля над вооруженными силами и партийным аппаратом; секретариата по вопросам обучения политработников, информации и пропаганды; безопасности; экономики и финансов; развития и координации парторганизации среди народных масс.

ЦК избирал из своей среды политбюро из 15 членов и 5 кандидатов, которые в свою очередь избирали Исполком из 7 членов: А. Кабрал (генеральный секретарь), А. Перейра, Луис Кабрал, Освальдо Виейра, Бернардо Виейра (Нино) и еще двое. Средний возраст членов Исполкома в то время был 31 год.

Эта структура в дальнейшем претерпела изменения. В 1967 г. число отделов ЦК было сокращено до пяти, причем за каждый из них стали отвечать член Исполкома и член политбюро. На съезде было принято решение выйти за рамки «чисто партизанской военной организации» и включить лучших бойцов мелких партизанских отрядов в новые регулярные военные формирования. В них добровольно записалось около 2000 бойцов.

Таким образом, в 1965 г. партизанские отряды ПАИГК были реорганизованы в ФАРП (Forças Armadas Revolucionárias Populares) — регулярную армию, действовавшую на трех фронтах: Юг, Север и Восток.

Эта армия, в отличие от прежних партизанских отрядов, локализованных в определенной местности, была мобильной и действовала по

всей территории страны. В одной из бесед с английским публицистом Б. Дэвидсоном Кабрал рассказывал: «Прежде всего... мы освободили Южный и небольшую часть Северо-Центрального района страны. Потом в 1964 г. мы стали говорить нашим бойцам — партизанам на юге, что пришло время двигаться в восточную часть страны. Мы объясняли, что в противном случае, если борьба будет вестись лишь на юге и севере, португальцы смогут сконцентрировать там свои силы и уничтожить нас. Но оказалось, что наши бойцы держались иного мнения. "Мы освободили свою страну, — отвечали они нам. — Теперь пусть другие (на востоке) освобождают свою. Почему баланте должны идти помогать освобождать фула? Пусть фула сами делают свою работу". Мы не форсировали этот вопрос, ждали, пока португальцы, как мы и предсказывали, не удвоили свои атаки на юге. Тогда мы снова привели свои аргументы. Это потребовало много времени, но зато мы смогли создать регулярную армию, не прикованную подобно партизанам к родным местам. Мы заявили бойцам: "Вы можете выбирать себе униформу, оружие, боевые припасы и т.д., но каждый пойдет туда, куда его пошлют"».

Сохранилось назначение комиссаров во все боевые подразделения. Вскоре появилась народная милиция, предназначенная для охраны гражданского населения и поддержания общественного порядка в освобожденных районах. Был создан Высший военный совет, назначены зональные и межзональные командующие. Съезд указал на необходимость уделить особое внимание работе партии с массами, организовав для этого разветвленный пропагандистский аппарат. В то же время было принято решение о расширении связи с массами путем демократизации местных органов администрации в освобожденных районах. В избрании местных комитетов ПАИГК стали участвовать все жители деревень, что позволило превратить эти органы в народные комитеты — главную опору партии в деревне. К 1967 г. такие комитеты были созданы практически во всех деревнях в освобожденных районах, составлявших около половины всей сельской зоны Гвинеи.

Народные комитеты стали ключевым элементом административной структуры освобожденных зон, обеспечившим превращение большинства крестьянства в прочную социальную базу ПАИГК. Верховный

политический комиссар Севера Чико рассказывал: «В каждой деревне в освобожденной Гвинее мы позаботились о выборах комитета. Мы называем его “комитет табанки” (табанка — по-креольски “деревня”. — А.Х.). Он состоит из троих мужчин и двух женщин и выбирается на деревенском митинге. Мы объяснили, как должен быть организован такой комитет, какие вопросы он должен решать и, разумеется, цели партии. Обычно выбирали молодежь. Старикам не всегда нравилось, что молодежь занимала их место в управлении делами деревни».

Португальские колонизаторы попытались создать раскольнические организации и группы, чтобы привлечь на свою сторону часть африканского населения и тем самым торпедировать единый революционный фронт народа, возглавляемый ПАИГК.

В 1960 г. лица, тесно связанные с ПИДЕ, сколотили главным образом из числа беженцев раскольнические организации под названием Освободительное движение Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (МЛГК). Таких организаций было три: две — в Сенегале (в Дакаре и Зигиншоре) и одна — в Гвинее (Конакри). ПАИГК вначале выступила за объединение с этими организациями и за создание единого антиколониального фронта. Ей удалось даже созвать в июле 1964 г. конференцию в Дакаре с целью объединения, на которой был создан Единый фронт освобождения Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ФУЛ). Но лидеры МЛГК решительно воспротивились объединению с ПАИГК и сорвали осуществление решений конференции.

В 1963 г. появился так называемый Союз населения «португальской» Гвинеи (УНГП), основанный при содействии ПИДЕ с целью ослабить национально-освободительное движение. Президентом УНГП был избран Б. Пинто Булл. Программа УНГП предусматривала достижение независимости страны без революции, путем мирной договоренности с португальским правительством. В июле 1963 г. Б. Пинто Булл вел переговоры в Лиссабоне о проведении реформ в Гвинее-Бисау. Действительной целью переговоров было стремление подорвать влияние ПАИГК и посеять среди населения колонии иллюзии о возможности мирного пути завоевания независимости. После того как ПАИГК разоблачила связи УНГП с ПИДЕ и ЦРУ, эта организация была окончательно дискредитирована.

В 1963 г. появилась на свет другая раскольническая организация — Фронт борьбы за национальную независимость Гвинеи (ФЛИНГ), в которую вошли УНГП, Фронт освобождения Гвинеи (ФЛГ) и другие мелкие группы.

С самого начала руководство этой организации имело тесные связи с ПИДЕ и ЦРУ и ставило своей задачей осуществление раскола национально-освободительного движения и создание трудностей на пути развертывания борьбы ПАИГК за освобождение колонии. Многие руководители и члены ФЛИНГ были открыто враждебны к зеленомысцам и часто вспоминали о роли зеленомысских торговцев в период работорговли и зеленомысских администраторов при колониализме. В 1966 г. президентом ФЛИНГ стал Ж. Пинто Булл. После этого организация начала тесно сотрудничать с колониальными властями. В 1963—1967 гг. ОАЕ пыталась добиться объединения ПАИГК и ФЛИНГ. Особенно большую активность в этом вопросе проявил президент Сенегала Л. Сенгор. С 1967 г. он стал признавать ПАИГК в качестве подлинного представителя народа Гвинеи-Бисау, но сенегальская поддержка ФЛИНГ продолжалась до 1970 г. По мере того как росли успехи ПАИГК, ФЛИНГ активизировал военные и подрывные действия против нее и был причастен к убийству Кабрала. В 1973 г. генеральным секретарем Фронта стал Домингуш Жозеф да Силва. В мае 1974 г. ФЛИНГ организовал беспорядки в Бисау, Болама и Бафата. Организация была дискредитирована и разоблачена как агентура колонизаторов. В апреле 1976 г. многие члены ФЛИНГ были арестованы правительством Гвинеи-Бисау. Штаб-квартира ФЛИНГ находилась в Дакаре (Сенегал).

Изучив вопрос о роли различных организаций в освободительном движении Гвинеи-Бисау, Комитет освобождения ОАЕ на сессии в Дакаре в июле 1969 г. принял решение, гласящее, что единственным представителем народа этой страны следует считать ПАИГК. Такое же решение принял в 1972 г. и Комитет по деколонизации ООН. В резолюции, принятой 13 апреля после доклада специальной миссии Комитета, выезжавшей в Гвинею-Бисау, подчеркивалось, что он признает ПАИГК «единственным и подлинным представителем народа этой территории и просит все государства и специализированные

учреждения, а также другие организации в системе ООН принять это во внимание при рассмотрении вопросов, касающихся Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса».

Резолюция, принятая Комитетом по деколонизации ООН, требовала, чтобы все государства и учреждения ООН предоставляли народу Гвинеи-Бисау через ПАИГК «моральную и материальную помощь, необходимую для продолжения его борьбы за восстановление его неотъемлемого права на самоопределение и независимость».

Несмотря на все трудности, национально-освободительная борьба в Гвинее-Бисау достигла выдающихся успехов. К концу 1973 г. регулярные воинские части ПАИГК держали под своим эффективным контролем три четверти территории страны, или около 30 000 кв. км.

В освобожденных районах строилась новая жизнь. Под руководством ПАИГК постепенно внедрялось на различных уровнях — от села до округа — самоуправление на демократических началах. В местных партийных организациях были созданы специальные комитеты по социальным вопросам. Во всех освобожденных районах была полностью ликвидирована португальская колониальная администрация, и народ сам выбирал свои местные органы власти.

Особое внимание ПАИГК уделяла вопросу увеличения сельскохозяйственного производства во всех освобожденных районах, особенно культуре риса. ПАИГК выдвинула в качестве первоочередной задачи увеличение промышленного производства и повышение производительности труда. Руководители созданной в освобожденной зоне профсоюзной организации (УНТГ) были ответственны перед партией за выполнение этой задачи.

По решению органов народной власти был ликвидирован и лишен концессий ряд колониальных компаний, в том числе «Сосьете коммерсиэл д'Отр мор», действовавшая в южных районах страны. Организовывалась внутренняя торговля, открылись народные магазины для закупки продуктов сельского хозяйства и снабжения населения товарами первой необходимости. Были созданы больницы для раненых бойцов и для местного населения. Принимались профилактические меры по предупреждению эпидемических заболеваний и осуществлялось обучение среднего медицинского персонала.

ПАИГК с самого начала выдвинула в качестве одной из первоочередных задач ликвидацию неграмотности и подготовку национальных кадров. Основу системы образования составляли деревенские школы, созданные во всех освобожденных зонах. В этих зонах уже к 1965 г. было свыше 13 000 школьников. Как пишут французские авторы, специально изучавшие этот вопрос, «строительство этих школ являло собой пример богатого воображения и адаптации к реалиям страны и ситуации. Это были примитивные сооружения из бамбука, покрытые пальмовыми листьями, спрятанные в густых джунглях вдали от деревень, которые часто бывали мишенями для бомбежек. В случае тревоги их можно было быстро эвакуировать, а в случае бомбежки — легко и быстро восстановить».

Срок обучения в большинстве таких школ был всего лишь два года. В конце обучения учителя отбирали лучших школьников, которые продолжали образование в интернатах, где они учились еще два года. Главная причина столь коротких сроков обучения — нехватка квалифицированных преподавателей. Молодых людей, окончивших интернаты, ПАИГК направляла на работу в деревенские школы. По данным этой организации, в 1971—1972 гг. было 164 начальные школы (деревенские и интернаты), 258 учителей, 14 531 ученик. В 1971 г. открылось еще 4 интерната, в каждом из которых обучалось около 70 мальчиков и девочек. В первую очередь в эти интернаты принимали сирот и детей бойцов ПАИГК. С 1969 по 1971 г. 76 учащихся средних школ обучались за границей — в Зигиншоре (Сенегал) и Конакри. Средняя школа в Конакри была открыта в 1965 г. Это был центр, где учащимися стали сироты и дети бойцов. 36 гвинейцев были направлены ПАИГК за границу для получения высшего образования. 386 человек получили техническую специализацию.

Первой страной, предложившей помощь ПАИГК по части подготовки кадров, был Советский Союз. Многие гвинейские юноши и девушки получили образование в СССР и других социалистических странах.

Не все гвинейцы охотно посылали своих детей в школы. С наибольшим сопротивлением обучению детей (особенно девочек) ПАИГК пришлось столкнуться в районах с мусульманским населением.

Родители не хотели отдавать девочек в школы, опасаясь, что это подорвет в их глазах родительский авторитет, особенно в вопросах, связанных с традиционными брачными обычаями. В результате в 1972 г. из 14 500 учащихся было менее 4000 девочек.

В целом в области образования на освобожденных территориях ПАИГК добилась значительных успехов.

В тот период она проводила большую политическую работу среди населения освобожденных зон, несмотря на многочисленные трудности, которые были связаны прежде всего с противоречиями, порождавшимися патриархальными родоплеменными отношениями. Эти трудности проявлялись уже в фазе политической мобилизации населения, так как многие племенные вожди были заодно с колонизаторами. Они проявились и позже, когда многие местные партийные руководители обнаружили авторитарные тенденции. Партия проводила большую работу по устранению межэтнической вражды между фула и анимистскими племенами. Как писал французский журналист Г. Шальян, «в ходе войны благодаря разъяснительной работе магические и религиозные факторы потеряли свое значение. Главное противоречие составляет низкий уровень производительных сил и сопутствующие ему неграмотность, очень медленный ритм работы — продукт отношений африканца с природой. В этой области, как и в модификации социальных структур, вооруженная борьба была важнейшим стимулятором и ускорителем в той мере, в какой партия дополняла эту борьбу политической работой».

Военные и политические успехи ПАИГК не на шутку встревожили лиссабонскую клику. Португальское правительство бросило в Гвинею 10-тысячную армию. Колонизаторы сжигали дотла целые деревни, расстреливали беззащитное население. В апреле 1964 г. португальцы начали крупное контрнаступление. Они атаковали Комо, который занимал важное стратегическое положение на юге страны.

Этот остров был первым клочком гвинейской земли, освобожденным патриотами. Поэтому его отвоевание стало с начала 1964 г. едва ли не главной задачей в военных и политических планах Лиссабона. Для проведения операции были брошены крупные силы — авиация, флот и 3000 хорошо вооруженных солдат, из которых 2000 имели

опыт войны в Анголе. Португальский генеральный штаб на время этой операции перебрался из Лиссабона в Бисау. Штурм острова продолжался 75 дней. Проявив высочайший героизм и самопожертвование, патриоты отбросили врага. Португальцы потеряли убитыми не менее 650 солдат и офицеров.

Число бойцов ПАИГК, а также их легкое и тяжелое вооружение непрерывно увеличивались. В 1965 г. освобожденные районы составили половину страны. Согласно коммюнике ПАИГК от 4 августа 1965 г., было выведено из строя 1500 португальских военнослужащих, сбито 3 самолета, уничтожено много другой военной техники.

Между тем контингент португальских войск был увеличен с 10 до 25 000. В Анголе на территории в 30 раз большей они были многочисленнее лишь в 3 раза. Лиссабон сменил пять начальников генштаба в Гвинее, но они так и не сумели изменить ситуацию.

1966 год характеризовался интенсификацией военных действий. Бойцы ПАИГК атаковали португальские гарнизоны, казармы и военные лагеря. Был открыт новый (третий по счету) фронт на востоке страны. ПАИГК разделила Гвинею на два региона — Север и Юг. Север составлял 60% территории страны и занимал 20 000 кв. км, Юг — 40% и 13 000 кв. км.

В мае 1968 г. на пост главнокомандующего португальскими войсками в Гвинее был назначен генерал Спинола. Вначале он противился этому назначению, считая, что война в Гвинее уже проиграна. В разговоре с Салазаром он употребил метафору, ставшую крылатой в португальской армии, — сравнил партизан с блохой, то и дело кусающей человека, пытающегося уснуть в стог сена. «Блоха достигает своей цели, — указал он, — не дать вам уснуть. Но вы не можете достичь вашей — найти блоху. Вообразите теперь, что это продолжается целую неделю, — вы умрете от истощения». В конечном счете был достигнут компромисс, и Спинола отправился в Гвинею на полгода, после чего вернулся в Лиссабон. К тому времени на политической авансцене Португалии произошли значительные перемены. Разбитый параличом диктатор Салазар уступил место М. Каэтану.

Встретившись с новым премьер-министром, Спинола высказал ему свои соображения о необходимости радикального изменения военной

стратегии, настаивая на переходе от обычной войны к войне «за умы и сердца» африканцев. Спинола ратовал за политическое решение колониальной проблемы в такой форме и такими методами, которые помешали бы процессу деколонизации африканских территорий.

Получив благословение Каэтану на реализацию своих идей, Спинола вернулся в Бисау. Избрав своим девизом слова «За лучшую Гвинею», он приступил к осуществлению плана привлечения населения на сторону португальских властей, чтобы лишить национально-освободительное движение социальной базы.

Важное место в этом плане было уделено психологическим методам, которые, по свидетельству работавшего тогда в штабе Спинолы О.С. ди Карвалью, «считались весьма полезными и направленными на сохранение под нашим контролем населения, включив его в движение “За лучшую Гвинею, через акции социальной справедливости и содействие социально-экономическому развитию”». В соответствии с новым планом по приказу министерства национальной обороны командующим тремя родами войск была направлена директива, предписывающая уделять первостепенное внимание кампании пропаганды и контрпропаганды.

В ходе этой кампании предлагалось использовать и конкретизировать следующие главные идеи: «Португалия — многоконтинентальная и многорасовая страна»; «Справедливость, порядок и социальный мир»; «Образование, труд и прогресс»; «Корпоративное государство как политическое решение для достижения максимального производства и общественного благосостояния».

По приказу Спинолы началось строительство школ, больниц, дорог, причем для строительных работ часто использовались португальские войска. Крестьянам начали оказывать помощь в выращивании риса.

Генерал с моноклем, в коричневых перчатках и со стеклом, несмотря на изнуряющую тропическую жару, то и дело выходил из своего вертолета то в одном, то в другом районе страны, часто выступал с речами, заботясь о том, чтобы они были напечатаны в газетах. Он удалил из армии всех разжиревших и обленившихся офицеров, а тех колониальных чиновников, которые осмеливались ему возражать, отправлял ближайшим рейсом самолета в Лиссабон. Власти обещали предоставить самоуправление отдельным племенам.

В августе 1970 г. по инициативе Спинолы в Бисау открылся съезд этнических групп, на который были приглашены вожди и старейшины фула и мандинго. На съезде португальские власти попытались примирить элиты этих враждовавших друг с другом этносов, объединив их под своим «покровительством». В 1971 и 1973 гг. были проведены «съезды народа Гвинеи», куда съехались вожди всех этнических групп. По утверждениям португальских властей, 500 делегатов каждого из этих съездов представляли 500-тысячное население колонии (1 делегат от каждой тысячи жителей).

Точную оценку этих съездов дал в своих мемуарах О.С. ди Карвалью: «Их участники представляли лишь гвинейское население, жившее “под сенью красно-зеленого флага”, точнее, элементы, пользовавшиеся доверием португальских властей. Разделение по этносам на заключительной фазе съездов увековечивало разделение гвинейцев в соответствии со старым и действенным девизом диктаторских правителей “разделяй и властвуй!” Съезды эти... имели лишь совещательные функции. Напрашивается мысль о явно демагогическом характере всей этой “психологической операции”, которая должна была заставить туземца думать, что “он был кем-то”».

Далеко не все племенные вожди соглашались сотрудничать с колонизаторами. Так, влиятельный вождь фула хаджи Закариас Жау, проживший 7 лет в Мекке, выступая в Бафата перед многочисленной аудиторией, заявил: «Война в Гвинее кончится лишь тогда, когда белые вернутся на свою землю».

Демагогическими заявлениями и жестами Спинола рассчитывал завоевать «умы и сердца» гвинейцев. «Если бы в Гвинее был проведен плебисцит, я бы наверняка одержал победу, — хвастливо утверждал он. — Нет такого африканского лидера, который бы сделал так же много для своего народа». Он потребовал даже для себя место в ОАЕ, чтобы «защищать интересы народа Гвинеи», носился с идеей создания федерации португалоязычных стран — Бразилии, Португалии и ее заморских владений.

Все эти меры, по мнению Спинолы, должны были убедить население колонии, что, поддерживая программу «За лучшую Гвинею», оно может добиться больших результатов, чем путем вооруженной

борьбы. Значительное внимание уделял Спинола и военным аспектам ситуации в Гвинее. Он создал вооруженные отряды из наемников-африканцев (22 000 человек), посылая их сражаться в районы с другим этническим составом населения. По приказу Спинолы на границе Гвинеи-Бисау и Гвинейской Республики была создана линия укреплений, призванная помешать снабжению народно-освободительной армии необходимыми материалами⁷⁷.

Когда Спинола вернулся в Лиссабон в 1972 г., Каэтану наградили его высшим португальским орденом.

В своих мемуарах М. Каэтану вспоминал: «У меня были отличные отношения с генералом, который открыто называл себя “марселистом” (то есть верным сторонником Марселу Каэтану. — А.Х.), до того дня, когда в моем доме произошел разговор, сыгравший большую роль в нашей судьбе»⁷⁸. Как пишет Каэтану, Сенгор сообщил ему, что хочет быть посредником между португальским правительством и ПАИГК.

В середине 1972 г. состоялась встреча Сенгора и Спинолы в пограничном сенегальском селении. Спинола вылетел затем в Лиссабон, чтобы информировать об этом Каэтану. Он сообщил, что Сенгор предложил организовать встречу Спинолы и Кабрала для переговоров об условиях прекращения огня. «Я заметил генералу, — вспоминает Каэтану, — что сестя за стол переговоров с А. Кабралом, который был не обычным партизанским вождем, а человеком, представлявшим все антипортугальское движение и пользовавшимся поддержкой ООН, ОАЕ, всей мировой прессы, означало бы официально признать возглавляемую им партию как воюющую сторону и признать, что она владеет значительной территорией». Настаивая на продолжении войны, Каэтану заявил: с точки зрения глобальной защиты заморских территорий лучше уйти из Гвинеи с честью после военного поражения, чем после соглашения, заключенного с террористами, открыв тем самым путь к другим переговорам. «Неужели ваше превосходительство предпочитает военное поражение в Гвинее?» — воскликнул возмущенный генерал. «Армии существуют для войны и должны драться за побе-

⁷⁷ См.: *Игнатъев О.* Амилкар Кабрал — сын Африки. М., 1975. С. 142.

⁷⁸ *Caetano M. Depoimento.* Rio de Janeiro, São Paulo, 1974. P. 189.

ду, — ответил Каэтану, — но силен не тот, кто побеждает. Если португальская армия будет разбита в Гвинее после того, как сделает все от нее зависящее, это поражение не повлияет на юридические и политические возможности продолжать защищать остальные заморские территории». Генерал Спинола не согласился с мнением Каэтану и вернулся в Гвинею, открыто выразив свое недовольство правительством. По словам Каэтану, в армии начались разговоры о том, что военные держат в руках ключ к решению проблемы Гвиней, «но слепота лиссабонских политиков мешает прогрессу, что если война продолжается, то только по вине правительства». В такой атмосфере оскорбленный в лучших чувствах генерал Спинола начал писать книгу «Португалия и будущее». «Общие друзья говорили мне, однако, — отмечал Каэтану, — что он не опубликует эту книгу без моего ведома». Вскоре Каэтану принял решение назначить Спинолу заместителем начальника генерального штаба вооруженных сил Португалии. Вот как описывал экс-премьер-министр эти события: «В тот день, когда генерал Спинола занял этот пост, он нанес мне визит, чтобы приветствовать и поблагодарить меня. Но он был огорчен тем, что министр обороны не захотел, чтобы церемонию вступления в должность транслировали по телевидению и чтобы на ней присутствовали молодые офицеры... Я объяснил ему, что существуют общие правила, предписывающие, чтобы церемонии вступления в должность были скромными и с минимумом гласности... Тогда он объявил о публикации в ближайшие дни своей книги».

В конце 60-х — начале 70-х гг. в Гвинею-Бисау прибывали все новые контингенты португальских войск, так что их общая численность достигла к началу 1971 г. 35 000 человек. Чтобы создать в колонии социальный «буфер» из прослойки белых поселенцев и тем самым воспрепятствовать разворачиванию борьбы африканцев за освобождение, португальское правительство приступило к реализации плана переселения в Гвинею-Бисау и на Острова Зеленого Мыса тысяч колонистов. Напуганные угрозой военного поражения в Гвинее, колонизаторы не останавливались перед самыми зверскими репрессиями.

Как сообщило руководство ПАИГК, только в январе 1971 г. в результате варварских налетов португальской авиации на районы Кубис-

сек, Кабукаре и Балана бомбами и напалмом было уничтожено 28 деревьев, а множество других было разрушено частично. Во время этих налетов имелись убитые и раненые, большинство из них — старики, женщины и дети⁷⁹.

Миссия ООН, посетившая Гвинею-Бисау, констатировала: «Миссия... была свидетелем зверств, совершаемых португальскими войсками. Деревни сожжены, а посевы и скот погублены в результате... воздушных налетов; постоянно совершаются разведывательные полеты; неразорвавшиеся бомбы большой мощности, сбрасываемые современными самолетами, лежат на полях. В этой связи следует напомнить, что Португалия — отсталая страна, которая не производит даже игрушечные самолеты»⁸⁰.

Португальская авиация бомбила пограничные районы Сенегала и Гвинеи (Конакри) под предлогом, что там имелись «базы» ПАИГК.

22 ноября 1970 г. весь мир был потрясен известием о преступном акте вооруженной агрессии Португалии против Гвинейской Республики. С территории Гвинеи-Бисау был направлен морской десант, который совершил нападение на столицу Гвинейской Республики Конакри. В ее территориальные воды вошли португальские военные корабли, десантные суда, а также подводная лодка. Вооруженное нападение было осуществлено силами европейских и африканских наемников, которые прошли специальную военно-диверсионную подготовку на острове Сога в архипелаге Бижагуш. Вся операция, имевшая своей целью свержение гвинейского правительства, была заранее спланирована и тщательно подготовлена с расчетом на поддержку реакционных элементов внутри страны. Спинола лично инструктировал португальских офицеров, а у одного из них — майора Леала де Алмейды, отказавшегося участвовать в провокации, в ярости сорвал с плеч погоны.

В операции приняли участие главным образом выходцы из Гвинеи, предавшие свою родину, а также иностранные наемники и 150 солдат и офицеров регулярной португальской армии. Все бандиты были

⁷⁹ Акимов В. Гвинея (Бисау). Полевая почта. М., 1973.

⁸⁰ Миссия в Гвинею (Бисау). ООН. Нью-Йорк, 1972. С. 5.

снабжены новейшим стрелковым оружием, гранатами, переносными крупнокалиберными пулеметами, радиопередатчиками.

Каждая из боевых групп имела задание захватить определенный стратегический пункт в городе: аэропорт, радиостанцию, телеграф, попытаться арестовать президента. Они приблизились к Конакри ночью в резиновых лодках. Одетые в форму партизан ПАИГК, они рассчитывали на внезапность и замешательство противника. Лиссабон всячески пытался скрыть свое участие в этой акции. Некоторые португальские солдаты и офицеры даже загримировались под африканцев. Но неопровержимые факты, выявленные позднее в ходе судебных процессов над наемниками в Гвинее, доказали, что Лиссабон был вдохновителем бандитского нападения на независимую африканскую страну.

В обращении правительства Гвинейской Республики в связи с этим говорилось: «Генерал Спинала уже через несколько часов после нападения на наши военные лагеря объявил, что “заключенные воспользовались смятением, царящим в Конакри, чтобы бежать. Они прибыли в Бисау и просят убежища. Их вопрос изучается”. Браво, генерал! Вы достойный ученик Гитлера! Каким образом кто-либо бежавший из тюрьмы в Конакри, “воспользовавшись смятением”, мог за несколько часов достичь Бисау без помощи португальских фашистских властей?» Португальские фашисты были полностью изобличены как организаторы агрессии в ходе допросов захваченных в плен наемников. Так, один из них, Камара Мамуду, показал: «После обучения нас погрузили на шесть португальских военных судов, и мы направились к Конакри... На каждом судне было не менее пяти белых португальцев... Португальских наемников называли “командосы”, а нам, гвинейцам, дали название “Фронт освобождения Гвинее”».

Провокация, организованная португальскими фашистами против Гвинейской Республики, окончилась полным крахом. Гвинейский народ поднялся на защиту своих завоеваний и дал достойный отпор интервентам. В своем обращении «К членам организации государств бассейна реки Сенегал, к африканским странам и прогрессивному человечеству» Секу Туре заявил, что агрессия была направлена не только против свободы и независимости Гвинейской Республики, но и против всей Африки. Португальские агрессоры намеревались свер-

гнуть существующий строй, рассчитывая при этом, что Гвинея останется в изоляции и африканские страны не окажут ей помощи в отражении агрессии. Однако, подчеркнул Секу Туре, большинство стран континента поддержало борьбу гвинейского народа. 24 ноября 1970 г. Советское правительство сделало заявление, в котором, в частности, говорилось: «Какими бы фальшивыми заявлениями португальские колонизаторы ни прикрывали свои действия, речь идет об откровенной попытке расправиться с прогрессивным режимом в Гвинее, нанести удар по национально-освободительному движению в Африке. Налицо колониальный разбой, международный бандитизм, к которому прибегают и ныне империалисты в различных районах мира против народов, борющихся за свободу и социальный прогресс... Советское правительство решительно осуждает преступные действия интервентов и их покровителей — действия, которые являются вызовом африканским государствам, всем народам, борющимся за национальную независимость».

2 декабря 1970 г. Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора опубликовало заявление, в котором указывалось: «Империалистическая агрессия против Гвинеи еще раз показывает настоятельную необходимость скорейшей и полной ликвидации колониальных и расистских режимов... Народы Африки в борьбе за свое освобождение могут, как и прежде, рассчитывать на помощь со стороны социалистических государств».

Излюбленным методом португальских колонизаторов было внедрение своей агентуры в ряды ПАИГК. Португальской разведке удалось завербовать несколько видных в прошлом деятелей партии, по тем или иным причинам недовольных политикой ее руководства. Среди них был Рафаэл Барбоза, по профессии типограф, занимавший в прошлом пост председателя ЦК ПАИГК. Барбоза вступил в партию в 1958 г., в 1962 г. был арестован ПИДЕ. Будучи завербован португальцами, он согласился выполнять агентурные задания, принимал участие в секретных совещаниях с офицерами из португальского генштаба и был принят Спинолой в губернаторском дворце.

Став на путь предательства, Барбоза передавал португальцам секретные документы и карты, которые предназначались лишь для

узкого круга руководящих лиц. С его помощью португальцам удалось внедрить своих агентов в партийные ряды. В 1971 г. Барбоза провел совещание работавших в подполье членов ПАИГК, записал его на пленку, которую затем передал в руки ПИДЕ/ДЖС. Когда через посредничество одного члена партии Барбоза получил от руководства ПАИГК бомбы для использования их в Бисау, он тотчас же передал их фашистской полиции. Р. Барбоза «помогал» членам партии бежать из Бисау в освобожденные зоны, но сообщаемые им сведения позволяли ПИДЕ организовывать засады и арестовывать патриотов. Р. Барбоза передал в руки португальских властей списки подпольщиков ПАИГК в Бисау, что привело к ликвидации нелегальной городской партийной организации.

Вместе с Момо Туре и Аристидесом Барбозой Р. Барбоза разработал предательский план убийства А. Кабрала⁸¹.

Одним из самых подлых приемов португальских колонизаторов стало физическое устранение видных лидеров национально-освободительного движения. В январе 1973 г. в Конакри было совершено злодейское убийство генерального секретаря ПАИГК Амилкара Кабрала⁸². Патриоты Гвинеи-Бисау ответили на это новыми мощными ударами по врагу. Вооруженные силы ПАИГК провели в мае наступательные операции под кодовым названием «Амилкар Кабрал». В результате была разгромлена крупная группировка португальских войск на юге страны и взят важнейший в стратегическом отношении укрепленный пункт Гиледжи. В июне — июле Народная армия ПАИГК провела ряд успешных военных операций на севере, юге и востоке страны.

Широкий размах освободительной борьбы, успехи в строительстве новой жизни на освобожденной территории создали условия для проведения в стране свободных и демократических выборов. Они состоялись в октябре 1972 г. в крайне трудных условиях вооруженной борьбы. Организация этих выборов, в ходе которых впервые в

⁸¹ Tribunal de Guerra condena R. Barbosa a pena capital // *Voz di povo*. 19.03.1977.

⁸² Подробнее см.: *Игнатъев О.* Три выстрела в районе Миньер. М., 1976.

истории Гвинеи-Бисау все население без какой-либо дискриминации выразило свою волю, избирая в Национальную ассамблею, явилась важной вехой в политическом развитии страны и сильнейшим ударом по колониальному режиму Португалии.

В это же время ПАИГК сумела нанести португальскому колониализму еще одно политическое поражение, имевшее большой международный резонанс. По приглашению ПАИГК и с одобрения Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция № 2795 (XXVI) от 10 декабря 1971 г.) Гвинею-Бисау посетила официальная миссия ООН, представляющая специальный Комитет по деколонизации. В своем отчете миссия констатировала, что в районах, которые она посетила, существует эффективная власть ПАИГК, что население поддерживает вооруженную борьбу и осуждает атаки и бомбардировки, применяемые португальскими вооруженными силами против мирных жителей и гражданских объектов, свидетелями чему были члены миссии. Миссия выразила свое убеждение, что ПАИГК является единственным представителем народа страны. 13 апреля 1972 г. Комитет по деколонизации, обсудив отчет миссии, признал ПАИГК в качестве «единственного законного представителя» народов Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса. Это признание было подтверждено и Генеральной Ассамблеей ООН. Все эти обстоятельства внутреннего и международного плана были очень благоприятны для ПАИГК.

В сентябре 1973 г. в освобожденном районе Боз открылась первая сессия Национального народного собрания. В ней приняли участие 120 депутатов, представлявших 16 областей страны. Открывая сессию, генеральный секретарь ПАИГК А. Перейра подвел итоги многолетней политической и вооруженной борьбы народа Гвинеи-Бисау. 24 сентября 1973 г. собрание провозгласило образование независимого государства — Республики Гвинея-Бисау. Сессия приняла конституцию республики, проект которой обсуждался во всех населенных пунктах освобожденных районов. Первая статья конституции гласит: «Гвинея-Бисау — суверенная республика с демократическим, антиколониальным и антиимпериалистическим строем, которая борется за полное освобождение, за объединение Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса, а также за социальный прогресс своего народа».

Конституция установила равенство всех граждан перед законом независимо от этнической принадлежности (ст. 13), а также равенство прав гвинейцев и зеленомысцев (ст. 20).

Провозглашение Республики Гвинея-Бисау явилось крупным успехом национально-освободительного движения в Африке и серьезным поражением португальского колониализма. Борьба народа Гвинеи-Бисау вступила в мирную фазу. Говоря об этом, Перейра заявил: «Мы считаем решающим фактором, позволившим подойти к этому этапу нашей борьбы, всестороннюю помощь Советского Союза»⁸³.

Уже через месяц после образования новой республики она получила признание более чем 60 государств. В числе первых стран, признавших новое государство Африки, был Советский Союз. Созванная в ноябре 1973 г. в Аддис-Абебе чрезвычайная сессия Совета министров ОАЕ приняла Республику Гвинея-Бисау в качестве 42-го полноправного члена организации⁸⁴. События в Португалии в апреле 1974 г. ускорили осуществление желаний народов португальских колоний.

К 25 апреля 1974 г. молодая Республика Гвинея-Бисау была признана уже 66 государствами. Однако переговоры о ее признании Португалией оказались сложными из-за саботажа президента Спинолы и дипломатического аппарата, унаследованного в нетронутом виде со времен фашизма. В начале мая в Бисау прибыл представитель Совета национального спасения полковник К. Фабиан, который высказался за признание Португалией Республики Гвинея-Бисау. «Мои намерения серьезны и искренни, — сказал он. — Африканизация Гвинеи должна быть проведена ускоренными темпами до того, как будет достигнута полная, реальная и подлинная деколонизация». Спинола был шокирован этими заявлениями Фабиана. «Через три дня после того, как он послал Фабиана в Бисау, генерал отозвал его как коммуниста», — вспоминал позднее один из членов Совета.

17 мая министр иностранных дел Португалии М. Соареш тайно прилетел в Дакар и при посредничестве президента Сенгора встретился с лидерами ПАИГК. Встреча была краткой и носила чисто протоколь-

⁸³ Известия. 1973. 28 сентября.

⁸⁴ См.: Правда. 1973. 21 ноября.

ный характер. Переговоры были продолжены в Алжире, где президент Х. Бумедьен пытался повлиять на португальскую делегацию. Однако, следуя инструкциям Спинолы, она упорно отказывалась признать молодую республику.

На переговоры с лидерами ПАИГК в Лондоне Спинола послал вместе с Соарешем своего ближайшего военного советника подполковника Алмейда Бруно. Свою точку зрения Спинола изложил с предельной откровенностью в интервью газете «Диариу де нотисиаш»: «В современном мире самоопределение может быть лишь в атмосфере, где надежно функционируют демократические институты. Мы должны заключить, что таких институтов нет в заморских территориях, вследствие чего их жители не обладают эффективными средствами самовыражения и участия. Вот почему немедленная независимость на деле означает сегодня не что иное, как отрицание общепризнанных идей».

Но в Гвинее-Бисау португальские солдаты опередили дипломатов. Они прекратили военные действия и приняли условия ПАИГК. 1 июля 1974 г. в Бисау была созвана ассамблея, в которой приняло участие более тысячи делегатов от солдат, сержантов и офицеров. Они единодушно постановили: «1. Отвергнуть всякое местное и одностороннее решение, которое не было бы принято правительством Португалии. 2. Потребовать, чтобы, несмотря на препятствия, чинимые реакционными и неокOLONиалистскими силами, португальское правительство в соответствии с решениями ООН немедленно и недвусмысленно признало Республику Гвинея-Бисау и право народа Островов Зеленого Мыса на самоопределение и независимость...»⁸⁵ Принятие ассамблеей этого решения обосновывалось убеждением, что тупик в переговорах с ПАИГК вызван систематическим отказом Спинолы и его окружения признать политическую реальность. Наконец 20 августа в Алжире была подписана совместная декларация Португалии и ПАИГК о признании независимости Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса.

10 сентября 1974 г. короткая официальная церемония в Лиссабоне, продолжавшаяся менее 10 минут, положила конец португальскому колониальному присутствию в Гвинее-Бисау, продолжавшемуся почти

⁸⁵ *Alves M.M. Les soldats socialistes de Portugal. Gallimard, 1975. P. 58.*

500 лет. Спинола вынужден был подписать документ, в котором Португалия передала всю власть ПАИГК и официально признала Республику Гвинея-Бисау. Подписав документ, Спинола передал его главе делегации ПАИГК Педру Пиришу, пожал руку своему бывшему противнику и, сказав ему несколько слов, удалился. Не было ни речей, ни помпы, которые сопутствовали, например, церемониям предоставления независимости бывшим английским колониям.

Это внешнее отличие отражало более глубокую специфическую особенность церемонии в Лиссабоне: она являлась лишь формальным признанием Португалией того факта, что в результате героической борьбы народа Гвинеи-Бисау за год до этого была создана и провозглашена независимая суверенная республика.

Ангола: путь к независимости

В Анголе характерной чертой послевоенных лет был подъем забастовочной борьбы африканского пролетариата. Несколько крупных забастовок имели место в Луанде и в других городах страны.

Наряду с забастовочной борьбой пролетариата первые послевоенные годы были отмечены многочисленными выступлениями ангольского крестьянства. В условиях жестокого террора со стороны колониально-фашистских властей, исключавшего возможность какой-либо легальной оппозиционной деятельности, антиколониальная борьба крестьянства вылилась в своеобразную форму тайного религиозного сектантства. Особенно широкие масштабы сектантство приобрело в Анголе в 50-х гг., когда там существовало не менее 20 тайных мессианских движений. Наибольшее распространение и влияние получил токоизм. Это движение было названо так по имени своего основателя.

Симау Току родился в 1918 г. в Сади-Килоанго в округе Макела ду Зомбо на севере Анголы. Он происходил из народности баконго.

В 1926 г. Току поступил в школу при баптистской миссии в Кибоколо, окончив которую в 1933 г. продолжил образование в лицее в Луанде. В 1937 г. он вернулся в родную деревню. Вскоре он получил место

школьного учителя в миссионерской школе в Кибоколо, а затем — в миссионерской школе в Бембе. Сохранилось крайне мало достоверных свидетельств об этом периоде жизни С. Току. Известно лишь, что в 1943 г. он был помолвлен с одной девушкой, но столкнулся с проблемой приданого. К этому времени старейшины увеличили сумму приданого, взимаемого с молодых людей, ушедших в города, так как видели в них лиц, потенциально угрожающих господству родовой элиты над традиционным обществом. Току потребовал увеличения жалованья, в чем ему было отказано. Тогда он решил переехать в Леопольдвиль (Конго), чтобы, проработав там шесть месяцев, скопить необходимые деньги. Оказавшись там, он помогал в организации групп взаимопомощи среди эмигрантов из Зомбо и стал руководить маленьким хором ангольцев при баптистской церкви.

В это время Току находился под сильным влиянием учения кимбангистской церкви, особенно ее идеи о золотом веке.

Согласно некоторым сведениям, в начале 1949 г. Току нашел у одного из миссионеров в баптистской миссии две книги на португальском языке, изданные «Свидетелями Иеговы», которые он перевел на язык киконго, чтобы распространять их среди баконго, хотя это вызвало крайнее раздражение миссионеров-баптистов и бельгийских властей.

Видимо, под влиянием изучения теологической литературы Току решил в 1949 г. разработать новое религиозное учение токоизм, с тем чтобы проповедовать его среди ангольцев. В токоизме в религиозной форме отразилось пробуждение национального сознания ангольцев, оно несло в себе определенные черты национализма и имело явно выраженную антиколониалистскую и антипортугальскую направленность. Току считал себя прежде всего ангольцем и хотел создать именно ангольский тип церкви, который нельзя было бы спутать с какой-либо из существующих африканских церквей. Он объявил себя мессией, а своих 12 товарищей по хору — 12 апостолами. Весть о создании С. Току «новой церкви» для ангольцев быстро облетела Леопольдвиль. К нему стали присоединяться многочисленные сторонники из числа эмигрантов-баконго.

Быстрый успех токоизма в Леопольдвиле объяснялся прежде всего тем, что ангольские баконго чувствовали себя там чужаками и из-

гоями. Их сторонились не только представители других народностей, но даже конголезские баконго. Португалоязычные баконго испытывали трудности в Леопольдвиле и из-за языкового барьера. Токоистская церковь, созданная на определенной этнической базе, приобрела популярность прежде всего среди баконго ангольского происхождения.

Как писал португальский ученый Маргариду, изучавший историю токоизма, «токоистская церковь — уникальный феномен в том смысле, что она является отражением ангольского происхождения баконго. Баконго придают большее значение своей принадлежности к ангольцам, чем тому факту, что они баконго».

25 июля 1949 г. начался второй этап в истории токоистской церкви. В этот день С. Току во время молитвы в миссии впал в транс, так как ему якобы явился «святой дух». Миссионеры, напуганные «еретическими» проповедями Току и растущей популярностью токоистской церкви, изгнали его из миссии. После этого моления и другие таинства токоистов совершались в доме Току. Именно там им снова «явился» «святой дух». Миссионеры-баптисты донесли на Току и его последователей бельгийским колониальным властям, обвинив их в политической деятельности. 2 ноября 1949 г. Току и его последователи были арестованы.

О том, что прозелитская деятельность Току среди ангольцев в Леопольдвиле была весьма продуктивной, говорит тот факт, что вместе с Току было арестовано примерно 100 (по другим данным — 500) человек.

8 декабря 1949 г. губернатор провинции Леопольдвиль подписал приказ, обязывающий полицию выслать из страны Току и его группу по обвинению в проповедовании «ритуалов религиозно-мистической доктрины иерархического характера, предсказывающей наступление нового порядка при царствовании нового Христа, который покончит со всеми нынешними властями».

10 января 1950 г. Току и его сторонники были переданы португальским властям на границе в Ноки. Те, опасаясь, что деятельность токоистов может угрожать безопасности колониального режима, не позволили им вернуться в свои дома, а сослали в различные районы страны. Одни были отправлены в Бембе, другие — в Луанду, маленькая группа — на плантации какао на Сан-Томе. Самая большая группа

токоиство была заключена в концлагерь в Ложи, где им не позволяли контактировать с местным населением. Сам Току и несколько его товарищей были помещены в концлагерь в Бухту Тигров на юге ангольского побережья, куда власти ссылали «опасных политических преступников». Но вскоре Току был освобожден и вернулся в Бембе, где снова стал проповедовать токоизм, и в ноябре 1950 г. был выслан в Каконда, где два года работал трактористом, в 1952 г. — в Жау, а затем в Кассингу. Всюду, где бы он ни был, он продолжал свою евангелистскую работу, которая беспокоила власти и колонистов.

Несмотря на попытки португальских властей ограничить влияние Току, его взгляды быстро распространялись. Следует особо подчеркнуть, что в начале 50-х гг. токоизм перестает быть узкоэтническим сектантским движением баконго, а распространяется и среди других народностей Анголы. Вера в приход мессии и надежда на лучшее будущее завоевали ему многочисленных сторонников в Анголе, прежде всего среди трудящегося населения, в округах Конго, Луанда, Бенгела, Маланже и др.

Всюду создавались тайные токоистские общины, члены которых под влиянием проповедей Току начали выказывать неповиновение португальским властям, отказываясь работать на плантациях европейцев. Напуганные быстрым распространением токоизма, португальские власти высылали Току из одного района в другой, но всюду он продолжал свою проповедническую деятельность. Наконец, они придумали способ изолировать его, не заключая в тюрьму, назначив сторожем маяка близ Порту-Алешандри (1955—1962). В 1963 г. он был сослан на Азорские острова. Когда в Анголе началась вооруженная борьба, Току, будучи на Азорских островах, по принуждению португальских властей выступал по радио, убеждая своих последователей мирно сосуществовать с португальцами. С. Току умер в 1984 г. в Луанде и похоронен около Дамба (провинция Уижи).

В чем же состоит существо учения, проповедовавшегося С. Току и его последователями?

Согласно токоистскому учению, африканцы должны ждать пришествия своего мессии — «черного Христа», который спасет их от рабства и превратит их из слуг белых людей в их хозяев.

В 1958 г. к португальским властям попало следующее послание Току, обращенное к его единомышленникам: «Нет причин бояться белого человека, ибо он уже потерял то могущество, которое раньше ему было дано богом. Бог прогневался на него за то, что он совершил несколько великих грехов. Новый Христос, черный Христос должен прийти, а Току — его пророк. Току бог дал то могущество, которое прежде он дал белому человеку. Эта страна наша, а белый человек ее украл. Теперь мы очень сильны, и, кроме того, нам помогают предки... Скоро мы будем распоряжаться всей Африкой. Белым придется подчиниться нам и стать нашими слугами. Очень скоро Симау Току вернется как наш освободитель».

Как видно из этого документа, токоизм пронизывали мессианская идея, непримиримая ненависть к белым угнетателям и вера в лучшее будущее ангольцев. В то же время, хотя это учение изображало белых колониалистов как «зло», оно призывало не к борьбе, а к пассивному ожиданию и подчинению белым властям и было по своей сущности глубоко аполитичным. Содержащаяся в токоизме мессианская идея уводила сопротивление эксплуатируемых масс от активных форм в область религиозных мифов, задерживая развитие национально-освободительного движения.

Объявив себя пророком, Току создал основы новой церкви. Во главе ее стоял центральный совет, который контролировал конгрегации, учрежденные в каждой деревне, где была токоистская община. Каждая конгрегация должна была иметь совет старейшин и своих учителей, ответственных за индоктринацию и проведение ритуалов. Токоизм отвергает главный символ христианства — крест. Токоисты должны были иметь коротко постриженные волосы с пробором посередине, носить белую одежду с белой звездой, отказавшись от каких-либо украшений.

Хотя токоизм, как и другие сектантские мессианские движения, был формой пассивного сопротивления существующим порядкам и уводил крестьянство в сторону от сознательной и целенаправленной борьбы за освобождение, он сыграл в определенной степени и позитивную роль, так как явился важной промежуточной ступенью в подготовке крестьянских масс к более высоким формам антиколониальной борьбы.

Наиболее организованные формы антиколониальная борьба приняла в среде ангольской интеллигенции — европейцев и «ассимиладуш».

В 1943 г. было основано Культурное общество Анголы. По словам английского историка Р. Гибсона, «эта группа, скорее политическая, чем культурная, стала местом сбора европейцев — либералов и марксистов и позволила им распространять свои идеи среди студентов и молодых интеллектуалов». Члены общества тесно контактировали с националистически настроенными поэтами из радикальных журналов «Менсажень» и «Культура».

В 1948 г. Португальская коммунистическая партия основала свою подпольную ячейку в Луанде. В нее вошли наиболее радикальные члены Культурного общества Анголы, в том числе Марио де Андради и Вириату да Круш.

В 1955 г. была основана Коммунистическая партия Анголы. Весьма эффективным с точки зрения организации и пропаганды было также действовавшее во второй половине 50-х гг. Движение ангольских братьев милосердия (МНА). Значение МНА как приводного ремня для национально-освободительного движения в Анголе и Мозамбике, видимо, ускользнуло от внимания португальских властей. Профессия братьев милосердия относительно хорошо оплачивалась, и «ассимиладуш» имели к ней свободный доступ. Руководитель МНА М. де Карвалю позже вспоминал: «Существовали другие организации интеллигентов, которые были более политически активными, но из-за этого они состояли под надзором ПИДЕ. Передвижения их членов по стране были затруднены. В то же время в каждой административной зоне, провинции и дистрикте местный португальский администратор имел право на брата милосердия, который следил за здоровьем его семьи... Эти медбратья пользовались свободой и даже приоритетом в поездках по стране». После своего учреждения МНА занялось распространением политической литературы и информации о событиях в Африке и в мире. МНА, в частности, широко пропагандировало решения конференции независимых африканских государств в Аккре (апрель 1958 г.), доводя до сознания масс две главные идеи: ангольцы имеют право на независимость, и у них много надежных друзей во всей Африке, включая демократические правительства. «Поскольку португальцы никогда

не удосуживались учить местный язык, брат милосердия мог сообщать все это служившим у губернатора людям», — отмечал один из источников того времени. Впоследствии члены МНА были арестованы и в декабре 1960 г. приговорены к длительному тюремному заключению.

В середине 50-х гг. возникло несколько организаций, которые позднее, слившись воедино, дали жизнь МПЛА.

Существует несколько версий относительно точной датировки возникновения ранних революционно-националистических организаций в Анголе (например, ПЛУА). Как пишет изучавший этот вопрос французский историк Клод Габриэль, «трудность выяснения точного хода процесса, из которого родилось МПЛА, связана отчасти со сложностью отношений, которые, видимо, существовали между различными тогдашними группами, а также с осторожностью, характерной для письменных свидетельств нынешних лидеров после очень острых конфликтов между Марио де Андради, Вириату да Круш и Агостиньо Нето в начале 60-х гг.».

В 1960 г. в результате слияния КПА, ПЛУА и МИА (Движение за независимость Анголы) было создано Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА). Это событие, имевшее историческое значение, ознаменовало собой начало нового этапа в истории национально-освободительной борьбы народа Анголы.

В феврале 1960 г. МПЛА приняло программу и устав. Программа МПЛА состояла из программы-минимум, наметившей ближайшие цели организации, и программы-максимум, посвященной строительству независимой Анголы. На формирование взглядов лидеров МПЛА значительное влияние оказало португальское рабочее движение во главе с ПКП. А. Нето позже признавал: «Мы многому научились на острых конфликтах, существовавших в Португалии. Они дали нам полезные уроки».

Несмотря на жестокий колониальный террор, национально-освободительное движение продолжало нарастать. Особенно угрожающий для колонизаторов характер оно приняло на севере Анголы в связи с событиями в Бельгийском Конго.

Весной 1959 г. португальское правительство в срочном порядке перебросило в Анголу 20 000 солдат, военные суда, танки и авиацию.

Там был создан второй округ ВВС Португалии. Начальник ангольского отделения ПИДЕ Жуан Жозе Лопиш получил инструкцию, предписывающую любыми мерами подавить движение⁸⁶.

В марте 1959 г. страну захлестнули массовые аресты. Сотни людей, заподозренных в связях с МПЛА, были брошены в тюрьмы или сосланы в концлагеря на острова Сантьягу и Сан-Томе. Вторая волна арестов имела место в июле 1959 г., когда в Луанде было схвачено 150 человек, в том числе Илидиу Машаду и ряд других руководителей МПЛА. ПИДЕ начала судебный процесс над 50 деятелями МПЛА.

Обвиняемые держались на суде мужественно и, по существу, превратили его в суд над своими обвинителями.

Они смело заявили о том, что те не имеют права их судить, так как являются иностранцами, в то время как они, обвиняемые, — ангольцы.

В январе 1960 г. МПЛА направило своих представителей на вторую конференцию стран Африки в Тунисе. Это событие было примечательно во многих отношениях. Впервые на международной африканской конференции присутствовали революционеры из португальских колоний. На ней в первый раз встретились делегации МПЛА и Союза народов Анголы (УПА). Именно она обсудила никогда ранее не обсуждавшиеся проблемы португальского колониализма. МПЛА распространило там документ «Аспекты борьбы против португальского колониализма». В нем, в частности, говорилось: «Формы, которые эта борьба может завтра принять, зависят прежде всего от того способа, каким португальский колониализм предпочтет уйти из Африки». Таким образом, МПЛА предлагало правительству Салазара альтернативу: либо мирный путь деколонизации, либо вооруженная борьба патриотических сил за независимость.

Лидеры МПЛА никогда не считали, что вооруженная борьба является единственно возможным средством достижения освобождения своей родины. В 1962 г. группа членов МПЛА была направлена для военного обучения в Алжир⁸⁷. Обстановка в Алжире в то время была сложной. Западный фронт ФНО поддерживал МПЛА, Восточный —

⁸⁶ Проблемы мира и социализма. 1960, № 9. С. 96.

⁸⁷ Запись беседы автора с Э. Каррейрой 10.06.1980.

ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы), члены которого тоже проходили военную подготовку в Алжире. Лидер ФНЛА Х. Роберто пользовался особым покровительством Ф. Фанона. На конференции в Тунисе в 1960 г. Фанон пытался убедить МПЛА немедленно начать вооруженную борьбу, настаивая, чтобы это было сделано до конца 1960 г. Только в этом случае, по его словам, ФНО был готов дать МПЛА оружие. Получив отказ, Фанон сделал то же предложение Роберто, который дал ему необходимое обещание, получив взамен гарантии алжирской военной помощи.

Дополнительный свет на причины горячей симпатии Фанона к Роберто проливает американский ученый У. Барчетт: «Во время восстания в Анголе в феврале — марте 1961 г. вооруженная борьба в Алжире достигла апогея. Фанон, живший тогда в Алжире, увидел возможность открытия второго фронта, который бы перенял страстность у алжирского ФНО. Он был убежден, что главной революционной силой в такой колониальной стране, как Ангола, является крестьянство, но сомневался, что лидеры МПЛА примут его предложение. По словам некоторых из близких к нему в тот период людей, он перенес свои подозрения в отношении интеллектуалов-марксистов на Мартинике на интеллектуалов МПЛА... Фанон пришел к выводу, что Х. Роберто (видимо, искусный в угадывании того, что от него хотят услышать, когда ему это было выгодно) разделяет его взгляды и является единственным ангольским лидером, способным вести вооруженную борьбу».

13 сентября 1960 г. МПЛА направило обращение в ООН, прося включить вопрос о португальских колониях в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В декабре того же года оно объявило о своем решении перейти к «прямому действию».

Как считало руководство МПЛА, условия для такого перехода создали события, имевшие место в начале 1961 г. в Нижней Касанжи, получившие название «война Марии» и положившие начало цепи событий исторической важности, выдвинувших 1961 г. в число самых значительных в истории Анголы. Нижняя Касанжи была монопольной вотчиной португальской компании «Котонанг». Цена, по которой компания продавала хлопок на мировой рынок, была в 12 раз выше цены, которую она платила производителям.

В январе 1961 г. крестьяне-хлопкоробы, доведенные до отчаяния нечеловеческой эксплуатацией и жестокостями португальских властей, восстали против своих притеснителей. Выступление против колониальных властей и всей системы принудительного выращивания хлопка начали члены религиозной секты Антониу Мариану. Согласно некоторым сведениям, Антониу Мариану родился в пригороде Маланже. В 1959 г. он эмигрировал в Конго-Леопольдвиль, где стал шофером крупного вождя из Оло д'Отр Кванго. Вернувшись в Анголу, он начал проповедовать мессианское учение, в котором мистические сюжеты тесно переплетались с политическими темами. Основой этого учения был культ богини Марии, которая должна освободить африканцев от господства белых. Именно от ее имени восстание получило название «война Марии», а не от искаженного имени Мариану, как полагают некоторые историки.

Причины и характер восстания стали предметом острых дискуссий в исторической литературе, породив всевозможные легенды, вымыслы и политические спекуляции.

Наиболее вредоносной из этих спекуляций являлась версия, созданная авторами, симпатизирующими ФНЛА, согласно которой эта организация участвовала в «войне Марии». Бывший вице-президент УПА Розариу Нето в своей статье о «войне Марии» утверждал, что А. Мариану был связан с УПА и «проповедовал евангелие УПА вперемишку с восхвалением Лумумбы и Симона Кимбангу...»⁸⁸ Лозунг, брошенный УПА и пропагандируемый Мариану, распространился со скоростью урагана».

Однако, как убедительно показал в своей диссертации «Соппротивление и восстания в Анголе (1845—1961)», блестяще защищенной в Парижском университете в 1975 г., французский исследователь Р. Пелисье, версия о том, что лидеры УПА имели связь с «пророком», действовавшим в Анголе в начале 1961 г., не выдерживает критики⁸⁹. Нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих эту версию.

⁸⁸ Симон Кимбангу — основатель синкретического афрохристианского учения кимбангизм.

⁸⁹ *Pelissier R. Resistance et revoltes en Angola (1845—1961). T. III. Université le Lille, 1976. P. 1274.*

«Война Марии», по выражению Пелисье, была «Жакерией бедняков», которой способствовали несколько факторов. Прежде всего это оппозиция навязываемому «Котонангом» принудительному выращиванию хлопка, затем резкое падение доходов хлопкоробов в 1960 г. и, наконец, появление мессианского движения, которое придало восстанию столь сильную религиозную окраску, что стали трудноразличимыми его социальные корни.

По воспоминаниям очевидцев этих событий, еще в октябре 1960 г., когда началась подготовка к севу, из Конго пришел человек (видимо, это и был Мариану), который «начал убивать все создания белого цвета (быков, свиней и коз), уверяя, что, “пока белые живы, земля не будет родить”».

Можно предполагать, что одним из элементов проповедей Мариану были рассказы о Лумумбе и о том, как он освободил свой народ, изгнав всех белых из страны. Один из современников в связи с этим вспоминает: «В Нижней Касанжи разнесся слух, что Калумумба пришел нас освободить и что рабство кончится».

Однако центральной темой проповедей Мариану, по-видимому, был новый искупительный культ — культ богини Марии, который он непосредственно связывал с грядущим избавлением от португальского ига. Как сообщали местные португальские чиновники, содержание этих проповедей сводилось к следующему: «Мария, покровительница черных... уже давно обеспокоена страданиями ангольцев и поэтому решила явиться в Кассуло-Куэнда двум конголезцам, сообщив им, что она пришла, чтобы спасти народ Анголы, освободив его от ига белых и принеся ему лучшую жизнь».

Когда ангольцы пойдут за ней, разразится небывалая буря, которая сметет все на своем пути и воздвигнет у моря гигантскую гору, навсегда отделяющую Анголу от Португалии. Чтобы не быть унесенным бурей, каждый должен принести в свой дом большие вилы и зацепиться ими там. Кончится буря, явится Мария и воскресит всех мертвых — людей и скот. Потом придет Лумумба, который будет ими править. В преддверии этого золотого века необходимо строго соблюдать ритуал, представляющий собой смесь из предписаний гигиены, пищевых запретов, принципов эгалитаризма и «черного расизма».

Как подметил Р. Пелисье, в новой религии, проповедовавшейся Мариану, из 15 пунктов ритуала по меньшей мере 6 непосредственно угрожали колониальному порядку, а 3 других находились в формальном противоречии с католицизмом.

Наибольшее беспокойство португальских властей вызвали те компоненты новой религиозной «ереси» Мариану, которые содержали определенный антиколониальный и антиевропейский социальный и расовый заряд. К ним относились предписания верующим не работать на белых и рвать с ними всякие контакты, уверения в том, что, когда разразится буря, Ангола отделится от Португалии, а потом придет Лумумба и окончательно освободит Анголу от белых. Пророки, пришедшие из-за границы, уверяли ангольцев, что пули белых не смогут их убить, если принять необходимые меры предосторожности — надеть набедренные повязки, привязать к поясу заплетенную траву, распевать гимны в честь Марии и кричать «Мейейя!» («вода» на языке киконго).

Под влиянием антипортугальских проповедей Мариану крестьяне в разгар посевного сезона сожгли семена, бросили сельскохозяйственный инвентарь и разорвали паспорта.

Крестьяне отказывались работать и пели хвалебные гимны в честь Лумумбы и Марии. Вскоре пассивное сопротивление сменилось фазой активной борьбы. 28 января 1961 г. восставшие, вооружившись «катанаш» (кривыми ножами) и «каньянгулуш» (ружьями, заряжающимися с дула) и сконцентрировавшись в Тека-диа-Кинда, напали на два административных поста, склады компаний и католическую миссию. Однако чиновникам, торговцам и миссионерам не было причинено какого-либо ущерба. Они были лишь разоружены, и им было позволено покинуть эти места.

Известие о восстании в Нижней Касанжи вызвало панику в Луанде. «Котонанг» была напугана перспективой полной потери урожая хлопка. Она опасалась выдвижения в ходе «войны Марии» новых требований, включая требования ее ухода с ангольской территории и безвозмездной передачи хлопка «людям, которые его сеют, выращивают, собирают и пакуют в мешки». Компания потребовала беспощадного подавления восстания, для того чтобы преподать наглядный урок на

будущее, дабы никто не мог и помышлять о повторении опыта крестьян Нижней Касанжи.

Вот как описывал португальский историк А.Ж. де Фрейташ последовавшие за этим события: «Генерал-губернатор — человек “умеренный”. Но рядом с ним находится человек “опытный”, “специалист” по репрессиям, имеющий опыт в Гоа генерал Монтейру Либориу. “Умеренный” человек с покорностью судьбе думает, что есть неприятные вещи, которые следует сделать. “Опытный” человек потирает руки и отдает четкие приказы. Пехотные части, самолеты “ПВ-2” и “Т-6” с напалмовыми бомбами, специально доставленные с баз НАТО в Португалии (Ота и Монтижу), получают четкие приказы: бомбить забастовщиков в Нижней Касанжи».

5 февраля 1961 г. в Кела прибыла колонна португальских войск во главе с капитаном Телеш Грилу. Получив информацию о том, что огромная толпа крестьян собралась в Тека-диа-Кинда, чтобы получить благословение и окропиться «водой Марии», Грилу направился к этому пункту. При подходе к селению португальцы увидели, что дорога украшена знаменами, склеенными из паспортов. Крестьяне пели традиционные песни.

Очевидцы событий рассказывали: «Несмотря на наличие каньянгулуш и катанаш... население не восстало против колонистов. Манифестация приняла явно мирный характер. Народ хотел лишь, чтобы удовлетворили его справедливые и гуманные требования... Взбешенный и разгневанный Телеш Грилу приказал бросить холостые гранаты. Люди в ответ на это стали еще громче петь традиционные песни и гимны. Тогда еще более разъяренный Телеш Грилу приказал открыть огонь. Началась настоящая резня... Грилу приказал сжечь заживо одного из оставшихся в живых, Браву Кипака, который заявил: “Раз вы перебили всех, я тоже не желаю жить и снова стать рабом”. В Тека-диа-Кинда было убито 310 и ранено 180 человек. «Это было что-то ужасное, — вспоминал один из участников трагедии. — Нас убивали, как матадоры убивают быков».

5 февраля португальские ВВС сбросили напалм и зажигательные бомбы на ангольские деревни в районе Кела. В результате было уничтожено 17 деревень и 5 тыс. человек убито. 8 февраля португальская

4-я рота заняла Монталегри. Авиация снова сбросила смертоносный груз, уничтожив несколько деревень в районе Сунгинге. На пути следования к Маримба войска подвергали мирное население чудовищным репрессиям. «Инсургентов» закапывали в землю по шею, а затем давили их бульдозерами и тракторами.

Различные районы Нижней Касанжи были по-разному затронуты репрессиями. Пелисье обратил внимание на то, что наиболее жестокие расправы имели место в районах Камбу и Бондо-и-Бангала, где в 1960 г. хлопкоробы получали наименьшие доходы и где, следовательно, недовольство крестьян ощущалось особенно остро.

Оценки общего числа жертв в «войне Марии» колеблются от 5 до 20 000 человек. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в результате действий реакции погибло несколько тысяч ангольцев. Таким образом, в Нижней Касанжи имел место первый случай геноцида в португальских колониях. Несколько районов стали практически необитаемыми. Восстание, не имевшее ни общего руководства, ни организации, ни плана, ни оружия, было буквально потоплено в крови.

Какова же была судьба вдохновителя этого восстания Антониу Мариану? В марте 1961 г. он вместе со своим последователем — вождем Кулу-Шингу был схвачен в Лурему (провинция Лунда) по доносу двух предателей, каждый из которых позже получил свои «30 серебряников» в виде велосипеда и тысячи эскудо. Арестованные были доставлены на португальский военный пост в Муссуко. Там Мариану подвергли допросам и пыткам, в результате которых он был искалечен. Затем его запихнули в мешок и доставили в тюрьму в Маланже. Когда через несколько дней его мать принесла ему пищу, ей сказали, что она «может больше не беспокоиться». Так обычно говорили в случае смерти заключенного.

Так трагически закончилась жизнь сектантского проповедника Антониу Мариану, имя которого должно занять заслуженное место в истории антиколониальной борьбы ангольского народа.

После резни, учиненной карателями в Нижней Касанжи, многие последователи Мариану бежали в Заир (Конго). Ангольские беженцы селились там в районе Кизамба. Около 10 000 беженцев осели в районе Панзи (провинция Кванго).

Руководство МПЛА приурочило свое первое выступление с оружием в руках против португальского колониализма к моменту, когда восстание в Нижней Касанжи, казалось, достигло своего пика.

МПЛА поднимает знамя восстания

4 февраля 1961 г. в Луанде вспыхнуло восстание, положившее начало 13-летней вооруженной борьбе патриотов с колонизаторами, в огне которой родилась независимая Ангола. Учитывая присутствие в Анголе 60 иностранных корреспондентов, ожидавших прибытия восставшего лайнера «Санта-Мария», 500 патриотов МПЛА, вооружившись «катанаш» и палками, атаковали полицию, военную тюрьму, ПИДЕ в Луанде, надеясь освободить политзаключенных, которые, по слухам, должны были быть переведены в Португалию. Первоначально дата восстания была намечена на 1 января 1961 г., но в связи с арестами ряда патриотов пришлось ее отложить на месяц. Атака была отбита, четверо патриотов и семеро полицейских погибли.

Восстание 4 февраля не было стихийным. Оно было тщательно подготовлено и заранее спланировано МПЛА с целью освободить политических узников, переправить их в сельскую местность, с тем чтобы они вступили в контакт с населением и могли поднять его на вооруженную борьбу.

Интересные подробности, позволяющие восстановить более полную картину этих событий, сообщил в беседе с У. Барчеттом их активный участник А. Лоуренсу: «Нас было 3128 человек. Мы решили купить одинаковые брюки, рубашки и ботинки, с тем чтобы легко было отличать друзей от врагов. Но у нас не осталось денег, чтобы дать каждому 25 эскудо на покупку мачете. Те, кто мог, купили их, другие вооружились топорами, дубинами и даже камнями. Приобретая оружие, мы начали обучаться его применению в наступательном и оборонительном бою. Мы отправились пешком маленькими группами в Какуаку в 22 км от Луанды и тренировались там 8 дней. 3 февраля мы узнали тревожные новости (о намерении властей перевести политзаключенных из Луанды в Лиссабон. — А.Х.) и решили выступить

на следующий день. Поэтому мы вернулись в Луанду... Команданте Империял Сантана наметил объекты нападения для каждой группы: тюрьма Сан-Паулу, штаб-квартира ПИДЕ, казармы, портовые службы, почта, телеграф, радиостанции и т.п.».

Однако атака патриотов была отбита полицией. Они понесли определенные потери. Начались повальные аресты и массовые убийства африканцев.

События 4 февраля 1961 г. сыграли роль детонатора, вызвавшего взрыв ангольской революции. А. Нето писал позже: «Фактически эта операция не имела успеха, так как заключенные не были освобождены, но с того момента народ осознал необходимость борьбы, а португальцам пришлось столкнуться с неожиданной ситуацией, оказавшейся прелюдией трудностей, которые им нужно было преодолевать, чтобы спасти свое господство».

А. Кабрал увидел в том, что произошло 4 февраля 1961 г., событие, которое он охарактеризовал так: «Великая сырая саванна охвачена огнем. Колониалисты уже не знают, где от него укрыться».

Февральские события в Луанде явились сигналом для народного восстания в северных районах Анголы, которое вспыхнуло в марте в провинциях Северная Кванза, Маланже, Лунда и Кабинда.

Существуют различные точки зрения относительно того, кто был организатором этого восстания и каковы были его причины. В западной историографии наиболее распространена версия, приписывающая организацию и руководство восстанием на Севере в марте 1961 г. УПА. Эту версию активно поддерживали Х. Роберто и ФНЛА. Это мнение разделял, в частности, американский миссионер Л.В. Хендерсон, который считал, что «восстание было спровоцировано, а возможно, возглавлялось УПА».

Однако точка зрения о том, что восстание на Севере было организовано и возглавлено УПА, представляется необоснованной. Существуют документальные доказательства того, что сразу после событий 15 марта лидер УПА Х. Роберто отрицал какую-либо причастность своей организации к этим событиям. Дело в том, что именно в это время Роберто появился в ООН, где его считали отцом описываемых событий. Если бы подобное мнение соответствовало действительности,

Роберто с гордостью признал бы его. Но, выступая в ООН, он заявил, что УПА не имеет к событиям на севере Анголы никакого отношения и что она сожалеет о «крайнем насилии» африканских атак, жестокость которых он назвал «выражением отчаяния». Это сохранившееся свидетельство Роберто лучше, чем что-либо другое, разбивает миф о причастности УПА к мартовскому восстанию 1961 г.

Правда, несколько позднее Роберто забыл свою первую реакцию на эти события и стал давать диаметрально противоположную их трактовку.

Выступая в Леопольдвиле по случаю второй годовщины революции в Анголе, он заявил: «Мы дали этот сигнал начать борьбу за независимость 15 марта 1961 г., и ответственность за это целиком лежит на нас».

В другом случае Роберто дал детализированный вариант своей легенды: «15 марта в 6 часов 15 минут вечера все "контрактадуш" последовали моему приказу. Они сначала зарезали хозяина Рейса, потом всех других, включая женщин и детей... Я выбрал фазенду "Примавера", так как знал, что там работало более 4 тыс. людей».

Роберто утверждал, что в УПА тогда было 40 000 членов.

Однако все эти рассказы лидера УПА представляли собой не более чем плод его богатого воображения. Самая первая акция, по его словам, была проведена на территории его племени, в 8 км от Мадимба, на маленьком «пошту» (участке), находящемся в 50 км от Сан-Салвадора. Но в этом месте, как установил Пелисье, была лишь одна фазенда, и на ней выращивалось около 200 т кофе. В любом случае там не могли работать 4000 человек, так как было бы экономической нелепостью иметь столь большой персонал, чтобы производить 200 т продукции. Во всем этом «пошту» было 3426 африканцев мужского пола, включая стариков и детей (на конец 1960 г.).

Не подтверждаются документальными источниками и утверждения Роберто о том, что его армия «атаковала одновременно во многих населенных пунктах территории». На самом деле восстание на северо-западе, начавшееся 15 марта, имело характер стихийной, плохо организованной и не имевшей единого руководства жакерии. К тому же сам Роберто еще 10 марта 1961 г. покинул Леопольдвиль,

отправившись на заседание Совета Безопасности ООН. Если бы он планировал восстание на северо-западе, вряд ли оно могло начаться в его отсутствие. Следовательно, Х. Роберто не являлся организатором восстания. Другое дело, что позже, воспользовавшись стихийно начавшейся борьбой крестьян, он навязал восстанию свое руководство.

Что касается причин восстания на Севере, то они получили неоднозначное освещение у разных авторов. Португальская официальная трактовка событий возлагала вину за них на баконго-протестантов, подчеркивая то обстоятельство, что район Конго был районом Анголы, имевшим наибольший процент протестантов. Эту версию поддерживала и католическая церковь, уверявшая, что протестанты — это политически неблагонадежные еретики.

Некоторые португальские авторы сводили объяснение причин восстания к этническому моменту, считая, что они коренятся в трайбализме и традиционной вражде баконго к белым и мулатам. Они приписывали жестокий характер атак «атавистическим племенным обычаям» и ссылались на убийства лояльных к португальцам байлундо как доказательство «трайбалистского характера восстания».

Однако эта «этническая» версия легко опровергается, если принять во внимание, что в течение первой недели большинство нападений на белых было совершено не в районе Конго, а в районе Дембуш, населенном амбунду.

Более адекватное понимание причин мартовского восстания 1961 г. дает увязка его с тяжелыми социально-экономическими условиями, существовавшими в этом районе. Цена на кофе в 1960 г. упала, от чего больше всего пострадали африканские производители. Португальское правительство проводило политику насаждения в кофейных районах севера поселений португальских колонистов. Последние с помощью властей основали компании, которые обязали земледельцев баконго, дембуш и других продавать кофе на условиях, напоминавших скорее грабеж, чем торговый обмен. Когда крестьяне отказывались делать это, их деревни поджигали, а жителей бросали в тюрьмы как «мятежников».

Эти карательные меры вынуждали производителей продавать кофе по бросовым ценам, чтобы не потерять все. Кроме того, их вер-

бовали для принудительного труда на плантациях белых фермеров. «Экспансия плантаций (европейских землевладельцев), — пишет Хендерсон, — требовала дополнительной законтрактованной рабочей силы, и это подлило масла в огонь. Корреляция между числом и местом атак с применением насилия и экспансией европейских кофейных плантаций показывает обоснованность утверждений, что это и был тот горючий материал, который привел к взрыву. Загорелся ли он от стихийного самовоспламенения или от попавшей сюда искры?»

Искрой, которая зажгла пламя восстания, было известие о восстании 4 февраля в Луанде.

15 и 16 марта 1961 г. толпы африканцев напали на португальские мелкие поселения, административные посты и кофейные плантации в районах Сан-Салвадора и Дембуш. В течение четырех месяцев не прекращались крестьянские восстания, охватившие весь северо-запад Анголы — от Атлантики до реки Кванго. Наиболее заметных успехов повстанцы добились в северо-западных районах Дембуш и Намбуангонго, где антиколониальную борьбу возглавили члены МПЛА.

В это время МПЛА переживало серьезные трудности. Организация не имела четкой идеологической платформы. Наиболее видные лидеры и активисты МПЛА находились в тюрьмах. Организация имела мало подпольных ячеек, ПИДЕ внедряла в них своих агентов и ликвидировала многие из них в зародыше. Серьезным препятствием для освободительного движения в Анголе явились расколынические организации ФНЛА и УНИТА.

Еще 7 июля 1954 г. группа ангольских эмигрантов из народности баконго, требовавших восстановления средневекового королевства Конго, создала в Заире Союз населения Северной Анголы. Эта организация настаивала на признании Португалией суверенитета королевства Конго и отделения его от Анголы. Она направляла петиции в ООН от имени королевства Конго, «не входящего в страну, называемую Анголой».

В ноябре 1957 г. лидеры Союза решили направить за границу своего представителя, который бы мог говорить от их имени в ООН и в других международных организациях. Выбор пал на Холдена Роберто, племянника президента Союза Мануэля Барруша Некака. В 1958 г. Ро-

берто прибыл в Аккру, где присутствовал на первой Всеафриканской конференции. Там после встречи с лидерами panaфриканского течения он решил отказаться от национализма баконго и возглавить ангольское освободительное движение. В 1958 г. он переименовал свою организацию в Союз народов Анголы (УПА). Однако и эта организация осталась связанной главным образом с протестантами-баконго⁹⁰.

В 1959 г. Х. Роберто посетил США и присутствовал на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он путешествовал с гвинейским паспортом и работал в миссии Гвинеи в ООН. В этот период он расширял свои американские контакты главным образом через Американский комитет для Африки, возглавлявшийся Дж. Хаузером. Роберто получал финансовую и иную поддержку от американских протестантских групп и миссионерских обществ, сочувствовавших борьбе протестантов-баконго за свои права. В тот же период на него впервые обратило внимание ЦРУ.

Оно установило с ним контакты через генерального секретаря туниских профсоюзов Ахмеда Тили и кубинского контрреволюционера Карлоса Касселя. Последний работал в Тунисе вместе с А. Тили, который и познакомил его с Роберто. С помощью Касселя была учреждена в 1962 г. Всеобщая лига ангольских трудящихся (ЛГТА), которая ни в какой степени не представляла ангольский пролетариат. Она получала щедрую финансовую помощь от АФТ—КПП, которая оказывалась в распоряжении Х. Роберто. Установив с ним тесные связи, ЦРУ с 1962 г. стало финансировать возглавлявшуюся им организацию. Сделав на него ставку, США не без оснований считали его «своим человеком» в Анголе. По некоторым данным, Соединенные Штаты Америки даже оказывали нажим на Португалию с целью заставить ее пойти на переговоры с Роберто о «мирном достижении самоуправления».

Позже Ж. Савимби, занимавший одно время пост министра иностранных дел в ГРАЕ⁹¹, свидетельствовал, что Роберто был начиная

⁹⁰ Gibson K. Op. cit. P. 226; Токарев А.А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе. М., 2006. С. 43—44.

⁹¹ Революционное правительство Анголы в эмиграции. Образовано в апреле 1962 г.

с 1961 г. креатурой США, которые держали его «как резерв и как за-тычку в расколотом ангольском национализме». Это подтвердил и вице-президент АДП Манутома, который заявил 5 февраля 1962 г.: «УПА является объектом американского нажима: доказательством этого служит то, что вся материальная и финансовая помощь, получаемая УПА, идет из США, а точнее, из Американского комитета для Африки. Эта финансовая помощь предоставляется при условии, что УПА не пойдет на объединение с МПЛА, которое в американских кругах считают коммунистическим».

По авторитетному свидетельству американского исследователя Дж. Маркума, Роберто получал тайную помощь в форме денег и оружия от ЦРУ с 1962 по 1969 г.

В качестве посредников для передачи этой помощи ЦРУ использовало Тунис и Заир. Роберто пользовался симпатией и поддержкой влиятельных кругов США, в том числе протестантской церкви, профсоюзов и т.п. Некоторые португальские авторы даже называли УПА «по-истине североамериканским движением».

Весьма красноречивое подтверждение ставки Вашингтона на Х. Роберто появилось в «Нью-Йорк таймс» 26 сентября 1975 г.: «Х. Роберто, лидер ФНЛА, был выбран в 1962 г. президентом Кеннеди и ЦРУ, чтобы установить связь США с автохтонными группами, которые, как предполагалось, в один прекрасный день выставят Португалию из Анголы».

Весьма показательно, что этот ангольский лидер был окружен американскими советниками.

После того как в августе 1961 г. премьер-министром Конго стал Сирил Адула, позиции УПА окрепли. Адула разрешил Роберто создать в Кинкузу (Конго) военную базу, где началось обучение так называемой Армии национального освобождения Анголы (ЕЛНА). В марте 1962 г. УПА объединился с Ангольской демократической партией (ее этническую основу составляло племя зомбо, входящее в народность баконго) в ФНЛА. Спустя месяц было создано ГРАЕ во главе с Х. Роберто.

Лидеры ФНЛА основной своей задачей считали борьбу не против колонизаторов, а против МПЛА, за власть в будущей независимой Анголе. Один из участников этих событий, Ж.А. Валентин, примкнувший позже к УНИТА, свидетельствовал: «Убийства, постоянно совершав-

шиеся на севере людьми Холдена Роберто, были самым серьезным препятствием для развития национальной борьбы до 1966 года, года создания новой национальной партии УНИТА».

МПЛА также справедливо обвиняло ФНЛА в уничтожении его отрядов, действовавших на севере Анголы. Сам Роберто заявлял, что силам МПЛА не будет позволено действовать в этих районах, и отвергал предложения МПЛА об объединении.

Главная задача, которую поставили перед Роберто его американские хозяева, заключалась в уничтожении сил МПЛА, с тем чтобы эта организация не могла прийти к власти в независимой Анголе. Исходя из этого, ФНЛА полностью свернул военные действия против португальцев и наносил удары по колоннам МПЛА, которые должны были тайно пересекать Заир, чтобы прибыть в Анголу. На пресс-конференции в Киншасе 3 марта 1962 г. бывший начальник штаба УПА Маркос Кассанга признал: «Война на севере Анголы — это в полном смысле слова братоубийственная война. Около 8 тыс. ангольцев были зверски убиты трайбалистскими элементами УПА...»

Весной 1967 г. большая группа членов МПЛА возвращалась в Конго-Браззавиль, выполняя важную миссию по доставке материальной помощи бойцам Первого военно-политического района. 2 марта ослабленная голодом, болезнями и засадами бандитов колонна была атакована головорезами Роберто.

Немногие оставшиеся в живых выполнили поручение МПЛА. 20 членов движения попали в руки ФНЛА и были зверски убиты. Среди них было пять девушек, в том числе Деолинда Родригеш де Алмейда, руководительница Организации ангольских женщин (ОМА). 2 марта — день героической гибели руководительниц ОМА от рук бандитов УПА—ФНЛА — ежегодно отмечается в независимой Анголе как День ангольской женщины.

Какова же была социальная природа и политическая программа ФНЛА?

Некоторые западные авторы придерживаются точки зрения, что ФНЛА и МПЛА были разделены классовой границей: в то время как ФНЛА представлял крестьянские массы, МПЛА представляло «ассимиладуш» городов и некоторые привилегированные слои рабочих.

Однако внимательный анализ обнаруживает несостоятельность этого утверждения.

Хотя ФНЛА был действительно по преимуществу крестьянской организацией, но большую часть его членов составляли крестьяне-баконго, эмигрировавшие в свое время из Анголы и жившие в Заире. Социальная база ФНЛА была очень узка, так как она сознательно ограничивалась трайбалистско-религиозными принципами, положенными Роберто в основу своей организации. Это хорошо видно из следующего свидетельства М. Кассанги: «Эта бесчеловечная резня, учиняемая ангольцами против ангольцев, имеет своим источником слепой трайбализм, выражающийся в четырех аспектах: религиозном, лингвистическом, этническом и идеологическом. Религиозный трайбализм — поскольку все должны быть протестантами, этнический — поскольку все должны быть уроженцами Сан-Салвадора, идеологический — поскольку все должны защищать интересы Холдена».

ФНЛА представлял не всех баконго, а лишь население, проживавшее в районах Сан-Салвадора и Микеладу-Зомбо в пограничной полосе протяженностью примерно 200 км и шириной 60 км.

Основную социальную базу ФНЛА составляли проживавшие здесь мелкие африканские владельцы кофейных ферм. В колониальный период они были самой зажиточной частью африканского населения Анголы. Их хозяйства давали до 25% валового сбора кофе, а сами они имели собственные счета в Банке торгово-промышленного кредитования. Во главе ФНЛА стояла группа эмигрантов, проживавших в Заире. По свидетельству Маркума, «ангольцы, на которых Роберто опирался для неформального распространения своей личной власти, были все баконго... связанные с группами из Матади и Леопольдвилля, которые и основали УПА». Социально-экономическая программа ФНЛА требовала проведения буржуазно-демократических реформ в деревне, призывая к «ликвидации всех форм сельского феодального и докапиталистического производства», из чего можно заключить, что ФНЛА выступал за развитие там капиталистических производственных отношений. Была предусмотрена «национализация всех энергетических ресурсов», в то же время говорилось об «участии государства во всех горнодобывающих предприятиях».

Идеологические взгляды руководства ФНЛА представляли собой эклектическую мешанину из антикоммунизма, расизма и мистицизма, при котором протестантизм Роберто был замешан на магии баконго. Сам Роберто изображался его последователями как черный Иисус, который должен спасти народ от «португальского демона»! Руководству ФНЛА было свойственно расистское отношение к мулатам и европейцам, которых оно, независимо от социального положения и политических взглядов последних, считало врагами. Один из основных лозунгов ФНЛА был: «Убивайте всех белых, всех мулатов, всех, кто умеет читать, всех людей МПЛА». В одном из документов ФНЛА от 15 марта 1970 г. читаем: «Мулаты — это продукты сожительства белого мужчины, представляющего фашизм, колониализм и империализм, и туземной женщины».

Рассматривая все исторические и социально-экономические процессы в обществе сквозь призму расовых категорий, теоретики ФНЛА считали, что через культурную ассимиляцию и расовое смешение правящий класс, состоящий из белых, усилил и умножил свои ряды, добавив к ним «ассимиладуш» и мулатов. По мере укрепления европейского колониального господства этот «добавочный компонент» все больше становился «португальским». Не будучи достаточно многочисленными и влиятельными, чтобы существенно модифицировать колониальный режим, мулаты и «ассимилированные» африканцы, с точки зрения ФНЛА, стали в определенном смысле «белыми».

Руководство ФНЛА приписывало большинству мулатов сегрегационистские и негрофобские чувства и считало, что те стремятся монополизировать доступ к высшему и техническому образованию. В то же время оно утверждало, что его отношение к мулатам определяется степенью, в которой они «интегрированы в колониальное общество», а следовательно, отчуждены от африканского общества. Наиболее враждебно лидеры ФНЛА относились к мулатам, признанным их отцами-португальцами, на том основании, что они якобы отвергают культуру их африканских матерей и объединяют силы с белыми против африканских националистов. Свою враждебность к МПЛА они объясняли тем, что его лидеры вышли из «ассимиладуш». Считая мультирасовый характер МПЛА компромиссом с врагами африкан-

цев, ФНЛА объявил себя борцом за полное уничтожение колониальной культуры и за туземную национальную культуру, основанную на «негро-африканской цивилизации».

Особенно враждебно ФНЛА относился к белым. С его точки зрения, коллективные интересы белых находились в непримиримом противоречии с интересами африканцев, которые составляли «обреченную на эксплуатацию расовую касту». Отсюда вытекал политический вывод о том, что союзы с любыми группами белых могут лишь повредить африканцам. Теоретики ФНЛА утверждали, что европейский мелкий буржуа или пролетарий, движимый страхом перед конкуренцией квалифицированных образованных африканцев, может поддержать компартию (как это было в Алжире), однако «лишь за немногими героическими исключениями» он останется союзником (как это произошло в Алжире) «колониальной буржуазии», враждебно относящейся к африканскому национализму. Даже наиболее обездоленные среди «цивилизованных», по их мнению, находились в привилегированном положении, которое стоило того, чтобы защищать его от африканских масс⁹².

Стиль руководства Х. Роберто своей организацией характеризовался авторитаризмом, жестокостью в отношении подчиненных и непотизмом (все высшие посты в организации занимали его близкие родственники). После 1964 г. единственным функционером, занимавшим высокий пост в ФНЛА, который не был ни баконго, ни членом многочисленной семьи Роберто, был вице-президент УПА Розариу Нето. В то же время Роберто беспощадно расправлялся со всеми потенциальными соперниками в борьбе за высшую власть в УПА—ФНЛА.

В ФНЛА то и дело возникали группировки недовольных своим лидером и происходили расколы. Будучи генеральным секретарем УПА, Ж. Савимби, по словам Маркума, «создал свою независимую базу власти. Он создал собственную сеть дипломатических контактов (особенно с арабскими странами) и попытался реорганизовать и ввести своих сторонников в секретариат УПА». К так называемому «южному руководству» УПА во главе с Савимби, имевшему этническую базу среди овимбунду, позже примкнул Р. Нето, имевший собственные связи с

⁹² Ibid. P. 55; Токарев А.А. Указ. соч. С. 52.

вождями амбунду, и командующий войсками УПА в Кабинде А. Тати, имевший последователей среди кабиндских беженцев в Заире.

Весной 1962 г. в организации произошел раскол. Начальник штаба армии М. Кассанга и лидер Всеобщей лиги трудящихся Анголы А. Кассинда обвинили Роберто в преднамеренном физическом уничтожении прогрессивных деятелей освободительного движения, в разжигании братоубийственной войны и в растрате на личные нужды средств, предоставленных организации некоторыми африканскими государствами. В 1964 г. с Роберто порвал генеральный секретарь ФНЛА и министр иностранных дел Ж. Савимби. В июне 1965 г. из ФНЛА и ГРАЕ вышел «военный министр» А. Тати, перешедший на сторону португальских колонизаторов.

В июле — августе 1966 г. в Лувака (Заир) собралась ассамблея региональных руководителей ФНЛА, чтобы обсудить причины широкого недовольства руководством организации. В ее адрес была послана жалоба от солдат ФНЛА на нехватку и низкое качество питания. Ассамблея направила послание Х. Роберто, требуя принятия необходимых мер для улучшения положения в ФНЛА. Тот ответил быстро и своеобразно. Он отправил в Лувака грузовик с заирскими солдатами, которые арестовали участников ассамблеи, избили их и привезли в Киншасу, где Роберто устроил им соответствующую «проработку».

В 1971 г. на военной базе в Кинкузу произошел мятеж солдат ФНЛА, и лишь вмешательство заирских войск спасло Роберто от угрожавшего ему отстранения от власти.

Подробности этих событий сообщил организатор мятежа Маргозу Вафуакула в беседе с У. Барчеттом: «13 сентября 1971 г. после разговора с солдатами и офицерами я созвал митинг, на котором рассказал им об истинном положении дел. Роберто заинтересован не в войне с португальцами, а лишь в истреблении МПЛА, в ангольцах, воюющих против ангольцев... Было решено вызвать Х. Роберто на базу и, когда тот приедет, застрелить его. Однако два офицера (земляки Роберто) предупредили его, и тот явился на базу 14 октября вместе с заирскими войсками. Был созван митинг, на котором мятежники высказали свои претензии: “Ни униформ, ни оружия, ни реальной битвы против колонизаторов!” Роберто крикнул: “Ваши люди подкуплены коммунистами.

Я не желаю больше с вами разговаривать!" Он сел в автомашину и уехал в Киншасу. С этого момента мы порвали с ним все отношения и спустили флаг ФНЛА... 26 ноября он с несколькими высшими заирскими офицерами прибыл на вертолете. Целью Роберто было разделить офицеров и солдат. Все были очень злы. В Роберто полетели камни, некоторые из которых попали в цель. Роберто предложил офицерам поехать к Мобуту. Солдаты ответили: "Мы не отпустим офицеров. Вы убьете их". Вскоре над базой появились четыре истребителя с явным намерением обстрелять мятежников. В Кинкузу вошли заирские войска и арестовали всех 45 офицеров, большинство из которых спустя два месяца были расстреляны перед строем их солдат. Другие были сожжены заживо в электрической печи в пригороде Киншасы. Ликвидировав офицерский корпус, Роберто обезглавил и деморализовал свои войска...»

В то время как группировка Х. Роберто переживала серьезный кризис и ослаблялась внутренними распрями, авторитет и военная сила МПЛА непрерывно росли.

На конференции МПЛА в 1960 г. почетным председателем МПЛА был избран выдающийся ангольский поэт и революционер А. Нето, находившийся в то время в тюрьме.

Вскоре Нето удалось бежать на свободу. Его прибытие в Киншасу сразу же дало новый импульс деятельности МПЛА. Во главе движения в то время стояли Руководящий комитет и группа действия. Председателем МПЛА был Марио де Андради, а генеральным секретарем — В. да Круш. Последний имел даже больше политического веса и власти в организации, чем М. де Андради. Стремясь сохранить свои командные позиции, Круш с нескрываемой враждебностью воспринял прибытие почетного президента.

Созданная В. да Крушем фракционная группа отстаивала тезис о том, что ангольская революция не может рассчитывать на поддержку извне, и прежде всего из социалистических и независимых африканских стран, и поэтому должна руководствоваться маоистским принципом «опоры на собственные силы». Фракционеры начали клеветническую кампанию против Нето и его сторонников⁹³. Таким образом, груп-

⁹³ *Фомичева М.В., Красильников А.С.* Китай и Африка. М., 1976. С. 160.

па Круша явилась инструментом раскольнической политики, направленной на то, чтобы подорвать политическую и военную силу МПЛА и ослабить ангольское освободительное движение. Однако руководство МПЛА во главе с А. Нето вовремя распознало и разоблачило политическую сущность группы В. да Круша.

В декабре 1962 г. была созвана I Национальная конференция МПЛА, на которой развернулась острая борьба между последовательно антиимпериалистической, революционно-демократической линией А. Нето и его сторонников и фракционистской, в основе промаоистской платформой группы В. да Круша. МПЛА пресекло деятельность этой группировки и исключило ее из своих рядов. Круш был снят с поста генерального секретаря за систематические нарушения устава и за использование служебного положения в целях борьбы за единоличную власть в МПЛА, что привело к ослаблению внутренней безопасности и дисциплины. Не создав своей собственной партии, Круш в 1964 г. примкнул к организации Х. Роберто.

Очищение МПЛА от сторонников Круша способствовало идейному и организационному сплочению патриотов вокруг революционных демократов во главе с Нето, который был избран президентом МПЛА⁹⁴. Решительная борьба против раскольников и фракционеров привела к победе революционно-демократического направления и превращению МПЛА в революционно-демократическую организацию.

I Национальная конференция была знаменательной еще и потому, что положила начало процессу превращения МПЛА из организации, представлявшей преимущественно интересы городских слоев населения, в подлинно общенародный антиколониальный фронт.

Об этом свидетельствует тот факт, что в решениях конференции был сделан акцент на роли крестьянства, которое характеризовалось как «наиболее эксплуатируемый» и «самый многочисленный социальный класс» Анголы. Пересматривая прежнее отношение к крестьянству, отмеченное некоторой недооценкой его роли, конференция по-

⁹⁴ *Зотов Н.М.* Эволюция идейно-политических взглядов ангольских борцов за национальное освобождение // Народы Азии и Африки. 1980. № 4. С. 115.

ставила вопрос о необходимости земельной реформы, считая, что крестьяне сражались бы «с большей решительностью», если бы понимали, что борются за свою землю. В резолюции конференции подчеркивалось, что крестьянство должно быть достаточно широко представлено в руководстве движением и в его организациях, ведущих борьбу внутри страны.

Преодоление «предрассудков, мифов и трайбалистских чувств» политически недоверчивого крестьянства стало «насущнейшей задачей, вставшей перед движением».

На конференции была принята Программа действий МПЛА, в которой были сформулированы основные принципы организации.

Конференция подвергла критике организационную структуру МПЛА. Отмечалось, что в ней отсутствует механизм контроля за выполнением директив руководства, которое, в свою очередь, плохо информировано о внутренних проблемах. Критиковалась также работа секретариата, который не смог наладить систематический отбор и обучение новых квалифицированных руководящих кадров, а армия МПЛА была оставлена на произвол судьбы и стала действовать как некоординируемый «самостоятельный организм», находящийся вне политического контроля.

Была сформирована новая структура руководящих органов МПЛА. Высшим его органом стал Национальный политический совет, состоявший из 70 делегатов. Из их числа формировались исполнительные органы — Руководящий комитет (президент, вице-президент, руководители отделов: военного, внешних сношений, информации, социальных вопросов, финансов и экономики, безопасности) и Военно-политический комитет (президент, вице-президент, руководители нескольких отделов). Кроме того, из состава Национального политического совета формировалась Контрольная комиссия из 10 членов. Отделы делились на подотделы, секции и подсекции. На них возлагалась ответственность за различные участки работы.

Вскоре после конференции руководство МПЛА приняло решение передислоцировать штаб и военные базы в Браззавиль. Это мероприятие началось 15 августа 1963 г. Оно дало возможность перегруппировать силы, реорганизовать МПЛА и начать новый этап борьбы с

португальскими колонизаторами. 3—10 января 1964 г. в Браззавиле состоялось совещание, получившее название Конференция кадров МПЛА. На ней было принято решение о реорганизации Народно-освободительной армии Анголы в партизанские отряды. В тогдашних условиях партизанская война была наиболее эффективной и целесообразной формой ведения военных действий против колонизаторов, а создание регулярной армии было признано преждевременным.

Несмотря на переброску значительных подкреплений из метрополии, объявление мобилизации в самой Анголе, широкие карательные операции, зверские репрессии, применявшиеся колонизаторами, вооруженная борьба патриотов распространилась на обширные территории. Первый военно-политический район МПЛА открыло в марте 1961 г. в районе Дембуш, Намбуангонго и в провинции Уижи. Командующим силами МПЛА в первом районе был Томаш Феррейра, одним из его помощников — Ожи-я-Энда.

В боях против португальских карателей МПЛА применяло тактику, заимствованную у Фронта национального освобождения Алжира, используя главным образом методы партизанской войны. Вооруженные силы движения были разбиты на мобильные партизанские отряды численностью 30 человек, из которых для отдельных операций формировались колонны численностью до 150 человек. Партизаны нападали на отдельные португальские гарнизоны, устраивали засады, разрушали мосты, перерезали коммуникации, а впоследствии стали совершать нападения на хорошо укрепленные португальские опорные пункты, города, фермы, железнодорожные станции, захватывая их и оставляя там свои гарнизоны. Бойцы МПЛА получали значительную помощь от местного населения, которому разъясняли смысл происходившей борьбы.

В середине 60-х гг. ангольские патриоты, руководимые МПЛА, активизировали вооруженную борьбу и распространили ее на анклав Кабинда, ставший подлинной кузницей политических и военных кадров МПЛА. Вспоминая об этом времени, А. Нето писал: «Фронт в Кабинде был действительно полезен для нашего движения. Там были подготовлены многие кадры, создан первый революционный центр, и там мы приобрели ценный опыт для ведения партизанской войны. Большинство наших командиров было подготовлено на той территории.

Кабинда являлась школой, в которой были отработаны важные элементы для развития борьбы в других районах»⁹⁵.

Как отмечалось в одной из брошюр, изданных МПЛА, война в Кабинде «имела огромное психологическое воздействие на все население Анголы. Она восстановила доверие старых активистов, которые в городах и сельской местности Анголы сохраняли веру в движение. Партизанский район в Кабинде был не только лабораторией, где МПЛА реализовало на практике свою концепцию партизанской войны и подготовило высококвалифицированные кадры, но он был также и первым в истории Анголы ядром национальной и народной вооруженной борьбы».

Развертывание национально-освободительного движения в Кабинде напугало американскую монополию «Галфойл», бельгийскую компанию «Петрофина» и другие компании, получившие право на добычу кабиндской нефти. Они стали в спешном порядке разрабатывать планы отделения Кабинды от Анголы. В этих целях было решено использовать местную сепаратистскую организацию Фронт освобождения анклава Кабинда (ФЛЕК), которая была создана в августе 1963 г. в Пуэнт-Нуаре (Конго) в результате объединения трех мелких сепаратистских организаций. Лидером ФЛЕКа являлся Луиш Ранк Франк — ставленник многонациональных корпораций. По словам Дж. Маркума, «независимость Кабинды оставалась незатухающей страстью кабиндских националистов».

ФЛЕК даже создал правительство Кабинды в изгнании. 10 января 1967 г. это «правительство» направило письмо в ООН, в котором сообщило, что «народы фиот в Кабинде», желая «полной, немедленной и безусловной независимости», создали «временное правительство революционеров-фиот в изгнании». Это «правительство» нашло себе приют в Заире, а штаб-квартира ФЛЕК находилась в Пуэнт-Нуаре (Конго).

МПЛА с полным основанием квалифицировало ФЛЕК как «новую трайбалистскую игрушку колониализма, рассчитанную на подрыв военных действий МПЛА и готовящую путь к "балканизации Анголы"».

⁹⁵ Цит. по: Хазанов А.М. Ангола — республика, рожденная в борьбе. М., 1976. С. 23.

Финансировавшие Франка транснациональные корпорации требовали от него прежде всего активных военных действий против МПЛА, с тем чтобы не допустить вхождения Кабинды в состав будущей независимой Анголы. Начиная с 1965 г., когда МПЛА перешло к активным операциям по всей территории анклава, не прекращались вооруженные стычки между патриотами МПЛА и сепаратистами ФЛЕК. Как писала газета «Гардиан», «ФЛЕК никогда не сражался против португальцев в Кабинде, но именно его члены участвовали в бесчисленных кровавых стычках с бойцами соперничающей группировки — МПЛА».

После того как в октябре 1964 г. Замбия стала независимой, член Руководящего комитета МПЛА Анибал де Мелу сумел открыть бюро в Лусаке. Ценой героических усилий активисты МПЛА переправляли военные материалы из Танзании (где в Дар-эс-Саламе А. Нето открыл бюро МПЛА) партизанам в Восточной Анголе через территорию Замбии. Из-за враждебной позиции правительства Заира в отношении МПЛА партизанам приходилось иногда делать круг в 6000 км, чтобы прибыть в нужный пункт, до которого они могли бы идти всего 300 км, если бы для них была открыта граница Заира.

Проведя большую подготовительную работу в Замбии, МПЛА начало военные акции в районе Мошико, которые явились успешными. В этом районе были созданы первые военные базы движения.

Несмотря на все препятствия, МПЛА в эти годы утвердилось в Африке и на международной арене как самое представительное политическое движение ангольского народа.

24 августа 1969 г. Нето выступил с речью по радиостанции «Сражающаяся Ангола». В ней он говорил о необходимости международного признания МПЛА как единственного эффективно борющегося освободительного движения в Анголе. Нето ясно дал понять, что МПЛА оставляет двери открытыми для возвращения тех его бывших членов, которые отошли от движения во время кризисов. Он также возражал тем, кто критиковал лозунг «Все во внутренние районы», и опроверг их аргументацию, сводящуюся к тому, что нельзя рисковать кадрами специалистов, которые должны не сражаться, а учиться за границей. Подобная позиция демобилизующе воздействовала на членов МПЛА, руководство которого убедительно доказывало, что кадры

должны помогать вооруженной борьбе и получать закалку в ее горниле. Нето выдвинул лозунг: «Создать школу и пашню в каждом лагере, в каждом пункте, где есть ячейка МПЛА». Этот лозунг сыграл большую мобилизующую роль и вскоре был претворен в жизнь.

В 1970 г. был создан новый руководящий орган МПЛА — Комитет военно-политической координации, возглавляемый А. Нето. Комитет должен был облегчить координацию между пятью фронтами, на которых МПЛА вело военные действия. Каждый из членов комитета должен был в течение полугода находиться на одном из фронтов и держать постоянную связь с председателем МПЛА.

Крупные военные успехи были достигнуты МПЛА в 1971 г. 15 июля 1971 г. после трехлетнего окружения войсками МПЛА пал хорошо укрепленный португальский военный пост в Карипанде, в муниципалитете Казомбо (недалеко от границы с Замбией). Летом 1972 г. португальские войска пытались предпринять генеральное наступление (частично вдоль Бенгельской железной дороги), но войска МПЛА не только остановили его, но и уничтожили при этом гарнизон в Лумбала на Восточном фронте. К тому времени линии снабжения бойцов МПЛА протянулись от границы Замбии на запад почти через всю территорию страны. «Что игнорирует общественное мнение, но не игнорируют офицеры генштаба в Лиссабоне, — писали авторы книги «Африканские войны Португалии», — так это то, что “тропа Нето” в Анголе уже достаточно длинна, чтобы порождать страх, что она может достичь атлантического побережья раньше, чем можно было ожидать... Из головы португальцев не выходила мысль о том, что МПЛА сможет благополучно достигать Атлантики со своих баз из “Земли на краю света” (так португальцы называют территорию Восточной Анголы)». Главнокомандующий в Анголе генерал Кошта Гомеш в интервью в октябре 1970 г. признал, что МПЛА предпринимает усилия, чтобы начать партизанские акции в дистриктах Бие, Маланже, Уамбо для того, чтобы «открыть ворота к морю».

В одном из интервью в середине 1971 г. Нето заявил, что треть территории Анголы находится под контролем МПЛА. Он сообщил о том, что движение создает массовые организации: Организацию ангольских женщин, профсоюзы и организацию молодежи (ЖМПЛА), пионерскую

организацию и т.д. «Они помогают укреплять единство нашего народа вокруг нашего движения для продолжения борьбы». Говоря о международных позициях МПЛА, Нето отметил: «Во внешнеполитическом плане за последние годы произошла позитивная революция международного общественного мнения, которая является следствием нашей борьбы. Это общественное мнение все более позитивно относится к независимости колоний. Сегодня мы уже признаны многими странами как подлинные представители народа Анголы».

С момента своего основания МПЛА вело настойчивую борьбу за объединение всех ангольских освободительных движений. 8-я сессия Совета министров ОАЕ в июле 1971 г., отказав в признании ГРАЕ, признала МПЛА законным представителем ангольского народа и назначила комиссию по примирению обеих организаций. При посредничестве этой комиссии в июне 1972 г. в Браззавиле состоялась встреча Нето и Роберто⁹⁶. 13 декабря 1972 г. в Киншасе лидеры двух организаций подписали соглашение об объединении МПЛА и ФНЛА. По вине руководства ФНЛА это соглашение оказалось не имевшим никакого практического значения клочком бумаги.

К 1974 г. освобожденные зоны были созданы в трех из шести военно-политических районов и составляли треть территории Анголы с населением почти в 1 млн человек. В освобожденных зонах народ под руководством МПЛА приступил к строительству нового общества, свободного от колониального гнета и эксплуатации. На этих территориях вводился принцип самоуправления. Органами народной власти стали создававшиеся МПЛА «Комитеты действия».

Кроме чисто военных аспектов борьбы с колонизаторами МПЛА придавало большое значение духовной деколонизации ангольского общества. В освобожденных зонах создавалась сеть бесплатных медицинских учреждений, проводились массовые вакцинации населения против различных эпидемий. Особое значение придавалось созданию школ и распространению грамотности. Были подготовлены школьные учебники на местных ангольских языках. Важными событиями явились создание ангольского института и двух школ в Долизи (Народная

⁹⁶ Правда. 1972. 16 декабря.

Республика Конго). Среди населения освобожденных районов проводилась широкая политико-воспитательная работа.

Уже в годы вооруженной борьбы разрабатывались основы нового законодательства, по которому практически жило население освобожденных районов. В этот свод законов были включены положения традиционного права, положения, определяющие права и обязанности членов нового общества свободной Анголы.

В 1970 г., вернувшись из Анголы, Б. Дэвидсон писал: «Начиная со своего возникновения ангольское национально-освободительное движение постоянно росло и ныне представляет собой могучую силу, осуществляющую полный контроль над значительными районами страны».

«Мы побеждаем португальцев, и они знают об этом, — сказал в беседе с Б. Дэвидсоном А. Нето. — Мы боремся за интересы всех ангольцев и получаем поддержку со стороны большинства населения, интеллигенции и даже части португальских поселенцев, которые тайно оказывают нам помощь».

В январе 1972 г. МПЛА организовало вооруженное восстание в юго-западном районе страны, в Кунене. Здесь патриоты действовали совместно с повстанческими отрядами из Намибии, где проживали тысячи ангольцев, завербованных СВАПЛА (Ассоциацией по вербовке туземной рабочей силы ЮЗА). События на юге Анголы вызвали столь сильное беспокойство колонизаторов, что туда прибыл генерал-губернатор колонии Р. Ваз. По его приказу в восставший район были срочно переброшены тысячи солдат, полицейских, агентов секретных служб, специалистов по «психологической войне». Несмотря на эти меры и на помощь южноафриканских расистов, португальские колонизаторы не смогли противостоять натиску патриотов. Руководство МПЛА в специальном обращении приветствовало смелые действия повстанцев и призвало их к продолжению борьбы.

Большой вред освободительному движению в Анголе нанесли раскольнические группы и организации.

В марте 1966 г. на конференции в местечке Муангаи (округ Мошико) при содействии маоистов была создана пропекинская организация, названная «Национальный союз за полную независимость Анго-

лы» (УНИТА), которую возглавил вышедший в июле 1964 г. из ГРАЕ Ж. Савимби.

Социальная база УНИТА была несколько отлична от социальной базы ФНЛА. Это связано прежде всего с тем, что социальная конфигурация деревень Бие и Центрального плато, откуда вышли Савимби и большинство его сторонников, отличается от социальной конфигурации деревень северных районов. На плато к югу от Нового Лиссабона преобладало мелкое крестьянское хозяйство, занятое культивацией сизаля, кукурузы, а также разведением скота. Значительную экономическую и политическую роль играли здесь мелкобуржуазные торговцы, составлявшие важное звено торговой экономики этой житницы Анголы. Как писал К. Габриэль, советы вождей не только выполняли здесь иную роль, они даже не сталкивались «с теми феноменами колонизации, что вожди Севера, сочленив свою власть с властью мелкобуржуазных торговцев Нового Лиссабона и Силва-Порту... Несомненно, в указанном случае с УНИТА мы имеем дело с отфильтрованным сгустком мелкобуржуазных ангольских слоев».

Таким образом, социальная база УНИТА была по преимуществу мелкобуржуазной, включая в себя городскую торговую мелкую буржуазию и зажиточное крестьянство овимбунду. УНИТА — это типичный пример мелкобуржуазного радикализма популистского типа. Российский исследователь В.Г. Хорос так определяет популистские течения: «Все это — идейные образования, характерные для обществ, находившихся или находящихся на этапе сравнительно позднего... развития капитализма, где последний внедряется в обширные крестьянские массивы, традиционные, докапиталистические структуры. Процесс “обуржуазивания” в этом случае приводит к ряду социальных коллизий, диспропорциям социально-экономического, социально-политического и социально-культурного развития и вызывает весьма сложную и противоречивую идеологическую реакцию»⁹⁷.

УНИТА имел трайбалистский характер — в него входили лишь представители овимбунду. Так же как ФНЛА, эта организация была од-

⁹⁷ Хорос В.Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 12.

норасовой и питала расовую ненависть к белым и мулатам, считая их врагами африканцев. Эта ненависть нашла свое отражение и в публикациях УНИТА, в одной из которых, например, говорилось: «УНИТА осуществляет самую беспощадную революцию против португальского колониального марионеточного режима и его глупых мулатов, которые не могут видеть дальше своего носа».

Создателем и душой этой промаоистской организации был беспринципный политический авантюрист Ж. Савимби. Он родился в 1934 г. в Муньянго в дистрикте Бие в семье железнодорожника. Окончив миссионерскую школу, он продолжил свое образование в лицеях Силва-Порту, Нового Лиссабона и Са-да-Бандейра. Изучал медицину в Лиссабонском университете, а переехав в 1960 г. в Швейцарию, политические и юридические науки во Фрибургском и Лозаннском университетах. Однако научная карьера не импонировала снедаемому жаждой славы и власти честолюбцу. Встреча с прозападным кенийским лидером Томом Мбойей в 1961 г. окончательно определила его решение стать профессиональным политиком. Лишенный принципов и убеждений, он был одержим всепоглощающим желанием заполучить как можно больше власти и денег. В том же году он примкнул к УПА, в 1964 г. порвал с ним, создав в 1966 г. собственную организацию.

В промежутке между этими событиями Савимби искал для себя новую роль в политической жизни Анголы. За это время он совершил путешествие в Китай, где уведомил пекинских лидеров, что, будучи вдохновлен идеями председателя Мао, намерен вести в Анголе «народную войну» по маоистским рецептам. Эти заявления пришлось по душе Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю, и Савимби, щедро оплачиваемый Пекином, получает отныне возможность в течение многих лет вести сладкую жизнь в лучших отелях Каира и Алжира как «борец» за свободу Анголы.

Один из африканцев, знавший его тогда, писал Маркуму в декабре 1969 г.: «Савимби набрал в Анголе несколько мешков денег и уехал с ними, сказав, что едет покупать оружие. Когда я приехал в Замбию в 1968 г., я встретил несколько южноафриканок с великолепными транзисторами и другими вещами. Имя Савимби было у них на устах — они постоянно говорили о подарках, на которые он не скупился, о том,

какой он хороший танцор, гостеприимный хозяин и т.п. В конечном счете он увез одну из них (она была замужем) в Каир».

Маоистской фразеологией пестрят основные идеологические принципы УНИТА, принятые уже на конференции в Муангаи (1966). Савимби в одном из писем сформулировал их так: «Чтобы иметь успех в борьбе за национальное освобождение, мы должны рассчитывать главным образом на собственные силы... Мы ведем народную войну, основанную на всеобщей и систематической мобилизации крестьян под руководством революционной партии... Мы должны научиться вести войну в процессе самой войны...» В документах УНИТА, речах Савимби и других лидеров этой организации постоянно варьировались одни и те же темы, почерпнутые из идеологического арсенала маоистов.

На своем III съезде в августе 1973 г. УНИТА выразил благодарность пекинскому руководству за его постоянную поддержку и приветствовал вступление Китая в ООН как «сенсационную победу угнетенных народов мира».

УНИТА поддерживал тесные связи с маоистскими организациями в других африканских странах, в том числе с КОРЕМО и СВАНУ.

Маоисты оказывали Савимби всемерную помощь: снабжали его оружием, финансировали УНИТА, обучали в Китае унитовцев. Действуя под диктовку Пекина, УНИТА вел борьбу не против португальских колонизаторов, а прежде всего против революционных сил Анголы, возглавляемых МПЛА.

Имелись сведения о связях Савимби с Вашингтоном. Главари УНИТА были частыми гостями в посольстве США в Лусаке (Замбия), где с ними среди прочих беседовал и агент ЦРУ М. Каннингэм. Они поддерживали тесные связи с португальскими властями, которые часто перебрасывали их отдельные группы в районы, где действовали отряды МПЛА, с целью уничтожения последних.

В июле 1974 г. были опубликованы документы, извлеченные из архивов ПИДЕ/ДЖС капитаном Отелу Сарайва де Карвалью (их публикации помог мозамбикский ученый Акину де Браганса). Документы свидетельствуют о том, что Савимби предлагал свои услуги португальскому командованию в сборе разведывательной информации.

Взамен он просил, чтобы отрядам УНИТА было позволено беспрепятственно проходить по узкому коридору, ведущему к базам МПЛА в Кванду-Кубанго, около границы с Замбией. Чтобы показать, насколько выгодным для португальцев может быть такое сотрудничество, Савимби привел список баз МПЛА в этом районе с указанием точного числа людей и типов оружия на каждой из них.

В одном из писем португальскому командованию Савимби сообщал: «...существует неопровержимый факт: мы активно участвуем в ослаблении МПЛА в восточных районах».

В середине 1971 г. Лиссабон подписал с Савимби секретное соглашение. Обе стороны выражали единодушие в том, что «главным препятствием к миру... на всей территории Анголы было МПЛА». Поэтому, как заявил Савимби, «ослабление и даже ликвидация сил МПЛА в Анголе были главной задачей, которая должна быть доведена до конца совместными усилиями португальских вооруженных сил и УНИТА».

Таким образом, деятельность УНИТА была направлена на подрыв единства антиколониальных сил и играла на руку португальским колонизаторам, использовавшим предательство Ж. Савимби для борьбы против МПЛА. Как указывалось в заявлении МПЛА в августе 1971 г., главная цель УНИТА — «проведение систематической работы для саботажа борьбы нашего народа, попытки деморализовать население вредными трайбалистскими и расистскими лозунгами». Будучи образованным человеком, Савимби тем не менее стремился всячески поддерживать трайбалистские и мессианские представления и предрассудки, широко распространенные среди овимбунду. Это дало основание французским авторам характеризовать его как «харизматическую личность, эксплуатирующую в своих корыстных интересах мессианские суеверия, свойственные племенам центральных районов».

События последних лет существования колониального режима в Анголе со всей очевидностью показали, что трайбалистские соглашательские организации, фракции и группы не имели никаких перспектив и что МПЛА утвердилось как самая организованная и наиболее влиятельная сила в стране, которой предстояло стать главным политическим фактором, определяющим будущее Анголы.

На заключительном этапе борьбы за независимость МПЛА столкнулось с новыми трудностями, связанными с активизацией раскольных элементов, которая явилась следствием начатой в 1973 г. в организации кампании критики и самокритики. Эта кампания фактически приняла форму чистки МПЛА.

В этой обстановке некоторые раскольные элементы, опасаясь быть исключенными из организации, стали объединяться во фракции, выступавшие против руководства. Бывший член руководства МПЛА Д. Чипенда, подвергшийся резкой критике и полностью скомпрометированный в ходе чистки, создал фракцию «Восточное восстание». Выступление группы Чипенды явилось одной из акций, которая была проведена не без ведома и содействия португальского военного командования. Существуют убедительные свидетельства о давних связях Чипенды с ПИДЕ. Губернатор Анголы Роза Коутинью заявил в 1975 г., что имеет «доказательства того, что Чипенда был информатором ПИДЕ... когда он был студентом Коимбры... Согласно заявлениям, опубликованным в "Африк-Ази", он лично давал информацию политической полиции о своих друзьях из МПЛА. И это, — продолжал Коутинью, — я готов доказать».

Чипенда обвинял руководство МПЛА в пренебрежительном отношении к «людям с Востока», в неумении обращаться с сельским населением, которое еще находилось в «племенном состоянии».

По словам Чипенды, руководители МПЛА — это интеллектуалы, учившиеся в Европе и не знакомые с традиционными ценностями и специфическими проблемами ангольского общества. Поэтому они якобы стремятся уничтожить многое из того, что, по их мнению, вредно, а в глазах сельского населения представляется важным. Отсюда Чипенда делал вывод о том, что интеллектуалы МПЛА не связаны с массами, что они проявляют неуважение к древним и ценным обычаям, и выражал недовольство тем, что руководство движением, политкомиссары и командующие были «людьми с Севера». Он обвинял Нето в авторитарных методах руководства, в том, что последний много лет не созывает съезд и что «все в его руках: финансы, внешние сношения, организация... все». Он инкриминировал МПЛА насаждение диктаторской власти, основанной на «харизматической личности» Нето.

Группа «Восточное восстание» не ограничилась лишь демагогическими наскоками на руководство МПЛА. Она предприняла преступные попытки физически уничтожить Нето и его ближайших соратников. Когда президент МПЛА совершал поездку в Шиконко, группа людей, вооруженных гранатами, устроила засаду и пыталась убить А. Нето. Лишь чудом он остался жив. Попытки покушения имели место также в отношении Энрике (Ико) Каррейры, Шиету и других лидеров МПЛА.

В то же время против руководства МПЛА выступила другая раскольническая группировка — «Активное восстание», которую возглавили братья Пинту и Марио де Андради. Пытаясь захватить в свои руки руководство движением, эта группа опубликовала 11 мая 1974 г. «Обращение ко всем активистам и ко всем кадрам МПЛА» (его подписали около 60 человек). В этом документе выдвигались ничем не подкрепленные обвинения в адрес руководства МПЛА в расизме, трайбализме, регионализме и президенциализме. «Активное восстание» приписывало Нето «привычку навязывать директивы сверху, злоупотребления администрированием» и т.д. Все эти обвинения были выдвинуты с целью скомпрометировать лидера и других руководителей МПЛА, что, по их расчетам, должно было деморализовать и развалить движение.

Подталкиваемые честолюбивым стремлением захватить в свои руки руководство МПЛА, а затем взять власть в независимой Анголе, лидеры «Активного восстания» в большой степени рассчитывали на поддержку западных держав. Чтобы заручиться ею, они вошли в контакт с посольствами Франции и других западных стран в Браззавиле, пообещав всевозможные льготы западным компаниям в Анголе в случае, если они придут к власти.

Таким образом, в исключительно сложной и напряженной обстановке после революции 25 апреля 1974 г. в Португалии, когда МПЛА должно было готовить силы для решающего этапа борьбы за независимость, оно вынуждено было вступить в противоборство с раскольническими фракциями, возникшими внутри движения. Под нажимом правительств нескольких африканских государств в июле 1974 г. в Букаву (Заир) была проведена встреча, в которой участвовали МПЛА, фракционеры («Активное восстание» и «Восточное восстание») и ФНЛА.

На совещании в Букаву было принято решение о необходимости единства в МПЛА и о выступлении МПЛА и ФНЛА единым фронтом на переговорах с Португалией о предоставлении независимости⁹⁸.

В результате маневров империализма и сил внутренней контрреволюции МПЛА, оказавшись в изоляции, вынуждено было принять участие в псевдосъезде Народного движения (август 1974 г., Лусака). Там были предприняты попытки навязать МПЛА «единство» с фракционистскими группами. Псевдосъезд проходил в обстановке открытого давления на членов МПЛА, которым явно угрожали. Территория, где проходил этот «съезд», была ограждена колючей проволокой. Учитывая неприемлемые условия, в которых работал «съезд», представители большинства МПЛА покинули Лусаку.

Воспользовавшись этим, сообщники Чипенды продолжили «съезд» и избрали его «президентом МПЛА». В конце августа 1974 г. в Бразавиле была сделана новая попытка восстановить единство МПЛА с учетом подлинного соотношения сил в движении: Нето был признан президентом МПЛА, а Чипенда и Пинту де Андради избраны его заместителями. Был создан центральный орган, в который вошли 16 представителей большинства, 13 — Чипенды и 10 — Пинту де Андради.

Но Чипенда сразу же нарушил соглашение, уехав с 700 сторонниками в Киншасу и учредив там свой «центр МПЛА». 5 сентября 1974 г. МПЛА опубликовало заявление о «заговоре против революции в наших рядах», которое полностью разоблачило Чипенду. Руководство МПЛА приняло решение о его исключении из МПЛА. После этого Чипенда вступил в ФНЛА, став его генеральным секретарем. Вместе с ним на сторону ФНЛА перешли 2000 его сторонников.

19—20 сентября 1974 г. в провинции Мошико состоялась межрегиональная конференция МПЛА, которая полностью отмежеввалась от псевдосъезда в Лусаке и, осудив деятельность фракционных групп, определила стратегию и тактику своей организации, выбрала ЦК и политбюро. Конференция способствовала преодолению кризиса в

⁹⁸ Мартышин О.В. Африканская революционная демократия (идейно-политическая платформа МПЛА ПТ, ФРЕЛИМО и ПАИГК). М., 1981. С. 45.

МПЛА, сплочению его рядов вокруг испытанного революционного руководства во главе с А. Нето.

В этот период МПЛА окончательно становится революционно-демократической организацией, ведущую роль в которой играет воспринявшее марксистско-ленинскую идеологию ядро во главе с Нето. Большой интерес в этой связи представляет вопрос о том, какие факторы имели решающее значение в формировании идейно-политической платформы МПЛА, каковы были источники идеологической доктрины этого движения.

Важнейшую роль в идейно-политической эволюции МПЛА к середине 70-х гг. сыграло перерастание вооруженной антиколониальной борьбы в национально-демократическую революцию. С конца 60-х гг. ее общедемократические тенденции приобрели четко выраженную антикапиталистическую направленность. Радикализации движения в значительной степени содействовала длительная вооруженная освободительная борьба против португальского колониализма. История подтверждает, писал в этой связи М. де Андради, что «в странах, где освобождение от полуколониального или колониального империалистического господства было достигнуто через народную борьбу, одновременно осуществлялась социальная революция или были созданы ее предпосылки».

В начале 60-х гг. МПЛА взяло курс на укрепление боевого союза с революционными силами мира, прежде всего с социалистическими странами, и стало рассматривать себя как составную часть всемирного революционного движения трудящихся. Оно стало участвовать в конференциях и других международных форумах прогрессивных и антиимпериалистических сил. Лидеры МПЛА внимательно изучали опыт алжирской и вьетнамской освободительных войн. Последняя произвела на них сильное впечатление, так как во многом походила на войну в Анголе.

Значительное влияние на выработку революционно-демократической платформы МПЛА оказала также революционная теория А. Кабрала. Определяющее воздействие на формирование идейно-политической основы МПЛА оказало, однако, марксистско-ленинское учение.

Борьба против раскольников и фракционеров, являясь отражением процесса размежевания социально-классовых сил в МПЛА, содействовала идейному и организационному очищению организации от мелкобуржуазных элементов.

Народ Мозамбика берется за оружие

В Мозамбике первые африканские политические организации появились в 20-х гг. XX в. В 1920 г. группа африканских студентов, учившихся в Лиссабоне, создала «Африканскую лигу». Эта организация ставила своей целью борьбу против португальского колониализма и ратовала за единство народов всех колоний Португалии в борьбе за освобождение. Члены лиги приняли активное участие в проведенной в Лиссабоне в 1923 г. сессии III panaфриканского конгресса. Однако «Африканская лига» так и осталась организацией горстки революционеров-эмигрантов, оторванных от своей родины.

К концу 50-х гг. в соседних с Мозамбиком африканских странах начали возникать патриотические организации мозамбикских эмигрантов. В связи с тем, что в сопредельных с Мозамбиком государствах осело большое число беженцев, а также благодаря тому, что эти молодые африканские государства готовы были предоставить всю необходимую помощь организациям, борющимся против португальского колониализма, создались благоприятные условия для возникновения и деятельности эмигрантских организаций.

Особенность раннего этапа освободительного движения в Мозамбике состояла в том, что, в отличие от Анголы, его фрагментарность, наличие большого числа организаций не были связаны с трайбалистскими или регионалистскими различиями. Это обстоятельство позже облегчило интеграцию движения в единую организацию ФРЕЛИМО. Один из его лидеров Марселину душ Сантуш отмечал в 1963 г., что объединение не создало больших проблем, так как «разделение мозамбикских сил было результатом не непримиримых политических

позиций или племенных различий, как часто случалось в других местах», а окружения Мозамбика странами, где господствовали белые. Эта ситуация была изменена завоеванием независимости Танганьикой в 1961 г.

Незадолго до создания ФРЕЛИМО в городе Муэда (провинция Кабу-Делгаду) имели место события, оказавшие большое влияние на формирование национального сознания мозамбикцев. В 1960 г. несколько местных вождей вели агитацию среди коренного населения, призывали его добиваться либерализации колониального режима и повышения оплаты труда. Некоторые агитаторы были арестованы португальцами. Затем местный администратор пригласил крестьян из окрестных деревень прийти со своими жалобами в Муэду. Когда 16 июня 1960 г. несколько тысяч человек пришло туда послушать, что скажут португальцы, губернатор провинции приказал солдатам арестовать активистов, а затем открыть огонь по толпе. Было убито более 500 человек.

Расправа в Муэде свидетельствовала о том, что португальские власти, с одной стороны, напуганные стремительной деколонизацией африканских стран, а с другой — вдохновленные примером расистов в ЮАР (которые за два месяца до событий в Муэде устроили кровавую резню в Шарпевиле), решили ступить на путь беспощадных полицейских репрессий, считая их единственно эффективным средством против растущего африканского протеста.

События в Муэде, ясно показавшие, каков будет португальский ответ на африканское требование независимости, укрепили убеждение мозамбикских патриотов в необходимости, во-первых, создавать организации не внутри страны, а вне ее, а во-вторых, использовать для завоевания независимости не мирные, а вооруженные средства борьбы.

В октябре 1960 г. в Булавайо (Родезия) был основан Национальный демократический союз Мозамбика (УДЕНАМО). В феврале 1961 г. мозамбикские эмигранты, проживавшие в Танганьике и Кении, создали в Момбасе Африканский национальный союз Мозамбика (МАНУ), а эмигранты из района Тете, жившие в Малави, — Африканский союз независимого Мозамбика (УНАМИ).

Вернувшись после учебы в Южной Африке, Мондлане в 1949 г. принял участие в основании молодежной организации НЕСАМ (Нуклеус африканских мозамбикских студентов), которая отвергала какие-либо расовые и этнические различия.

В 50-х гг. НЕСАМ вел разъяснительную работу среди членов САНМ (Объединенный центр негров Мозамбика), помогая им преодолеть расистские и элитические предрассудки. Он издавал свой журнал «Алвор», распространявший освободительные идеи. Из НЕСАМ вышли многие будущие лидеры ФРЕЛИМО — Арманду Гебуза, Жоакин Чиссано, Марианьо Матсинья, Паскоал Мокумби и др. Все они преподавали в школе, созданной при САНМ. В результате власти, придя к заключению, что школа является источником опасных подрывных «идей», решили ее закрыть.

В 1964 г. НЕСАМ был запрещен, часть его членов арестована, а другая часть вынуждена была эмигрировать.

Несколько антиколониальных организаций были основаны в 50-х гг. представителями демократически настроенной белой интеллигенции. К ним относились: Общество исследований, Нуклеус искусств, Спортивная группа 1 Мая и др. Наибольшей популярностью пользовалось Движение молодых мозамбикских демократов. Внутри движения существовала маленькая группа — Коммунистическая организация Мозамбика, непосредственно связанная с ПКП. В движение принимались все мозамбикцы, независимо от расы, возраста и пола. Предпринимались попытки основать ячейки движения в средних школах и в других организациях.

В конце 50-х гг. центром антиколониального движения белых стала Ассоциация уроженцев Мозамбика (АНМ) — клуб для европейцев мозамбикского происхождения. Во главе АНМ встала группа радикально настроенных интеллигентов. Они открыли двери ассоциации для представителей других рас, и ко времени ее запрещения в 1961 г. в ней насчитывалось 10 000 членов, в том числе индийцев, белых и африканцев, причем последние составляли большинство. А. Гебуза окончил курсы машинописи при ассоциации, а М. Матсинья получил от нее стипендию на учебу в Португалии. Школу этой ассоциации одно время посещал С. Машел.

Свидетельства об этих и других оппозиционных колониальному режиму организациях содержатся и в петициях в ООН и в других до-

кументах того времени. По словам Хенриксена, «их эффективность была ничтожной, но некоторые из их членов позже участвовали в создании более значительных групп». Что касается дальнейшей их судьбы, то все они были ликвидированы фашистским режимом, который, в отличие даже от режима апартеида в ЮАР, никогда не разрешал независимо организованных африканских групп или профсоюзов.

Характерной чертой всех этих организаций было отстаивание мирных средств борьбы за независимость. Их манифесты и петиции защищали мирный переход Мозамбика к африканскому правлению.

Наиболее последовательно революционной из этих организаций был УДЕНАМО. Именно из него вышли многие будущие руководители и активисты ФРЕЛИМО. С этой организацией имел тесные связи Э. Мондлане. УДЕНАМО имел программу и устав. Согласно уставу, членом УДЕНАМО мог быть «любой гражданин Мозамбика, независимо от пола, этнического происхождения, вероисповедания и места жительства». Целью организации объявлялась «полная ликвидация португальского господства в Мозамбике». В программе подчеркивалось, что УДЕНАМО выступает за «создание республиканского, демократического правительства, равенство всех перед законом, создание Национальной ассамблеи и правительства народа и для народа».

В социально-экономической сфере программой предусматривались: реконструкция экономики и производства, уничтожение всех форм колониализма и превращение Мозамбика в развитую и сильную страну, введение равной оплаты за равный труд, независимо от пола и расы, передача земли тем, кто ее обрабатывает, развитие образования и культуры.

Как видно из положений устава и программы УДЕНАМО, он представлял собой революционную националистическую организацию с весьма радикальной антиколониалистской программой.

Существенной слабостью национально-освободительного движения в Мозамбике в начале 60-х гг. оставалась организационная разобщенность патриотических сил. Настоятельной необходимостью на этом этапе развития антиколониалистского движения стало их объединение. Эту необходимость осознавали наиболее передовые и революционно настроенные лидеры националистических организаций,

прежде всего руководство УДЕНАМО, выступившее в качестве инициатора и наиболее последовательного сторонника объединения.

Состоявшаяся в 1961 г. в Касабланке Конференция национально-освободительного движения португальских колоний (КОНКП), на которой присутствовала делегация УДЕНАМО, призвала к единству сил, борющихся против португальского колониализма. Большую роль в подготовке и практическом осуществлении слияния антиколониалистских организаций Мозамбика сыграли президент Танзании Джулиус Ньерере, а также пользовавшиеся исключительно высоким авторитетом среди мозамбикских националистов Э. Мондлане и М. душ Сантуш.

Ни один из этих двух наиболее выдающихся мозамбикских эмигрантов того времени не идентифицировался ни с одной из трех организаций, и это обстоятельство помогло им в усилиях, направленных на создание ФРЕЛИМО.

Руководители УДЕНАМО, МАНУ и УНАМИ, встретившись в Дар-эс-Саламе 25 июня 1962 г., приняли решение об объединении их во Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО).

Во ФРЕЛИМО вошли также молодые революционеры, жившие в самом Мозамбике. Они стали играть ведущую роль в новой организации. По свидетельству М. душ Сантуша, относящемуся к 1973 г., «только четверо из избранных в руководство пришли из эмигрантских групп. Остальные были из Мозамбика. Таким образом, единство было достигнуто в значительной степени благодаря участию активистов в Мозамбике». Это объяснялось тем, что «уровень политического сознания живших вне страны... был ниже, чем у активистов — «инсайдеров»». Фронт возглавили талантливые и образованные лидеры.

Председателем ФРЕЛИМО стал Э. Мондлане. Он родился в 1920 г. и был младшим сыном третьей жены вождя в провинции Газа. Окончив начальную школу, он самостоятельно выучил английский язык и получил стипендию для продолжения учёбы в Южной Африке. Взяв рекомендательные письма своих учителей, Мондлане нелегально перешёл границу Южно-Африканского Союза, выдал там себя за местного жителя и поступил в один из колледжей Северного Трансвааля. Окончив колледж, он наконец завершил своё среднее образование в возрасте 27 лет. После этого Мондлане успешно выдержал вступи-

тельные экзамены и поступил учиться в университет Витватерсранда в Йоханнесбурге. Там в 1949 г. он создал организацию мозамбикских студентов, за что был исключён со второго курса и выслан южноафриканскими властями в Мозамбик. С этого времени он привлёк к себе внимание ПИДЕ и находился под его неусыпным наблюдением.

Он учился в Лиссабонском университете, затем в США. Одно время работал в ООН, был преподавателем в Сиракузском университете. Работая в ООН, подружился с Ньерере, который оказал на него огромное влияние.

В сферу его деятельности в ООН входили вопросы, связанные с подготовкой подопечных территорий ООН к самоуправлению. Работая в этой международной организации, Мондлане не только наблюдал за процессом деколонизации и возникновения новых государств, но и содействовал ему. В одном из выступлений в Гарвардском университете он сказал: «В период моей работы в ООН только некоторые государства были самостоятельными. Я считал, что, находясь так далеко, ничего не смогу сделать для своей родины... Когда Танганьика в декабре 1961 г. стала независимым государством, я тотчас же начал готовиться к возвращению в Восточную Африку». В июне 1962 г. Мондлане прибыл в Дар-эс-Салам со своей молодой женой, хорошо образованной американкой Жанет Рае Джонсон.

Вице-председателем ФРЕЛИМО стал поэт М. душ Сантуш. Он родился в 1929 г. от смешанного брака в прибрежном городе Лумбо. Окончив школу, продолжал образование в Португалии. Но за участие в революционной деятельности подвергся преследованию фашистских властей и вынужден был продолжать университетское образование во Франции, где учился в Сорбонне под руководством известного африканиста — профессора Ж. Баландьё.

В то же время он стал печатать под псевдонимами (Калунгану и др.) проникнутые революционным пафосом и ненавистью к колонизаторам стихи, принесшие ему огромную популярность. Когда в апреле 1961 г. в Касабланке была создана уже упоминавшаяся КОНКП, М. душ Сантуш был избран ее генеральным секретарем. Используя эту организационную базу, он внес выдающийся вклад в создание условий для появления ФРЕЛИМО.

На I съезде ФРЕЛИМО (23—28 сентября 1962 г.) были приняты программа и устав фронта, а также «Обращение к мозамбикскому народу», которое призвало мозамбикцев объединиться вокруг ФРЕЛИМО для борьбы за независимость. Значение I съезда состояло в том, что он выработал платформу, на которой можно было сплотить все социальные силы мозамбикского общества в борьбе против колониализма. Съезд провозгласил главной целью ФРЕЛИМО освобождение страны и выработал стратегию и тактику для достижения этой цели. Президент Мозамбика Самора М. Машел позже следующим образом определил значение съезда: «Выработав обоснованную платформу единства, I съезд правильно определил в качестве врага португальский колониализм; разработал программу борьбы всеми средствами, включая вооруженные, против иностранного господства; решительно осудил империализм, надежную опору колониализма, и правильно назвал наших друзей за рубежом — антиколониальные, антиимпериалистические, демократические и миролюбивые силы; продемонстрировал интернационализм нашего народа, выразил нашу солидарность с борьбой всех народов против любых форм угнетения; наделил ФРЕЛИМО органами, позволившими развернуть борьбу за национальное освобождение; принял на вооружение демократический централизм, обеспечив таким образом единство и действенность нашей организации»⁹⁹.

ФРЕЛИМО возник как фронт, представлявший по социальному составу широкий спектр национальных сил. Подавляющее большинство его членов составляли интеллигенты, мелкая буржуазия и крестьяне, унаследовавшие от многолетнего колониального прошлого забитость, неграмотность и всякого рода предрассудки и суеверия. Именно этим объяснялось то, что, хотя в программе ФРЕЛИМО и решениях I съезда содержались элементы революционно-демократической идеологии, в целом они представляли собой идеологический компромисс, который только и мог быть в тот период базой для создания объединенного фронта столь разнородных социальных сил.

⁹⁹ Документы партии ФРЕЛИМО Народной Республики Мозамбик. III съезд. Мопуту. 3—7 февраля 1977. М., 1980. С. 6.

Если сравнить устав ФРЕЛИМО с уставом УДЕНАМО, то сходство их первых 18 статей наводит на мысль, что второй послужил моделью для первого. Однако формулировка задач (ст. 4 в обоих уставах) УДЕНАМО отличалась большей радикальностью. Задачами ФРЕЛИМО были объявлены «полная ликвидация португальского колониального гнета в Мозамбике и всех проявлений колониализма и империализма, завоевание немедленной и полной независимости Мозамбика, защита и выполнение требований всех мозамбикцев, угнетаемых и эксплуатируемых колониальным португальским режимом»¹⁰⁰, УДЕНАМО считал своей обязанностью «служить авангардом в упорной борьбе за свободу африканского народа и независимость Мозамбика. Укреплять дух panaфриканизма, чтобы избавить Мозамбик от империалистической экономической эксплуатации, социальной деградации и прочих следов колониализма и империализма. Полная ликвидация португальского господства в Мозамбике. Защищать и осуществлять чаяния всего народа Мозамбика, исходящие от всех социальных слоев, страдающих от гнета и эксплуатации, особенно крестьянских и рабочих масс».

Контраст между двумя этими документами очевиден. Он обнаруживается в обязательстве УДЕНАМО «служить авангардом в упорной борьбе за свободу африканского народа», другими словами, в принятии им на себя политической роли в интернационалистском масштабе. Другое отличие — упоминания об «империалистической экономической эксплуатации», «социальных слоях» и «крестьянских и рабочих массах», отсутствующие в уставе Фронта освобождения Мозамбика. Чем объяснить эти различия?

Некоторые исследователи усматривают в этом поражение радикальных элементов и победу более консервативных мелкобуржуазных националистов на съезде в 1962 г. Другие видят здесь поражение ультралевых и победу радикалов. На самом деле устав ФРЕЛИМО был своего рода компромиссом, обусловленным необходимостью сохранить национальный фронт с широкой социальной базой в течение всего начального этапа борьбы. С этим же было связано отсутствие еди-

¹⁰⁰ Устав и программа ФРЕЛИМО // Борьба за освобождение португальских колоний в Африке. С. 286.

ной идеологической платформы новой организации. Хотя во ФРЕЛИМО с самого начала была группа лидеров (Э. Мондлане, М. душ Сантуш и др.) — носителей революционно-демократических и социалистических идей, наряду с этим существовали многочисленные буржуазно-националистические и мелкобуржуазные идеологические течения.

М. душ Сантуш свидетельствовал в одном из интервью 1973 г.: «Это верно, что ФРЕЛИМО не имел идеологической линии, кроме изначального национализма. Тот факт, что руководство было разнородным, означал, что в нем с момента создания были представлены различные типы идеологий... Но задачи, стоявшие перед нами в этот ранний период, требовали, чтобы мы создали коллектив, который примирил бы всех, кто был готов работать совместно, чтобы начать основную борьбу. Итак, характер политических, социальных и экономических реалий требовал прагматического подхода. Но борьба росла, и возникали новые ситуации. И в этом процессе росли и развивались политическое сознание и осведомленность...»

С. Машел в 1976 г. на вопрос журналиста П. Петруччи, верно ли, что «на первых фазах освободительной борьбы "идеологический вопрос" может разделять силы вместо того, чтобы их объединять», ответил: «Наш опыт свидетельствует об обратном. Правда, есть начальная фаза, фаза национального единства, когда необходимо прежде всего конституировать первооснову, на которой можно объединить все силы. Но как только они мобилизованы вокруг такой платформы, настоятельно необходимо добиваться их единства на идеологическом уровне. Дать им ясную и общую перспективу».

Широкий и разнородный социальный состав ФРЕЛИМО заключал в себе потенциальную опасность будущих конфликтов и расколов в организации. Эти конфликты не были, однако, результатом борьбы соперничающих элит, как считают некоторые западные историки. Они были, как обоснованно отмечал Е. Элперс, «результатом возникающей классовой борьбы по вопросу о будущей форме независимости Мозамбика».

В организацию входили представители рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, интеллигенции и феодализирующейся племенной знати. Столь широкий спектр социальных сил, составляющих базу движе-

ния, неизбежно должен был привести к процессу классового размежевания и поляризации революционно-демократических и всех прочих национально-демократических сил в движении.

Как отмечал Мондлане, разнородный состав членов ФРЕЛИМО таил в себе известную опасность. «Мы были уроженцами различных районов Мозамбика, принадлежали к различным социальным слоям и представляли различные языковые и этнические группы, различные расы, различные вероисповедания, различные общественные и политические взгляды. В связи с этим возможности возникновения разногласий были неограниченными...»

Определенную почву для разногласий создавало и то обстоятельство, что руководство фронта включало в себя представителей всех прежних организаций, слившихся во ФРЕЛИМО. Бывшие члены УДЕНАМО заняли несколько ключевых постов: Давид Мабунда стал генеральным секретарем, Паулу Гумане — его заместителем, Уриа Симанго — вице-президентом, из МАНУ пришел Матью Ммоле, занявший должность казначея, и т.п.

Многие из них долго жили за пределами Мозамбика, не имея прямых контактов с населением и не зная действительного положения дел. Свой политический опыт и взгляды они приобрели в постоянном контакте с националистическими организациями Родезии, Малави, Замбии, Танганьики, Кении, которые придерживались преимущественно мирных, ненасильственных методов антиколониальной борьбы. «Эти люди, — писал позже С. Машел, — ставили на одну доску Великобританию — развитую империалистическую, индустриальную колониальную державу и Португалию — отсталую, слабо развитую страну, находящуюся на положении полуколонии. Эти люди игнорировали разницу между страной буржуазной демократии, где общественное мнение способно оказывать влияние на правящие круги, и фашистской страной, где цензура и полицейские репрессии препятствуют любому проявлению инакомыслия»¹⁰¹.

Под влиянием упомянутой группы, занимавшей ключевые посты в руководстве организацией, ФРЕЛИМО в 1962—1963 гг., действуя в

¹⁰¹ Борьба за освобождение португальских колоний. С. 41—42.

тесной координации с МПЛА, направил португальскому правительству через ООН и ОАЕ ряд петиций и посланий, призывающих к переговорам о предоставлении независимости португальским колониям.

Поскольку президентом ФРЕЛИМО стал Мондлане, это сразу внесло новый, революционный дух в концепцию и политическую практику организации. Он, как и его последователи, выступал против эксплуатации в любой форме, а также против засилья традиционных вождей. В основе революционной философии Мондлане лежало стремление радикально перестроить мозамбикское общество, избавив его не только от колониального гнета, но и от традиционных феодальных и патриархальных институтов. Приход Мондлане к руководству фронтом привел к резкой радикализации его платформы, что в свою очередь обострило и катализировало конфликт между революционно-демократическими и правонационалистическими силами в руководстве движением.

Этот конфликт принял открытую форму и привел к серии расколов уже через несколько месяцев после создания организации. В конце 1962 г. генеральный секретарь ФРЕЛИМО Д. Мабунда и его заместитель П. Гумане заявили о своем несогласии с линией Мондлане и пытались клеветнически обвинить его в том, что он незаконно стал председателем Фронта освобождения Мозамбика. Попытки руководства ФРЕЛИМО избежать раскола оказались безрезультатными. Мабунда и Гумане продолжали свою раскольническую деятельность. ЦК ФРЕЛИМО вынужден был исключить их из организации.

Когда Мондлане вернулся в США для последнего года чтения лекций в Сиракузском университете, он оставил в качестве своего «личного представителя» во ФРЕЛИМО Лео Клинтон Олдриджа (или Лео Миласа), занимавшего пост секретаря ЦК по вопросам обороны и безопасности. Олдридж, хотя и родился в Техасе (США), выдавал себя за мозамбикца зулусского происхождения. Спекулируя на доверии к нему Мондлане, он исключил из ФРЕЛИМО ряд активистов, которые тотчас были арестованы танганьикской полицией. К концу 1962 г. многие члены фронта вышли из него, восстановив старые и создав новые организации. Лишь в августе 1964 г. Олдридж был изобличен как авантюрист, связанный с ЦРУ, и исключен из ФРЕЛИМО.

В числе изгнанных из ФРЕЛИМО был и Гвамбе, основатель УДЕНАМО, претендовавший на руководство в организации. Власти Танганьики выдворили его из страны как португальского агента, а ЦК ФРЕЛИМО исключил его из фронта. Гвамбе основал в Кампале (Уганда) Тайный комитет восстановления УДЕНАМО, в мае 1963 г. реорганизованный в УДЕНАМО — Момотапа. Гумане и Мабунда создали в Каире Новый УДЕНАМО, а Ммоле создал Новый МАНУ. Встретившись в Кампале в мае 1963 г., Ммоле, Гвамбе и Себастьян Сикауке, лидер Африканского национального конгресса Мозамбика, приняли решение о создании Объединенного антиимпериалистического народного африканского фронта Мозамбика (ФУНИПАМО). Они выступили с клеветническими обвинениями в адрес ФРЕЛИМО и Э. Мондлане и стали проводить раскольническую тактику, направленную на подрыв единства и влияния фронта.

Скопачивание этой организации имело своей целью объединение всех антифрелимовских сил, с тем чтобы создать противовес ФРЕЛИМО и вырвать из его рук руководство процессом национального освобождения Мозамбика.

Вскоре ФУНИПАМО изменил свое название на МОРЕКО (Революционный совет Мозамбика). В начале 1965 г. УДЕНАМО и МОРЕКО объединились в одну организацию.

Выход из ФРЕЛИМО правонационалистических деятелей и образование ими раскольнических организаций нанесли определенный ущерб национально-освободительному движению Мозамбика. Эти события получили неоднозначную оценку правительств независимых африканских государств. Руководство Танзании твердо поддерживало ФРЕЛИМО, отказавшись признать существование других групп. Правительство Замбии настаивало на воссоединении всех националистических групп и взяло на себя инициативу по организации переговоров между ними. Мондлане покинул переговоры после того, как другие участники отказались распустить свои группы и вернуться во ФРЕЛИМО на индивидуальной основе.

Существование множества мелких оппозиционных организаций объективно ослабило и нанесло большой вред освободительному движению, поставив в трудное положение те страны, которые готовы

были оказать помощь, но не знали, какая организация действительно пользуется поддержкой в самом Мозамбике.

Несмотря на все эти сложности, в 1962—1964 гг. ФРЕЛИМО сумел окрепнуть в организационном и политическом отношении. Уход из его рядов раскольников и правонационалистических элементов привел к консолидации прогрессивного крыла фронта и к росту руководящей роли в организации группы революционных демократов во главе с Э. Мондлане.

ФРЕЛИМО поставил своей задачей создание по всей стране разветвленной сети партийных ячеек и групп. С этой целью в различные районы страны были посланы члены ФРЕЛИМО, которые вели среди населения широкую агитационную и пропагандистскую работу. В результате их активной деятельности фронту удалось создать свои нелегальные ячейки во многих городах и деревнях страны. Быстро росли численность членов ФРЕЛИМО и их политическое сознание. Были сорваны неоднократные попытки ПИДЕ внедрить своих агентов в организацию.

В этот период ФРЕЛИМО стал еще активнее утверждать себя на международной и африканской арене как законный представитель интересов мозамбикского народа. Огромный вклад в укрепление международных контактов ФРЕЛИМО и в его деятельность в различных международных организациях внес президент фронта Э. Мондлане, который во время своих многочисленных поездок в США и Европу, в своих выступлениях в ООН и в других международных организациях неустанно разъяснял цели и характер ФРЕЛИМО и призывал к осуждению португальского колониализма и к действенной поддержке освободительного движения в Мозамбике.

Революционно-демократическое крыло ФРЕЛИМО, сплотившееся вокруг своего лидера, довольно быстро осознало тщетность надежд на мирное решение вопроса о независимости Мозамбика и стало готовиться к неизбежному вооруженному столкновению с португальским колониализмом. Учитывая эту перспективу, было принято решение создать нелегальную военную организацию и начать подготовку военных кадров. Уже в январе 1963 г. по решению ЦК ФРЕЛИМО в Алжир была направлена группа членов фронта для военного обучения.

Руководство ФРЕЛИМО приложило немало сил, чтобы добиться независимости мирным путем, путем переговоров и соглашения с Португалией. Однако Лиссабон на все предложения такого рода отвечал категорическим отказом и усилением репрессий в колонии. Для народа Мозамбика не оставалось иного выхода, как взяться за оружие. Э. Мондлане вспоминал: «...мы были поставлены перед такой альтернативой: продолжать бесконечно жить под репрессивным имперским правлением или искать средства использовать силу против Португалии, которая была бы достаточно эффективна, чтобы нанести ущерб метрополии и в то же время не позволить ей расправиться с нами. Вот почему лидеры ФРЕЛИМО сочли, что единственным правильным методом может быть вооруженное действие».

На пленуме ЦК ФРЕЛИМО в июне 1964 г. было принято решение о переходе к вооруженной борьбе. Предполагалось начать революционную освободительную войну, в ходе которой, нанося удары по врагу то в одном, то в другом месте, измотать его, создав условия для краха колониального режима. В соответствии с решениями июньского пленума ЦК из Танзании во внутренние районы Мозамбика — в провинции Ньяса, Кабу-Делгаду, Замбезию и Тете — были направлены партизанские группы общей численностью 250 человек. Все они прошли специальную военную подготовку.

25 сентября 1964 г. ФРЕЛИМО в обращении к населению Мозамбика провозгласил всеобщее вооруженное восстание. В тот же день группа из 11 бойцов фронта совершила первую атаку на португальский военный пост в Чаи (провинция Кабу-Делгаду)¹⁰², положив тем самым начало 10-летней освободительной войне за независимость Мозамбика. Командовавший этой группой Алберту Жоакин Чипанде (впоследствии министр обороны Мозамбика) позже вспоминал: «После того как силы ФРЕЛИМО были информированы (о резне в Муэде. — А.Х.), меня послали в Алжир с целью прохождения военной подготовки. В июне 1964 г. я получил приказ непосредственно от президента Мондлане провести военную операцию. Инструкции Э. Мондлане были очень точными: «Вы

¹⁰² Подробный рассказ участника первой атаки см.: *Темпо*. 28.IX.1980. № 250. Р. 27—30.

были посланы народом. Вы сын народа. Теперь вы должны вернуться к народу, чтобы начать вооруженную борьбу».

Колонизаторы были застигнуты врасплох. Они ожидали отдельных рейдов с территории Танзании, но не предполагали, что силы ФРЕЛИМО находятся в самом Мозамбике.

Выбор руководством организации северных районов страны для начала вооруженной борьбы был не случайным. Туда легче было проникать из Танзании и Замбии, где находились базы ФРЕЛИМО. Кроме того, на Севере португальское присутствие было выражено слабее, чем на Юге. Большинство португальских поселенцев концентрировалось вокруг Лоренсу-Маркиша и в плодородных долинах рек Замбези и Лимпопо. Мало заселенные португальцами северные районы слабо административировались и были плохо обеспечены дорогами и другой инфраструктурой.

Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в северных районах живет народ маконде, крайне враждебно относившийся к португальцам. Сочувственное отношение маконде к партизанам ФРЕЛИМО дало последним возможность получать продовольствие и информацию о контрмерах португальцев.

Когда ФРЕЛИМО начал военные действия, он имел, по его собственным оценкам, всего 250 бойцов. Ряд военных успехов на Севере поощрил руководство ФРЕЛИМО на проведение крупномасштабных операций и в других провинциях. С ноября 1964 г. фронт распространил боевые действия еще на три провинции — Ньяса, Замбезию и Тете, и португальские войска были вынуждены перейти к обороне. Открытие фронта боевых действий в провинции Тете было особенно неприятным сюрпризом для португальцев. В этой провинции находятся богатейшие залежи минералов (в том числе уран, золото, медь, титан, бериллий, бокситы, уголь, железная руда, марганец, вольфрам), а также гигантский гидроэнергетический комплекс Кабора-Басса. В Лиссабоне полагали, что Кабора-Басса и вложенные в ее сооружение южноафриканские инвестиции в сочетании с перспективностью еще не эксплуатируемых полезных ископаемых могут быть средством интернационализации войны, если позиции Португалии в Мозамбике окажутся под угрозой. В городе Тете находилась к тому же штаб-квартира

Совета планирования Замбезии, которая подчинялась только Лиссабону и занималась разработкой амбициозных проектов развития долины Замбези.

Хотя действия ФРЕЛИМО вплоть до 1968 г. имели характер лишь партизанских рейдов, они нанесли чувствительный удар по португальскому колониализму. Партизанская война способствовала оттягиванию значительных контингентов португальских войск из Анголы и Гвинеи-Бисау в Мозамбик и концентрации их в крупных городах. Этим сумело воспользоваться руководство ФРЕЛИМО, по существу изолировав войска колонизаторов от сельского населения, составлявшего главную социальную базу освободительного движения. ФРЕЛИМО ставил своей первоочередной целью освобождение сельских районов. Эта тактика позволила ему, распространив борьбу на ряд южных и центральных провинций страны, освободить значительную часть Мозамбика. Несмотря на то что португальцы стянули в Мозамбик 70-тысячную армию, к 1974 г. ФРЕЛИМО освободил четверть территории страны (200 000 кв. км), на которой проживало более 1 млн человек. На освобожденной территории проводились прогрессивные социально-экономические мероприятия, отвечавшие коренным интересам населения, открывались школы и больницы, возникали «народные магазины», принимались меры для обеспечения населения продовольствием, промышленными товарами и т.п.

Еще в 1965 г. были открыты первые начальные школы. Спустя пять лет их стало уже 150, и в них обучалось 20 000 детей. Успешно работали также медицинские центры, больницы и госпитали. Наиболее крупные из них могли принять в течение года 3—4000 больных. Медицинский центр в Тете в 1968—1970 гг. провел вакцинирование против оспы 15 000 человек. Предпринимались серьезные усилия в борьбе с такими опасными заболеваниями, как чесотка, малярия, проказа, сонная болезнь, туберкулез, трахома и др.

На освобожденных территориях велась подготовка резерва для вооруженных сил в форме отрядов самообороны. В 1963 г. ФРЕЛИМО приступил к всеобщему военному обучению как мужчин, так и женщин.

Были организованы сельскохозяйственные кооперативы, что дало возможность обеспечить продовольствием местное население и пар-

тизанские отряды ФРЕЛИМО, а также организовать экспорт сельскохозяйственной продукции в Танзанию. Существовали и личные крестьянские хозяйства. Их владельцы обменивали свою продукцию на рынках на промышленные изделия, одежду, предметы обихода. Как сообщил ФРЕЛИМО, к 1968 г. крестьяне в освобожденных зонах начали экспортировать орехи кешью, кунжут, а маконде — резьбу по дереву в Танзанию. В 1973 г. из освобожденных районов было экспортировано 222 т орехов кешью и 500 т семян кунжута.

На освобожденных территориях вводился принцип самоуправления. Органами самоуправления стали провинциальные советы, состоявшие главным образом из выборных представителей населения, и их исполнительные органы — провинциальные комитеты.

Важным аспектом деятельности ФРЕЛИМО в этих районах являлись его мероприятия по формированию нового мировоззрения и новой системы ценностей у населения, которые должны были в своей совокупности способствовать формированию всесторонне развитой личности гражданина будущего независимого Мозамбика. Говоря об этом, президент НРМ С. Машел в беседе с У. Барчеттом отметил: «...опыт освобожденных зон составляет ценное наследие для нас. Это нечто такое, что мы должны защищать и использовать, чтобы осуществить на национальном уровне разрыв со старыми мифами, ценностями и привычками, со структурой социальной жизни, организацией и производством, унаследованными от колониального общества и еще существующими в нашей среде. Практика показала, что мы смогли решить производственные и другие проблемы без огромных ресурсов или ультрасовременной техники, а просто опираясь на нашу собственную силу и организацию. Освобожденные зоны были политической лабораторией, научной лабораторией, лабораторией идей. Там мы смогли испытать то, что должно было быть сделано позже».

К концу 1965 г. вооруженные силы ФРЕЛИМО насчитывали 2000, в 1967 г. — 8000, а в 1969 г. — 10 000 хорошо обученных бойцов.

Фронт стал направлять многих своих бойцов для военного обучения в Алжир и ОАР, готовя таким образом для себя военные и политические кадры. Получившие военную подготовку за границей члены ФРЕЛИМО обучали партизан в военных лагерях в Танзании. Первый

лагерь был открыт в Багамоё, второй — в Конгва (инструкторами в нем были Самора Машел и Жоакин Чиссано).

Вплоть до окончания освободительной войны на территории Танзании существовали четыре военных лагеря ФРЕЛИМО, на которых мозамбикские патриоты проходили военное обучение. Хотя условия жизни и учебы бойцов в этих лагерях были очень трудными из-за нехватки финансовых и материальных средств, в них царили железная дисциплина и высокое сознание патриотического долга. Последнее было в большой степени связано с огромной политико-воспитательной работой, которую вели среди бойцов активисты ФРЕЛИМО.

В связи с началом вооруженной борьбы на территории Мозамбика возникла необходимость коренной перестройки организационной структуры фронта, создания централизованного механизма по руководству партизанской армией. Пленум ЦК в октябре 1966 г. принял решение о создании единого военно-политического центра при президенте ФРЕЛИМО — Высшего военного совета. В него вошли сам президент, его заместитель и два руководителя отделов ЦК. Отдел ЦК по вопросам обороны и безопасности был разделен на два самостоятельных отдела. Эта организационная перестройка позволила повысить эффективность работы всех звеньев ФРЕЛИМО, активизировать военные действия, улучшить снабжение партизан всем необходимым, усилить дисциплину в их рядах.

«На наш взгляд, — писал С. Машел, — дисциплина вытекает из политического сознания бойца, она основана на принципах и правилах, которыми руководствуемся мы — активисты ФРЕЛИМО, бойцы Народных сил освобождения Мозамбика и слуги народа. Дисциплина подобна часовому, охраняющему политический курс и предупреждающему нас о всякой попытке изменить этот курс или сорвать его»¹⁰³.

Партизанская армия ФРЕЛИМО, насчитывавшая 7000 бойцов, была разбита на отряды численностью 30—50 человек. Каждый отряд действовал в определенном боевом районе — «зоне наступления». Несколько боевых районов составляли оперативную зону. Она имела оперативные базы, служившие местом сосредоточения и снабжения

¹⁰³ Борьба за освобождение португальских колоний. С. 50—51.

партизанских отрядов в течение определенного времени, пока ее местонахождение не становилось известным противнику. Развертывая партизанскую войну, ФРЕЛИМО умело использовал опыт алжирских и вьетнамских патриотов.

Исключительно большую роль в политико-воспитательной работе и повышении сознательности бойцов ФРЕЛИМО играли политкомиссары, которые были при каждом партизанском отряде. Институт политкомиссаров был введен в 1964 г. Октябрьский пленум ЦК фронта в 1966 г. особо подчеркнул значение деятельности политкомиссаров в деле воспитания бойцов партизанской армии. Они проводили широкую разъяснительную и воспитательную работу и среди населения освобожденных районов и районов, находившихся под португальским господством. Задача политической мобилизации населения в них ставила перед активистами ФРЕЛИМО ряд специфических и сложных проблем. Касаясь этого вопроса, У. Барчетт писал о мозамбикских крестьянах: «Любые изменения в их жизни, предлагавшиеся португальскими властями, всегда были к худшему. Они обнаруживали, что, даже когда им казалось, что они достигли предела безнадежной нищеты, всегда находилась возможность довести их до нищеты еще более ужасающей. Если удавалось принудить их рисковать жизнью, устраивая засады транспортным колоннам, везшим материалы к плотине Кабора-Басса, так это только потому, что кадры ФРЕЛИМО умели объяснить, что один из проектов Совета планирования Замбезии состоял в том, чтобы использовать плотину для ирригации долины Замбези и, выгнав живущих там африканцев, поселить на их месте до 1 млн португальских крестьян».

Степень восприимчивости различных слоев населения к агитации фронта была неодинакова. Интересно в этом смысле свидетельство члена ФРЕЛИМО М. Матсинге, который отмечал: «Мы... обнаружили, что продолжительность времени, необходимого для мобилизации группы людей, различна в зависимости от интенсивности их колониального опыта. Например, люди, вернувшиеся в города после принудительной работы по контрактам, были наиболее восприимчивы к нашей агитации. К этой категории относились и те, кто работал на строительстве мостов и дорог или выращивал сахарный тростник, чай, рис или кокосовые орехи на плантациях».

ФРЕЛИМО придерживался гибкой и осторожной тактики в отношении местных традиционных вождей. Хотя их власть была ослаблена колониальной администрацией, они пользовались еще значительным влиянием среди соплеменников. Как пишет Б. Манслов, «для движения идти одновременно и против колониальных властей и против традиционных вождей... было бы политическим самоубийством. Завоевать поддержку вождя значило обеспечить себе поддержку его народа».

И ФРЕЛИМО повел настойчивую и нелегкую работу за завоевание такой поддержки, добившись в этом значительного успеха. Многие вожди вступили в движение. На ранних стадиях борьбы колониальные административные структуры в освобожденных районах заменялись традиционными. Власть передавалась вождю, которому вменялось в обязанность снабжать пищей и одеждой не только местное население, но и партизан, а также организовать деревенскую милицию.

Развертывая широкую партизанскую войну на территории Мозамбика, ФРЕЛИМО столкнулся с трудностями военного, политического и психологического характера.

Одной из главных трудностей была постоянная нехватка оружия и военного снаряжения. «Освобождение Мозамбика, — отмечал С. Машел, — шло бы более быстрыми темпами, если бы у нас было больше оружия. Мы имеем бойцов, но у нас мало оружия. Обучено уже 10 тыс. бойцов, но это партизаны без оружия».

Серьезные препятствия на пути развертывания национально-освободительной борьбы в Мозамбике создавала раскольническая политика маоистов. Летом 1965 г. они предприняли попытку объединить раскольнические силы и создать широкую оппозицию ФРЕЛИМО. П. Гумане нанес визит в Пекин, где он, видимо, получил инструктаж по созданию «объединенного» фронта¹⁰⁴.

В июне 1965 г. в результате слияния УДЕНАМО— Мономотапа, Нового УДЕНАМО, МАНУ, МАНКО и УНАМИ была создана новая раскольническая организация КОРЕМО (Революционный комитет Мозамбика). К созданию этой организации имели прямое отношение не только маоисты, но и португальская, американская и израильская

¹⁰⁴ Фомичева М.В., Красильников А.С. Указ.соч. С 162.

разведки. Во время суда над Гумане в 1975 г. он признал, что начиная с 1962 г. получал деньги от ПИДЕ, а также от США и Израиля. По его словам, американский дипломат в Лусаке (Замбия) К. Дж. Тэйлор сказал ему: «Если вы откроете свой офис в Мозамбике, мы готовы помочь деньгами, но только если вы обоснуетесь внутри страны». Президентом КОРЕМО стал Гвамбе (через год его сменил Гумане), генеральным секретарем — Ж. Читежи. Штаб-квартира КОРЕМО размещалась в Лусаке.

КОРЕМО не получил какого-либо международного признания. Несмотря на свои огромные усилия, предпринятые на X сессии Комитета освобождения Африки ОАЕ в 1967 г., КОРЕМО не смог добиться большего, чем признания де-факто его деятельности. Ему было отказано в материальной и финансовой помощи и даже в разрешении открыть свое отделение в Дар-эс-Саламе, где находилась штаб-квартира комитета.

В августе 1965 г. Гумане открыто заявил о своей ориентации на маоистское руководство КПК. КОРЕМО, видимо, по указанию из Пекина установил тесные связи с рядом прокитайских организаций в Африке, в том числе с ПАК, ГРАЕ, УНИТА и СВАНУ. Хотя Гумане утверждал, что его организация имеет 5000 последователей в Мозамбике, КОРЕМО не вел каких-либо боевых действий против португальцев. Он сосредоточил свою деятельность главным образом на создании тайной сети кадров и их военном обучении, чтобы использовать их в будущем против ФРЕЛИМО, а также осуществлял террористические акции в отношении руководителей ФРЕЛИМО. Видимо, с его деятельностью следует связать серию нераскрытых убийств видных деятелей ФРЕЛИМО (Ф. Магайя, Ж. Сигуаке и др.) в 1966—1968 гг.

К концу освободительной войны КОРЕМО полностью сошел с политической арены, так как его иностранные покровители, разочаровавшись в Гумане, перестали оказывать ему финансовую и другую помощь.

В ходе размежевания классовых и политических сил во ФРЕЛИМО выявились острые противоречия, проявившиеся в серьезных идейно-политических разногласиях по таким вопросам, как стратегия и тактика вооруженной борьбы, социально-экономические преобразования в

освобожденных районах, степень демократизации власти в этих районах и т.д.

Идейно-политическая борьба во ФРЕЛИМО резко обострилась в конце 60-х гг. в связи с радикализацией движения. Одним из проявлений этой борьбы явился «студенческий бунт» в Мозамбикском институте. Этот институт был создан ФРЕЛИМО в 1963 г. в Танзании и имел своей задачей подготовку медсестер, учителей, а также кандидатов для обучения в заграничных университетах¹⁰⁵. Он был как бы высшим звеном образовательной системы ФРЕЛИМО. Однако то обстоятельство, что многие его студенты происходили из привилегированных слоев населения, а ряд преподавателей был приглашен из капиталистических стран, предопределило растущее недовольство студентов политикой руководства ФРЕЛИМО. Особое влияние среди них приобрел молодой мозамбикский католический священник Матеус Гвенжере. Он прибыл в Дар-эс-Салам в конце 1967 г. и без всяких трудностей устроился в Мозамбикский институт. По словам Б. Корнуэлл, в это время «никто не спрашивал новых сотрудников, были ли они правыми, левыми или центристами». Придерживаясь расистских и элитистских идеологических воззрений, Гвенжере выступил с резкими нападками на революционно настроенных белых руководителей института (в том числе на супругу Э. Мондлане — Ж. Мондлане). Он обвинил Э. Мондлане в том, что тот является «изменником», который «двигается слишком медленно и говорит слишком мягко».

Подстрекаемые Гвенжере студенты выступили в марте 1968 г. с требованием отменить контроль ФРЕЛИМО над институтом, отстранить Ж. Мондлане от его руководства и изменить программу обучения.

¹⁰⁵ После создания ФРЕЛИМО в 1962 г. супруга Э. Мондлане Жанет обратилась с просьбой к Фонду Форда в Нью-Йорке о выделении средств на строительство в Дар-эс-Саламе большого здания, где бы могли жить и получать среднее образование молодые мозамбикские беженцы. Фонд Форда выделил такие средства, но уже через год перестал возобновлять пожалования, поскольку стало ясно, что ФРЕЛИМО в первую очередь помогал борцам за свободу и их детям. Было построено хорошее здание, в котором вначале жили и учились всего 50 студентов. В Мозамбикском институте изучали португальский язык, математику, историю и географию Португалии. Преподавателями были экспатрианты из Швеции, США, Англии и т.д.

Провокационная деятельность Гвенжере не могла быть более терпима, и в марте 1968 г. ЦК ФРЕЛИМО, резко осудив ее, потребовал его исключения из штата института. Тогда Гвенжере создал антифрелимовскую организацию из числа мозамбикцев, живших в Дар-эс-Саламе. В начале мая этой группой были предприняты два нападения на штаб-квартиру ФРЕЛИМО в столице Танзании. Во время второй атаки два активиста фронта были тяжело ранены (один смертельно). После этих инцидентов, сопровождавшихся студенческими беспорядками, правительство Танзании потребовало, чтобы белые, входящие во ФРЕЛИМО, покинули пределы страны.

Критикуя студентов Мозамбикского института, Мондлане писал: «Подчиняться ФРЕЛИМО — значит подчиняться Отечеству, осуществлять цель, являющуюся исторической задачей народа на нынешней фазе национального освобождения... Все должны понимать это. Хотя Отечество нуждается в подготовленных руководителях, сегодня, как и завтра, оно нуждается только в руководителях-революционерах, иначе нам превосходно подошли бы и колониалистские лидеры, поскольку они имеют академические звания и техническую квалификацию... Необходимо понять, что борьба — это важнейшая и лучшая в мире школа обучения».

В результате «студенческого бунта» институт был закрыт. Вместо него была открыта школа в Багамоё, чтобы удалить студентов от «соблазнов городской жизни». Это был не первый конфликт Мондлане со студентами. За год до этого он стал объектом аналогичной критики мозамбикских студентов, обучавшихся в США, некоторые из которых отказались участвовать в антиколониальной войне. Мондлане резко осудил их за то, что они позволили, идя на поводу своих «эгоистических чувств», устроить обструкцию «нашему общему участию в борьбе», отказавшись вернуться в Африку после получения образования, которое было оплачено ФРЕЛИМО.

В мае 1968 г. правонационалистические элементы из числа студентов распространили клеветнический памфлет, в котором называли Мондлане «марионеткой американского капитала».

В это же время против руководства ФРЕЛИМО выступила раскольническая трайбалистская группировка во главе с Лазару Нкавандаме,

который был одним из вождей маконде. В 1957 г. он основал крестьянский кооператив по возделыванию хлопка, продаваемого португальской компании, экспортировавшей его за границу. Этот кооператив, названный Добровольным хлопководческим сельским обществом африканцев Мозамбика, к 1958 г. имел 1000, а к июлю 1959 г. — 1500 членов. Напуганные развитием кооперативного движения, португальские власти завербовали некоторых членов кооператива на принудительные работы на сизалевых и хлопковых плантациях, а в 1959 г. арестовали Нкавандаме, сослав в Порту-Амелия. После резни в Музде они освободили его и сняли запрет на добровольные кооперативы при условии, что в них будет не более 30 членов¹⁰⁶. Кооперативы были поставлены под португальский контроль, а сам Нкавандаме наживался на сдаче напрокат трактора тем, кто в нем нуждался. С 1962 г. кооперативы Нкавандаме установили связи с ФРЕЛИМО, стремившимся использовать их как средство усиления поддержки крестьян в Кабу-Делгаду.

Нкавандаме и некоторые другие вожди маконде выступали за сохранение родоплеменных институтов, против эмансипации женщин, были сторонниками «черного расизма», призывая убивать всех белых, включая военнопленных. Нкавандаме одобрял нападения крестьян маконде на португальских поселенцев и рассматривал конфликт с колонизаторами в категориях расовой эмансипации. Он пользовался поддержкой так называемого Совета старейшин маконде, пытавшегося убедить ФРЕЛИМО сохранить традиционные племенные структуры. Машел и другие лидеры фронта выступили против таких «феодалных пережитков», считая, что они представляют собой систему эксплуатации, столь же достойную осуждения, как и эксплуатация колонизаторов.

Будучи избран на I съезде ФРЕЛИМО членом ЦК и став секретарем провинции Кабу-Делгаду, Нкавандаме сосредоточил в своих руках практически неограниченную власть в провинции, рассматривая ее как свою феодальную вотчину. Став председателем Провинциального кооперативного комитета, он контролировал с его помощью всю тор-

¹⁰⁶ Vail L. and White L. *Capitalism and Colonialism in Mozambique. A study of Quelimane District*. London, Nairobi, Ibadan, 1980. P. 394.

говлю между Мозамбиком и Танзанией, которая проходила через его провинцию. Хотя программа деятельности кооперативов была выработана ЦК ФРЕЛИМО в сотрудничестве с правительством Танзании, он всячески противился контролю со стороны членов ЦК, а узнав, что ЦК собирается реорганизовать кооперативы, с тем чтобы ликвидировать злоупотребления и коррупцию, начал выступать с обвинениями в адрес руководства ФРЕЛИМО.

К середине 1968 г. революционно-демократическое ядро в ЦК ФРЕЛИМО пришло к следующим выводам: когда в ЦК возникало «различие мнений», против этого ядра всегда выступали одни и те же люди; последние события прояснили характер оппозиции; взгляды оппозиции поддерживал вице-президент У. Симанго.

Стало предельно ясно, что во ФРЕЛИМО существуют два течения — революционно-демократическое, основанное на марксистской идеологии, и контрреволюционное, базирующееся на мелкобуржуазной националистической идеологии. Возникла необходимость в созыве II съезда ФРЕЛИМО. 26 мая 1968 г. Мондлане объявил, что съезд начнет работу 31 июля, но не указал место его проведения. Вопросы, которые должны были решаться на съезде, были определены с предельной четкостью: «Мозамбикский народ имеет право знать, что недавно произошло в Танзании... Именно на съезде этот вопрос будет разъяснен нашему народу».

Делегаты съезда должны были обсудить «проблемы развития политико-социальных структур, в том числе следующие: 1) выработка отношений между военной и гражданской администрацией; 2) средства увеличения производства в сельском хозяйстве, кооперативах, торговле, хлопчатобумажной промышленности и т.д.; 3) создание и улучшение школ, курсов для взрослых, медицинских центров и других социальных служб; 4) совершенствование внешней политики, направленной на дружбу и сотрудничество с прогрессивными силами и враждебной империализму».

Революционно-демократическое крыло ЦК во главе с Мондлане выступило за проведение съезда в одном из освобожденных районов страны, в то время как Нкавандаме и его сторонники потребовали, чтобы он прошел в Южной Танзании. Другим спорным вопросом был

состав делегаций от провинций, где шла вооруженная борьба (Кабу-Делгаду, Ньяса, Тете). В конечном счете было решено, что каждая провинция пошлет по 17 делегатов (9 военных и 8 политических работников). Это решение, а также решение провести съезд в Ньяса означали поражение фракции Нкавандаме.

Открытый конфликт между руководством ФРЕЛИМО и группой Нкавандаме произошел на самом съезде, который состоялся в июле 1968 г. Попытка Нкавандаме обеспечить себе большинство голосов на съезде, включив в число делегатов членов Совета старейшин маконде, окончилась провалом. Тогда делегация Кабу-Делгаду во главе с Нкавандаме покинула съезд и организовала свой «съезд» в Мтвара (Танзания) в начале августа.

Попытки руководства ФРЕЛИМО и членов правительства Танзании убедить Нкавандаме и старейшин маконде пересмотреть свои ошибочные позиции с тем, чтобы избежать раскола фронта, ни к чему не привели. На II съезде победила линия руководства ФРЕЛИМО. Были приняты решения об эмансипации женщин, о гуманном обращении с военнопленными, о замене племенных старейшин выборными комитетами самоуправления и др. Съезд высказался за то, что военные задачи ФРЕЛИМО должны быть подчинены политическим целям, главная из которых — создание нового Мозамбика.

Нкавандаме отказался признать решения съезда и провозгласил Кабу-Делгаду независимой республикой. Он приказал закрыть границу между Танзанией и провинцией Кабу-Делгаду и расстреливать всех членов ФРЕЛИМО, которые попытаются нарушить этот приказ. Для этой цели организовали специальные вооруженные отряды, которые должны были патрулировать южную границу Танзании в поисках членов ФРЕЛИМО, осмелившихся ее пересечь без разрешения Нкавандаме. По его распоряжению 22 декабря 1968 г. на границе был убит командующий вооруженными силами ФРЕЛИМО Паулу Канкомба.

Исполком ЦК ФРЕЛИМО, проанализировав обстоятельства убийства Канкомбы и роль, которую сыграли в этом Нкавандаме и старейшины маконде, решительно осудил это преступление и пришел к выводу, что Нкавандаме стал врагом ФРЕЛИМО и мозамбикского народа и ступил на путь борьбы с ними. Исполком освободил Нкавандаме

от обязанностей члена ЦК ФРЕЛИМО, провинциального секретаря и председателя Провинциального кооперативного комитета и просил правительство Танзании арестовать этого деятеля и его сподвижников и репатриировать их в Мозамбик.

Будучи исключен из ФРЕЛИМО, Нкавандаме начал открыто сотрудничать с португальскими колонизаторами.

Главной движущей силой антиколониальной революции ФРЕЛИМО считал крестьянство. Это определило и выбор тактики вооруженной борьбы, которая должна была вначале охватить сельские районы и лишь на последнем этапе революции постепенно распространиться на промышленные центры. «Борьба в сельских зонах, где враг слаб, позволяет нам освобождать обширные территории со значительным населением, — писал С. Машел. — Мы все более изолируем противника и уменьшаем возможность для него эксплуатировать наш народ. Численность освобождённого населения растет, что приумножает наши силы... Партизанская война вынуждает врага сражаться в окружении народа, который ему враждебен»¹⁰⁷.

Исходя из этой тактической линии, ФРЕЛИМО еще за несколько месяцев до начала вооруженной борьбы направил своих агитаторов в сельские районы с целью политической мобилизации крестьян. Такая работа была связана с большими трудностями и не всегда давала результаты из-за неграмотности, низкого классового и национального сознания крестьян, их этнических предрассудков и определенной восприимчивости к вражеской пропаганде, использовавшей этнические противоречия.

Побывавшая в Мозамбике в тот период журналистка Б. Корнуэлл писала: «Поскольку большинство мозамбикцев не умеют ни читать, ни писать, это означало, что агитаторы не могли воздействовать на них с помощью листовок, подпольно издаваемых газет или других подобных каналов. Они не могли влиять на аудиторию и на общественных митингах, так как португальцы быстро прервали бы революционную деятельность. Необходим был личный и устный контакт, осуществляемый агитаторами, шедшими из деревни в деревню, из района в район, и все

¹⁰⁷ Борьба за освобождение португальских колоний. С. 48—49.

это тайно и пешком». Как правило, ФРЕЛИМО направлял агитаторов в те районы, где они выросли, были знакомы с языком, обычаями населения и, что было не менее важно, с местностью и лесными тропами. Работа агитаторов была связана с большим риском, так как, по словам Б. Корнуэлл, «реальная опасность исходила от самих черных жителей деревень, которых организовывали агитаторы, поскольку среди этой запуганной массы находились десятки людей, готовых передать их властям за несколько долларов. По местным стандартам это была существенная сумма, которая могла быть равна годовому заработку.

А если агитатор был из другого племени или провинции, он подвергался еще большему риску. Многие из них в те дни были схвачены солдатами, повешены за ноги и сожжены заживо. Те, кому удавалось избежать патрулей, передвигались только ночью и питались лесными мышами, кореньями — диетой, которая иногда дополнялась миской риса, принесенной в джунгли тайным сочувствующим».

Тем не менее неистребимая вера в победу, смелость и настойчивость этих голодных, оборванных и босоногих политагитаторов постепенно завоевывали сердца и мысли крестьян, поскольку в своих лекциях у лесного костра они говорили о вопросах, волновавших их слушателей: о хроническом голоде, огромной детской смертности, принудительном труде, подводя слушателей к пониманию целей ФРЕЛИМО.

Так же как в Анголе и Гвинее-Бисау, португальские колонизаторы применяли варварские репрессии против мирного населения Мозамбика с целью заставить его отказаться от поддержки повстанцев. При этом в Мозамбике широко использовался опыт войны американских агрессоров во Вьетнаме. В частности, африканцев заставляли селиться в «алдеаментуш», чтобы легче было осуществлять над ними контроль и препятствовать их связям с партизанами. Насильно согнанным в «алдеаментуш» крестьянам строжайшим образом запрещали вернуться в родные места.

Назначенный в 1970 г. главнокомандующим португальской армией в Мозамбике генерал К. де Арриага начал широко применять методы «психологической войны». Как он сам впоследствии вспоминал, «специфические военные операции проводились под девизом: "Убеждать умы и завоевывать сердца"».

Португальцы сбрасывали с самолетов тысячи листовок, призывавших партизан прекратить борьбу и обменять оружие на денежные награды. В то же время колониальные власти стали создавать из африканцев «милицию» и другие полувойсковые формирования, чтобы использовать их в войне с ФРЕЛИМО. Мозамбикский миллионер Ж. Жардин, известный тесными связями с правительством Португалии, в своих воспоминаниях пишет, что даже М. Каэтану признавал, что эти формирования «имеют жестокую концепцию войны и сохраняют свои племенные предрассудки». 23 августа 1973 г. был издан закон о призыве на военную службу всех мозамбикцев в возрасте от 20 до 44 лет.

В то же время была развернута кампания террора и насилия против мирного населения. Широкую волну возмущения и протестов во всем мире вызвало сообщение двух испанских миссионеров о кровавом преступлении в деревне Вирияму, где 16 декабря 1972 г. каратели зверски убили 400 мозамбикцев.

Летом 1970 г. К. де Арриага предпринял решительное наступление на освобожденные районы, контролируемые ФРЕЛИМО. В этой операции, имевшей кодовое название «Гордиев узел», участвовало 35 000 до зубов вооруженных солдат. Португальским войскам удалось блокировать ряд дорог, окружить некоторые партизанские базы и захватить склады оружия, которые позже были выставлены для всеобщего обозрения. Арриага объявил о военной победе, которая «нуждалась лишь в дополнении психологическими и социальными операциями, чтобы стать окончательной». Однако генерал выдавал желаемое за действительное. Вспоминая об этом, А.Ж. Чипанде отмечал: «“Гордиев узел” был операцией по принципу “убивай всех, сжигай все, уничтожай все” и имел целью проникновение в освобожденные зоны, чтобы уничтожить не только базы ФРЕЛИМО, наши вооруженные силы, кадры и организации, но и, устроив массовую резню, уничтожить все, что там сделано. Но К. де Арриага опоздал. Если бы “Гордиев узел” был начат в начале нашей борьбы, возможно, мы были бы сокрушены. С профессиональной и военной точки зрения это была хорошо подготовленная и хорошо выполненная операция. Но мы были гораздо сильнее идейно — обстоятельство, значение которого враг никогда не

мог понять». Генерал Кошта Гомеш назвал операцию «Гордиев узел» «самым крупным поражением империи».

Результатом действий колонизаторов явился поток беженцев из Мозамбика в соседние страны — Танзанию и Малави. Наряду с массовыми репрессиями колонизаторы применяли и индивидуальный террор в отношении лидеров национально-освободительного движения. 3 февраля 1969 г. в Дар-эс-Саламе был злодейски убит основатель и первый председатель ФРЕЛИМО Э. Мондлане.

После гибели Мондлане Исполком ЦК ФРЕЛИМО «в соответствии с Уставом ФРЕЛИМО до следующего пленума ЦК» 11 февраля 1969 г. возложил «функции президента» на У. Симанго. На состоявшемся в апреле 1969 г. III пленуме ЦК Симанго был подвергнут резкой критике за то, что в 1968 г. защищал и оправдывал действия Гвенжере и Нкавандаме. ЦК осуществил свое уставное право решать, как будет организовано президентство до следующего съезда. Он создал Президентский совет, в котором У. Симанго контролировался С. Машелом и М. душ Сантушем как наиболее испытанными и последовательными членами руководства.

Однако У. Симанго, нарушив существовавшие во ФРЕЛИМО правила, опубликовал в танзанийской прессе в ноябре 1969 г. статью о внутренних делах в организации, назвав ее «Мрачная ситуация во ФРЕЛИМО». В статье он обвинил фронт в том, что он заражен «сектантством, регионализмом и трайбализмом», вызывающими междоусобицы. Он обвинил вдову Мондлане в том, что она является «источником колоссальной коррупции», а Машела и М. душ Сантуша в том, что они «готовят преступные заговоры».

В области идеологии Симанго объявлял себя приверженцем «традиционного национализма» и «элитизма» Гвенжере и Нкавандаме. Он требовал отставки Машела и М. душ Сантуша. Выступление Симанго против руководства организации было проявлением борьбы правонационалистических сил против революционных демократов во ФРЕЛИМО. Однако последние взяли верх в этой борьбе.

За свою раскольническую деятельность и попытки захватить единоличную власть Симанго был выведен решением Исполкома ЦК ФРЕЛИМО в ноябре 1969 г. из Президентского совета, а в мае 1970 г.

по решению Исполкома ЦК исключен из организации как «предатель народа Мозамбика».

Симанго выступил с ультралевыми декларациями на сессии Комитета освобождения Африки ОАЕ, а после исключения из ФРЕЛИМО и выдворения его из Танзании упражнялся в злобных выпадах против живых и покойных лидеров ФРЕЛИМО. В конечном счете Симанго присоединился к КОРЕМО.

На чрезвычайном заседании Исполкома ЦК ФРЕЛИМО в мае 1970 г., исключившем Симанго из организации, председателем фронта был избран Самора Машел, а вице-председателем — ветеран движения М. душ Сантуш.

С. Машел родился в 1933 г. на юге Мозамбика в крестьянской семье. Проучившись шесть лет в католической начальной школе, он отказался продолжить учебу в семинарии, хотя это давало право стать католическим священником. Благодаря своему статусу «ассимиладу», упорству и незаурядным способностям он сумел окончить среднюю школу и медицинские курсы, получив относительно привилегированную профессию брата милосердия, что дало ему возможность свободно и много ездить по стране. Все, что он видел, потрясало и возмущало. Очень скоро он понял, что в основе политики португальских властей лежит расовая дискриминация. За одну и ту же работу белые получали в несколько раз больше, чем черные. Расовая дискриминация на всех уровнях, во всех областях вызывала в душе молодого человека не только горькое ощущение несправедливости, но и дух активного протеста.

Позже Машел вспоминал: «Постепенно я осознал, что ничто не может помочь, кроме коллективных действий. Человек, опирающийся лишь на свои силы, не в состоянии чего-либо достичь. На той стадии (это было после 1956 г.) я начал понимать ключевые экономические и политические проблемы и причины, по которым африканцы находятся в столь невыгодном положении. Затем 1960 год — независимость Конго... Я начал всерьез задумываться о возможностях добиться независимости Мозамбика... В это время португальские власти усилили репрессии против всех грамотных африканцев. Было еще нечто, что разжигало наше любопытство: мы старались понять, почему власти не хотят, чтобы мы читали газеты и слушали иностранное радио. Ну а

затем пришел 1961 год в Анголе». Вскоре после основания ФРЕЛИМО С. Машел вступает в него и включается в активную борьбу с колонизаторами. В составе группы членов ФРЕЛИМО он отправляется в Алжир для прохождения военной подготовки. С началом вооруженной борьбы С. Машел стал командиром первой военной базы на мозамбикской территории.

В 1964 г. возглавляемая Машелом группа мозамбикских партизан развернула боевые действия против колонизаторов, переросшие вскоре во всенародную национально-освободительную борьбу. Проявив незаурядные военные способности, Машел стал заместителем главнокомандующего вооруженными силами ФРЕЛИМО, а после его гибели — главнокомандующим национально-освободительной армией. В 1968 г. на II съезде был избран членом ЦК ФРЕЛИМО и секретарем департамента обороны ЦК. Он выступал в поддержку линии Мондлане против националистической платформы Нкавандаме.

После майского 1970 г. заседания Исполкома ЦК ФРЕЛИМО эта организация окончательно превратилась в революционно-демократическую. В тот же период руководство ФРЕЛИМО во главе с С. Машелом приступило к изучению вопроса о целесообразности создания авангардной партии трудящихся. Иначе говоря, в руководстве фронта обдумывалась перспектива прерастания мозамбикской национально-демократической революции в революцию народно-демократическую.

Постепенно выкристаллизовывалась идеологическая доктрина ФРЕЛИМО, вобравшая в себя в синтезированном виде многие положения научного социализма (например, в области партийного и государственного строительства, отрицания капиталистического общества и буржуазной морали, отказа от каких бы то ни было эксплуататорских отношений, идеи о переходе к социализму, минуя капитализм, и т.д.).

О том, что уже тогда руководство фронта взяло курс на создание авангардной партии трудящихся, свидетельствует, например, послание Машела ФРЕЛИМО 25 сентября 1971 г., в котором говорилось: «Седьмой год (1970—1971 гг. — А.Х.) был точкой отсчета сознательного развития характера нашей организации, ее превращения в авангардную партию трудящихся масс в нашей стране, авангардную партию с авангардной идеологией».

В июне 1971 г. делегация ФРЕЛИМО во главе с С. Машелом посетила СССР, Болгарию, Румынию и ГДР. К 1973 г. лидеры фронта открыто говорили о необходимости создать революционную партию и о том, что ФРЕЛИМО идет в этом направлении. В 1970 г. ФРЕЛИМО провел ряд крупных военных операций в провинциях Тете, Ньяса и Кабу-Делгаду. Несмотря на то что португальцы стянули в Мозамбик 50-тысячную армию, они несли значительные потери. Только за год — с июня 1970 по июль 1971 г. — бойцы ФРЕЛИМО уничтожили 1500 солдат и офицеров противника. В начале 1972 г. войска ФРЕЛИМО развернули активные боевые действия южнее Замбези.

Особое значение ФРЕЛИМО придавал военным операциям в Тете. Стремясь сорвать строительство плотины Кабора-Басса, партизаны с сентября 1971 г. стали устраивать завалы на дороге Шангара — Зомба (одном из двух путей, по которым португальцы доставляли стройматериалы) и нападать на сопровождаемые солдатами противника обозы. В феврале 1972 г. отрядам фронта, действовавшим в Тете, удалось также перерезать железную дорогу Блантайр — Солсбери, взорвать мост и таким образом приостановить доставку материалов для строительства плотины. К июлю 1974 г. эта дорога была взорвана в 75 местах.

Минирование и засады, устраиваемые партизанами ФРЕЛИМО на дороге, соединяющей Солсбери и Блантайр, блокировали единственный сухопутный путь между ЮАР и ее государством-сателлитом Малави. Активность партизан в Тете вызвала шок в Лиссабоне. Португальское командование вынуждено было в срочном порядке перебросить войска из Кабу-Делгаду и Ньяса в северо-западный район страны, что дало возможность фронту начать активные наступательные действия на Севере. Лиссабон передал всю полноту гражданской и военной власти в Тете в руки высшего армейского офицера. С. Машел подытожил результаты операций ФРЕЛИМО в Тете в 1972 г., сказав: «Тете подобен горбу верблюда — именно там сосредоточены (португальские. — А.Х.) войска и резервы».

В июле 1972 г. партизаны начали военные действия в районах Вила-Пери и Бейры. Опасаясь, что будут блокированы экономически важные для него дороги Умтали — Бейра и Солсбери — Блантайр, ра-

систское правительство Родезии направило в Мозамбик войска и ВВС, которые выступили на стороне португальцев уже с апреля 1971 г.

Действуя мелкими партизанскими группами, ФРЕЛИМО наносил большой ущерб живой силе и технике противника. По свидетельству Хенриксена, использование советского оружия «иногда давало партизану превосходство в огневой мощи над португальским солдатом». Обстрел ракетами таких целей, как Эстима (оборонительная база в 20 милях от плотины Кабора-Басса), вызывал панику среди португальских войск. По некоторым данным, к весне 1974 г. фронт имел внутри страны 10 000 вооруженных бойцов и 25 000 членов организации. Только в 1972—1974 гг. число бойцов возросло на 4000 человек.

К 1974 г., хотя португальцы располагали в Мозамбике более чем 70-тысячной армией, ФРЕЛИМО контролировал четверть территории страны (200 000 кв. км), в которой проживало более 1 млн человек. После победы революции в Португалии начались переговоры между новым португальским правительством и ФРЕЛИМО. Первая встреча состоялась в Лусаке 5 июня 1974 г. Она закончилась неудачей, так как португальский представитель — заместитель командующего Оперативным командованием на континенте (КОПКОН) Сарайва ди Карвалью был уполномочен президентом Спинолой вести переговоры лишь о прекращении огня, в то время как мозамбикцы требовали признания их права на независимость и признания ФРЕЛИМО единственным законным представителем народа Мозамбика.

Последнее условие было принципиально важным, так как Спинола, явно взяв курс на неоколониалистское решение проблемы колоний, всячески благоприятствовал появлению в Анголе и Мозамбике проимпериалистических коллаборационистских и сепаратистских группировок. По возвращении в Лиссабон С. ди Карвалью представил Спиноле доклад, в котором говорилось об ухудшении для Португалии военной ситуации в Мозамбике и предлагалось пойти на уступки ФРЕЛИМО. Это вызвало раздражение генерала, обвинившего Карвалью в трусости.

Он назначил губернатором Мозамбика своего верного сторонника Силвину Силверину Маркеша, дав ему широкие политические и военные полномочия. Спинола намеревался создать так называемый «вы-

борочный совет», который обеспечил бы португальское господство в Мозамбике в течение неопределенно долгого переходного периода. Вот как вспоминал Жардин о своей встрече со Спинолой: «Я утверждал, что мы хотим солидных гарантий для всех заинтересованных групп относительно независимости Мозамбика, интегрированного в широкое "Лузитанское сообщество"... Он заметил мне, что убежден, что сможет принять наилучшее решение, и высказал туманные предположения о форме, в коей следует готовить и избрать выборочный совет».

К этому времени ФРЕЛИМО добился военных успехов. 24 июля 1974 г. С. Машел следующим образом охарактеризовал изменения, происшедшие в военно-политической ситуации в Мозамбике после революции в Португалии: «В Замбезии, хотя вооруженная борьба началась там менее месяца назад, она уже охватила более трети территории, в течение нескольких недель более 5 тыс. патриотов вступили добровольцами в наши Народные силы освобождения. Народ Мозамбика с энтузиазмом приветствует более тысячи португальских солдат, отказавшихся воевать в составе колониальной армии».

Португальская армия не хотела продолжать проигранную войну. Военные опередили дипломатов и в июле 1974 г. начали секретные переговоры с руководством ФРЕЛИМО, результатом которых было прекращение огня де-факто. В августе 1974 г. в Дар-эс-Салам для переговоров с ФРЕЛИМО прибыли представители португальского правительства Мариу де Соареш и майор Мелу Антуниш. На этот раз переговоры прошли быстро и успешно. Португальская делегация приняла основные требования фронта. Оставшиеся нерешенными вопросы — о гарантиях интересов Португалии в Мозамбике, о механизме передачи власти, о составе переходного правительства — были согласованы во время новой встречи в Лусаке в сентябре 1974 г. 7 сентября 1974 г. там было подписано соглашение о предоставлении Мозамбику независимости с 25 июня 1975 г. По этому соглашению было создано переходное правительство, возглавленное членом Исполкома ФРЕЛИМО Ж. Чиссано.

Началась последняя, заключительная фаза ликвидации колониального режима в Мозамбике. Вместе с тем наступил первый этап создания новой африканской республики. На этом этапе народу Мозам-

бика пришлось преодолеть сопротивление сил внутренней и внешней реакции, которые пытались помешать процессу деколонизации и навязать стране неоколониалистские порядки. Опираясь на поддержку империалистических сил и расистских режимов на юге Африки, проколониалистские элементы в Мозамбике начали создавать нелегальные политические организации. Португальские поселенцы вынашивали планы достижения «независимости по родезийскому образцу». Уже упоминавшийся Жардин, близкий друг Салазара, задолго до «революции гвоздик» разработал план создания в Мозамбике «белого сепаратистского государства» — двойника Родезии Яна Смита. Хотя Жардин и считал Казтану «слабым и нерешительным», он представил ему свой план в феврале 1974 г., но не получил одобрения. Тогда Жардин и его сторонники решили действовать на свой страх и риск. По его собственному свидетельству, он мог рассчитывать на поддержку португальских «командос», других военных и полувоенных формирований, а также контролировавшихся им прессы и радио («Нотисиаш да Бейра», «Вож африкана», «Экономия ди Мосамбик», радиостанция Аэроклуба Бейры).

В феврале 1974 г. белые поселенцы создали Объединенную группу Мозамбика (ГУМО), выдвинувшую требование автономии при сохранении политических и экономических связей с Португалией. ГУМО насчитывала около 300 членов (главным образом из богатых поселенцев). Во главе ГУМО стояли Максиму Диаш и Жуана Симеан — одна из основательниц КОРЕМО. Эту организацию поддерживал губернатор страны Б. Ребелу де Соуза. Целью Объединенной группы было оказание сопротивления ФРЕЛИМО. После того как митинг ее сторонников в Бейре был разогнан местным населением, ГУМО 11 мая 1974 г. распалась, а Ж. Симеан вместе с исключенными в 1969 г. из ФРЕЛИМО Нкавандаме и У. Симанго создала Общий фронт Мозамбика (ФРЕКОМО).

В мае 1974 г. была создана организация «Фико», что в переводе означает «Я остаюсь». В нее вошли 500 экстремистски настроенных белых поселенцев, решивших объединиться по образцу ОАС в Алжире для вооруженной борьбы за создание режима «белого меньшинства» в Мозамбике. Лидером «Фико» стал богатый владелец гаражей Гомиш душ Сантуш.

Вскоре на свет появилась другая расистская организация — Демократическая конвергенция Мозамбика (ДКМ). Она состояла из нескольких сот белых, а также зажиточных африканцев — высокооплачиваемых служащих крупных компаний и банков, инженеров, адвокатов, врачей и т.д. Члены ДКМ не скрывали, что имеют могущественных покровителей в Лиссабоне из числа лиц, близких к генералу Спиноле.

Они утверждали, что сумеют сделать так, чтобы Спинола изгнал левых офицеров из Мозамбика и вернул войска в Португалию. Имея тесные связи с финансовыми кругами в метрополии и в ЮАР, ДКМ предприняла попытку скупить газеты в Бейре и других городах Мозамбика. Программа ДКМ сводилась к устранению ФРЕЛИМО от власти, отсрочке предоставления независимости, проведению всеобщих выборов и введению «демократической конституции».

В конце августа 1974 г. в Бейре ФРЕКОМО, КОРЕМО и три другие организации объединились в Национальную коалиционную партию Мозамбика (НКПМ), которую возглавил П. Гумане.

Сразу же после революции в Португалии он вместе с агентами США, ЮАР и сторонниками Спинолы стал разрабатывать планы, имевшие целью помешать ФРЕЛИМО прийти к власти. НКПМ поддерживала требование Спинолы о проведении референдума и стремилась создать в стране неоколониалистский режим. Она пыталась воспрепятствовать соглашению между Португалией и ФРЕЛИМО, а когда это не удалось, присоединилась 7 сентября 1974 г. к путчу правых поселенцев. Путчисты захватили радиостанцию в Мапуту, провозгласили Мозамбик «независимым» и призвали своих единомышленников в ЮАР и Родезии оказать им помощь.

В конце октября 1974 г. в Лоренсу-Маркише была предпринята новая попытка военного переворота. Португальские «командос» спровоцировали вооруженное столкновение с бойцами ФРЕЛИМО, открыли огонь по безоружной толпе, убив десятки людей. Всего в этих инцидентах было убито более 100 и ранено более 150 человек.

Подразделения португальской армии и войска ФРЕЛИМО приняли энергичные меры для охраны общественного порядка. Организаторы путча были арестованы. ФРЕЛИМО провел массовые митинги в столице, разъясняя свою политику и особо подчеркивая ее нерасистский

характер. Переходное правительство Мозамбика приняло закон, карающий тюремным заключением сроком до 8 лет за распространение слухов, нарушающих общественный порядок.

Переходный период сыграл важную роль в поддержании политической стабильности в Мозамбике и подготовил условия для решения задач независимого развития страны. 25 июня 1975 г. в Лоренсу-Маркише (Мапуту) был спущен португальский флаг и провозглашена независимость Мозамбика.

Крах фашистского режима в Португалии

Накануне революции 25 апреля 1974 г. в Португалии горстка финансовых и промышленных магнатов сосредоточивала в своих руках всю полноту экономической и политической власти. Несколько семейств, таких как Шампалимо, Мелу, Эспириту-Санту, Кина, монополизировали банки, страховые общества, газеты и делили с мультинациональными компаниями контроль над португальской промышленностью. Одна только монополия КУФ (компания «Униан Фабрил», собственность Мелу) владела десятой частью национального капитала.

К югу от реки Тежу класс крупных землевладельцев скупил практически все пахотные земли. Эти феодалы жили в роскошных отелях Лиссабона или на своих виллах в Кашкаисе или Эстуриале, в то время как их огромные латифундии часто не возделывались. Крупная монополистическая буржуазия и латифундисты составляли правящую элиту страны до революции 25 апреля.

Социальной базой фашистского режима, просуществовавшего в Португалии 48 лет, был союз монополистической буржуазии и латифундистов с мелкими сельскими собственниками. Католическая церковь служила идеологическими подпорками этому нерасторжимому блоку, связанному с архаической аграрной структурой.

Накануне апрельской революции экономическое положение Португалии стало чрезвычайно тяжелым. В стране наблюдался хрониче-

ский дефицит торгового баланса, который составил в 1972 г. астрономическую цифру — 23 млрд эскудо. По уровню инфляции Португалия стала своего рода рекордсменкой среди всех европейских стран. Соглашения с Общим рынком еще более обострили и без того крайне нестабильное положение слабой португальской промышленности и отсталого сельского хозяйства. Правительство пыталось преодолеть эти трудности за счет усиления эксплуатации трудящихся, увеличения налогового пресса. Сумма налогов, ежегодно уплачиваемая португальским народом, увеличилась с 17 млрд в 1969 г. до 30 млрд эскудо в 1972 г.¹⁰⁸ Путем широкого привлечения в страну иностранного капитала правящая верхушка стремилась исправить дело.

Открыв двери для иностранных монополий, руководители «эштаду нуэво» («Новое государство» — так именовался фашистский режим в Португалии. — А.Х.) рассчитывали, опираясь на поддержку западных держав, продлить существование прогнившего фашистского режима. Экономика Португалии стала почти полностью зависимой от транснациональных корпораций, легко уязвимой, чувствительной к малейшим конъюнктурным колебаниям в системе мирового капиталистического хозяйства. Особенно сложная экономическая ситуация сложилась в месяцы, непосредственно предшествовавшие революции 25 апреля 1974 г. От засилья крупных монополий страдали не только трудящиеся массы, но и мелкие и средние предприниматели¹⁰⁹.

Репрессии, голод, болезни и хроническая нищета — таков был удел португальских трудящихся в условиях фашистской диктатуры. Это вынудило многих из них эмигрировать за границу. Только за 10 лет (с 1962 по 1972 г.) около миллиона португальцев покинули свою родину, в том числе 600 000 эмигрировали во Францию, 50 000 — в ФРГ, 50 000 — в Испанию, 30 000 — в ЮАР, 20 000 — в Бельгию, 20 000 — в Канаду, 15 000 — в Англию и 10 000 — в Люксембург. Население Португалии в 1961 г. составляло 8 800 000 человек, а в 1972 г. только 7 800 000.

Тяжелое положение народных масс явилось главной причиной подъема антифашистского движения в Португалии, которое охватило

¹⁰⁸ См.: Правда. 1973. 20 октября.

¹⁰⁹ Крицкий Л.Г. Экономика Португалии: борьба революции и контрреволюции // Рабочий класс и современный мир. М., 1979. № 1. С. 145.

самые различные классы и социальные слои — от пролетариата до либеральной буржуазии. При всех внутренних противоречиях, существовавших между составляющими его социальными силами, участников этого движения спланировала одна общая цель — создание антимонополистического фронта, способного свергнуть фашистский режим. Главной движущей силой этого фронта был рабочий класс, а его основными союзниками в Португалии являлись крестьянство и мелкая буржуазия, а за ее пределами — крестьянство, нарождающийся рабочий класс и интеллигенция португальских колоний.

Борьбу рабочего класса возглавляла Португальская коммунистическая партия.

Никогда еще в Португалии репрессии не достигали таких масштабов, как в последние годы существования фашизма. Была значительно увеличена численность всех органов репрессивного аппарата режима — политической полиции, национальной республиканской гвардии, полиции охраны общественного порядка, фашистской организации «Португальский легион», фискальной гвардии, пограничной полиции. Сотрудничая между собой под руководством Генерального управления безопасности, эти карательные органы контролировали все населенные пункты и средства сообщения, устраивали массовые облавы, держали страну в состоянии страха. Вездесущие тайные агенты шпионили за всеми, кто казался подозрительным. В школах детей спрашивали, не читают ли их родители газету «Аванте», не слушают ли московское радио или радио «Свободная Португалия».

В стране ширилось массовое антивоенное движение. В 1968 г. 14 000 португальских юношей отказались ехать воевать в колониях. Начало 70-х гг. было отмечено бурным подъемом антифашистских и антивоенных выступлений. Большую известность приобрела голодовка 150 католиков в одном из лиссабонских костелов в январе 1973 г. в знак протеста против колониальной войны в Африке¹¹⁰.

Студентам университета Коимбры удалось осуществить бойкот экзаменов. Фашисты пытались убедить португальских рабочих отчислять часть заработной платы на ведение колониальной войны на

¹¹⁰ См.: Правда. 1973. 7 января.

Африканском континенте. Однако 80% рабочих отказались давать деньги на колониальные авантюры правительства. Обострение классовой борьбы и кризис фашистской диктатуры в метрополии, тяжелые военные поражения в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и, наконец, растущая изоляция Португалии на международной арене поставили лиссабонский режим на грань катастрофы.

В условиях вооруженной борьбы в колониях и обострения классовой и политической борьбы в метрополии центральной задачей, вставшей перед правящими кругами Португалии, стало изыскание путей и средств для максимального ослабления национально-освободительного движения и «успокоения» мирового общественного мнения.

В сентябре 1968 г. разбитый параличом диктатор Салазар оставил свой пост после почти 40 лет бессменного правления Португалией. Премьер-министром был назначен один из высших сановников фашистской олигархии — Марселу Каэтану. Придя к власти, Каэтану тотчас же дал понять, что будет продолжать политический курс своего предшественника. Он заявил, что в Африке Португалия не имеет другой альтернативы для своей политики.

В апреле 1969 г. новый премьер-министр совершил вояж по португальским колониям в Африке. «Визит Каэтану в португальские колонии, — писал в связи с этим выходящий в Париже журнал “Презанс африкэн”, — первый визит такого рода в португальской колониальной истории, так как в течение 36 лет своего правления... диктатор Салазар ни разу не ступал на землю португальских владений в Африке... Действительная причина визита — это, по всей вероятности, непомерные для истощенной Португалии расходы на... войну против африканских националистов. В то время как они идут от успеха к успеху, Португалия должна увеличить военные усилия, чтобы улучшить свое военное положение».

Согласно официальным данным, в 1970 г. из общей суммы расходов в 29 млрд эскудо 58% предназначались для вооруженных сил.

Военные расходы Португалии за десятилетие — с 1961 по 1971 г. — составили 80 млрд эскудо. Метрополия держала в своих африканских колониях 180-тысячную армию, в том числе 70 000 в Анголе, 70 000 в Мозамбике и 40 000 в Гвинее-Бисау.

В то же время, стремясь успокоить мировую общественность, Казтану демагогически заявлял о каких-то несуществующих демократических тенденциях своей политики. Он выступил с обещаниями широкой либерализации во всех областях, в том числе и в области колониальной политики. Лозунгом Казтану было «Обновление через продолжение!». Однако элементов «обновления» в политике Казтану оказалось значительно меньше, чем элементов «преемственности» и «продолжения». Для реформ этого буржуазного фашистского политика трудно подобрать лучший эпитет, чем слово «куцые». Он издал несколько менее жесткий закон о профсоюзах, ограничил цензуру, переименовал ПИДЕ в ДЖС. Хотя так называемые «подрывные элементы» продолжали подвергаться преследованиям, умеренная оппозиция получила больше возможностей для легальной деятельности. Казтану издал новый избирательный закон, снизивший избирательный ценз и предоставивший право голоса женщинам и бедным.

Правящая фашистская партия Национальный союз была переименована в Национальное народное действие. Во главе ее был поставлен известный «либеральными» взглядами Жозе Гилерме ди Мелу-и-Кастру. Казтану разрешил вернуться из эмиграции многим деятелям антифашистской оппозиции, в том числе Мариу Соарешу, епископу города Порту-Антониу и др.

Однако все эти ухищрения вряд ли могли ввести в заблуждение тех, кто знал Казтану. В течение многих лет он был правой рукой Салазара и играл не последнюю роль в выработке конституции 1933 г., утвердившей фашистскую «унитарную и корпоративную республику». Впрочем, Казтану, став премьер-министром, в первой же речи заявил о своей верности фашистской идеологической доктрине, ясно дав понять, что цели правительства остаются прежними и все изменения будут касаться только тактики и методов их достижения. Это следовало понимать так: «Салазар умер, но салазаризм жив».

«Структура "Нового государства" по существу сохраняется, — писал в связи с этим О.С. ди Карвалью. — В новом правительстве остались министры Салазара. Португальские войска продолжают высаживаться в Африке, чтобы убивать и умирать в сражениях против партизан. Политические партии все также запрещены. Не последовало никакой

амнистии. Нет никакой свободы ассоциаций. Внешняя политика не претерпела изменений. Не появилось нового закона о печати. Ничего не изменилось в корпоративной системе... "Дух обновления", который Казтану обещал ввести, был полностью принесен в жертву "преемственности" режима под нажимом... крайне правых».

В 1971 г. Казтану начал новый тур конституционного маневрирования. В частности, были внесены изменения в португальскую конституцию, которые должны были создать видимость серьезных позитивных сдвигов в положении колоний. Ангола и Мозамбик получили статус штатов и так называемую автономию «без ущерба для единства страны». «Заморские штаты» должны были иметь собственные правительственные органы, армию, полицию, суд, финансовую систему и автономию во внешних сношениях.

Однако то, что на первый взгляд казалось значительной уступкой Лиссабона освободительному движению, при более глубоком анализе оборачивалось фикцией. С ловкостью политического шулера Казтану так сформулировал новые законодательные положения, что одни из них практически сводились на нет другими. Так, с одной стороны, закон давал право Анголе и Мозамбику иметь «собственные правительственные органы», причем статья 5 административно-политического статута предусматривала, что «генерал-губернатор и законодательная ассамблея — это правительственные органы самой провинции». С другой стороны, в статье 8 того же статута говорилось, что «губернатор является на территории провинции высшим агентом и представителем правительства Республики (Португалии. — А.Х.), высшей властью над всеми другими гражданскими и военными лицами, которые служат в провинции».

С одной стороны, штатам предоставлялась автономия в области внешней политики, а с другой — на них распространяли «свою власть» государственные органы нации (Португалии. — А.Х.), неуклонно исходящие из того, что условия, в которых осуществляются внешние сношения, подлежат компетенции государственных органов Республики (то есть опять-таки Португалии. — А.Х.).

Таким образом, «реформы» Казтану представляли собой конституционный трюк, имевший целью приукрасить фасад колониального

режима, сохранив в неприкосновенности его сущность, а заодно ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Разоблачая эту лицемерную демагогию, А. Куньял заявил на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г.: «С момента формирования нового правительства фашисты стараются с помощью своей пропаганды внушить идею, что их политика изменилась и что Марселу Казтану, новый председатель Совета Министров, намеревается "либерализовать", если не демократизировать, португальскую политическую жизнь. Но в действительности речь идет о крупной демагогической уловке, которая имеет целью спасти фашистскую диктатуру в наиболее тяжелый для нее момент»¹¹¹.

Клика Казтану переживала трудные дни. Фашистский режим агонизировал, находясь в состоянии кризиса и разложения. Самое большое потрясение фашистской диктатуре было нанесено в португальских колониях в Африке, где отмечался небывалый рост освободительного движения. Его подъем в этих колониях стал результатом и проявлением кризиса португальской колониальной системы, явившегося в свою очередь составной частью кризиса фашистского режима.

«В настоящий момент, — отмечал Алвару Куньял в интервью газете "Франс Нувель" в апреле 1973 г., — для политического положения Португалии характерны следующие основные черты: ухудшение экономического положения, растущая внутренняя и международная изоляция фашистского правительства, назревание условий, которые поставят на повестку дня политическое решение колониальной проблемы, и, наконец, новый подъем народной борьбы, демократического движения».

Активизировалась борьба трудящихся за свои права. Победой закончились стачки рабочих компаний «ЖИАЛКО» и «Абелейра», занявших заводы, забастовки рыбаков северного побережья страны, продолжавшиеся 22 дня, и рабочих Матозиньюша, длившиеся 72 дня.

В забастовочное движение, охватившее всю страну, активно включились профсоюзы текстильщиков, торговых и банковских служащих, металлургов, шоферов, химиков, электриков и др. Больших успехов

¹¹¹ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969; Прага, 1969. С. 506.

добилась демократическая оппозиция, укрепившаяся в организационном отношении и расширившая свое влияние в массах. В апреле 1973 г. в Авейру состоялся III Конгресс демократической оппозиции, который продемонстрировал сплоченность ее рядов на основе общей политической платформы, включавшей в себя требования демократизации политического строя, прекращения колониальной войны, повышения уровня жизни¹¹². В работе конгресса приняли участие 2000 представителей всех оппозиционных политических течений — либералов, прогрессивных католиков, социалистов, монархистов и др.

Конгресс явился важным вкладом в дело сплочения всех антифашистских сил и крупным шагом к созданию объединенного фронта борцов за свободное и демократическое развитие Португалии. В день закрытия форума его участники и многие жители Авейру пришли отдать дань уважения и возложить венки на могилы известных португальских демократов. Однако по приказу властей полиция открыла огонь по мирной демонстрации, в результате чего несколько десятков человек были ранены.

Кампания против колониальной войны приняла исключительный размах и осуществлялась в самых различных формах (отказ от отчислений от заработка на военные расходы, отказ платить чрезвычайный (военный) налог, бойкот товаров, цены на которые включали военную надбавку, дезертирство из армии, антивоенные демонстрации и т.д.). Как отмечал А. Куньял, характерной чертой общественной жизни Португалии в последние годы существования фашизма было всеобщее осуждение колониальной войны и португальского колониализма, признание почти всеми политическими кругами прав народов колоний на самоопределение. «Португальское революционное движение, — подчеркивал он, — развивалось... в очень тесной связи с борьбой против колониальной войны. Оно рассматривало эту борьбу и свою солидарность с народами колоний как национальную задачу первостепенной важности, видя в ней форму сохранения независимости нашей родины, обеспечения подлинной независимости самой Португалии»¹¹³.

¹¹² Правда. 1973. 20 октября; 1973. 24 апреля.

¹¹³ Куньял А. Страницы борьбы. Из истории ПКП и антифашистской борьбы в Португалии. М., 1977. С. 297.

В этой обстановке в португальской армии возникло организованное революционное движение, получившее название «Движение вооруженных сил» (ДВС). Оно выдвинуло следующую программу: выборы на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, роспуск всех фашистских органов власти, амнистия и освобождение политзаключенных, отмена цензуры, свобода собраний и ассоциаций, свобода создания профсоюзов.

И сегодня ДВС для многих остается загадкой. Как могло возникнуть движение со столь радикальной антифашистской, демократической программой среди офицеров, ведших многолетнюю колониальную войну, находившихся на службе у фашистской диктатуры и получавших от нее многочисленные привилегии и блага? Как эта армия, которая была частью государственной машины, могла превратиться в мотор революции?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо, очевидно, обратиться к социальной природе португальского офицерского корпуса, и прежде всего капитанов, составивших ядро ДВС.

Капитаны редко бывали выходцами из трудящихся классов. Салазар и Казтану не делали исключения из правила. Обыкновенно офицеры были представителями наиболее обеспеченных слоев общества. Однако в последние годы существования фашистского режима социальный состав португальского офицерства стал меняться. Профессия военного перестала быть престижной и привлекательной, ибо означала прозябание в джунглях. Генеральный штаб, служивший прежде синекурой для аристократов, заполнялся офицерами без лицевых счетов в банках, без поместий в Португалии или Африке¹¹⁴.

Кроме того, в 60—70-х гг. крупная буржуазия испытывала острую нужду в кадрах для промышленности. Поэтому она посылала своих сыновей учиться не в Военную академию, а в технические вузы. Их места в академии заняли дети провинциальной мелкой буржуазии и зажиточного крестьянства. Многие окончившие лицей поступали в Военную академию только потому, что у них не было денег, чтобы поступить в университет. Трансформация социального состава офицерского

¹¹⁴ Кузнецов В. Португалия: штык и розы. М., 1976. С. 21—22.

корпуса могла иметь роковые последствия для фашистского режима, и эту опасность понимали некоторые наиболее проницательные его представители. Так, по словам О.С. ди Карвалью, один из высших военных руководителей, Каулза ди Арриага, еще в 1960 г. предупреждал португальское правительство «о серьезном риске, которым чревата для режима “пролетаризация вооруженных сил”, если молодые кадеты — выходцы из низших классов станут офицерами».

Именно в социальном происхождении португальского офицерства 70-х гг. следует искать ключ к объяснению причин революции 25 апреля. Конечно, процессы, происходившие в португальской армии, были самым непосредственным образом связаны с общим демократическим движением за политические, экономические и социальные преобразования в стране.

Среди офицеров (особенно капитанов) росло недовольство, связанное прежде всего с затянувшейся колониальной войной, которую многие из них считали не только бессмысленной, но и безнадежной. Большинство капитанов были до призыва в армию гражданскими лицами, окончившими трехмесячные курсы командиров рот, и перемена профессии и образа жизни порождала в них враждебное отношение к правительству. Их недовольство вызывало также и то, что капитанам очень долго приходилось ждать повышения по службе и присвоения чина майора. По словам О.С. ди Карвалью, «чрезмерная задержка в повышении, вследствие чего они старились в своем звании, делала их нетерпимыми к трудностям военной службы, порождая неизбежное недовольство». Последней каплей, переполнившей чашу терпения капитанов, был правительственный циркуляр от 12 июля 1973 г., согласно которому на чин майора могли рассчитывать только окончившие Военную академию. Этот циркуляр, утвержденный президентским декретом № 353/73 от 13 июля 1973 г., явился побудительным толчком к созданию ДВС.

В полночь 25 апреля 1974 г. по радио Лиссабона была передана песня Жозе Афонсу «Грандула, вила морена».

Один из руководителей апрельской революции О.С. ди Карвалью вспоминал: «Всем нам казалось, что минутная стрелка часов невероятно медленно ползет по циферблату, приближаясь к цифре 12.

В полночь по всей стране от севера до юга проворные и нервные пальцы искали на сотнях радиоприемников программу "Лимите", которую вели... дикторы Паулу Коэлью и Лейте де Васконселуш. В 0 часов 20 минут мы услышали голос Васконселуша, темпераментно продекламировавшего первую строку стихотворения «Грандула, вила морена». За этим последовал ритм шагов марширующих колонн и голос Ж. Афонсу, который ни с каким другим невозможно спутать, запевший песню "Грандула"».

Это был сигнал к восстанию. Войска под командованием членов ДВС быстро овладели всеми ключевыми центрами в городе. Почти полувековой период фашистской диктатуры закончился бескровным переворотом. В Португалию пришла весна. Через несколько часов после начала восстания Революционный совет обратился к народу со своим первым заявлением: «Принимая во внимание, что после 13 лет вооруженной борьбы в заморских территориях нынешняя политическая система оказалась неспособной выработать заморскую политику, ведущую к миру... принимая во внимание необходимость очистить государственные органы и пресечь злоупотребления властью... принимая во внимание долг армии перед нацией... Движение Вооруженных Сил... объявляет нации о своем намерении осуществить программу национального спасения и восстановить для португальского народа гражданские свободы, которых он был лишен».

В этой прокламации обращает на себя внимание мягкость критики фашистского режима и отсутствие резких формулировок. В ней нет упоминания о 48 годах жестоких репрессий, убийств, пыток, невыносимого существования, на которые обрекла португальский народ диктатура Салазара — Каэтану. Не упоминается даже слово «фашизм». «Нынешняя политическая система» осторожно критиковалась за то, что не выработала «заморскую политику, ведущую к миру». В прокламации говорилось лишь о «злоупотреблениях властью», о намерении осуществить программу национального спасения и обещании восстановить гражданские свободы.

Такой умеренный, приглушенный тон первого заявления Революционного совета отражал ситуацию, сложившуюся в то время в ДВС. Оно представляло собой компромисс между двумя фракциями, одна

из которых считала, что свержение Казтану — это лишь первый необходимый шаг к глубокому революционному сдвигу, а другая видела в этом свержении начало и конец революции. Казтану, нашедший убежище в казарме республиканской гвардии на площади Кармо, используя чиновников министерства информации в качестве посредников, попытался передать власть генералу Спиноле, «чтобы власть не попала в руки людей с улицы». Связавшись с ним по телефону, Казтану заявил: «Сеньор генерал, я должен признать себя побежденным... Но если правительство должно капитулировать, оно сделает это перед тем, кто мог бы взять на себя ответственность за общественный порядок и успокоить страну. Прошу вас приехать ко мне как можно скорее». «Но, сеньор президент, я не участвую в заговоре», — возразил Спинола. Казтану прервал его: «Это не имеет значения. Если вы не участвуете в заговоре, вы можете принять мой приказ... Приезжайте как можно скорее».

Затем Спинола вступил в переговоры с руководством ДВС, которое вынуждено было снабдить его полномочиями принять отставку Казтану. В 6 часов вечера Спинола в генеральской форме явился в казарму на площади Кармо. Казтану, встретивший его в сопровождении нескольких министров, произнес: «Я передаю вам власть»¹¹⁵.

Таким образом, фашистскому диктатору было позволено самому выбрать человека, который стал бы его преемником. Выбрав Спинолу, Казтану знал, что делает. За семь недель до того, как военные захватили власть, Спинола имел публичное столкновение с Казтану по вопросам колониальной политики.

После революции в среде ДВС и нового правительства возникли острые политические разногласия, явившиеся отражением существовавших в этой среде фундаментальных классовых и социальных различий. В общей форме эти разногласия концентрировались вокруг вопросов: каким путем должна пойти страна, каков реальный курс к достижению базисных революционных изменений? Наиболее острыми и очевидными были разногласия по колониальной политике. Новый президент Португалии Спинола был сторонником прекращения

¹¹⁵ Кузнецов В. Указ.соч. С. 49.

колониальных войн. Но он ратовал за заключение таких соглашений о независимости бывших колоний, которые обеспечили бы экономические интересы западных держав, заменив классический колониализм новыми формами неоколониалистской зависимости. Генерал считал также, что не следует торопиться с предоставлением независимости. Лучше оттянуть это событие на неопределенное время.

Спинола предлагал провести в колониях референдум и на этой основе предоставить им право на самоопределение, но в рамках «лузитанской федерации» с сильной центральной властью.

Против такой позиции решительно выступили левые силы страны во главе с ПКП, потребовавшие скорейшего решения колониальной проблемы. Разногласия, возникшие в ДВС по вопросу колониальной политики, выразились, в частности, в том, что существовали два варианта «Программы ДВС». В официальном тексте программы, опубликованном в «Диариу ду Говерну», один из принципов заморской политики ДВС был сформулирован так: «Выработка основ заморской политики, которая приведет к миру».

В тексте «Программы», отредактированном Мелу Антунишем и опубликованном в журнале «Република», тот же пункт был сформулирован более радикально, решительно и определенно: «Ясное признание права народов на самоопределение и скорейшее принятие мер, ведущих к административной и политической автономии "заморских территорий", с эффективным и широким участием автохтонного населения». ДВС объявило о замене генерал-губернаторов секретарями, о ликвидации тайной полиции ДЖС. Но большинство колониальных чиновников остались на своих постах, а в Мозамбике некоторые высшие функционеры ДЖС даже направили в Лиссабон приветственные телеграммы Совету национального спасения. 5 мая 1974 г. генерал Кошта Гомеш по поручению президента обратился к освободительным движениям в Африке с призывом сложить оружие. Этот призыв, однако, не был принят. А. Нето заявил, что борьба может прекратиться лишь после предоставления Анголе независимости. Такую же позицию заняли лидеры освободительных движений в Мозамбике и Гвинее-Бисау.

Спинола отражал интересы монополий и крупных землевладельцев, стремившихся после 25 апреля прервать революционный процесс

возможно быстрее и наиболее эффективными способами. Хотя генерал, по их мнению, грешил либерализмом по колониальной проблеме, правящий класс отлично сознавал, что он стал временным президентом не для того, чтобы способствовать развалу империи. Они знали, что он покончит с игрой в либерализм, как только столкнется с угрозой власти и господству правящей эксплуататорской элиты, к которой принадлежал сам.

Но повернуть вспять демократический поток было уже нелегко. Доминирующее настроение в стране было определено в пользу революционных изменений и дальнейшего движения в социалистическом направлении. Спинола и те социальные круги, которые он представлял, сознавали, что в этих условиях необходимо двигаться вместе с потоком до тех пор, пока не появится возможность для обратного курса. Под нажимом Революционного совета ДВС Спинола сформировал правительство, состоявшее из представителей всех главных демократических течений, включая коммунистов и социалистов. М. Соареш (лидер социалистов) был назначен министром иностранных дел, А. Куньял — министром без портфеля, Аделину де Палма Карлуш (либеральный профессор права) — премьер-министром.

Затем Спинола стал прилагать усилия, чтобы удалить ДВС с политической арены. Через несколько недель после 25 апреля он обратился с речью к армейским офицерам, смысл которой сводился к следующему: «Вы отлично потрудились, но теперь должны вернуться в казармы и доверить работу по руководству страной нашим более опытным рукам».

Внешняя политика генерала Спинолы разворачивалась на трех континентах. В Африке он имел тесные связи с президентом Сенегала Сенгором, который был первым африканским лидером, посетившим Лиссабон в то время, когда колониальная политика нового португальского правительства подвергалась резким нападкам ОАЕ. Спинола установил также тесный контакт с президентом Заира Мобуту, встреча с которым на острове Сал явилась прологом к империалистической интервенции в Анголу в 1975—1976 гг. Спинола всегда сохранял хорошие отношения с ЮАР. Значительную дипломатическую активность развил новый президент в отношении Латинской Америки. Он

направил в Бразилию в качестве посла одного из самых реакционных генералов, стремясь добиться поддержки бразильского военного режима, традиционно связанного с фашистской Португалией. Посол Бразилии в Лиссабоне был частым гостем и сотрапезником Спинолы. Что касается США, то Спинола постоянно подчеркивал свое стремление к «дружбе» с ними во имя общей цели — защиты «свободного мира» и западных ценностей. Такие заявления он делал, в частности, во время встречи с президентом Никсоном на Азорских островах и в обмене телеграммами с президентом Фордом. Связи генерала с Госдепартаментом США осуществлялись через верного ему человека — профессора Вейга Симана, которого он назначил послом в ООН, что освободило его от возможного контроля со стороны министерства иностранных дел, руководимого М. Соарешем.

В европейской политике этот деятель отдавал приоритет соседней Испании, где франкистская клика одобрительно отнеслась к его приходу к власти, принимая во внимание его прошлое (Спинола, будучи молодым офицером, добровольно вступил в ряды франкистов, боровшихся против Испанской республики, а в годы Второй мировой войны служил в «голубой дивизии» вермахта).

Не будучи в состоянии удалить ДВС со сцены и в то же время не желая быть подотчетным перед Революционным советом, Спинола решил получить для себя народный мандат независимо от ДВС и через его голову. При содействии премьер-министра П. Карлуша новый глава государства начал маневры с целью проведения скорейших президентских выборов. Он рассчитывал таким путем покончить со своим временным статусом президента и получить столь желанную власть.

Однако генерал натолкнулся на решительное противодействие Революционного совета, который расценил эти демарши как попытку установления режима личной диктатуры. В результате в июле 1974 г. Карлуш вынужден был уйти в отставку, уступив свое место по требованию Революционного совета Васку Гонсалвишу, который был убежденным революционером и интеллектуальным лидером ДВС. А. Куньял занял пост государственного министра, а генеральный секретарь социалистической партии М. Соареш сохранил пост министра иностранных дел. Таким образом, попытка Спинолы захватить власть

и ослабить революционные силы привела к обратному результату — эти силы в стране и в правительстве значительно укрепились.

Правительство В. Гонсалвиша приступило к реализации широкой революционно-демократической программы, включавшей в себя национализацию крупных иностранных и местных предприятий, аграрную реформу и деколонизацию.

В исторической декларации 26 июля 1974 г. новое правительство заявило, что Португалия готова начать процесс передачи власти в африканских колониях местным освободительным движениям. В тот же день в Букаву состоялась встреча руководителей четырех африканских стран (Замбии, Танзании, Заира и Конго) с целью примирить враждующие группировки в Анголе и открыть путь к независимости этой страны.

1 августа 1974 г. министр по делам заморских территорий Алмейда Сантуш заявил, что решение о быстром предоставлении колониям независимости вызвано отказом освободительных движений сложить оружие и провести референдум по вопросу независимости. Так были заложены основы для радикального и справедливого решения колониальной проблемы на основе принципа самоопределения.

В этих условиях Спинола решил пойти на риск насильственного захвата власти. Он обратился через голову правительства к «молчаливому большинству» с призывом провести марш в Лиссабон 28 сентября 1974 г. Однако трудящиеся поднялись на борьбу против сил контрреволюции и преградили путь к столице маршу сторонников Спинолы. Вместе с ДВС 100 000 человек строили баррикады, блокировали и контролировали весь дорожный транспорт. Спинола пытался обратиться за поддержкой к парашютистам, но получил отказ. Потерпев полное политическое фиаско, он вынужден был уйти в отставку с поста временного президента. Премьер-министр В. Гонсалвиш, выступая от имени временного правительства, заявил, что нация отбила «первую атаку» реакции против революции.

Временным президентом был назначен генерал Кошта Гомеш. Он выступал за деколонизацию, способствовал проведению аграрной реформы, национализации крупных монополий. Хотя К. Гомеш не был столь радикально настроен, как В. Гонсалвиш, он работал с ним в

тесном контакте и защищал его от нападков реакционеров. Спинола и двое его последователей были исключены из Революционного совета. 11 марта 1975 г. была предпринята новая попытка контрреволюционного переворота. Но она провалилась благодаря бдительности ДВС и рабочих Лиссабона. Солдаты и рабочие снова возвели баррикады и отстаивали революцию.

Шесть правительств, три премьер-министра и два президента за два года после революции. Столь частые смены кабинетов отражали происходивший в ходе революции процесс размежевания социально-классовых и политических сил, в результате которого к власти пришло революционное крыло ДВС во главе с В. Гонсалвишем.

После событий 11 марта ДВС приняло решение о своем вхождении в систему политических учреждений государства. С этого момента все решения ДВС принимали силу закона. На заседании Революционного совета в ночь на 14 марта был принят закон о национализации всех банков и кредитных учреждений, принадлежавших частному португальскому капиталу. Правительство В. Гонсалвиша национализировало ряд металлургических, нефтеперерабатывающих предприятий, транспортные фирмы. Португальский народ вступал в новый этап своей истории. С фашизмом и колониализмом он покончил навсегда.

Национализация собственности крупнейших монополистических групп, а также предприятий, принадлежавших бывшим фашистским деятелям, и аграрная реформа привели к ликвидации засилья монополистического капитала во всех основных отраслях португальской экономики. Положение трудящихся значительно улучшилось. В августе 1975 г. был опубликован закон, восстанавливавший право на забастовки, отмененное Салазаром в сентябре 1933 г. Были повышены почасовые ставки для промышленных рабочих и оплата труда сельскохозяйственных рабочих, рыбаков. Во второй половине августа была увеличена заработная плата всем государственным служащим. Правительство повысило пособия многодетным, безработным, пересмотрев в сторону увеличения размеры пенсий для инвалидов и лиц старше 65 лет¹¹⁶. Одной из важнейших задач, реше-

¹¹⁶ См.: Куньял А. Указ. соч. С. 309—310; Кузнецов В. Указ. соч. С. 86.

ния которых требовали демократические силы Португалии, была задача деколонизации португальской колониальной империи. Борьбу за ликвидацию колониализма и предоставление колониям независимости возглавляла ПКП. Она с самого начала активно участвовала в революционном процессе, поддерживая ДВС и мобилизуя массы на срыв заговоров и маневров контрреволюции. На состоявшемся в октябре 1974 г. VII чрезвычайном съезде была принята новая программа партии¹¹⁷. В ней был специальный раздел, озаглавленный «Признать и обеспечить народам португальских колоний право на немедленную независимость».

Вторая освободительная война ангольского народа

Свержение фашистского режима в Португалии 25 апреля 1974 г. открыло новые обнадеживающие перспективы для народа Анголы. 15 января 1975 г. в Алворе (Португалия) было подписано соглашение между португальским правительством, МПЛА, ФНЛА и УНИТА о создании в стране переходного правительства. Согласно статье 2 соглашения Португалия «торжественно подтверждала свое признание права ангольского народа на независимость». Статья 4 документа гласила: «Независимость и полный суверенитет Анголы должны быть торжественно провозглашены 11 ноября 1975 г.». Переходное правительство приступило к исполнению своих обязанностей 31 января 1975 г. Оно состояло из 12 министров (по три от каждого движения и трех португальцев).

Однако деятельность правительства была парализована раскольническими действиями ФНЛА и УНИТА. Они саботировали его работу, отозвав из него своих представителей.

Весной 1975 г. ФНЛА перебросил из Заира в Анголу свои воинские части и начал наступление на Луанду. Таким образом, 21—22 марта

¹¹⁷ Куньял А. Указ.соч. С. 312—314; Programa e estatutos do PCP. Lisboa, 1974.

1975 г. вспыхнула вторая освободительная война ангольского народа. УНИТА вначале делал вид, что сохраняет нейтралитет и не участвует в войне, но позже, как и следовало ожидать, открыто выступил на стороне врагов ангольского народа. 5 августа Савимби заявил, что «УНИТА, к сожалению, должен объявить войну МПЛА и вступить в борьбу».

После того как ФНЛА и УНИТА развязали военные действия против МПЛА, на помощь им пришли иностранные интервенты — наемники из западных стран, войска Заира и ЮАР. Выступление ФНЛА и УНИТА против МПЛА и иностранная вооруженная интервенция в Анголе представляли собой часть широко задуманного плана международной реакции, в составлении и реализации которого главная роль принадлежала США, западноевропейским странам, Заиру и ЮАР. 26 ноября 1974 г. руководители ФНЛА и УНИТА подписали соглашение о сотрудничестве и совместных военных действиях против МПЛА. В феврале 1975 г. ренегат Д. Чипенда объединил свои 3000 хорошо вооруженных солдат с войсками ФНЛА.

К коалиции ФНЛА—УНИТА присоединилось большое число португальцев, в том числе бывшие офицеры и солдаты фашистской колониальной армии и члены ультраправой реакционной организации «Португальская армия освобождения».

Таким образом был сколочен единый фронт ангольской реакции. В обмен на поддержку со стороны Запада и ЮАР Х. Роберто обещал в случае, если он станет хозяином Анголы, обеспечить капиталистический путь развития страны, беспрепятственную деятельность империалистических монополий, уничтожение истинных ангольских патриотов. Он заверял своих покровителей, что не допустит связей Анголы с Советским Союзом и другими социалистическими странами и будет поддерживать политику «диалога» с ЮАР.

Так был начат крестовый поход против Анголы. Воспользовавшись братоубийственной войной ангольцев против ангольцев, объединились в позорном союзе все силы международной реакции. На стороне врагов ангольского народа выступили США, другие западные державы, ЮАР, Заир и некоторые другие африканские страны.

Рассматривая эти события с определенной исторической дистанции, следует прежде всего ответить на вопрос: почему интервенция

ЮАР и стран НАТО была организована именно против Анголы, а не против других бывших португальских колоний, которые стали независимыми приблизительно в то же время? Почему МПЛА оказалось менее приемлемой организацией для НАТО и ЮАР, чем ФРЕЛИМО или ПАИГК, хотя все три движения придерживались примерно одинаковых принципов? Ответы на эти вопросы надо искать в ангольской специфике. Ангола отличается и от Мозамбика и от Гвинеи-Бисау прежде всего тем, что она необычайно богата. Эта страна обладает не только огромными прибрежными запасами нефти, которые заставили упомянуть о ней на картах мировых нефтяных ресурсов, составленных ЦРУ (хотя нефтедобыча по мировым стандартам еще очень низка), но и перспективными источниками целого букета стратегических минералов: урана, кобальта, хрома, кварца и др. Ангола действительно была «африканской жемчужиной Португалии», и ни Мозамбик, ни Гвинея-Бисау в этом отношении не могли с ней соперничать.

Второй долговременный фактор, учитывавшийся организаторами интервенции, — стратегические интересы Запада в Южной Атлантике. Индийский океан к середине 70-х гг. оказался под контролем НАТО. Остров Диего-Гарсия, Кения и ЮАР были открыты для его военно-морских сил.

Но Южная Атлантика стала проблемой. Заир, политически зависимый от Запада, не имеет береговой линии. Уолфиш-Бей в Намибии стал предметом международно-правового спора в ООН. В этих условиях НАТО устремило вожаемый взгляд на ангольские порты Луанду и Лобиту как на соблазнительные потенциальные стоянки для своих военных судов в этом регионе. «Ангола для американцев — это Атлантика», — заявил командующий португальским флотом в НАТО адмирал Л. Кардозу.

Третий фактор, лежавший в основе решения НАТО об организации интервенции против Анголы, — перспектива превращения Анголы в «базовую страну» для национально-освободительных движений на юге Африки, и прежде всего в Намибии. В отличие от Мозамбика экономика Анголы имеет вполне развитый, жизнеспособный характер и полностью независима от ЮАР. Огромные ресурсы и сильная экономика могли позволить ей финансировать не

только дальнейшее развитие своих хозяйственных отраслей, но и освободительные движения в Намибии, ЮАР и Зимбабве. Таким образом, как правильно отмечают авторы интересной книги «Ангола на прифронтовой линии» Волферс и Бергерол, «Ангола в большей мере, чем Мозамбик, стала рассматриваться как главная непосредственная угроза продолжающемуся западному господству на юге Африки».

В интервенции принимали участие и регулярные войска ЮАР. Общая численность регулярных южноафриканских войск, участвовавших в интервенции в Анголе, составила, по разным данным, от 4000 до 6000 солдат. На оккупированных территориях войска ЮАР помогали насаждать неокOLONиалистский режим ФНЛА—УНИТА. В события в Анголе активно вмешались США. Тогдашние премьер-министр ЮАР Б. Форстер и министр обороны П. Бота позже признали, что «США были отлично осведомлены о военных акциях правительства ЮАР в Анголе и полностью их одобрили».

Зловещую роль в ангольских событиях сыграло ЦРУ. Как заявил сенатор Г. Хэмфри, тайные операции, осуществлявшиеся США в Анголе, обошлись в 60 млн долл., причем на 1976 г. администрация планировала ассигновать на подрывную деятельность в Анголе 150 млн долл. В январе 1975 г. Вашингтон предоставил ФНЛА 300 000 долл. В июле 1975 г. администрация США просила конгресс ассигновать 79 млн долл. на чрезвычайную программу помощи для Заира, имевшую целью прежде всего снабдить оружием ФНЛА. 18 июля «Комитет 40» ассигновал ФНЛА и УНИТА 14 млн долл.

Подрывная деятельность ЦРУ в Анголе в 1975—1976 гг. была разоблачена в книге Джона Стокуэлла, в прошлом одного из высокопоставленных функционеров ЦРУ¹¹⁸. По его утверждению, «на проведение тайной операции в Анголе ЦРУ толкал Киссинджер». Началась

¹¹⁸ Любопытно, что министерство юстиции добилось решения судебных органов США о праве получать все гонорары от издания и переиздания книги Стокуэлла. Это решение обязывает Стокуэлла, живущего сейчас в Техасе, вернуть весь полученный им гонорар правительству на том основании, что он нарушил присягу и подписку о неразглашении секретов, которую он дал, когда поступал на работу в ЦРУ в 1964 г.

переброска оружия в Киншасу (Заир), а оттуда в Анголу для ФНЛА и УНИТА. Главной целью операции было до октября 1975 г. «вывести в военном отношении из равновесия организацию МПЛА».

На первом этапе второй освободительной войны военная ситуация складывалась неблагоприятно для патриотических сил Анголы. Интервенты и предатели ангольского народа не сомневались в скором успехе. В середине октября в Силва-Порту прибыла колонна бронемашин из ЮАР. 19 октября другая колонна, имевшая кодовое название «Зулу», оккупировала Перейра д'Эса. Во главе ее были поставлены семь южноафриканских офицеров, а командовал ею южноафриканский полковник, имевший характерное прозвище Роммель. «Зулу» заняла 26 октября Са-да-Бандейру, 28 октября — Мосамедиш. К 7 ноября Бенгела и Лобиту также были в руках южноафриканцев. К востоку от «Зулу» действовала колонна «Фоксбэт», состоявшая из южноафриканского батальона и приданных ему бронемашин. Она действовала на широком фронте, продвигаясь от Силва-Порту к Тейшейра-де-Соуза и к Сайта-Комбасела. К концу октября коммуникации Луанды с югом были прерваны.

К этому времени МПЛА контролировало лишь 4 из 16 провинций. Страна наводнилась оружием. Почти ежедневно на транспортных самолетах С-30 из Заира доставлялось американское вооружение. ЮАР посылала все большее количество войск.

12 ноября уже после провозглашения независимости Анголы колонна «Зулу» возобновила наступление, пытаясь пробить брешь в хорошо укрепленной оборонительной линии МПЛА около Ново-Редондо. НРА оказалась в огненном кольце врагов.

Помощь Республики Куба, Советского Союза и других социалистических стран МПЛА полностью соответствовала принятым ООН и ОАЕ решениям о деколонизации. Эта помощь предоставлялась по просьбе подлинно народного, общенационального движения, которое было совершенно самостоятельно в своих решениях, имело собственную политическую платформу и сформировало правительство суверенного государства — НРА. Кубинская акция солидарности с Анголой получила название «Операция Карлота». Начало ей положила отправка батальона войск специального назначения в составе 650 человек. Их

переправляли самолетами в течение 13 дней из аэропорта Хосе Марти в Гаване непосредственно в аэропорт Луанды.

10 ноября ангольские патриоты и кубинские добровольцы-интернационалисты, действуя совместно, нанесли крупное поражение интервентам — заирским частям, португальским наемникам и отрядам ФНЛА на реке Бенго в местечке Кифандонго и сорвали план молниеносного захвата Луанды в канун провозглашения независимости.

17 ноября войскам МПЛА при поддержке кубинцев удалось остановить южноафриканскую бронетанковую колонну. Одновременно войска МПЛА предприняли наступление против ФНЛА. Если в середине ноября головорезы Роберто стояли в нескольких километрах от Луанды, то уже 4 декабря они были вынуждены под ударами патриотов оставить важный стратегический пункт Кашиту и откатиться к Кармоне и Амбришу.

19 декабря сенат США 54 голосами против 22 проголосовал за запрещение использования средств ЦРУ «на какую-либо деятельность в Анголе, кроме сбора разведывательных данных». Была принята знаменитая «поправка Кларка», положившая конец прямому финансированию ЦРУ ФНЛА и УНИТА, хотя и позже средства этого ведомства передавались Роберто и Савимби через президента Заира Мобуту.

15 декабря 1975 г. «Монд» со ссылкой на дипломатический источник сообщила, что ЮАР приняла решение о выводе своих войск из Анголы. На Рождество Форстер провёл серию бесед с министрами, высшими военачальниками и руководителями БОСС¹¹⁹. К этому времени выявился, как сообщила «Файнэншл таймс», «явный раскол в военной и политической иерархии между “ястребами”, выступающими за продолжение поддержки ФНЛА и УНИТА, и растущим числом “голубей”, утверждающих, что Южная Африка должна вернуться к часто провозглашавшейся политике официального невмешательства в дела соседей»¹²⁰.

Главной причиной принятия правительством ЮАР решения о выводе войск были военные успехи МПЛА.

¹¹⁹ БОСС — Южноафриканское разведывательное управление.

¹²⁰ Financial Times. 19.XII.1975.

Международная поддержка

Успеху освободительных сил Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Островов Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи в их борьбе за независимость активно содействовало международное движение в поддержку народов португальских колоний. Оно развернулось и по государственной линии — в нем деятельно участвовали Советский Союз и другие социалистические страны, а также молодые афро-азиатские государства, — и по линии прогрессивных общественных организаций. С резким осуждением колониальной политики фашистского режима в Португалии выступали коммунистические партии стран Европы, Азии, Африки и других континентов, Всемирная федерация профсоюзов, Всемирная федерация демократической молодежи и др.

Страны социалистического содружества, Организация африканского единства и отдельные африканские государства оказывали народам португальских колоний не только политическую, но и эффективную материальную помощь. Особенно большое значение имела помощь национально-освободительному движению в Анголе, Мозамбике, Гвинеи-Бисау со стороны Советского Союза¹²¹. СССР неизменно выступал в ООН и других международных организациях в поддержку справедливой борьбы угнетенных народов, поставлял патриотам португальских колоний военное оборудование, транспорт, средства связи, одежду, продовольствие, медикаменты и т.д., оказывал содействие в подготовке военных, хозяйственных и медицинских специалистов.

СССР с самого начала не только признавал и поддерживал МПЛА, ФРЕЛИМО и другие революционно-демократические организации в португальских колониях как единственных законных представителей народов своих стран, но и выступал с решительным осуждением раскольнических группировок, насаждавшихся в Африке империалистами, расистами и маоистами.

Советский Союз всегда оказывал интернационалистскую помощь народу Анголы в его борьбе за национальную независимость. Еще

¹²¹ Правда. 1985. 24 апреля.

27 мая 1961 г. Советское правительство выступило с заявлением, в котором призывало все страны и народы «заставить Португалию положить конец разбойничьей колониальной войне в Анголе и выполнить Декларацию ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам». «Нельзя закрывать глаза на то, — подчеркивалось в заявлении, — что действия Португалии в Анголе создают серьезную угрозу миру и безопасности народов Африки, да и не только Африки. В этих условиях Организация Объединенных Наций призвана принять эффективные меры для обуздания португальских колонизаторов. Нельзя допускать, чтобы подобные злодеяния имели место в наше время»¹²².

СССР неустанно разоблачал реакционные, контрреволюционные организации ФНЛА, УНИТА и другие, объективно мешавшие борьбе ангольского народа за независимость.

Наша страна никогда не поддерживала дипломатических, торговых или каких-либо иных отношений с фашистской Португалией, постоянно выступала в защиту ангольских патриотов в ООН и других международных организациях. Когда после зверского подавления португальскими фашистами восстания в Луанде вопрос о положении в Анголе был включен в повестку дня заседаний Совета Безопасности ООН в марте 1961 г., советский делегат решительно осудил действия Португалии в Африке и заявил о полной поддержке Советским Союзом борьбы народа Анголы за национальное освобождение.

Надежной опорой стало Советское государство на пути становления политической и экономической независимости Анголы. В тяжелые для молодой республики дни, когда империалисты, южноафриканские расисты и предательские группировки ФНЛА и УНИТА начали против нее вооруженную интервенцию, СССР, Куба и другие социалистические страны оказали ей действенную помощь. «Советская помощь, — говорил первый президент НРА А. Нето, — сыграла наиважнейшую роль в нашем историческом развитии, в деле достижения независимости и реконструкции страны»¹²³. Победу народа Анголы в борьбе

¹²² Правда. 1961. 27 мая.

¹²³ Визит в Советский Союз партийно-государственной делегации Народной Республики Ангола. 7—13 октября 1976 года. М., 1976. С. 13—14.

за независимость следует рассматривать как общую победу всех прогрессивных сил мира, как результат эффективной взаимопомощи мирового социализма и национально-освободительного движения.

Советский Союз и другие социалистические страны заключили с НРА ряд соглашений об экономическом сотрудничестве, предоставили ей значительную материальную помощь, большое количество специалистов. Социалистические страны помогали НРА в подготовке национальных кадров. Так, Куба предоставила Анголе 500 стипендий для подготовки специалистов в области производства сахара, кофе, лесного хозяйства, ирригации, животноводства, механизации сельского хозяйства, рыболовства, учителей начальных и средних школ, инженеров и т.д.¹²⁴

В октябре 1976 г. в Советском Союзе побывала с официальным визитом партийно-государственная делегация Народной Республики Ангола во главе с ее президентом А. Нето. Во время переговоров, проходивших в сердечной, дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам советско-ангольских отношений. 8 октября был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРА, торжественно провозгласивший, что «между обеими странами и их народами будет существовать нерушимая дружба и развиваться всестороннее сотрудничество в политической, экономической, торговой, научно-технической, культурной и других областях на основе уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и равноправия»¹²⁵. Было подписано также соглашение о сотрудничестве Коммунистической партии Советского Союза и МПЛА.

Выступая на митинге советско-ангольской солидарности на заводе имени Владимира Ильича, президент НРА А. Нето заявил: «Победа ангольского народа — это победа всех прогрессивных сил мира. Мы хорошо знаем, что без помощи Советского Союза, Кубы и других социалистических стран наша победа над силами империализма была

¹²⁴ Рабочий класс и современный мир. 1977. № 5. С. 146.

¹²⁵ Визит в Советский Союз партийно-государственной делегации Народной Республики Ангола. 7—13 октября 1976 года. М., 1976. С. 29.

бы значительно осложнена... Наш общий долг — долг ангольцев и советских людей — крепить дружбу между нашими странами!»¹²⁶

Визит А. Нето в Советский Союз заложил прочные основы для дальнейшего развития и укрепления сотрудничества между нашими народами.

В декабре 1979 г. в Москве прошли переговоры между руководителями КПСС и Советского государства и партийно-государственной делегацией НРА во главе с председателем МПЛА — Партии труда и президентом НРА Жозе Эдуарду душ Сантушем. Эти переговоры способствовали дальнейшему укреплению отношений братства и сотрудничества между СССР и НРА. Выступая на обеде в Большом Кремлевском дворце, Ж.Э. душ Сантуш, в частности, сказал: «Народы Анголы и Советского Союза объединяет прочная дружба. Она проверена жизнью в самые трудные периоды нашей борьбы за национальное освобождение, когда приходилось вести навязанные нам колониализмом и империализмом войны, завершившиеся блестящей победой ангольского народа. В эту победу решительный моральный и материальный вклад внесли Советский Союз и героические интернационалисты Кубы»¹²⁷. Дальнейшему успешному развитию советско-ангольского сотрудничества содействовал визит в Советский Союз в мае 1983 г. ангольской правительственной делегации во главе с Жозе Эдуарду душ Сантушем.

Разностороннюю помощь НРА оказала Республика Куба. Большое число кубинских специалистов самоотверженно участвовало в решении сложных задач, вставших перед ангольским народом. Они организовывали ремонт техники, лечили раненых, вносили большой вклад в дело поддержания высокой обороноспособности Анголы, помогали в воспитании и обучении кадров для народного хозяйства.

В связи с присутствием кубинских войск в Анголе на Западе развернулась клеветническая кампания, инициатором которой явились США. В Вашингтоне попытались увязать этот вопрос с процессом предоставления независимости Намибии, воспрепятствовать выполне-

¹²⁶ Там же. С. 22.

¹²⁷ Правда. 1979. 22 декабря.

нию резолюций ООН по Намибии и оправдать агрессию ЮАР против НРА. В этой связи правительства НРА и Кубы опубликовали в феврале 1982 г. совместное заявление, в котором разъяснили мировому общественному мнению причины присутствия в Анголе кубинских войск.

В этом заявлении подчеркивалось, что «пребывание и вывод кубинских войск, находящихся в Анголе, является прерогативой двух суверенных государств — НРА и Кубы, что полностью соответствует 51-й статье Устава ООН»¹²⁸. В нем также отмечалось, что вывод кубинских войск будет осуществляться по решению суверенного правительства НРА в том случае, если будет устранена угроза агрессии против НРА. В заявлении резкой критике подверглись действия США, оказывающих политическую, экономическую и военную помощь ЮАР, осуществляющей агрессию против Анголы.

По многим направлениям развивалось и советско-mozамбикское сотрудничество. В Мозамбике работали советские инженеры, врачи, преподаватели, специалисты в других областях знаний. Говоря о значении помощи Советского Союза Мозамбику, С. Машел отмечал: «Советский народ не только совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию... он не только построил социализм в своей собственной стране, но и помог другим народам обрести свободу, сбросить ярмо капиталистической эксплуатации и выйти на путь социалистического развития»¹²⁹.

Плодотворно развивалось сотрудничество Советского Союза с Гвинеей-Бисау и Островами Зеленого Мыса.

Оно имеет давние и прочные традиции.

В период вооруженной борьбы патриотов этих стран за независимость страны социалистического содружества посылали им оружие, военные материалы, транспорт, медикаменты и т.д., предоставляли стипендии для подготовки специалистов в этих странах. В 1973 г. 36 членов ПАИГК получили высшее, а 386 — среднее техническое образование в социалистических странах. По свидетельству нигерийского журналиста Г. Адаму, ПАИГК имела в то время две средние школы

¹²⁸ Правда. 1982. 6 февраля.

¹²⁹ За рубежом. 1977. № 18. С. 12.

в Конакри. Все выпускники этих школ получали стипендии для учебы за границей, главным образом в восточноевропейских странах. По его словам, помощь социалистических стран помогла обеспечить армию ПАИГК всем необходимым. «Некоторые думают, — писал Адаму, — что Революционная народная армия — это нечто вроде краснорубашечников Гарибальди. Они ошибаются... Все бойцы обеспечены униформой, и, что меня особенно поразило, каждый из них имеет ручные часы, а также транзистор в полевой сумке».

Огромную помощь борьбе народов Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау за национальную независимость и социальный прогресс оказывало международное коммунистическое и рабочее движение. Многообразны формы этой поддержки. Это разоблачение колониальной политики диктатуры Салазара—Каэтану и ее империалистических союзников, организация международных кампаний в защиту борьбы народов португальских колоний за независимость, за освобождение из фашистских застенков борцов за национальный суверенитет. Позже это противодействие империалистической интервенции против независимой Анголы, развитие прямых контактов между коммунистическими и революционно-демократическими партиями, обмен опытом революционной борьбы и т.п.

Активную роль в борьбе против колониальной войны Португалии в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау, в оказании помощи африканским патриотам и в утверждении социалистической ориентации этих стран после завоевания независимости сыграла Португальская коммунистическая партия.

Велики заслуги ОАЕ. Уже на первой конференции Организации африканского единства в Аддис-Абебе в мае 1963 г. были приняты важные решения, направленные на борьбу с остатками колониализма на Африканском континенте. Для помощи народам колоний, борющимся за независимость, было решено создать специальный комитет, который позднее стал называться Комитетом освобождения. Вначале в него вошли представители 9 стран (Алжир, ОАР, Гвинея, Сенегал, Нигерия, Конго (Киншаса), Танганьика, Уганда и Эфиопия). В 1965 г. комитет пополнили представители Замбии и Сомали. Штаб-квартира Комитета освобождения находилась в Дар-эс-Саламе.

На своей I сессии летом 1963 г. в Дар-эс-Саламе Комитет заявил о стремлении добиться «предоставления независимости мирными и конституционными средствами». В то же время было подчеркнуто, что в тех случаях, когда колониальные державы не проявят готовности признать право поработщенного народа на самоопределение и независимость, комитет использует все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы наиболее эффективным путем помочь такому народу достичь независимости как можно скорее. Комитет принял также решение, согласно которому суверенные африканские государства должны были ежегодно выделять приблизительно 15 000 ф. ст. в фонд оказания помощи национально-освободительным движениям в колониальных и зависимых странах Африки¹³⁰.

На IV Ассамблее ОАЕ было принято решение о передаче в ведение Комитета освобождения специального комитета военных экспертов, состоящего из представителей 17 африканских стран, который должен будет заниматься военными аспектами помощи национально-освободительным движениям. Комитет военных экспертов разработал рекомендации, преследующие цель активизировать военные действия в колониях, и представил их летом 1969 г. XV сессии Комитета освобождения. Доклад Комитета освобождения по этому вопросу был одобрен XIII сессией Совета министров ОАЕ в сентябре 1969 г. в Аддис-Абебе¹³¹.

Особенно важное значение для активизации помощи национально-освободительным движениям в португальских колониях и на других зависимых территориях имела IX сессия глав африканских государств и правительств, состоявшаяся в июне 1972 г. в Рабате. На ней была принята резолюция, призывающая все национально-освободительные движения объединиться и мобилизовать народные массы колониальных территорий на борьбу против колонизаторов. Сессия ярко продемонстрировала растущие усилия африканских стран, направленные на ускорение ликвидации колониализма, на оказание возможно более эффективной помощи народам, борющимся за национальный суве-

¹³⁰ *Этингер Я.Я.* Межгосударственные отношения в Африке (политические проблемы, эволюция, организационные формы). М., 1972. С. 169.

¹³¹ Африка в международных отношениях. М., 1970. С. 325.

ренитет. В частности, было принято решение об увеличении бюджета Комитета освобождения ОАЕ на 50%. Кроме того, IX сессия глав африканских государств и правительств приняла решение о необходимости создания добровольческих отрядов для военной поддержки народов колоний и специальных вооруженных сил для помощи тем африканским государствам, безопасность которых окажется под прямой угрозой.

Сессия Комитета освобождения, состоявшаяся в январе 1973 г. в Аккре, поставила эти решения на практическую основу. Она приняла решения, направленные на усиление освободительной борьбы на юге Африки. На этом форуме было объявлено о создании в Гане Информационного центра освободительных движений и учреждении специального фонда помощи освободительной борьбе в Африке в размере 50 000 ф. ст. Нигерия решила выделить специальному фонду Комитета Освобождения 180 000 долл. сверх своего обычного взноса. С подобными же заявлениями выступили представители и других африканских государств. На той же сессии была начата выработка новой стратегии освобождения Африки. Она предполагала сосредоточение усилий прежде всего на борьбе против португальского колониализма, на оказании всемерной помощи патриотам Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау, ибо здесь, как указывалось в принятой сессией декларации, находится самое слабое звено в негласном военно-политическом союзе расистско-колониальных режимов.

Состоявшаяся в феврале 1973 г. в Аддис-Абебе XX сессия Совета министров ОАЕ явилась новым важным вкладом в дело борьбы за полное освобождение Африки от колониализма и расизма. В принятых сессией «Заявлении по текущим политическим вопросам» и других резолюциях ее участники решительно высказались за необходимость скорейшей ликвидации колониализма и предоставления независимости 30 млн африканцев, живущих под расистско-колониальным игом. Преступления колонизаторов и расистов — геноцид в отношении народов Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау, убийство А. Кабрала, блокада границ Замбии и военные угрозы в ее адрес, посылка тысяч солдат и полицейских ЮАР в Родезию¹³² — были единодушно расценены

¹³² Правда. 1973. 12 февраля.

как попытка организовать широкое контрнаступление империалистических сил против народов Африки. На сессии было заявлено о необходимости совместных, в том числе и вооруженных, действий африканских стран для окончательной ликвидации колониализма и защиты безопасности и суверенитета независимых государств.

Неоднократно осуждала действия Португалии и требовала признания права народов колоний на независимость Организация Объединенных Наций.

В октябре 1972 г. Комитет по уничтожению расовой дискриминации ООН опубликовал заявление о том, что «колониальные войны, которые ведет Португалия против жителей колоний, являются результатом отрицания их политических и других прав».

13 декабря 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН выразила решительное осуждение правительств Португалии и Южной Африки. Она призвала все государства принять меры, направленные на ликвидацию колониализма, расизма и иностранного господства, препятствующих народам поработенных стран осуществлять свое право на самоопределение и независимость. Комитет ООН по деколонизации в августе 1973 г. принял резолюцию, требующую немедленного прекращения войн в Африке и призывающую все правительства предпринять совместные усилия с целью положить конец преступным репрессивным акциям Португалии. В сентябре—октябре 1973 г. на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН с новой силой прозвучали требования положить конец колониальным войнам.

Значительную помощь национально-освободительному движению оказали и комитеты поддержки народов португальских колоний, функционировавшие в некоторых западных странах. Созданное в США в 1966 г. Движение поддержки освободительной борьбы (ЛСМ) посылало МПЛА медикаменты, продовольствие, палатки. Но еще большее значение имела предпринятая им публикация свидетельств очевидцев о войне в Анголе.

Особенно активен был комитет, возникший в Амстердаме в 1961 г. Он поставил перед собой следующие цели: информировать общественное мнение о ситуации в португальских колониях, организовать движение солидарности с ПАИГК, ФРЕЛИМО и МПЛА, помогать пор-

тугальским дезертирам, отказавшимся участвовать в колониальной войне, противодействовать любой форме ассоциации Португалии и ЕЭС. В 1972 г. комитет организовал кампанию бойкота кофе, импортируемого из Анголы, чтобы закрыть для него голландский рынок (Голландия была вторым после США импортером ангольского кофе).

Налог, которым Португалия облагала экспорт колоний, был одним из главных источников финансирования колониальной войны. Поэтому покупать ангольский кофе означало быть союзником Португалии. Комитет выпустил 100 000 плакатов, 300 000 листовок и брошюру «Ангольский кофе — ангольская кровь». Комитет предъявил ультиматум голландским кофейным компаниям: «Прекратите использовать ангольский кофе, иначе мы призовем всех потребителей бойкотировать продукты с вашими фирменными марками». Компании вынуждены были капитулировать. Голландия прекратила импорт ангольского кофе. Португалия, ущерб которой от этого бойкота оценивался в 190 млн фр., в июле 1972 г. приняла ответные экономические меры в отношении Голландии. Никогда еще бойкот в Европе не имел подобного успеха. Пример Голландии оказался заразителен. 24 марта 1973 г. в Канаде была начата кампания бойкота кофе, импортировавшегося из Анголы. Подобные акции солидарности облегчали борьбу народов Африки против колониализма.

Заключение

Крах португальской колониальной империи явился одним из крупнейших событий в истории национально-освободительного движения в Африке.

Крушение последней колониальной империи и образование на ее обломках новых независимых государств стали возможны лишь в результате эффективного взаимодействия социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения и национально-освободительного движения.

Одна из закономерностей нашего времени состоит в том, что борьба народов за независимость стала составной частью общемирового процесса, тесно связанной с другими его потоками. Однако при всем том общем, что характеризует национально-освободительные движения во всех афро-азиатских странах, есть и определенные различия и особенности. Каждая страна пришла к независимости своими особыми путями.

Каковы особенности процесса завоевания независимости бывшими португальскими колониями?

1. Эта независимость была завоевана лишь на заключительном этапе крушения колониальной системы, значительно позже, чем большинством афро-азиатских стран.

2. В отличие от всех других колоний португальские колонии получили независимость после падения режима в метрополии, что ускорило процесс деколонизации.

3. Завоевание независимости здесь было достигнуто в результате вооруженной борьбы. Эта особенность отличает завоевание независимости в португальских колониях от подобного же процесса во всех иных колониях в Африке (за исключением Алжира). В других странах континента колониальные державы были вынуждены пойти на «добровольную» деколонизацию, и процесс завоевания независимости

там проходил в относительно мирных формах. Более того, метрополия стремилась передать власть вскормленной и воспитанной ею respectable буржуазной националистической элите, взявшей курс на создание неоколониалистских режимов.

Такой националистической буржуазной элиты не возникло в португальских колониях отчасти потому, что, как отметил М. Ньюитт, тот тип социальных изменений, который создал питательную почву для национализма в других колониях, только начал появляться на португальских территориях, но главным образом потому, что Португалия заняла жесткую репрессивную позицию в отношении любых проявлений недовольства.

4. Патриоты, добившиеся независимости, опирались на военную помощь социалистических стран, причем на заключительном этапе борьбы в Анголе эта помощь вылилась в форму прямого участия вооруженных сил социалистического государства (Республики Куба). Таким образом, в Анголе социалистические государства обогатили свое сотрудничество с национально-освободительным движением новой и весьма эффективной формой непосредственного военного сотрудничества, братства по оружию в борьбе против империализма, колониализма и расизма. Именно этот союз национально-освободительного движения с мировой системой социализма взорвал португальскую колониальную империю — одну из главных опор международного империализма в Африке.

Анализ, проведенный в настоящей работе, позволил ответить и на вопрос: почему все бывшие португальские колонии стали странами социалистической или прогрессивной социально-экономической ориентации? Национально-освободительное движение в этих колониях возглавлялось организациями, руководящую роль в которых с самого начала играли революционные демократы. Важно отметить, что идейно-политическое формирование руководителей МПЛА, ФРЕЛИМО и ПАИГК проходило в одно время, в одних и тех же условиях (когда они были студентами в Португалии) и под воздействием одних и тех же факторов.

Среди этих факторов на первое место следует поставить тесные контакты будущих лидеров освободительных движений с Португаль-

ской коммунистической партией, углубленное изучение ими произведений классиков марксизма-ленинизма, огромное воздействие на них опыта кубинской революции, влияние, оказанное на формирование их концепции борьбы за свободу колоний опытом героической вооруженной борьбы вьетнамского народа. Огромное влияние на формирование их взглядов оказали также опыт и достижения Советского Союза и других социалистических стран.

Создавая свои движения, они уже располагали возможностью побывать во многих африканских странах, имевших 10-летний опыт независимости, и убедиться в том, что смена флага отнюдь еще не означала коренного изменения положения народных масс. «Освободительная борьба, — писал А. Кабрал, — не кончается, когда поднят национальный флаг и сыгран национальный гимн». Будущие руководители МПЛА, ПАИГК и ФРЕЛИМО еще в студенческие годы были связаны тесной дружбой на основе общих политических убеждений и сохранили эту дружбу на всю жизнь. Можно в определенном смысле согласиться с М. Ньюиттом, который пишет: «...вероятно, можно сказать, что националистические движения имели общее руководство».

Ликвидация португальского колониализма привела к образованию ряда новых суверенных государств и создала благоприятные условия для развития национально-освободительной борьбы в оставшихся заповедниках колониализма и расизма на юге Африки — в ЮАР, Намибии и Родезии. Историческая победа народов Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау в огромной степени революционизировала народные массы этих последних оплотов колониализма, ибо наглядно показала им, что вооруженные до зубов колонизаторы не в состоянии задушить национально-освободительную революцию даже с помощью международного империализма и его военно-политических блоков. Эта победа в то же время доказала правильность стратегии МПЛА, ФРЕЛИМО и ПАИГК и лежащей в ее основе установки на вооруженную борьбу.

Народ Анголы, сплотившись вокруг своего испытанного боевого авангарда и политического руководителя — МПЛА и опираясь на поддержку Советского Союза, других социалистических стран и всех прогрессивных сил мира, сумел отстоять свое священное право на свободу и суверенитет.

Победоносно завершив многолетнюю борьбу за национальную самостоятельность, народы бывших португальских колоний вступили в новый этап своей истории — этап преодоления тяжелого наследия колониализма во всех сферах общественной жизни, борьбы за упрочение политической и достижение экономической независимости.

Выйдя на дорогу независимого развития, они столкнулись с многочисленными сложными проблемами, унаследованными ими от пяти-вековой колониальной эры. Эти трудности усугубляются непрерывающимися интригами и провокациями внешней и внутренней реакции, которая любыми средствами стремится помешать процессу национального возрождения.

Самые сложные проблемы связаны с отсталостью и уродливым характером, приданным колонизаторами экономике этих стран, которая была ориентирована на производство нескольких видов минерального сырья и сельскохозяйственных товаров, на экспорт и ввоз промышленных изделий. В условиях колониализма их экономическое положение характеризовалось всепроникающим внедрением иностранного капитала. Фашистское правительство Португалии отдало их на откуп международному капиталу в обмен на экономическую, политическую и военную поддержку.

Главная задача, выдвигаемая в настоящее время правительствами государств — бывших португальских колоний, — укрепление политической и экономической независимости. Задача разрушения старого и строительства нового общества предполагает прежде всего ликвидацию изживающих себя производственных отношений и замену их новыми.

Одной из сложных проблем независимых африканских стран является проблема трайбализма. Губительнейшим результатом политики колонизаторов было то, что она насильственно затормозила естественный процесс этнической консолидации народов Африки. Проводя политику натравливания одних племен и народностей на другие, сея межплеменную вражду, подогревая этнические противоречия, португальские колонизаторы преследовали вполне определенную политическую цель — помешать объединению африканских народов для совместной борьбы против чужеземного гнета. Результатом этой

тонко рассчитанной политики было замедление процесса вызревания предпосылок для складывания этнических общностей, народностей и наций. Отпечаток ее во многом сохраняется в межэтнических отношениях и в наши дни и проявляется, в частности, в еще отнюдь не изжитой традиционной вражде народностей и племен друг к другу в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и т.д. В настоящее время правительства этих государств разрабатывают целый комплекс мероприятий по преодолению трайбализма и расизма.

С ликвидацией португальской колониальной империи в освободившихся странах был положен конец практиковавшейся веками португальскими колонизаторами расовой дискриминации в отношении африканских народов. Глубокие шрамы оставил португальский колониализм и в области культуры. Одной из главных целей колониальной политики Португалии было стремление подвергнуть африканское население насильственной аккультурации и ассимиляции. Однако колонизаторам не удалось уничтожить традиционную культуру народов Африки, привить им чуждую цивилизацию. Одной из главных причин этого было «культурное» сопротивление африканских народов, стремление их отстоять самобытный, национальный характер своей культуры.

Гвинея-Бисау, Мозамбик, Острова Зеленого Мыса и Ангола решительно становятся на путь глубоких социально-экономических, политических и культурных преобразований.

Содержание

ЧАСТЬ I. СОЗДАНИЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ (XV — XVII ВВ.)

Ранняя заморская экспансия Португалии.....	3
Открытие морского пути в Индию	14
Эволюция португальской колониальной стратегии	23
Афонсу де Албукерки — архитектор португальской колониальной империи.....	33
Португалия на Цейлоне	53
Португальский меч над Африкой и сопротивление африканских народов	65
Африканская Жанна д'Арк.....	85

ЧАСТЬ II. ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ В ЭПОХУ ЕЕ РАСЦВЕТА (XVII — XIX ВВ.)

Система управления колониями	110
Армия и флот	113
«Туземная» политика Португалии	117
Экономическая политика Португалии в колониях.....	119
Торговля «живым товаром»	122
Последствия португальской колонизации	130
Охотники за душами	134
Герой африканского сопротивления	140

«Розовая карта» и борьба за раздел португальских колоний	144
Португальская колониальная империя	
в первой половине XX в.	149

ЧАСТЬ III. ГИБЕЛЬ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Крупнейшая колониальная держава	151
Ангола и Мозамбик — «сокровищницы Аладдина»	173
Особенности португальского колониализма	180
Салазар: 40 лет диктатуры	184
«Зона молчания» не хочет больше молчать	213
Освобождение Индией Гоа	216
Рождение Республики Гвинея-Бисау	234
Начало конца португальской колониальной империи	242
Ангола: путь к независимости	263
МПЛА поднимает знамя восстания	277
Народ Мозамбика берется за оружие	306
Крах фашистского режима в Португалии	343
Вторая освободительная война ангольского народа	360
Международная поддержка	366
Заключение	376

Научно-популярное издание
Рождение и гибель великих империй

Хазанов Анатолий Михайлович

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.11.2013. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Arial». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Тираж 2000 экз. Заказ № 1998.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Не только читайте,
но и смотрите!

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

Каждый день — это дата

Каждый день — это имя.

уникальные хроники

архивные документы

редкие факты

Каждый день — это событие

365 дней в году. Сквозь века...

ВСЕ О РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

24 часа в сутки, 7 дней в неделю

www.365days.ru

СМОТРИТЕ В ПАКЕТАХ КАБЕЛЬНЫХ И СПУТНИКОВЫХ ОПЕРАТОРОВ!

ISBN 978-5-4444-1062-2

Предпосылкой образования империи послужила ограниченность Португалии со всех сторон испанскими королевствами и невозможность сухопутного территориального расширения в сторону Европы. Великие географические открытия конца XV века, активность португальской знати и торговых элит привели к созданию крупнейшей морской империи нескольких следующих веков. Португалия владела десятками колоний в Северной Атлантике, Латинской Америке, в Западной, Экваториальной и Восточной Африке, на Аравийском полуострове, Индии, Юго-Восточной Азии. К XVIII веку империя теряет большую часть своих владений, а в 1974—1975 гг., в результате «Апрельской революции» в метрополии, перестает существовать.

Книга доктора исторических наук А.М. Хазанова подробно рассказывает об этапах создания, периоде расцвета и годах распада Португальской колониальной империи.

реклама

www.365days.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

*ВСЕ О РОССИЙСКОЙ
и мировой истории*

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!